

СКИФЫ

РАСЦВЕТ И ПАДЕНИЕ ВЕЛИКОГО ЦАРСТВА

В.И. Гуляев

ББК 63.3(2)2:63.4(2) Г94

Серия «Сокровенная история цивилизации». Основана в 2000 г.

Г94

Гуляев В.И.

Скифы: расцвет и падение великого царства. — М: Алетей, 2005. — 400 с.: ил. — (Сокровенная история цивилизаций).

ISBN 5-98639-022-9

Эта книга посвящена одной из наиболее загадочных проблем древней истории Восточной Европы — расцвету и

внезапному драматическому падению великого Скифского царства в VII-III вв. до н.э. Содержание ее основано на материалах археологических исследований на территории Украины и России (включая собственные раскопки автора на Среднем Дону), а также на сведениях античных и восточных мыслителей.

Автор постарался донести до самых широких кругов читателей все обаяние самобытной и яркой культуры воинственных скифов — кочевых ираноязычных племен, пришедших в Северное Причерноморье из глубин Азии в VII в. до н.э.

ББК 63.3(2)2:63.4(2)

ISBN 5-98639-022-9

© Идея серии. Культурный центр

«Новый Акрополь», 2000 © В.И.Гуляев, 2005 © «Алетейя», 2005

Валерий Иванович Гуляев — доктор исторических наук, профессор, заведующий Отделом теории и методики Института археологии РАН. Профессиональный археолог, участник многих археологических экспедиций в нашей стране и за рубежом (Ирак, Куба, Мексика). Занимается проблемами древних цивилизаций Ближнего Востока и Мезоамерики, а также археологией скифов Северного Причерноморья. Последние 15 лет возглавляет археологическую экспедицию, ведущую раскопки скифских древностей на Среднем Дону. Автор 14 книг и монографий, в том числе «Древнейшие цивилизации Мезоамерики», «Кто открыл Америку?», «В стране первых цивилизаций (Древний Ирак)», «Первые города», «По следам конкистадоров», «Шумер. Вавилон. Ассирия. 5000 лет истории».

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ.....	9
ГЛАВА 1	
НАЧАЛО СКИФСКОЙ ЭПОПЕИ, ИЛИ АРХЕОЛОГИ ЗА РАБОТОЙ.....	17
Куль-Оба.....	18
Чертомлык.....	26
Солоха.....	32
Мелитопольский курган.....	39
«Пять братьев» (курган № 8).....	44
«Гайманова Могила».....	49
Толстая Могила.....	54
ГЛАВА 2	
ТАМ, ГАЕ ЖИЛИ АМАЗОНКИ:	
ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ СКИФСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ СРЕДНЕГО ДОНА.....	62
Амазонки: легенды и действительность.....	81
Амазонки Среднего Дона,	
или «Виват, антропология!».....	85
«Золотая дама», или исполнение мечты археолога.....	88
ГЛАВА 3	
СКИФЫ — КТО ОНИ?.....	99
Среди степей и дубрав.....	100
Происхождение скифов.....	107
ГЛАВА 4	
«ПОД ЗВОН МЕЧЕЙ И ПЕНЬЕ СТРЕЛ»:	
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ СКИФОВ.....	128
Скифы в Передней Азии.....	128
Кавказ — скифская дорога.....	133
Дарий I Гистасп	
и персидский поход в Скифию.....	138
Филипп Македонский и Атей.....	146

Тучи с востока: сарматы и гибель Великой Скифии.....	152
ГЛАВА 5	
НА КРАЮ ОЙКУМЕНИ:	
ГРЕКИ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ.....	159
Великая колонизация. Корабли идут на север.....	159
История одного острова (фактория Березань).....	162
«Получи меня по жребию».....	165
Греки в Приазовье.....	166
Причины и ход греческой колонизации в Северном Причерноморье.....	170
Греки и варвары.....	174
Ольвия-« Счастливая».....	180
Боспор Киммерийский (Пантикапей).....	189
Бессмертная культура эллинов.....	196
ГЛАВА 6	
ХОЗЯЙСТВО И БЫТ СКИФОВ.....	
Земледелие.....	202
.....	214
Ремесло.....	215
.....	215
Домашнее производство.....	219
Быт.....	219
ГЛАВА 7	
ВЛАСТЬ И ВОЙНА В ЦАРСТВЕ СКИФОВ.....	
Социальный строй скифов.....	239
Цари Скифии.....	243
Военное дело скифов.....	250
ГЛАВА 8	
СКИФСКОЕ ИСКУССТВО.....	
Два этапа развития.....	280
Антропоморфная каменная скульптура Скифии.....	296
ГЛАВА 9	
РЕЛИГИОЗНЫЕ ВЕРОВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ СКИФИИ.....	
Скифские божества.....	304
Культы и ритуалы Скифии.....	320
ГЛАВА 10	
ТАМ — ЗА ТАНАИС-РЕКОЙ.....	
Аристей из Проконеса: легенды и быль.....	329
Геродот-геликарнасец в Ольвии (или немного фантазии на исторические темы).....	334
По следам торговых караванов.....	336
«Свет мой, зеркальце, скажи...».....	338
Два лица египетского бога.....	341
Легендарные народы: исседоны и аримаспы.....	343
Щедрые рудники Алтая.....	345
Савроматы — потомки амазонок.....	347
Золотые олени из Филинповки.....	349
Загадки племен массагетов.....	350
Месть царицы Томирис.....	352
Священные могилы массагетов, или тайны плато Усть-Урт.....	354
Саки («Золотой человек» из Иссыка).....	356
Гробницы и мумии плато Укок.....	361
Аржан-2 — царская гробница кочевников Тувы.....	374
ВМЕСТО ЭПИЛОГА.....	380
Карта Среднедонских могильников и основных памятников скифской культуры.....	384
Список литературы.....	385
Список иллюстраций.....	386
Именной указатель.....	391
Указатель топонимов, этнонимов и антропонимов.....	395
ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ	

анналах мировой истории можно часто встретить народы и племена, все сведения о которых исчерпываются двумя-тремя фразами, небрежно брошенными каким-нибудь древним летописцем. Это — «народы-призраки». Что мы знаем о них? Разве что диковинное имя да несколько фактов полуполюгендарного характера. Словно туманные видения, бродят они по пожелтевшим страницам старинных рукописей и фолиантов, отнимая покой и сон у многих поколений исследователей. Для Восточной Европы I тыс. до н.э. сомнительная честь возглавлять список таких загадочных народов принадлежит, безусловно, скифам. История их изучения (а она насчитывает уже почти 250 лет) служит наглядной иллюстрацией успехов современной науки, во много раз расширившей возможности исторического поиска и удаленных во времени реконструкций прошлого. Однако несмотря на все успехи археологов, раскопавших уже тысячи скифских курганов и десятки поселений и городищ, несмотря на достижения историков и лингвистов, изучающих письменные источники, несмотря на значительный вклад в скифоведение представителей естественных наук (антропологов, палеоботаников, палеозоологов, палеогеографов и др.), мы пока не можем дать ответ даже на основные вопросы истории скифов.

Происхождение скифов и их культуры остается для нас загадкой. До сих пор ведутся ожесточенные споры по поводу того, каков был общий уровень

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

развития этого народа, было ли создано скифское государство, а если да, то когда именно это произошло? Наконец, нет четкого ответа и на вопрос о причинах внезапной гибели Великой Скифии в начале III в. до н.э.

Скифы! Кто же они? Что мы знаем о них в действительности даже сейчас, после двух с половиной веков интенсивных раскопок?

Внезапно появившись на исторической арене Европы в VII в. до н.э., эти воинственные и многочисленные кочевые племена, пришедшие откуда-то из глубин Азии, быстро захватили все Северное Причерноморье — степные и лесостепные области между Дунаем и Доном. Победоносная скифская конница прошла через горы Кавказа, разгромила ряд древних государств Передней Азии (Мидию, Ассирию, Вавилонию) и угрожала даже Египту.

Непобедимый на протяжении почти четырех веков (VII-IV вв. до н.э.), этот многочисленный и воинственный народ так же внезапно и таинственно исчезает, оставив после себя лишь легенды о своей храбрости и жестокости да бесчисленные курганы с захоронениями рядовых воинов и могущественных царей.

Таким образом, прошлое скифов и по сей день представляет собой сплошную загадку. Но это отнюдь не уменьшает той громадной роли, которую сыграли скифы в истории древней Европы.

«Скифы, этот азиатский по происхождению, но ставший европейским народ, — пишет известный российский археолог А.Ю. Алексеев, — оказывали на протяжении нескольких столетий значительное воздействие на культуру и историю своих близких и дальних соседей. Они оказались первыми в длинной цепочке известных нам кочевых племен, которые с периодичностью в 200-400 лет накатывались волнами по Великому степному коридору в Европу (последней такой волной были монголы в XIII в.). Тем не менее, культура скифов не имеет, пожалуй, равных себе среди степных культур всех эпох ни по присущей ей яркой самобытности, ни по произведенному ею резонансу».

Огромное количество конкретного вещевого материала, накопленное к настоящему моменту по скифской тематике, и, одновременно, нерешенность большинства главных проблем скифологии делает задачу любого человека, взявшегося за написание научно-популярной книги по скифам, очень трудной, если вообще выполнимой.

И, тем не менее, автор — хотя он и не новичок в скифской археологии — решился на это, уповая на свой опыт и знания, а также на великодушные коллег и поддержку широкого круга читателей.

Сложность ситуации состоит еще и в том, что я буду освещать общескифские проблемы в основном по имеющейся научной литературе, изданной в

И.И. 1. Электровый сосуд со скифами. Курган Куль-Оба, IV в. до н.э. 10

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

России и на Украине, а новый, «живой» археологический материал есть в моем распоряжении

только по далекой северо-восточной окраине Скифии — Среднему Дону, где я уже много лет веду раскопки. Мне посчастливилось закончить кафедру археологии исторического факультета МГУ в 1960 г. по специальности «скифо-сарматская археология». Моим руководителем был известный отечественный скифолог — профессор Борис Николаевич Граков. И уже на первых курсах университета я побывал на самом знаменитом и величественном памятнике скифской эпохи лесостепной Украины — Вельском городище (раскопки совместной экспедиции МГУ под руководством Б.Н. Гракова и Харьковского государственного университета во главе с Б.А. Шрамко). Затем я работал в самых различных уголках украинской земли на предскифских и скифских памятниках I тыс. до н.э. и набирался опыта у самых известных специалистов по скифской тематике — А.И. Тереножкина, Н.Н. Погребовой, А.И. Мелюковой, В.Г. Петренко. Но все же и тогда, в свои студенческие годы, и потом, вплоть до настоящего дня, меня больше всего притягивали к себе древности скифского времени на Среднем Дону.

Впервые я попал на Средний Дон весной 1960 г., будучи еще студентом-пятикурсником исторического факультета МГУ. Время тогда у меня было горячее: заканчивал работу над дипломом, государственные экзамены — на носу, да и повседневных забот хватало с избытком. И, вдруг, неожиданно в апреле приходит из Института археологии Академии наук СССР приглашение принять участие в полевых исследованиях на территории Воронежской области. После недолгих размышлений я согласился, и, надо сказать, этот выбор стал для меня во многом решающим и судьбоносным. С тех пор я ежегодно бываю в благодатных воронежских краях. Но первое впечатление — всегда самое сильное. И у меня до сих пор свежи в памяти картины той первой воронежской весны: бело-розовое марево цветущих бесчисленных садов, меловые кручи на диво широко разлившееся в том году «батюшки-Дона», сочная зелень заповедных дубрав и поля тучного чернозема, окутанные легкой дымкой после прошедших весенних ливней. Я полюбил эти места с первого взгляда и навсегда. Мне нравится и сам город Воронеж, взметнувшийся острыми шпилями старых церквей на высоких речных берегах. Город — с более чем миллионным населением, множеством учреждений, вузов, заводов и фабрик, но удивительно уютный, благоустроенный и чистый, весь утопающий в зелени парков и бульваров. Мне нравятся трудолюбивые и гостеприимные люди Воронежщины, с их по-южному мягким и певучим говорком, напоминающим, как и белые хаты в селах, о близости юга,

Илл. 2. Золотая поясная бляха из Южной Сибири. Случайная находка, V-IV вв. до н.э.

12

о близости Украины, Но, самое главное, — меня увлекло и прочно привязало к себе богатейшее археологическое прошлое этих мест.

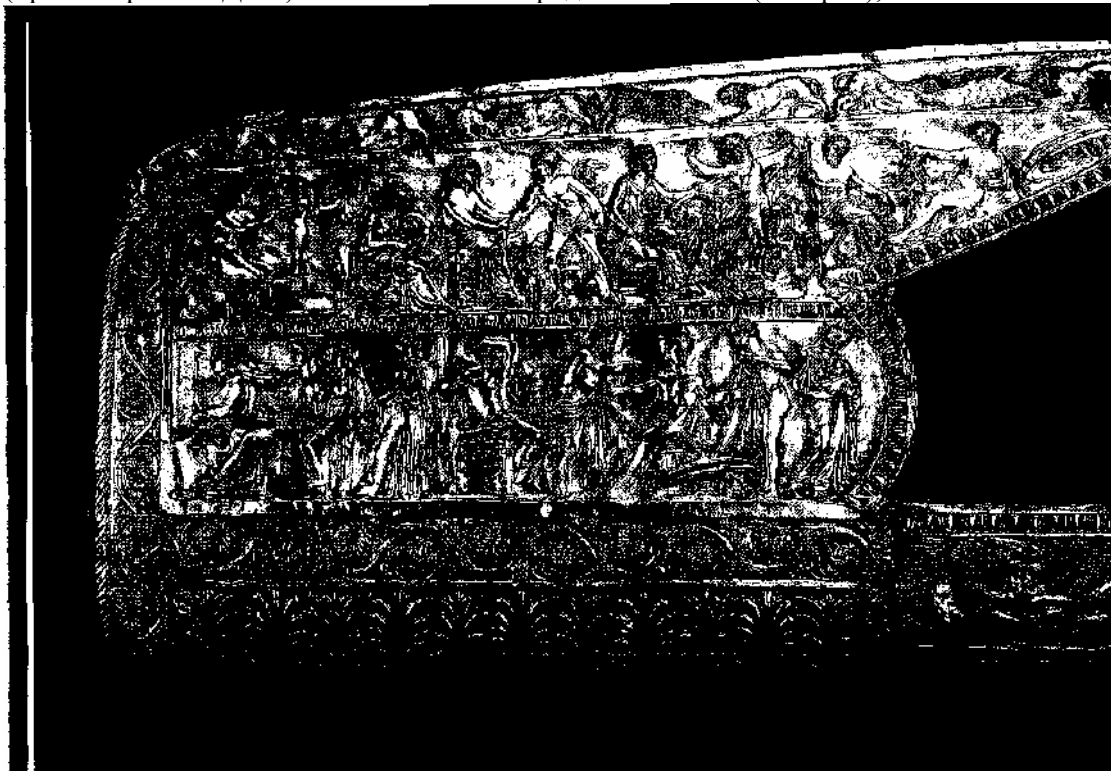
Благодатные земли Среднего Дона издавна манили к себе человека. Здесь, на крутом донском берегу и на склонах окрестных оврагов, под напластованиями лёссовых пород находится скопление древнейших стоянок охотников и собирателей Восточной Европы (верхний палеолит, мезолит) — Костёнки. Позднее здесь обосновались племена эпох неолита и бронзы, остатки скромной культуры которых в виде обломков грубой керамики и кремневых отщепов встречаются на многих речных мысах и холмах, не затопляемых водой во время весенних паводков. А затем наступает железный век — эра господства железных орудий труда и оружия, время появления в степях Евразии огромных кочевых орд, время жестоких и опустошительных войн, время основания на северных берегах Черного и Азовского морей первых греческих городов-колоний. Именно тогда приходят на Средний Дон и воинственные кочевники-скифы.

С тех пор, освещенные ярким светом античной письменной традиции, как сами скифы, так и их нескифские соседи становятся неперенными участниками всех важнейших исторических событий, происходивших на обширных территориях Евразии в VII-III вв. до н.э.

Но прошло всего несколько столетий, и скифы (в том числе и средне донские) были сметены с лица земли новыми волнами кочевников из Азии — сарматами. И теперь только многочисленные курганы, да оплывшие валы древних городищ напоминают о былом величии и славе некогда могущественной Скифской державы.

Многолетние археологические раскопки, дополняемые сведениями древнегреческих и римских авторов, позволяют сейчас воссоздать, хотя бы и в самых общих чертах, историю самобытной и яркой цивилизации скифов. Скифской проблематикой занималось и занимается множество исследователей как в России, так и за рубежом. Стоит ли удивляться, что в свое время и я — только начинавший карьеру археолог, — был сразу же увлечен изучением скифских древностей. Работая на Среднем Дону, я прошел путь от лаборанта до начальника крупной археологической

экспедиции. Временами судьба складывалась так, что мне приходилось надолго покидать воронежские края (12 полевых сезонов я находился в составе Советской археологической экспедиции в Ираке; несколько лет вел раскопки на Кубе). И, тем не менее, среднедонские скифы и их загадочное прошлое неизменно притягивали меня к себе. С 1989 г. во главе комплексной Донской (бывшей Потуданской) археологической экспедиции, я регулярно веду исследования скифских городищ и курганов на юге Воронежской области, в бассейнах рек Потудань и Девица (правые притоки Дона) и на востоке Белгородской области (с. Горки),

Илл. 3. Золотая обкладка горита. Курган Чертомлык, IV в. до

На протяжении всех периодов древности и средневековья территория Среднего Дона играла заметную роль в важнейших событиях евразийской истории. Но особенно ярко это проявилось именно в скифскую эпоху.

Историко-географический термин «Регион Среднего Дона» в территориальном смысле включает ряд современных административных делений Центральной и Южной России: Воронежскую и Белгородскую области целиком, а Ростовскую, Волгоградскую и Липецкую области частично. Река Дон занимает центральное положение в системе трех крупнейших рек Восточно-Европейской равнины (Днепр - Дон - Волга). Географически эта территория относится к лесостепной и степной зонам. Особенности рельефа, его равнинный характер и развитая речная система открывают сравнительно легкий доступ к природным ресурсам региона. Не удивительно, что эти земли весьма интенсивно использовались в прошлом различными народами и племенами.

Дон (древний Танаис) античные географы считали границей между Европой и Азией. В знаменитой трагедии Эсхила (526-456 гг. до н.э.) «Прикованный Прометей» главный герой говорит, обращаясь к красавице Ио: «Переплыв Мсотиду (т. е. Азовское море. - *ВТ.*), ты покинешь европейскую землю

и вступишь на азиатский материк». На Дону находился перекресток важнейших торговых путей того времени: из Причерноморья на Урал и Алтай, из северных лесных областей на юг, из Причерноморских и Азовских степей на Кавказ. Здесь встречались и вступали в контакты друг с другом различные этнические группы, народы и племена — носители самых разных культурных традиций и верований: угро-финны, праславяне, фракийцы, ираноязычные скифы, меоты, савроматы, греки. Здесь шла мирная торговля, велись военные столкновения, пролегли пути миграций.

Известно, что в III в. до н.э. боспорские греки основали в устье Дона большой торгово-ремесленный центр — Танаис, откуда вездесущие эллинские купцы или их посредники проникали далеко на север. Ранее такую же роль играло для бассейна реки Дон Елизаветовское городище V-IV вв. до н.э. За ковыльными далями задонских степей грекам-торговцам виделись золотые рос-

сыпи Рипейских (Уральских) гор. Но, видимо, не столь уж часто ходили к подножью Рипов караваны греческих и скифских купцов, если их рассказы об увиденном так густо пересыпаны множеством небылиц. А может в этом и состояла главная купеческая мудрость: все истинные сведения о золотоносных областях на востоке держать при себе, в глубокой тайне, а вероятных конкурентов отпугивать страшными баснями об одноглазых воинах-аримаспах, козлоногих людях и не знающих жалости чудовищах-грифах. И, тем не менее, о размере этих связей с Уралом и Алтаем можно судить хотя бы по тому широкому потоку золота, который хлынул на Дон и в Северное Причерноморье именно в VI-III вв. до н.э., т. е. в скифское время.

Все упомянутые выше факты придают региону Среднего Дона особую значимость в глазах историков и археологов, занимающихся скифской проблемой. Скифские древности — курганы и городища — немые страницы забытой истории исчезнувшего народа, которая постепенно оживает сейчас благодаря усилиям ученых. Давайте же заглянем вместе с археологами в далекую и седую старину, в мир ожесточенных битв и походов, в мир своеобразной и богатой культуры, процветавшей на юге России и Украине около 2500 лет назад.

ГЛАВА

НАЧАЛО СКИФСКОЙ ЭПОПЕИ ИЛИ АРХЕОЛОГИ ЗА РАБОТОЙ

Мы — те, о ком шептали в старину, с невольной дрожью, эллинические мифы: Народ, влюбивший буйство и войну, Сыны Геракла и Эхидны, — скифы.

В. Брюсов

История исследования скифских древностей знает немало ярких страниц. Здесь были и сенсационные открытия, и глубокие разочарования. Порою рассказ об истории раскопок скифских курганов больше похож на приключенческую или детективную повесть, чем на официальный научный отчет. Археологам приходилось сталкиваться с грабителями, бандитами и мошенниками, преодолевать всевозможные трудности (частная собственность на землю, где находились древности, и др.). Среди первых исследователей курганов Скифии (а они начали свои работы в конце XVIII в. после завоевания русскими полками Северного Причерноморья и Крыма) были самые разные люди - энтузиасты-любители, крупные ученые, путешественники, военные и государственные чиновники. Многие из них, особенно на заре российской археологии, по неопытности или в погоне за эффектными и драгоценными находками наносили большой вред науке. Методы раскопок в то время мало чем отличались от простого кладоискательства. Раскопки не документировались, не велись дневники по ходу работ, не составлялись планы и разрезы раскопанных объектов. Многие находки, не представлявшие, с точки зрения раскопщиков, интереса, попросту выбрасывались. Все это — невосполнимые потери.

Первые официальные раскопки большого скифского кургана были произведены в 1763 г. по поручению генерал-поручика Алексея Петровича Мельгунова,

ГЛАВА 1. НАЧАЛО СКИФСКОЙ ЭПОПЕИ, ИЛИ АРХЕОЛОГИ ЗА РАБОТОЙ

бывшего в то время губернатором Новороссийского края. Исследованию подвергся Литой курган (или Червонная Могила), в 60 км от Елисаветграда (совр. Кировограда). И хотя курган не был докопан до конца из-за наступления ранних холодов, вскрытое там погребение знатного скифа содержало великолепные вещи конца VII — начала VI вв. до н.э. Их приказали передать коменданту крепости Святой Елисаветы для дальнейшего препровождения в Петербург императрице Екатерине II. Наиболее интересной находкой из могилы скифского вождя, безусловно, является меч в золотых ножнах, украшенных изображениями каких-то фантастических животных. Это странные существа имеют туловище быка, хвост скорпиона, голову барана, орла или льва, и крылья в виде рыбы со звериной головой. В лапах они держат натянутый лук со стрелой. В раскопе была также обнаружена диадема и множество других драгоценных украшений. Все эти предметы имеют древневосточное происхождение. Возможно, они были добыты скифскими воинами во время их походов в страны Передней Азии.

Куль-Оба*

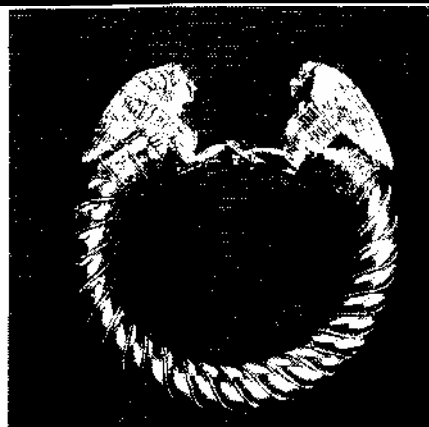
22 сентября 1830 г. по приказу градоначальника Керчи И.А. Стемповского в окрестности города была отправлена рота солдат для добычи камня на строительство новых городских зданий. В ходе разборки большого каменного холма работающие внезапно наткнулись на древнюю гробницу в виде квадратной камеры площадью в 20 кв. м, сложенной из огромных, тщательно отесанных известняковых блоков. Перекрывал ее ступенчатый (или «ложный») свод.

Руководство расчисткой склепа взял на себя офицер Павел Дюбрюкс. Внутри гробницы он обнаружил три человеческих скелета. Главное захоронение, очевидно, принадлежало представителю знати**, а, возможно, даже «царю». Его останки, облаченные в некогда роскошные одежды, были размещены на деревянном катафалке. О знатности и богатстве покойного свидетельствовали многочисленные золотые бляшки, нашитые на его одежду и войлочную шапку-башлык, а также изящные золотые браслеты для рук и ног и массивная золотая гривна весом более 400 г, скрученная жгутом из шести толстых проволок и украшенная на концах фигурками всадников-скифов. Рядом со скелетом лежали меч, лук и стрелы в футляре (горите), бронзовые с позолотой греческие поножи (кнемиды). Рукоять и ножны меча, а также горит были обложены

* Археологи полагают, что Куль-Обская гробница была сооружена приблизительно в третьей четверти IV в. до н.э.

** Это был человек очень высокого роста. В отчете Дюбрюкса указано, что длина его бедренной кости равнялась 46,67 см, что соответствует общему росту более чем в 195 см.

18

Илл. 5. Концы золотой гривны с фигурами скифских всадников. Курган Куль-Оба

золотыми пластинами с вытесненными на них фигурами зверей и фантастических животных. Неподалеку от оружия найдена прекрасная золотая чаша весом почти в 700 г, на которой изображения бородатой головы скифа чередовались с ужасными ликами Медузы Горгоны.

Рядом с «царем» на каменном полу лежал скелет женщины, вероятно, жены или наложницы. Некогда ее тело покоилось в саркофаге из кипарисового дерева, украшенном резными пластинами из слоновой кости. На некоторых из них изображены сцены из древнегреческой мифологии (например, «Суд Париса») и эпизоды скифской охоты на зайцев. Наряд «царицы», так же как и наряд «царя», был расшит золотыми бляшками. Голову женщины украшала электрова* диадема и две тяжелые золотые серьги-подвески с изображением богини Афины. Здесь же удалось обнаружить и две пары других золотых подвесок — подлинных шедевров античного ювелирного искусства. Миниатюрные детали на них можно рассмотреть лишь через сильное увеличительное стекло — столь тонкой и тщательной была работа древних ювелиров. В изображениях одной из пар подвесок можно узнать сцену из гомеровской «Илиады»; Фетида и nereиды приносят Ахиллу оружие, выкованное специально для него богом огня и покровителем кузнечного ремесла

Гефестом.

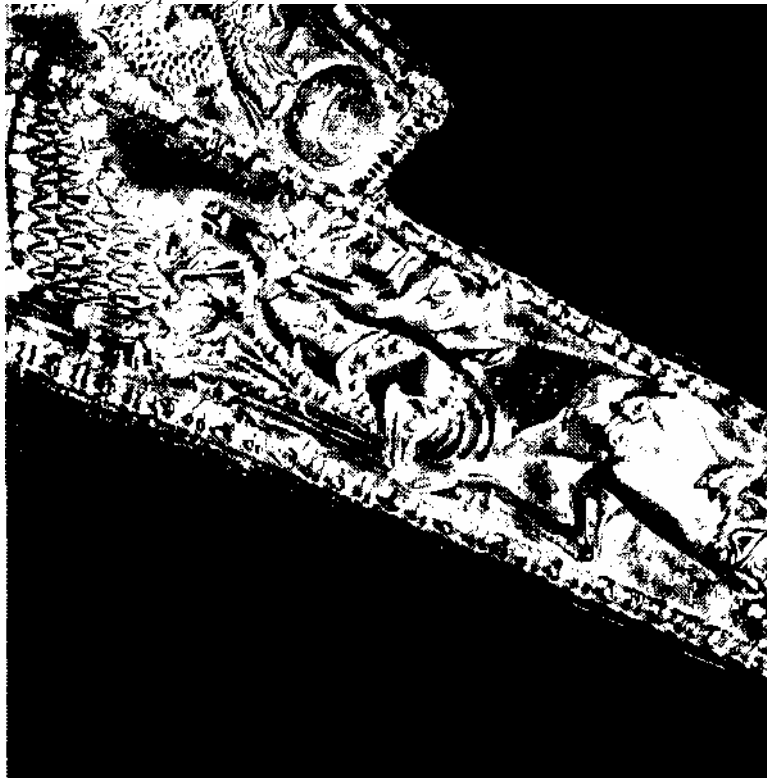
«Царице» принадлежали также другие золотые украшения: ожерелье из бус, тяжелая гривна весом почти 500 г, два широких браслета и бронзовое зеркало, на вызолоченной ручке которого выбиты звериные фигуры.

Возле ног погребенной была обнаружена самая выдающаяся находка Куль-Обы — ныне всемирно известный круглодошгий элктровый сосуд с фигура-Электр — сплав золота и серебра. 20

Илл. 6. Золотой браслет

с фигурами сфинксов

на концах. Курган Куль-Оба

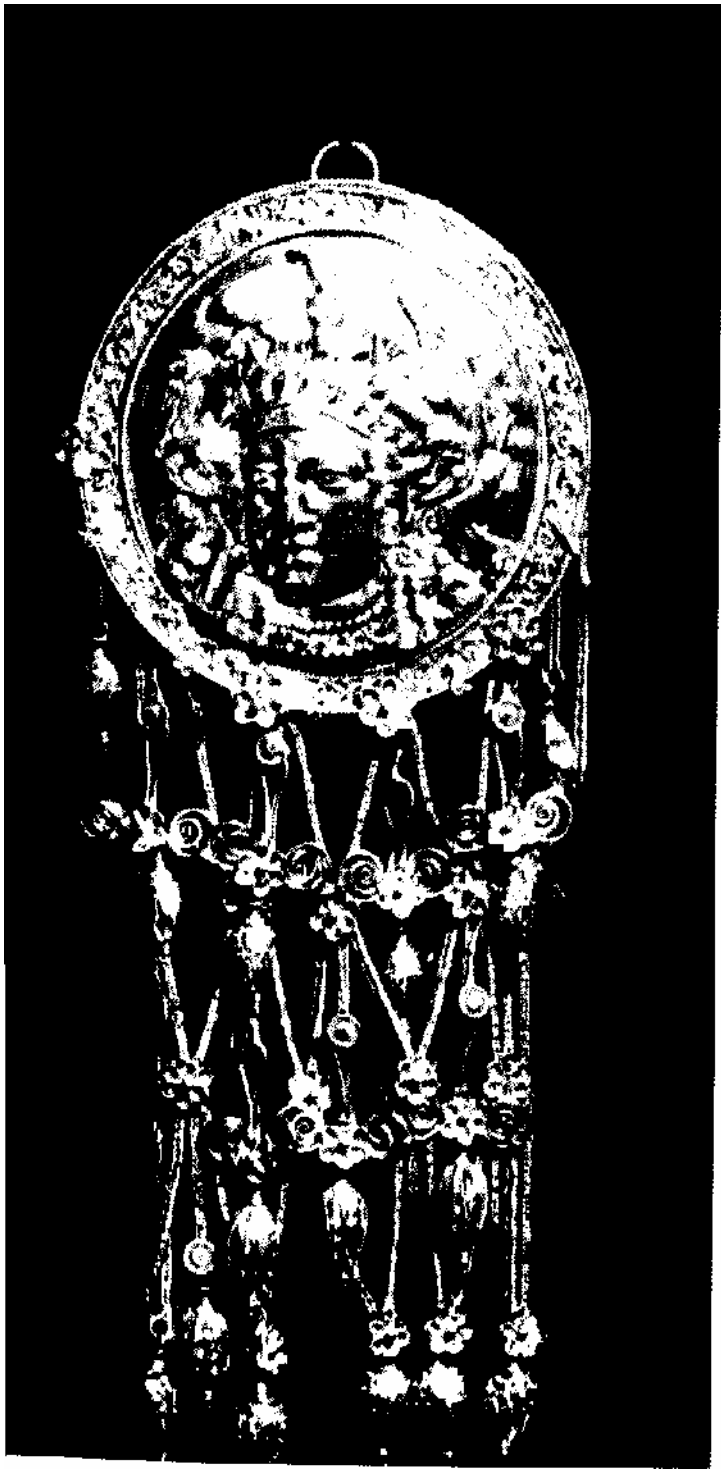
Илл. 7. Деталь изображения (сцены терзания) на золотых ножнах меча. Курган Куль-

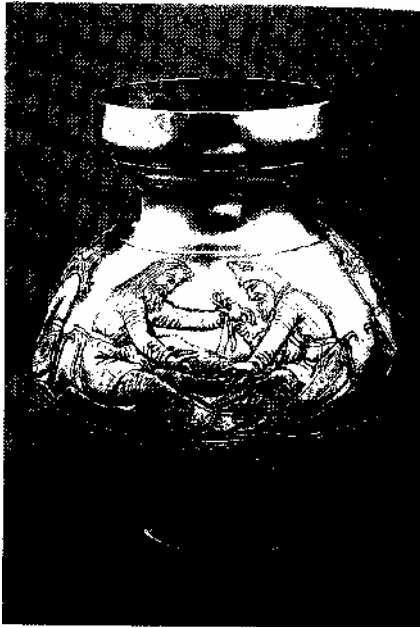
Оба скифов. Изображения на «куль-обском кубке», выполненные с поразительным реализмом и точностью, впервые позволили получить реальное представление о скифах — физическом типе этого загадочного народа, его традиционной одежде и вооружении.

Как видно на изображениях, скифы носили длинные волосы, бороды и усы. Они — явные европеоиды без каких-либо признаков «азиатчины». Их одежда, сделанная из кожи и льняной ткани, состояла из кафтана с поясом и длинных штанов-шаровар. Обувью скифам служили мягкие кожаные сапоги, перехваченные на щиколотках ремешками, на головах они носили остроконечные войлочные шапки. Изображение луков и стрел, копий и четырехугольных Щитов дают нам представление о вооружении этого народа.

Помимо элктровой вазы, изображения скифов имелись и на ряде золотых штампованных бляшек из Куль-Обы. В частности, на одной из них мы видим двух обнявшихся скифов, которые пьют из одного сосуда. Возможно, это сцена обряда побратимства, описанного античными авторами.

Греческий писатель Лукиан (II в. н.э.) так повествует устами скифа Токсариды об этом обычае:

Илл. 8. Золотая височная с головой Афины. Курган Куль-Оба

...Когда кто-нибудь избран в друзья, происходит заключение союза и [приносится] величайшая клятва — жить друг с другом и умереть, если понадобится, друг за друга. При этом мы поступаем следующим образом: надрезав себе пальцы, собираем кровь в чашу и, обнажив острия мечей, оба, держась друг за друга, пьем из нее; после этого пет ничего, что могло бы нас разъединить.

Другие золотые бляшки изображают скифов с горитом на поясе и чашей в руках, всадника с занесенным копьём, двух скифов, стоящих спиной к спине и стреляющих из луков (илл. 49, 67). Третьим в куль-обской гробнице был захоронен слуга-конюх. Его скелет обнаружили за саркофагом «царя». Рядом с ним в специальном углублении лежали кости лошади, греческие бронзовые поножи и шлем.

У степ склепа был найден целый набор разнообразных серебряных сосудов, украшенных чеканным изображением зверей, птиц и рыб, а также серебряные тазы, блюда, ритон* и килнк**, большие бронзовые котлы, четыре греческих глиняных амфоры***. На полу было собрано несколько сотен бронзовых наконечников стрел и железных наконечников копий.

Блеск сказочных сокровищ из Куль-Обы ослепил всю просвещенную Европу и, особенно, императорский двор в Санкт-Петербурге. Но здесь же выявились и иные, довольно печальные обстоятельства. В ходе раскопок «царского» кургана близ Керчи в одну из ночей оставленная Дюбрюксом охрана самовольно покинула свой пост, чем не преминули воспользоваться местные грабители могил. Они сумели найти и присвоить себе немало ценных вещей, часть из которых с помощью огромных усилий удалось потом вернуть и тоже отправить в столицу.

После этого стало абсолютно ясно; охотники за скифскими сокровищами, которые активно действовали в древние времена, не спят и во времена новые. Любители легкой наживы стали подлинным бедствием для изучения скиф-

Ритон — ритуальный сосуд для возлияний, обычно из золота или серебра, имитирующий бычий рог.

Килнк — чаша для питья вина. Амфора — сосуд для перевозки и хранения оливкового масла и вина.

Илл 9. Электровый сосуд со скифам Курган Куль-Оба, IV в. до н.э.

ГЛАВА! НАЧАЛО СКИФСКОЙ ЭПОПЕИ, ИЛИ АРХЕОЛОГИ ЗА РАБОТОЙ

ских курганов. Главная причина многовековой охоты грабителей могил за скифскими курганами заключалась в необычайном богатстве скифских захоронений и, главное, в обилии золота. Русский ученый Г. Боровка писал в этой связи: «Едва ли какая-либо культура, даже «богатые златом Микены», может соперничать со скифами по количеству золота».

Таким образом, именно богатства скифских курганов издавна привлекали к себе внимание грабителей. Большинство могил было разграблено сразу же (или вскоре) после их сооружения. Древние «искатели сокровищ» прекрасно разбирались в сложной погребальной архитектуре скифских курганов, в том числе и самых крупных, высотой до 20 м и более. Они прорывали в твердом грунте длинные ходы-шахты от основания кургана, и, минуя насыпь, выходили непосредственно на гробницу. В случае удачи они уносили самые ценные предметы из золота и серебра. Иногда им не везло: могли рухнуть не выдержавшие многометровой тяжести своды шахты и насмерть задавить непрошенных гостей; соплеменники погребенных могли поймать оквернителей на месте преступления, и тогда жестокая расправа над теми, кто потревожил

вековой сон могил, была неотвратимой. И, тем не менее, в подавляющем большинстве случаев «джентльменам удачи» неизменно сопутствовал успех, а будущих исследователей гробниц ждало по завершении дорогостоящих и длительных работ полное разочарование.

В начале XX в. выдающийся русский археолог М.И. Ростовцев с грустью писал по этому поводу: «Тяжел и часто неблагоприятен труд ученого, открывающего заступом и киркой остатки прошлой жизни. Неделями копают землю десятки рабочих и находят в итоге давно уже разграбленную могилу». В 1865 г. И.Е. Забелин (исследователь знаменитого «царского» кургана Чертомлык) раскопал 14-метровый курган Козёл, но гробница его оказалась пустой. В 1891^1894 гг. Н.И. Веселовский с большим трудом добрался до погребальных камер в центре 20-метрового кургана Огуз — одного из крупнейших в Скифии — и нашел там лишь жалкие следы исчезнувших сокровищ. И этот список бесконечен. Даже ставшие теперь широко известными «царские» курганы Толстая Могила и «Гаимаиова Могила» па юге Украины вознаградили гигантские усилия современных археологов лишь благодаря тому, что древние грабители не обнаружили скрытые тайники, где и лежали драгоценности (золотая пектораль* и серебряная с позолотой чаша с изображениями скифских вождей).

Таким образом, находка неразграбленного захоронения скифского «царя» или вождя представляет собой большую редкость и становится настоящей сенсацией и для ученых, и для широкой публики. За всю почти 250-летнюю

Пектораль — парадное нагрудное украшение скифского «царя».

24

историю раскопок в Северном Причерноморье обнаружены лишь считанные единицы уцелевших или частично потревоженных гробниц высшей скифской знати: Куль-Оба, Чертомлык, Солоха и Пятибратный курган № 8 у ст. Елиза-ветовской в устье Дона. О некоторых из них и пойдет ниже речь.

Чертомлык

После находок в Куль-Обе император Николай I, не жалея, выделяет все большие средства на раскопки древних некрополей в районе Керчи. Местные археологи Дамиан Карейша и Антон Ашик без устали вскрывают древние курганы и склепы и добывают немало драгоценных вещей для пополнения коллекций Императорского Эрмитажа. Но, во-первых, сильную конкуренцию им составили керченские грабители могил. А во-вторых, найденное там золото было не скифским, а греческим — ведь Керченский полуостров в древности входил в состав могущественного полуэллинского, полуварварского Боспорского царства. «Кладбище» скифских «царей» следовало искать

в другом месте — где-то в центре обширных причерноморских степей, где некогда кочевали скифские орды и, прежде всего, так называемые царские скифы*.

И вскоре подходящий объект для новых раскопок был найден. Примерно в 20 км от г. Никополя на берегу речки Чертомлык возвышался огромный курган почти в 20 м высоты и 350 м в окружности. К тому времени в Санкт-Петербурге при императорском дворе было создано первое государственное археологическое учреждение России — Императорская Археологическая Комиссия, призванная организовывать и координировать все археологические исследования в стране**. Именно эта Комиссия и выделила в мае 1862 г. огромную по тем временам сумму на раскопки Чертомлыка — пять тысяч рублей. Руководителем работ был назначен известный историк, специалист по средневековой русской культуре Иван Егорович Забелин. Правда, в скифской археологии познания его были сравнительно невелики.

20 мая 1862 г. раскопки 20-метрового гиганта начались. В них участвовали 86 «грабарей» (т. е. землекопов) с конными подводами. Однако объем земляных работ оказался столь велик, что за один сезон (до осенних дождей) управиться с курганом не удалось. К делу приступили вновь в июне 1863 г. Работу вели уже 116 землекопов с подводами. На глубине 12 м от урвня

Согласно Геродоту, царские скифы — самое могущественное племя Скифии, из знатных родов которого избирались верховные правители страны; все другие племена (и скифские, и нескифские) царские скифы рассматривали в качестве своих рабов. Императорская Археологическая Комиссия была создана в 1859 г.

древней дневной поверхности нашли большую, но начисто ограбленную могилу. «Была обнаружена грабительская мина (лаз), — пишет российский археолог И.Б. Брашинский, — по которой грабители проникли к погребению вскоре же после похорон. Можно было определенно утверждать, что это были люди, знавшие, за чем они идут и куда им направлять свой подкоп. Возможно, они сами участвовали в похоронах и знали, что любой риск для получения такой богатой добычи вполне оправдан. Однако судьба сыграла с ними злую шутку».

То ли гробница действительно была заколдована скифскими жрецами (феномен «проклятья фараона»), то ли имела место простая небрежность при рытье подземного хода, но, тем не менее, преступники

были жестоко наказаны. Во время ограбления кургана произошел обвал земли и один из злоумышленников был задавлен насмерть. Его скелет и нашли рабочие И.Е. Забелина. Обвал помешал искателям сокровищ вынести все ценные вещи из могилы — часть из них была погребена под землей вместе с незадачливым похитителем.

В проделанной грабителями шахте удалось найти подлинные шедевры древнего ювелирного искусства: множество золотых нашивных бляшек, украшавших одежду погребенного, шесть мечей с обложенными золотой фольгой рукоятями, золотую обкладку деревянных ножен меча с изображением битвы эллинов с варварами. Но самой важной находкой была великолепная золотая обивка горита. «Тонкая золотая пластина, — отмечает И.Б. Брашинский, — украшена несколькими поясами рельефных изображений. На верхнем фризе показаны сцены борьбы животных: львицы и быка, вепря и льва; здесь же можно увидеть, как пантера терзает дикого козла, а на другой цепи пантера и лев — оленя».

Наибольший интерес представляют два широких средних фриза, целиком заполненные различными сценами из мифов о жизни величайшего из греческих героев — легендарного Ахилла, сына морской богини Фетиды и мирми-

Илл. 11. Золотая бляха с боги сидящей на троне с зеркалом в } и пьющим из ритона ски^ Курган Чертомлык, IV в. до.

и/

донского царя Пелея. Наверху слева изображено обучение еще совсем юного героя стрельбе из лука. Центральное место на этом горите занимает драматическая сцена на о. Скирос, когда Ахилл был опознан ахейским посольством. Сюжет этой сцены заимствован из легенды, по которой мать героя богиня Фетида, желая спасти сына от участия в Троянской войне, где, по предсказанию, ему суждено было погибнуть, скрыла Ахилла у царя о. Скироса. Там он проводил время среди царских дочерей, облаченный в женскую одежду. У одной из них, Дидамии, от Ахилла родился сын Неоптолем. Между тем война с троянцами, которая, как известно, велась греками из-за прекрасной Елены,

похищенной супруги царя Мснелая, складывалась для них неудачно. Тогда они решили во что бы то ни стало разыскать храбрейшего из героев и привлечь его к участию в войне. На поиски был отправлен «хитроумный» Одиссей, придумавший такую уловку для разоблачения Ахилла. Он явился во дворец Ликомеда под видом торговца, разложил перед дочерьми царя женские украшения и, подложив к ним оружие, приказал неожиданно поднять боевой клич. От неожиданности Ахилл, охваченный воинственным душевным порывом, схватил

меч и сбросил женское платье. Разоблачив себя таким образом, он был вынужден примкнуть к походу греков.

Сцена на горите изображает Ахилла, сбрасывающего женские одежды и хватающего меч. Слева от него сидит Одиссей со своими товарами. Справа — женщина, удерживающая за развевающиеся одежды испуганную Дидамию... Левее Одиссея сидит жена царя Ликомеда и утешает пришедшего к ней испуганного мальчика — Неоптелема.

Может возникнуть вопрос, почему на предмете, предназначенном для скифа, были изображены сцены из жизни греческого героя? Вероятно, это объясняется тем, что культ Ахилла был весьма популярен в Северо-Западном Причерноморье и мог проникнуть оттуда и в скифскую среду. Ведь, согласно одной из версий легенды, Фетиде удалось увести Ахилла с горящего похоронного костра и перенести его на о. Левку (совр. о. Змеиный) в устье Дуная, где он еще долго продолжал жить в обществе других обожествленных героев.

Интересно, что после находки золотой обивки чертомлыцкого горита в разных местах на далеком расстоянии друг от друга были найдены еще три абсолютно такие же — сначала в кургане у с. Ильинцы (теперь Винницкая обл.), а затем в Мелитополе и около ст. Елизаветинской в дельте Дона. Как видим, территория их распространения весьма широка — от Днепра до Дона.

Выяснилось также, что это копии одной вещи. Как полагают, мастерская, изготавливавшая дорогие золотые украшения для высшей скифской знати, находилась в Пантикапее (совр. Керчь), и в ней работал выдающийся греческий художник. Нетрудно представить себе, какие несметные богатства нахо-

Илл. 12. Деталь изображения на золотой пластине гор Куршии Чертој

дилься в ограбленной могиле, если даже то, что не успели унести грабители, было столь ценным. Терпение археологов, продолжавших изучать разграбленное погребение, было вскоре щедро вознаграждено. Погребальное сооружение Чертомлыцкого кургана представляло собой сложный подземный лабиринт; от каждого угла центральной могильной ямы отходили большие боковые подземелья, которые оказались не тронутыми расхитителями. По-видимому, к моменту ограбления входы в них были завалены землей, что и спасло их от непрошенных гостей. В нишах обнаружено множество различных предметов, золотых и серебряных украшений — шейных гривен, перстней, браслетов, бляшек, украшавших одежду (одних золотых бляшек было найдено около 2500), бронзовых наконечников стрел, ножей и т. д. В трех подземельях обнаружены и захоронения, Особенно богатым оказалось одно из погребений, где были похоронены женщина и мужчина — наложница (или жена) «царя» и его виночерпий. На скелете «царицы» найдены богатые украшения и остатки роскошного наряда. Но самой выдающейся находкой стала прославившая Чертомлыцкий курган большая серебряная с позолотой ваза, известная теперь во всем мире под названием «чертом-лыцкой амфоры». Вся поверхность сосуда покрыта позолоченными рельефными изображениями — птиц, сидящих на цветах и побегах, крылатых грифонов с орлиными головами и телами львов, терзающих оленя. Но самые ценные для историков изображения — живые и реалистичные сцены ловли скифами диких коней. Как

и на куль-обском кубке, скифы представлены здесь с длинными волосами и бородами, одетыми в кафтаны, шаровары и мягкие сапоги. Создатель чертомлыцкой вазы, очевидно, был прекрасно знаком со скифами, с их жизнью и бытом.

По времени Чертомлыцкий курган близок Куль-Обе. Он относится к третьей четверти IV в. до н.э. Чертомлык представлял собой сложный погребальный комплекс и служил усыпальницей могущественного скифского царя, похороненного со всей пышностью скифского царского погребального обряда. Помимо главной ограбленной могилы, в которой был похоронен «царь», и упоминавшейся выше усыпальницы «царицы» и виночерпия, под курганной насыпью было открыто еще пять могил: в трех из них похоронено 11 копей в богатых уздечных уборах, украшенных золотыми и серебряными бляхами, а в остальных двух — конюхи или оруженосцы с полными стрел колчанами и тоже в богатых нарядах.

Резонанс от чертомлыцких раскопок был огромен, а драгоценные находки из этого скифского кургана заняли достойное место в коллекции Эрмитажа в Петербурге.

Илл. 13. Серебряная ваза. Курган Чертомлык

Солоха

Следующим выдающимся открытием в области скифской археологии стало исследование гигантского степного кургана Солоха близ г. Никополя (с. Большая Знаменка). Высота кургана превышала 18 м. Раскопки его велись два года — 1912 и 1913. Руководил работами профессор Петербургского университета Николай Иванович Веселовский.

Уже внешний осмотр выявил наличие ям и западин на склонах — следы деятельности грабителей. По всем признакам, курган был ограблен. Это, однако, не смутило И.И. Веселовского. Богатый опыт археолога подсказывал ему, что грабителям редко удавалось ограбить могилу начисто, что-нибудь да оставалось ими незамеченным — тайник ли, боковая ли могила, или что-нибудь еще. Кроме того, исследователь знал, что под столь могучей насыпью чаще всего бывает не одно, а несколько захоронений, и маловероятно, чтобы ворами, орудовавшим под

толщей земли вслепую, подобно кротам, да притом еще в страшной спешке из-за боязни быть застигнутыми на месте преступления, а то и погребенными заживо, удалось найти и опустошить все могилы.

Когда в результате долгой и изнурительной работы была, наконец, снята часть насыпи кургана и достигнут уровень материка*, археологи обнаружили огромную могильную яму площадью около 27 м² и глубиной до 6 м. Когда могилу расчистили, оказалось, что она, как и следовало ожидать, была ограблена. О ее былом богатстве говорили оброненные грабителями золотые нашивные бляшки от одежды, золотая иголка, а также серебряная чаша для вина — килик с греческой надписью на нем. Судя по найденной игле, здесь была похоронена знатная женщина, возможно, скифская «царица». В боковой нише могилы археологи нашли большой медный котел и железную тележку на колесах с сеткой для поджаривания мяса для участников поминального пиршества. Рядом с центральной могилой обнаружили захоронение двух коней в богатом уборе; золотые налобники в виде рыб и нащечники в виде крыльев. Многие признаки, однако, показывали, что тайны Солохи не исчерпываются открытыми погребениями. Археологи предположили, что под курганом должна быть, по меньшей мере, еще одна могила. В 1912 г. время и средства не позволили продолжить раскопки. Они возобновились лишь на следующий год, который принес сенсационные открытия.

Выяснилось, что через некоторое время после насыпки кургана (его высота составляла тогда 15 м) над могилой, открытой в 1912 г., часть курганной

* Уровень материка — это уровень нетронутой естественной почвы *без* следов деятельности человека.

32

насыпи была снесена до основания и вырыта новая, не менее грандиозная могила. После совершения в ней погребения, курган досыпали уже над обеими могилами и еще более увеличили его в размерах.

В этой второй боковой могиле покоился скифский «царь». Его гробница представляла собой сложное подземное сооружение. Длинный (более 10 м) подземный коридор вел из глубокой шахты, или колодца со ступеньками, в обширную погребальную камеру — настоящую пещеру с тремя боковыми нишами. В самую большую из этих ниш и было помещено тело «царя», а две другие предназначались для погребального инвентаря: здесь находились различные предметы, главным образом, посуда. Кроме того, в боковой стенке главной ниши был вырыт тайник, в котором спрятали особенно ценные вещи. Царское погребение оказалось совершенно непо потревоженным — все лежало в том порядке, как и тысячи лет назад.

Снова, как и при раскопках Куль-Обы и Чертомлыка, исследователи были ослеплены обилием золота и серебра. Руки погребенного «царя» украшали пять золотых браслетов, шею — массивная золотая гривна с львиными головками на концах. На золотых бляшках, украшающих одежду, мы снова встречаем изображение обряда побратимства, знакомого нам по Куль-Обе: два скифа пьют из одного рога.

Рядом с погребенным «царем» лежал его меч с золотым эфесом в обложенных золотом ножнах, и греческий бронзовый шлем. Но особенно интересен один из рельефов на серебряных пластинах горита, в котором оказалось 180 бронзовых наконечников стрел. Здесь изображен бой между конными и пешими воинами, судя по одежде и вооружению — варварами. Воины вооружены короткими мечами и боевыми секирами, одеты они в подпоясанные каф-таиы, отороченные мехом, и длинные штаны. И у всадников, и у пеших воинов — длинные, ниспадающие на плечи волосы, однако всадники бородаты, а пешие все безбороды. Победу одерживают пешие воины. В склепе была найдена и посуда — шесть серебряных чаш и большой деревянный сосуд, обитый золотыми рельефными пластинками. Одна из чаш Илл. украшена изображением сцены охоты конных скифов на львов.

Вместе со своим владыкой были похоронены и его насильственно умерщвленные слуги — оруженосец и виночерпий, а также пять царских коней с конюхом. В больших медных котлах лежали кости животных, рядом стояли греческие амфоры, в которых некогда было вино. Самой выдающейся находкой в кургане, прославившей его на весь мир, был золотой гребень, лежавший у изголовья «царя». Массивный предмет весит Илл. около 300 г, его высота 12,3 см, а ширина 10,2 см. Девятнадцать длинных четырехгранных зубьев соединены фризом из фигур лежащих львов. А над ним расположена изумительная скульптурная группа из трех сражающихся воинов.

С первого же взгляда не остается сомнения в том, что это скифы. Они длинноволосы и бородаты, одеты в характерные скифские одежды — кафтаны, длинные шаровары и мягкие сапоги. У двоих из них поверх кафтанов одеты панцири, а у третьего воина, по-видимому, «царя», на голове изображен греческий шлем, а на йогах — поножи-«кнемиды». С большой точностью переданы предметы

вооружения скифов — щиты разной формы и конструкции, гориты с луками и стрелами, короткие скифские мечи и их ножны, копье.

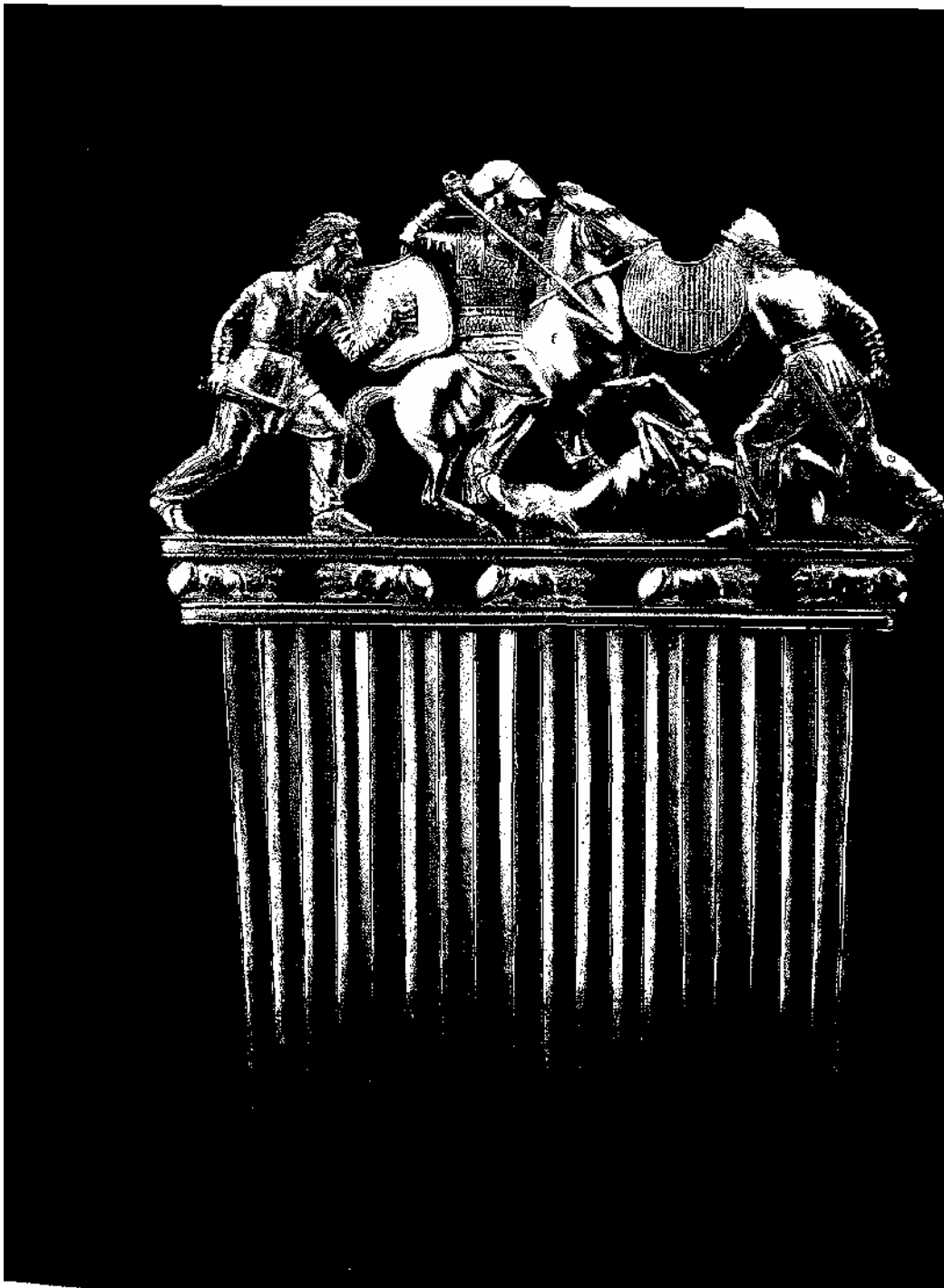
Солохский гребень — уникальный шедевр искусства, не имеющий себе равных во всем мире. По всей видимости, его изготовил выдающийся греческий мастер, работавший в Северном Причерноморье и прекрасно знакомый со скифами. Конечно, он выполнял заказ высшей скифской знати, учитывая ее интересы и вкусы, но применяя при этом все достижения эллинского искусства.

Грандиозные размеры погребальных сооружений Куль-Обы, Чертомлыка и Солохи и обнаруженные в их могилах социально значимые драгоценные предметы (зачастую полностью совпадающие) свидетельствуют о том, что эти курганы принадлежали скифским «царям». Именно к такому предположению и пришли некоторые современные исследователи; А.Ю. Алексеев (Санкт-Петербург), Ю.В. Болтрик и Е.Е. Фиалко (Киев).

После бурных событий Октябрьской революции и гражданской войны скифская археология долгое время находилась в застое и упадке. Кое-какие, весьма незначительные по масштабам, работы велись с конца 20-х г., но особых результатов они не принесли. Итоги отечественных исследований в области скифологии до 1918 г. подвел в двух своих книгах М.И. Ростовцев*. Основываясь на сравнительно ограниченном материале (только данных ил раскопок курганов), он сформулировал стройную и логически безукоризненную концепцию о структуре скифского общества и государства. Согласно его теории, скифы — пришедшие откуда-то из Азии ираноязычные кочевые племена — захватили в VII-VI вв. до н.э. все Северное Причерноморье (включая степные и лесостепные области), подчинили себе местное население и создали военно-политическое объединение — государство феодального типа, где господствующее положение занимала военная знать во главе с царем. По словам ученого, это государство было очень похоже на более поздние империи воинственных кочевников: Хазарский каганат VII-IX вв. н.э. и, особенно, татаро-монгольскую Золотую Орду (XIII в.).

Таким образом, М.И. Ростовцев считал, что в VI-III вв. до н.э. на обширных пространствах Северного Причерноморья существовала единая Скифия —

Ростовцев М.И. Эллинизм и иранство на юге России. — Петроград, 1918; Скифия и Боспор. - Л., 1925.

Илл. 14. Золотой гребень с батальной сценой. Курган Солоха, конец V — IV вв. 3

ГЛАВА 1. НАЧАЛО СКИФСКОЙ ЭПОПЕИ, ИЛИ АРХЕОЛОГИ ЗА РАБОТОЙ

государство, включавшее в себя как степные, так и лесостепные области от Дуная до Дона (плюс Прикубанье), в котором господствующее положение занимали кочевые скифы-иранцы. Поскольку академик Ростовцев был монархистом по убеждениям и к тому же эмигрировал в 1918 г. в Западную Европу, а затем в США, то его имя в советское время находилось под запретом, а основные концепции подверглись уничтожающей критике.

Известное оживление, а затем и подъем в области скифологии в СССР произошел лишь после 1945 г. Первоначально главными центрами по исследованию скифской проблемы были Москва и Ленинград*. С конца 50-х и особенно в 60-е г. при Институте археологии Академии наук Украины создается и начинает успешно функционировать третий центр — Киевский**.

Советские археологи, вполне справедливо отметив упущения своих дореволюционных коллег, главные свои усилия сосредоточили на исследованиях поселений и городищ скифского времени, а также рядовых курганных могильников скифов. Тем не менее, долгое время признавалось существование единой Скифии (в степной и лесостепной зонах Северного Причерноморья) и

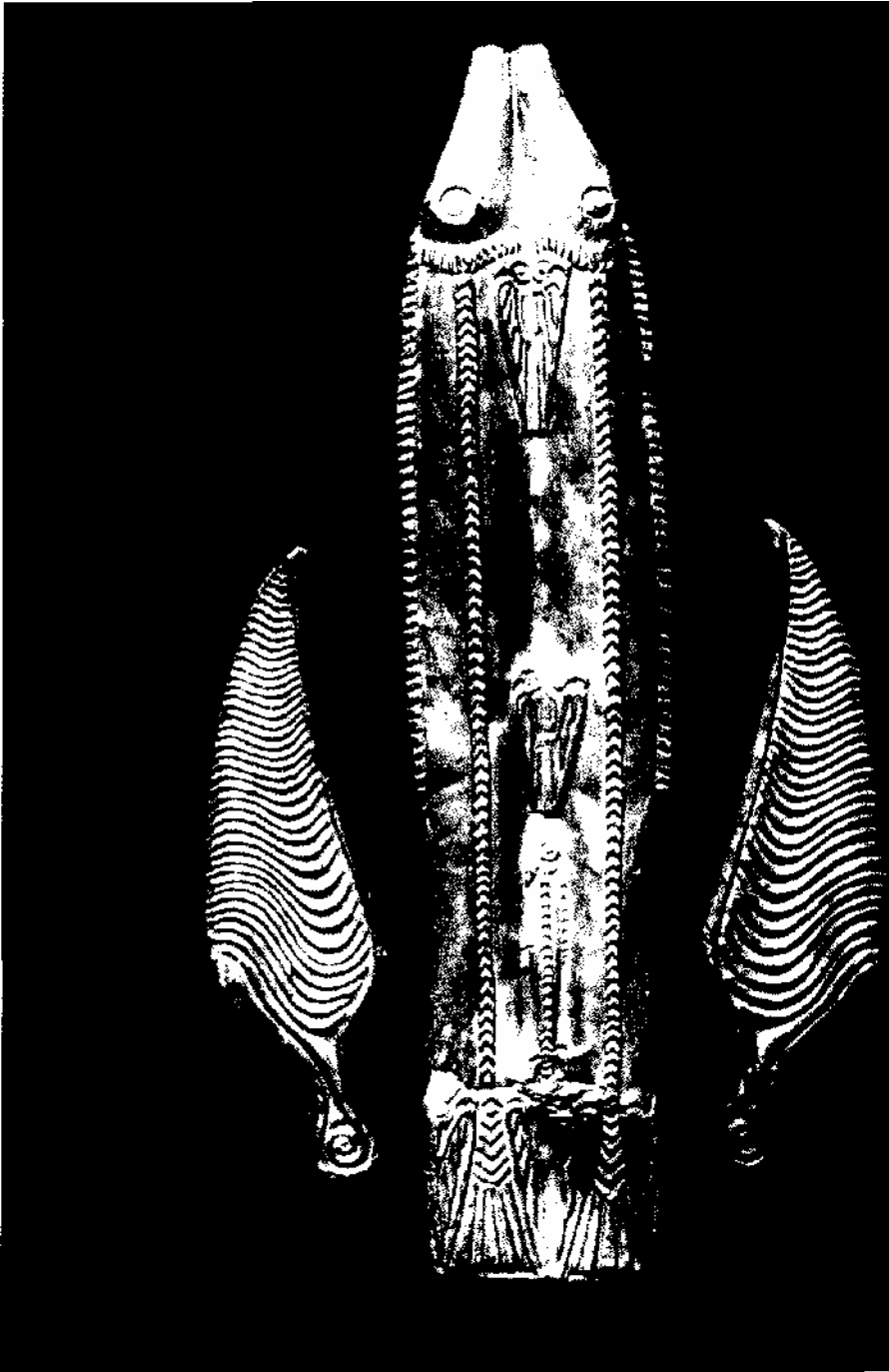
единой скифской культуры (которую во многом восприняло и аборигенное нескифское население Лесостепи). Правда, велись споры о том, какого уровня развития достигло скифское общество: был ли у скифов первобытно-общинный строй, «военная демократия» или настоящее государство. Если наличие такового признавалось, то речь могла идти только о государстве рабовладельческом.*** Ни о каком феодализме в духе Ростовцева не могло быть и речи.

Крупные перемены в отечественном скифоведении произошли в 1952 г., когда по инициативе Б.Н. Гракова в Москве было проведено Первое Всесоюзное совещание по скифо-сарматской археологии. Главный доклад, подготовленный лидером московской школы скифо-сарматской археологии и его ученицей А.И. Мелюковой, был озаглавлен «Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях европейской части СССР в скифское время». Основная идея его состояла в том, что степные и лесостепные области Северного Причерноморья (которые ранее расценивались учеными как единая Скифия) были отделены друг от друга своего рода «великой китайской стеной». Как оказалось, скифы по этносу и культуре жили только в степной зоне, а всю плодородную лесостепь от Днестра до Среднего

* Признанный лидер и основатель московской школы скифоведения — профессор Б.Н. Граков, пик научной активности которого приходится на 40-с-50-е годы XX века. Среди ведущих ученых-скифологов северной столицы можно назвать М.И. Артамонова, М.П. Грязнова и других.

Руководитель и основатель — А.И. Тереножкин, а также В.А. Ильинская.

*** Такого мнения придерживались Б.Н. Граков, Л.П. Смирнов и другие исследователи.

*Илл. 15. Золотой налобник в виде рыбы и два нащечника в виде кр
Конское захоронение. Курган <*

Дона занимали «нескифские племена», известные нам из знаменитой «Истории» Геродота (V в. до н.э.) — андрофаги, невры, меланхлены, будины и др. Они имели «скифоидную» культуру, но разный со скифами этнос и язык. О наличии большого единого Скифского государства в такой ситуации говорить уже не приходилось. Тем не менее, эти идеи способствовали более углубленному изучению различных вариантов лесостепной культуры скифского времени и выделению их специфических локальных черт.

Широко развернулись исследования и, собственно, скифских памятников в степной Украине. Здесь следует особо отметить значение работ экспедиции во главе с Н. Граковым на огромном Каменском городище (V-IV вв. до н.э.) — возможной столице Скифии в этот период — и рядовых курганных погребений в районе Никополя.

Каменское городище площадью в 120 га находится на левом берегу Днепра вблизи г. Никополя. Территориальная его связь со знаменитыми «царскими» курганами Чертом лык, Солоха, Огуз несомненна. Этот скифский город, возникший, видимо, в конце V в. до н.э., был окружен огромным земляным валом и глубоким рвом. По гребню вала прежде шла стена, сложенная из сырцового кирпича. В южной части городища находился «акрополь», также обнесенный валами и

рвами. На «акрополе» были открыты руины просторных и прочных каменных домов, в которых, вероятно, жила скифская аристократия. Данные раскопок позволили предположить, что в конце V и, особенно, в IV в. до н.э. Каменское городище было главным ремесленным, торговым и административно-политическим центром Приднепровской Скифии.

Итак, успехи в изучении поселений и рядовых могил скифской эпохи в советский период были налицо. Но на раскопки курганов скифской знати, требовавших больших материальных затрат и зачастую дававших, из-за повального их ограбления, мизерные результаты, археологи долгое время не обращали никакого внимания. Между тем, таких исследований настоятельно требовала логика развития самой скифской археологии. Ведь до 1917 г. ни один большой скифский курган не был докопан до конца (Куль-Оба, Чертом-лык, Огуз, Солоха и др.). Несовершенство методов раскопок, невнимание к массовому материалу — обломкам керамики, костям животных, наконечникам стрел, плохая документация (отсутствие планов, разрезов, дневников), не могли способствовать созданию целостной археологической и исторической картины.

Новые раскопки, с использованием современной полевой методики и технических средств (бульдозеров, скреперов), открыли принципиально новый, очень важный этап в изучении захоронений высшей скифской знати. Благодаря этому были сделаны неожиданные и сенсационные открытия в Мелитопольском кургане и курганах «Пять братьев», «Гайманова» и «Толстая» Могилы.

Мелитопольский

кург

Открытие нового «царского» кургана произошло чисто случайно. Весной 1954 г. горожанин Мелитополя, проживавший на Первомайской улице в северо-западной части города, где еще в начале XX в. стояла большая группа древних курганов, копал во дворе своего дома колодец. Внезапно земля под ним дрогнула, и он провалился вниз, в какое-то подземелье, где обнаружил на полу несколько тонких золотых бляшек с замысловатыми рисунками. О находке сообщили в местный краеведческий музей, и его работники в ходе осмотра «подземелья» нашли там еще не один десяток золотых бляшек явно почтенного возраста. В конце мая об этом стало известно в Институте археологии Академии наук Украины, и в Мелитополь выехала большая экспедиция во главе с известным археологом А.И. Тереножкиным. Сразу же было установлено, что «подземелье» является не чем иным, как погребальной катакомбой большого кургана, в которой, судя по предварительным находкам, находилось богатое, возможно, «царское», погребение.

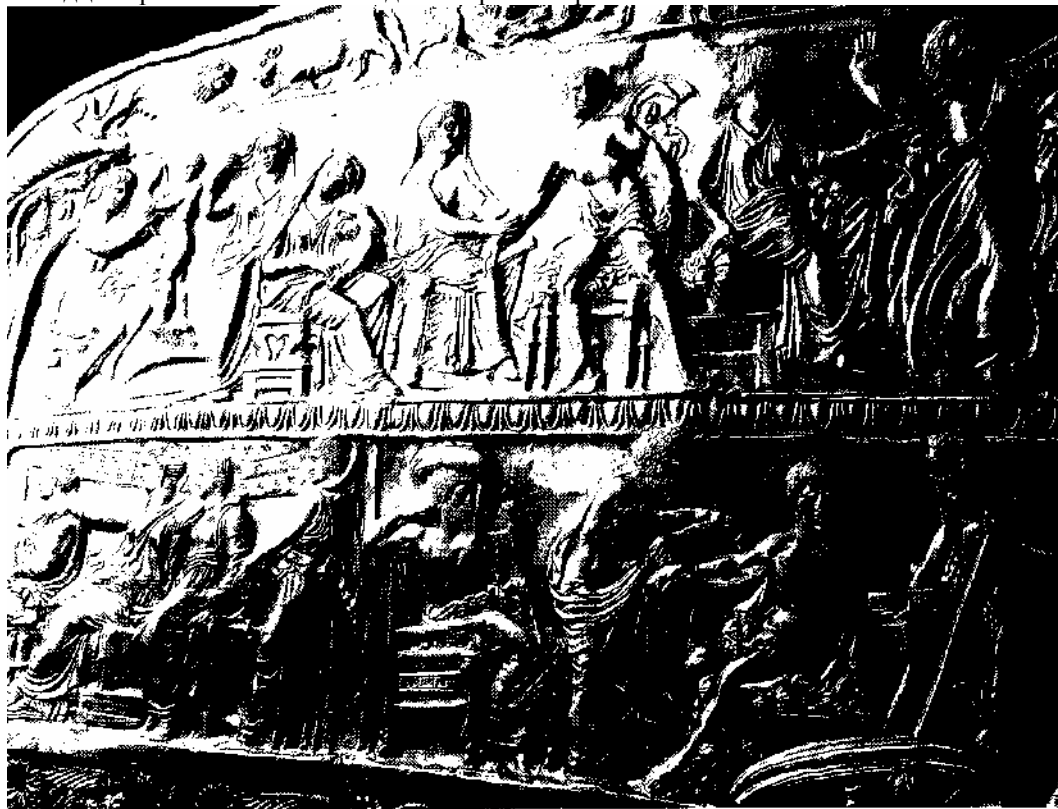
От самого кургана мало что осталось: большая часть насыпи была полностью срыта и почти сплошь застроена. Лишь в центральной части сохранился останец высотой в 3 м и примыкающая к нему часть полы кургана, занятая садом. Уже первый осмотр показал, что раскопки будут связаны с большими трудностями: технике здесь негде было развернуться — остатки кургана со всех сторон зажаты жилыми и хозяйственными строениями. Копать можно было, как и во времена Забелина и Веселовского, только вручную.

Даже беглое знакомство с условиями находок не оставляло у такого опытного археолога, как А.И. Тереножкин, никакого сомнения в том, что курган был ограблен еще в древности: об этом недвусмысленно свидетельствовали и явные следы грабительского лаза. Тем не менее, он принял решение приступить к исследованию кургана. При этом ученый руководствовался непреложным правилом современной методики археологических раскопок — курган может считаться исследованным лишь тогда, когда его насыпь будет полностью удалена и все, что под ней сохранилось, раскопано до последнего сантиметра. Как бы ни был нарушен курган и его погребения временем и грабителями, он не может не сохранить для дотошного исследователя ценной информации. И археолог не ошибся. Позднее он с полным правом писал: «Подтверждается общее правило, что каждый большой скифский курган Северного Причерноморья, можно сказать, почти независимо от его сохранности, по-своему существенен для понимания материальной культуры, социально-экономического строя, торговли и культурных связей, быта и религиозных верований скифов». Раскопки кургана длились три с половиной месяца. Это были первые советские раскопки скифского «царского» кургана.

После полного удаления остатков насыпи выяснилось, что под ней находились две погребальные катакомбы: одна (то самое случайно обнаруженное «подземелье») под северной полкой кургана, другая в центре. Кроме того, рядом с центральной катакомбой находилось захоронение двух коней. Не будем подробно описывать устройство могил, отметим лишь, что они представляли собой сложные подземные сооружения, во многом схожие с аналогичными сооружениями других царских курганов, в частности Солохи.

Многое в сооружении могил, особенно центральной, указывало на то, что соплеменники тех, для кого строился последний, вечный «дом», опасались разграбления и поэтому старались надежно скрыть его от возможных осквернений. Ведь осквернение захоронений царей или вождей нередко даже самими участниками похорон, хорошо знавших, какие богатства таят в себе курганы, было в древности делом обычным. Вспомним хотя бы гробницы египетских фараонов, в которых предпринимались всевозможные хитрости для обмана грабителей. Чаще всего, однако, обман этот не удавался. На всю высоту центральной части насыпи Мелитопольского кургана были выложены чередующиеся прослойки морской травы (камки) и земляных кирпичей, так называемых вальков. Почвоведы установили, что вальки были изготовлены из болотной почвы в долине р. Молочной, взятой на расстоянии не менее 4 км от кургана. Камка же была привезена с берега Азовского моря, с расстояния в целых 40 км. В результате получился весьма трудно проницаемый щит толщиной в несколько метров. А.И. Тереножкин пишет: «Хорошо сохранившаяся трава в этих прослойках очень сильно спрессовалась, и это создавало немалые трудности при производстве земляных работ. Не меньшей помехой явилась и твердая кладка из вальков».

Входная яма в катакомбу была выкопана на глубину более 12 м от древней поверхности. Ее завалили камнями и плитами, под которыми на дне находилась узкая щель, служившая входом в погребальную камеру. Закрытая вальками, эта щель была таким образом тщательно замаскирована. Все было сделано, чтобы затруднить доступ к погребальной камере. Однако и это не смогло остановить грабителей. И хотя время не оставило нам документов, которые бы рассказали о том, как было произведено ограбление, в процессе раскопок удалось детально восстановить ход действия грабителей. Толстый щит из вальков и камки был пробит широким грабительским ходом, который вел к входной яме в гробницу. Возможно, грабители действовали не совсем вслепую, хотя, как показывают их дальнейшие действия, деталей погребального сооружения они не знали. Но предоставим слово А.Н. Тереножкину. «Прокопав входную яму до дна, — пишет исследователь, — они не смогли найти замаскированный вход в камеру. На высоте 2 м от ее дна они сделали широкую пробоину в северной стене входного колодца. Прокопав ее вбок на один метр в материко-

Илл. 16. Деталь изображения на золотой обкладке горни Курган Мелитопольский, IV в. до ? вой глине, они свернули в западную сторону и почти случайно, проломив сводчатый потолок катакомбы, проникли в нее через узкий ход сверху».

После того как погребальная камера была расчищена археологами от завалов, открылась картина полного опустошения. Если не считать находок отдельных бронзовых наконечников стрел, чешуек железного панциря, костей, да мельчайших золотых лепестков, камера была пустой. Лишь поперек коридорчика, ведущего из входной ямы в погребальную камеру, лежали остатки скелета ребенка 7-8 лет, при котором также никаких вещей не оказалось. На этом, как будто, можно было бы поставить точку. Но жизнь показала, что это не так. После полной расчистки пола камеры археологам удалось

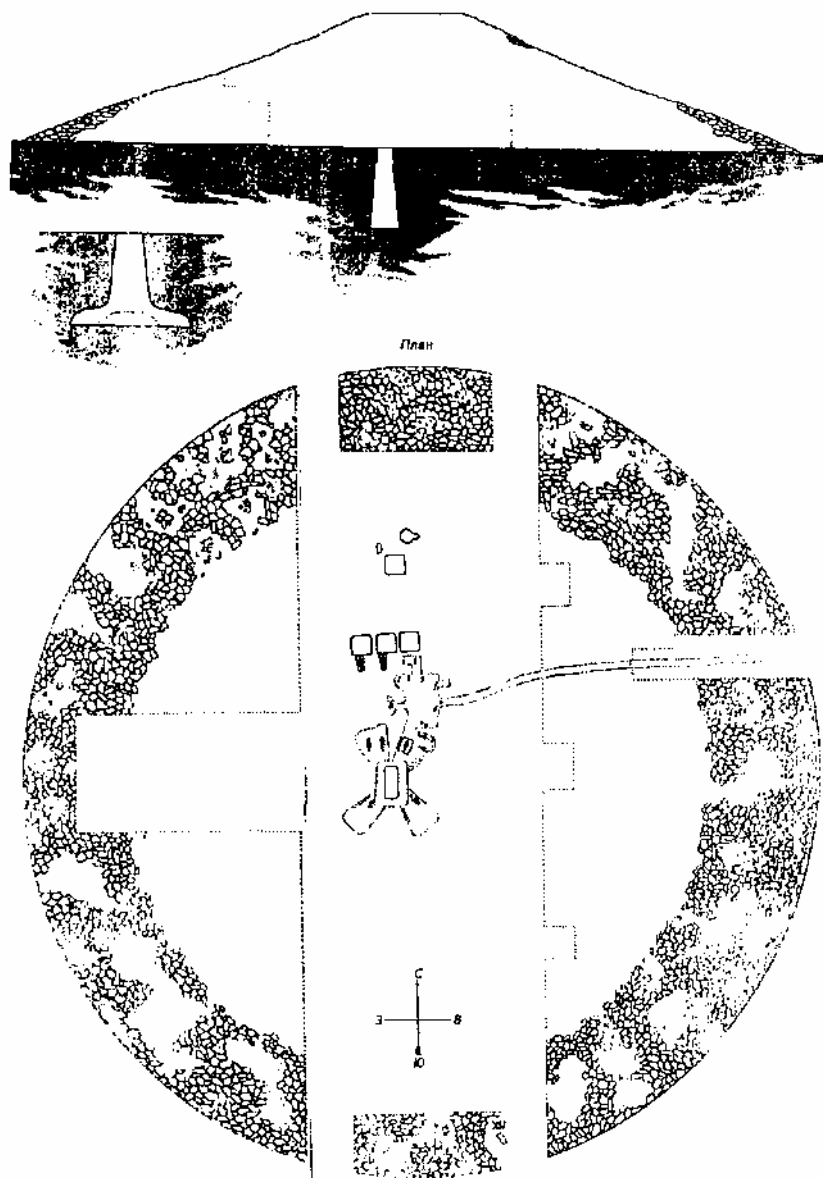
заметить то, на что грабители не обратили внимания, — едва заметное понижение. Здесь находился небольшой тайник, глубиной всего лишь в 20 см, но он во многом вознаградил упорный и нелегкий труд археологов. В тайнике лежал истлевший горит с превосходно сохранившейся золотой обивкой (обкладкой), украшенной уже знакомыми нам по Чертомлыку мифологическими сценами из жизни Ахилла. В горите было около 70 бронзовых наконечников стрел с остатками древков, раскрашенных поперечными красными полосками. На горите и под ним лежали 50 золотых бляшек — остатки портупей — с вытесненными изображениями сидящей па троне богини и стоящего перед ней скифа с ритонном в руках. Кроме того, здесь же находился бронзовый боевой пояс. Мелитопольская золотая обивка горита оказалась точным повторением обивок налучий*, найденных ранее в Чертомлыцком и Ильинецком курганах. Стало совершенно очевидно, что ильинецкая находка не была случайной, что роскошное налучье со сценами из мифологического цикла об Ахилле было не уникальным произведением искусства, а изготовлялось серийно с одной матрицы. Через несколько лет это подтвердилось четвертой находкой точно такой же обивки. Но об этом речь впереди. Рядом с центральным погребением была обнаружена могила с захоронением двух коней с бронзовыми украшениями уздечек и седел.

Даже то небольшое, что сохранилось в центральном погребении Мелитопольского кургана, прежде всего, конечно, вещи из тайника, не оставляет сомнений в том, что это погребение «царское», аналогичное захоронениям в Куль-Обе, Чертомлыке и Солохе. Но, в отличие от них, курганная насыпь здесь была гораздо ниже: первоначальная ее высота едва ли превышала 6-7 м, тогда как три названных выше кургана имели 18-20 м в высоту. Вероятно, в Мелитополе был похоронен «царь» более низкого ранга.

Второе погребение в кургане принадлежало знатной екифянке — «царице». Оно тоже было ограблено, но не так сильно, как первое. От полного разграбления «царицу» спасло то, что когда к ней проникли грабители, потолок гробницы обвалился и покрыл собою ее останки. «Чтобы добраться до скелета, — пишет А.И. Терепожкин, — грабители вынуждены были копать над ним землю. Орудя в темноте, в опасных условиях, они смогли, очевидно, выбрать из могилы лишь крупные целые вещи, выбросив при этом с землею много мелких золотых украшений и других предметов». Несмотря на ограбление, при расчистке могилы археологи нашли более 3500 золотых предметов: бляшек, подвесок, бусин и т. д. Каким же богатым должно было быть захоронение до ограбления!

Грабители не полностью потревожили гробницу, так что картину похоронного ритуала удалось восстановить более или менее точно. «Царица» — пожилая женщина — лежала в большом деревянном гробу, одетая в платье и головной убор, расшитые золотыми бляшками. Ее голова, шея, руки и ноги были унизаны золотыми украшениями. У изголовья гроба стояли ритуальные сосуды.

Налучье - то же самое, что и горит (чехол для лука и колчан;] со стрелами).

Ил. ч. 17. Курган Чертомлык. План и разрез

Коридор, который вел в погребальную камеру, не был затронут грабителями — по опыту они знали, что здесь едва ли можно рассчитывать на богатую добычу. Там на узком деревянном помосте лежал скелет рабыни, покрытый циновкой из камыша. Кисти рук женщины были конвульсивно сжаты, что свидетельствовало о ее насильственном умерщвлении. Рядом с ней находились остатки деревянного ярма, а вокруг стояли 11 амфор и бронзовый котел, наполовину заполненный костями разрезанной на большие куски овцы. Во входной яме лежали остатки погребальной повозки.

Мелитопольский курган стал первым с дореволюционной эпохи «царским» скифским курганом, который был досконально изучен советскими археологами по всем правилам современной методики раскопок. Дальнейшие события, связанные с историей исследования гробниц высшей скифской знати, происходили уже не в Приднепровье, а на Дону.

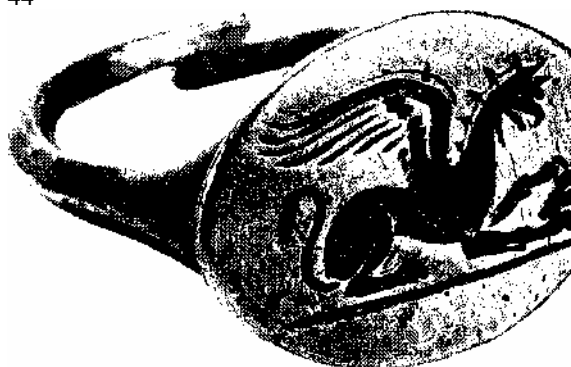
«Пять братьев» (курган №8)

Группа курганов «Пять братьев», об одном из которых и пойдет речь ниже, еще совсем недавно гордо возвышалась на берегу Дона близ хутора Колузаево, неподалеку от известного Елизаветовского городища. Своими размерами (высота их от 7 до 12 м, а диаметр 60-70 м) эти курганы заметно выделялись среди окружающих их многочисленных более мелких насыпей, придавая неповторимый

колорит простирающейся вокруг плоской зеленой равнине. Теперь, в результате раскопок и строительных работ, почти все они исчезли. Продолжает нести свою тысячелетнюю вахту лишь один — самый большой из них. Па кургане расположено современное кладбище, и он все еще ждет разгадки тайн, погребенных под его гигантской земляной шапкой.

В 1959 г. экспедиция Института археологии Академии наук СССР, возглавляемая В.П. Шиловым, начала раскопки курганной группы «Пять братьев». Особенно выделялся своими размерами курган № 8, находившийся в южной части группы. Высота его достигала 9 м, а диаметр — 62 м. Ученые, приступая к исследованию этого земляного исполина, не питали особых надежд на сенсационные находки. Из старых отчетов Императорской Археологической Комиссии было известно, что в 1871 г. именно этот курган копал таганрогский археолог П.И. Хицунов, а до него здесь в XVII или XVIII вв. уже успели побывать грабители, о чем красноречиво свидетельствовала огромная заплывшая воронка чуть в стороне от центра холма. Предшественнику В.П. Шилова удалось обнаружить на глубине 9,6 м каменную гробницу, перекрытую дубовыми бревнами. Она оказалась абсолютно опустошенной грабителями. На полу лежал скелет коня в полной сбруе и несколько золотых бляшек. Тогда П.И. Хицунов решил, что он достиг конечного результата и приказал прекра-

44

Илл. 18. Золотой перстень с гриф (Пятибратный курган № 8, IV в. до н.э.)

тить дальнейшие работы. Вот что записал он в своем полевом дневнике: «Когда в глубину достигли 3 сажень (т. е. 6,4 м) при самой трудной и опасной работе, то показались толстые, совершенно истлевшие пласты тростника и камыша, которыми, вероятно, покрыта была гробница. Она действительно вскоре и обнаружилась под тростниковой настилкой; заметны были деревянные перекладки на бывшем потолке гробницы <...> Итак, на глубине 4 V, сажень (9,6 м) от поверхности кургана, не в центре,

однако же, оно, а на окружности, на материке, оказалась обширная каменная гробница <...> Грубо, без цемента сложенные стенки ее из дикарного камня, вероятно, от тяжести налегавших верхних слоев кургана местами покосились и разрушились. Вся правая сторона гробницы и середина оказались пустыми и ничего, кроме песка и глины, перемешанных с истлевшим деревом и камышом, не содержали, даже костей человеческих и лошадиных. Между тем, как в левой стороне ее собрано несколько лошадиных костей и при них беспорядочно раскиданных бронзовых украшений от конской сбруи».

Тем не менее, в 1959 г. было решено провести полные раскопки этого кургана «на снос» с помощью мощных землеройных машин — бульдозера и скрепера.

Высокая насыпь была снята довольно быстро, и под ней открылся квадратный каменный склеп, перекрытый мощным накатом из дубовых бревен (их диаметр достигал 60 см). К склепу вел каменный же коридор-дромос* почти 15-метровой длины.

Южная половина склепа (в ней и побывал П.И. Хицунов) была начисто ограблена. Здесь удалось обнаружить только череп и кости ног пожилого мужчины, обломки бронзового котла, несколько железных наконечников копий и дротиков, а также кости лошади со следами окиси меди.

По зато в северной части гробницы, заваленной обломками рухнувшего перекрытия, археологи совершенно неожиданно для себя обнаружили нетро-

* Дромос (греч.) — коридор, вход в гробницу.

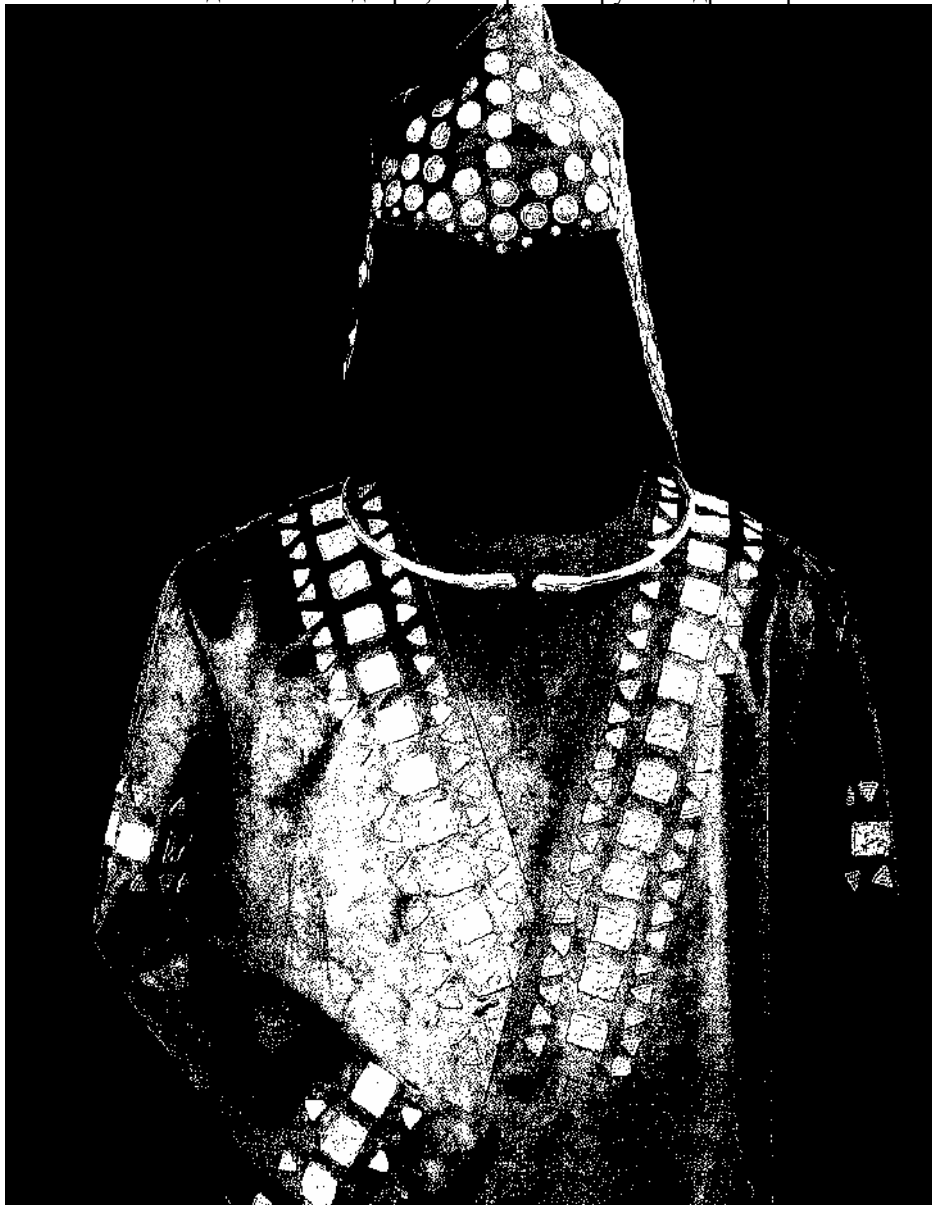
нутое погребение скифского «царя» с массой драгоценных вещей. На каменном полу, покрытом остатками сгнившей циновки, лежал на спине головой па запад скелет молодого мужчины. Па черепе погребенного и вокруг него находились золотые нашивные бляшки от головного убора, па шее — массивная золотая гривна, концы которой украшали фигурки барсов, а также ожерелье из золотых колечек и медальонов. Вся одежда «царя» и даже его сапоги из тонкой кожи были покрыты золотыми штампованными нашивными бляшками с разнообразными изображениями. На фалангах пальцев рук сохранилось несколько золотых перстней,

Безутешные подданные умершего правителя не только облачили его в роскошные одежды, сплошь обшитые золотом, но и позаботились о пребывании «царя» в загробном мире. В гробницу был помещен целый арсенал: 16 колчанов со стрелами (и среди них не только с бронзовыми, но и с железными втульчатыми трехлопастными наконечниками). Всего их было 1064. У левого бедра царственного покойника лежали золотая обкладка горита и железный, в деревянных ножнах, меч, ножны и рукоять которого были обтянуты золотыми пластинами со штампованными изображениями. Кроме того, сюда же поместили три копья с железными наконечниками и «рюмкообразными» втоками*, множество дротиков и кинжал. Защитное вооружение представлено парой бронзовых греческих поножей и двумя боевыми поясами из бронзовых пластин, нашитых на кожу.

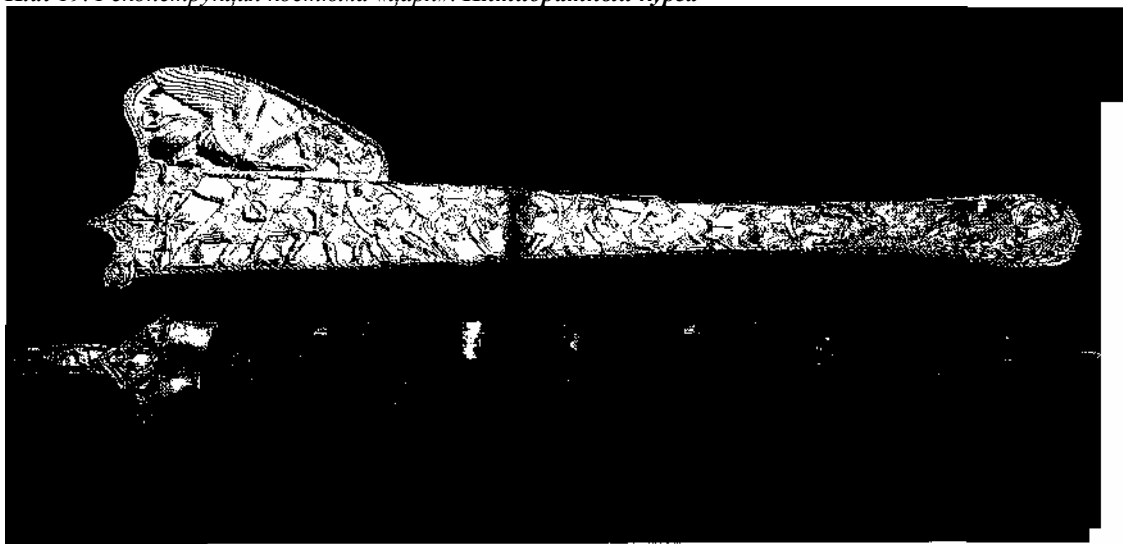
Рядом с умершим положили и драгоценные культовые сосуды для возлияний: гладкий серебряный кубок, сходный по форме с куль-обским и «воронежским» сосудами, и серебряный килик. Заупокойная пища состояла из разрубленной па куски туши лошади, а стоящие рядом 14 греческих глиняных амфор (в дромосе) были способны вместить до 120 л вина. Судя по клеймам на этой винной таре, захоронение было совершено в третьей четверти IV в. до н.э.

Около входа в склеп и внутри него в беспорядке на полу лежала целая груда золотых вещей — золотые пластины, бляшки, бусины — всего около 1273 драгоценных предметов. По мнению В.П. Шилова, здесь стоял когда-то деревянный ларец, в который слуги уложили парадную одежду, головные уборы и украшения. Всего же в склепе было обнаружено свыше 4000 предметов и из них 1715 золотых. Общий вес золотых изделий из кургана № 8 «Пяти братьев» превышал 2 кг. Однако материальная стоимость находок не идет ни в какое сравнение с их художественной и научной ценностью, НАЛ. 97

Среди найденных сокровищ особенно выделяются золотая обивка горита и ножен — подлинные шедевры, сотворенные руками древнегреческих мастеров.

Вток -- железная оковка тыльной части дренка копья.

Р/лл. 20. Меч в золотых ножнах с золотой рукоятью. Пятибратный курган № 8, IV в. до н.э.

На золотой пластине, украшавшей деревянные ножны, художник изобразил битву греков со скифами. Как видно, сражение складывается далеко не в пользу эллинов, поскольку их начальник («стратег») в высоком шлеме и панцире вызывает подкрепление. Он не замечает опасности, которая грозит ему со стороны стоящего рядом скифского вождя, уже занесшего свой меч для решающего удара.

Золотая оковка горита, как уже говорилось выше, полностью воспроизводит сюжеты, запечатленные на таких же золотых пластинах из Чертомлыка, Мелитополя и Ильшщов. Главный мотив здесь — картины из жизни греческого героя Ахилла.

Именно эти две вещи — горит и меч — позволили ученым прийти к выводу о том, что могила в кургане № 8 группы «Пять братьев» принадлежала скифскому «царю». Курган № 8 важен для нас еще и тем, что это пока единственный нетронутый погребальный комплекс представителя высшей скифской знати на всей территории Подонья — от Воронежа до Ростова-на-Дону.

В конце 60-70-х г. на территории степной (Южной) Украины начались широкомасштабные ирригационные работы — возведение каналов, водохранилищ, плотин и дамб. При этом в зону строительства попадало множество памятников археологии, в том числе и скифских курганов. Согласно существовавшему тогда законодательству о сохранении историко-культурного наследия страны, все государственные учреждения и организации, которые в ходе своей деятельности могли создавать угрозу разрушения или порчи археологических объектов, обязаны были выделять необходимые средства на полное исследование данных древностей. Деньги на такие работы отпускались по тем временам колоссальные. Были организованы десятки новых археологических экспедиций, и счет раскопанным скифским курганам (главным образом небольшим) стал вестись на сотни и даже тысячи. Объем полученной при этом информации во много раз превосходил все то, что было сделано в предшествующий период*.

«Гайманова Могила»

Отдел скифо-сарматской археологии Института археологии Академии наук УССР, возглавляемый А.И. Тереножкиным, несмотря на обилие работы с рядовыми захоронениями, не упускал из сферы своих интересов и дальнейшее изучение больших «царских» курганов Скифии. Севере-Рогачикская экспедиция, которую он возглавлял, работала на новостройках Запорожской области. Здесь, у с. Балки находилось до 20 курганных групп. Особое внимание археологов привлекла одна из них, состоявшая из 46 невысоких насыпей, среди которых одиноко возвышался восьмиметровый исполин, известный среди местных жителей под названием «Гайманова Могила».

В 1967 г. начались раскопки малых курганов данной группы. А потом неотложные дела призвали А.И. Тереножкина в Киев, и он поручил руководство экспедицией В.И. Бидзиле — археологу, научные интересы которого были весьма далеки от скифской тематики. Еще со студенческой скамьи его интересовали только древние славяне. Но квалифицированных кадров археологов на новостройках, где требовалось в сжатые сроки провести огромный объем исследований, катастрофически не хватало, и В.И. Бидзилью тоже «мобилизовали» в с. Балки. Впрочем, этот ученый имел за плечами большой опыт работ на археологических памятниках всех эпох.

Летом 1969 г. экспедиция раскопала 22 малых кургана, но все они оказались начисто ограбленными. Это не внушало оптимизма и по отношению к «Гаймановой Могиле», поскольку, по своему горькому опыту, археологи хорошо знали, что именно большие скифские курганы, скрывающие в себе сказочные богатства, в первую очередь привлекали к себе внимание искателей сокровищ. «Гайманова Могила» и манила к себе ученых, и отпугивала: раскопки кургана требовали огромных затрат сил и средств, а вероятность успеха была весьма сомнительна. И все же В.И. Бидзиля решил приступить к исследованию. Курган представлял собой огромное конусовидное сооружение высотой более 8 м, диаметр

* Однако своевременно обработать и ввести в научный оборот такую массу материала так и не удалось. О достижениях и проблемах археологии в степной зоне Украины тех лет красочно рассказал в своей научно-популярной книге известный археолог А.М. Лесков (Курганы: находки, проблемы. - Л.: Наука, 1981).

4-528

его превышал 70 м. Слой за слоем снимал бульдозер гигантскую шапку кургана, а археологи тщательно фиксировали все, что находили в земле.

На глубине 4 м от вершины насыпи показалась каменная крепида*. Еще ниже, на уровне древней дневной поверхности, стали открываться следы заупокойной тризны: огромное количество лошадиных и овечьих костей, раздавленные амфоры, остатки уздечных наборов, наконечники стрел.

Появился и грабительский лаз. Как выяснилось позднее, он вел прямо в погребальную камеру. Археологи же все глубже «вгрызались» в землю и, наконец, на глубине 8 м от уровня древнего горизонта, вошли в гробницу. При входе лежали остатки деревянной погребальной повозки. В стенке камеры была обнаружена хозяйственная ниша, заполненная разной утварью; большой медный котел для варки мяса, крюк, бронзовое блюдо, большой поднос с кувшином для вина, киликом и ситечком для процеживания вина, небольшая жаровня и железные щипцы. В нише лежал скелет удушенного повара или виночерпия (здесь же стояли греческие амфоры для вина). Сама же погребальная камера была полностью ограблена. Несколько сот оброненных грабителями мелких золотых украшений, да золотой перстень свидетельствовали об огромных богатствах, лежавших здесь когда-то.

Вот что пишет об этом первооткрыватель — Василий Бидзиля:

«Грабитель разворошил все содержимое усыпальницы, но все же можно было воссоздать общую картину. Видимо, здесь были погребены 4 знатных лица: 3 из них в центральной камере и 1 — в боковой нише — женщина. Весь саркофаг ее был покрыт красной и голубой росписью золотыми набивными пластинами, часть которых сохранилась на дне ниши. Возле головы богатой скифянки стояло деревянное блюдо с жертвенным овечьим мясом и железным ножом. Ожерелье из настовых и золотых бус было рассыпано вокруг останков покойной.

В центральной части катакомбы рядом с двумя мужскими скелетами лежали железные наконечники копий и кожаные пояса, украшенные бронзовыми пластинами, Грабителям не все удалось унести: изящные кожаные башмаки, обшитые треугольными золотыми пластинами (их всего 43), остались на месте. Дело в том, что в древности часть катакомбы обвалилась, и земля надежно спрятала многие вещи <...> В восточной части ямы, почти у входа в нее, лежал скелет боевого коня в богатом уздечном наборе из бронзовых блях, иащечников и железных удил. Возле лошади покоились останки двух юношей-слуг <...>

* Крепида — огромная кольцевая стенка, сооруженная для предотвращения оползания насыпи кургана, состоит из больших вертикально вкопанных в землю белых известняковых плит.

Теперь предстояло разобрать осыпь земли и увидеть то, что не смог забрать вор. В боковой нише гигантской земляной гробницы — в этом небольшом пространстве в три метра длиной и около полутора метров шириной — были сложены многочисленные предметы «кухонной» утвари. В дальнем углу стояли две амфоры, а между ними бронзовое плоское блюдо. В центре — громадный бронзовый литой котел, наполненный лошадиными костями, а под ним — маленький бронзовый котелок на небольшой ножке. Слева от котлов располагался <...> круглый бронзовый поднос, на котором лежало бронзовое ситечко для процеживания вина, бронзовый кувшин, украшенный рельефными изображениями сатира и Вакха, Тут же находилась бронзовая ажурная жаровня, бронзовая чашечка для вина и железные щипцы для вынимания мяса из котла. Между большим котлом и подносом стояло великолепное бронзовое ведерко. Такое обилие и разнообразие бытовой посуды в захоронениях скифских царей встречается крайне редко <...> Вместе с этим «кухонным сервизом» был погребен и слуга. Он был вооружен тремя стрелами, копьем и пращей, а вдоль его груди лежал железный боевой пояс».

Открытое погребение находилось в северной половине кургана и являлось боковым. Требовалось

раскопать и южную половину. Но начались осенние дожди, решено было отложить дальнейшие работы до будущего года. Осталось лишь провести чертежные и фотографические работы в раскопе. И вот, один из сотрудников экспедиции, Б.Н. Мозолевский, при зачистке земляной стенки катакомбы обнаружил тайник.

Спрятанные сокровища лежали в нем горизонтальными рядами: наверху — деревянная чаша с золотой обивкой, ниже — серебряные килик и чашечка, под ними — еще две деревянные чаши, обитые золотыми пластинами, под чашами — серебряный ритон с золотым раструбом и наконечником в виде головы барана. Самые ценные вещи лежали на дне тайника: большой серебряный ритон с широким золотым орнаментированным раструбом и золотым наконечником, серебряная ритуальная чаша, в которую был помещен серебряный же кубок и, наконец, самая замечательная находка, прославившая «Гайма-нову Могилу», — серебряная с позолотой чаша, украшенная широким фризом и с рельефными изображениями шести фигур скифов. По форме сосуд совершенно похож на чашу со сценами охоты из Солохи, и оба они, несомненно, были ритуальными.

Впервые за многие десятилетия (последняя такая находка — Солоха, 1913) скифы, стряхнув с себя прах тысячелетий, снова, как живые, предстали перед глазами наших современников. На «гаймановой» чаше изображены две парные сцены и две одиночные фигуры. На одной стороне сосуда изображены два сидящих бородатых скифа, занятых беседой. Роскошная одежда, парадное оружие, атрибуты высшей власти (плетка в руке одного из них и булава в руке

ГЛАВА 1. НАЧАЛО СКИФСКОЙ ЭПОПЕИ, ИЛИ АРХЕОЛОГИ ЗА РАБОТОЙ

Илл. 21. Детали изображения на серебряной чаше. Курган «Гайманова Могила», IV в. до н.э. другого), общий их облик — все указывает на то, что перед нами представители высшей власти — скифские «цари». Детали костюма и оружия вносят много новых ценных дополнений к данным, известным по куль-обскому и воронежскому сосудам. Фигуры позолочены, в серебре оставлены лишь лица и кисти рук.

На противоположной стороне чаши также представлена парная сцена. Возможно, она была центральной во всей композиции. К сожалению, именно эта часть чаши сильнее всего пострадала от времени, поэтому некоторые важные детали утеряны. Здесь также сидят два знатных скифа — пожилой и молодой, одетые в такие же роскошные костюмы и при парадном оружии. У молодого на шее гривна, в правой руке он держит чашу — символ верховной власти, левая же рука его вытянута в сторону собеседника. Пожилой воин протянул руку в сторону молодого, как будто передавая ему что-то.

Под одной ручкой чаши изображен стоящий на коленях молодой скиф, припавший ртом к бурдюку с вином, под другой — пожилой воин, также стоящий на коленях; одной рукой он держится за лоб, а другой сжимает что-то на земле.

Очевидно, что на чаше из «Гаймаповой Могилы», как и на куль-обском и воронежском сосудах, изображен какой-то сюжет из скифского героического эпоса.

Чаша из «Гаймановой Могилы» — выдающееся произведение греческой, или «греко-скифской», торевтики*. Священный сосуд был изготовлен эллинским художником по заказу скифского владыки, желавшего подчеркнуть свои исконные, божественные права на власть. Чаша впервые дала представление

* Торевтика — искусство рельефной обработки художественных изделий из металла.

Илл. 22. Серебряная чаша со скифами из «Гаймановой Мо

о внешнем облике скифских «царей». В отличие от прежних находок здесь показаны их парадная одежда и оружие, символы власти. Многие детали абсолютно новы и очень важны для изучения структуры скифского общества. Вот как комментирует эту сенсационную находку прибывший на место раскопок А.И. Тереножкин. «Остановлюсь только на разборе одной находки — серебряной чаше с изображениями скифов. В ней все ново, а отчасти и неожиданно. В персонажах основных сцен, изображенных на ней, с известной долей вероятности можно видеть скифских царей. Их фигуры, застывшие в величественно-торжественных позах, сверкают роскошью одеяний и драгоценного оружия. Сюжетом этих сцен послужило какое-то выдающееся событие в жизни народа, которое, быть может, было засвидетельствовано историческим преданием или воспето в героическом эпосе. Возможно, что на чаше изображены могущественные степные владыки, съехавшиеся для установления вечного мира между враждующими сторонами. Как бы незримо присутствуют здесь и простые скифы, в коленопреклоненном раболепном виде подносящие свои дары или дань. Необычны кафтаны, покроя которых одинаков у знатных и рядовых скифов. <...> Чаша — шедевр греческого искусства — изготовлена по образцу скифских деревянных сосудов ритуального назначения. Мастер, сделавший ее, жил, несомненно, в одном из античных городов Северного Причерноморья».

Весной 1970 г. работы на кургане возобновились. Были открыты еще три погребения: центральное и два боковых. На ступеньке входной ямы центральной гробницы нашли захоронение двух коней в богатых уборах, украшенных золотыми и серебряными бляхами. Но увы! Как оказалось, гробница была полностью ограбленной. За исключением мелких золотых бляшек здесь не сохранилось ничего. В южной части кургана находилось еще два погребения: ребенка, возможно, «царевича», целиком ограбленное (найден лишь золотой браслет и бляшки), и знатной скифянки, также разграбленное начисто (при ней обнаружен скелет умерщвленного слуги).

Таковы общие итоги раскопок «Гаймановой Могила» — этого выдающегося события в истории скифской археологии.

Толстая Могила

Киевский археолог Борис Николаевич Мозолевский - ученик А.И. Теренож-кина — еще в 1964 г. обратил внимание на огромный 9-метровый курган, известный у местных жителей под названием Толстая Могила, расположенный у шахтерского города Орджоникидзе, всего в 10 км от знаменитого Чертомлыка.

Исследования кургана начались в 1970 г. Раскопки Толстой Могила были по всем параметрам очень необычными. Требовалась техника, не было под рукой опытных археологов. И вдруг в конце марта руководство Орджоникидзевского горно-обогатительного комбината, финансировавшего экспедицию, предложило немедленно использовать освободившуюся из-за весенней распутицы технику. В противном случае ее выделение могло быть отложено на неопределенное время.

Экспедиция еще не была подготовлена. Мозолевский встал перед трудным выбором: либо одному начать работу, которую в обычных условиях ведет целый коллектив, либо отказаться от представившегося случая и, быть может, надолго проститься с возможностью исследовать курган. Ведь о раскопках без мощной землеройной техники нечего было и помышлять — громада кургана состояла, как выяснилось потом, из 15 тыс. кубометров земли, которую следовало полностью удалить. И Б.Н. Мозолевский принял единственно возможное для него решение: приступить к раскопкам немедленно. Начальный этап работ был невероятно напряженным. Сам Мозолевский так писал о нем: «На восходе солнца я был на кургане. Оглушающая степь, к нему уже двигалась бригада скреперов и бульдозеров <...> Две недели подряд я поднимался в 5.30 утра и по 16 часов ежедневно, без отдыха и выходных, до ломоты в глазах глядел в землю, стараясь прочесть каждый ее комок, орудовал лопатой и ножом, чистил и замерял, снова все бросал и бежал от скрепера к скреперу, умудряясь найти еще время для чертежей и описаний. Вскоре ко мне присоединился Саша Загребельный, демобилизованный из армии. Мы возвращались с ним около 12 ночи в гостиницу, окоченевшие и оглохшие от рева машин, пропыленные, и, даже не умываясь, замертво падали в постель, чтобы завтра продолжить снова поединок с вечностью».

Толстая Могила — самый большой скифский курган, исследованный советскими археологами. Высота его составляла около 8,5 м, диаметр — 70 м. И хотя он значительно уступал по размерам Чертомлыку и Солохе, раскопки его были не менее трудоемки, а результаты — сенсационны. Впрочем, предоставим слово руководителю раскопок Борису Мозолевскому. «За две недели бульдозерами и скреперами была снята курганная насыпь <...> Это 15 тысяч кубометров земли. Чтобы ее перевезти, мощным КРАЗам понадобилось совершить три тысячи рейсов. Скифы же землю эту возили с речки Соленой, что в 5 км от кургана, и делалось это исключительно из эстетических соображений — чтобы не испортить окружающий ландшафт. Сняв насыпь, мы обнаружили центральную и боковую могилы и пять вспомогательных могил коней и конюхов».

Когда вся насыпь была удалена, наступила передышка. Теперь уже можно было не торопиться — полностью укомплектовать экспедицию и вести даль-

ГЛАВА 1. НАЧАЛО СКИФСКОЙ ЭПОПЕИ, ИЛИ АРХЕОЛОГИ ЗА РАБОТОЙ

нейшую работу в нормальном темпе и в нормальных условиях. Работы на кургане начались в апреле. Курган был окружен широким рвом, в котором после расчистки были обнаружены следы грандиозной заупокойной тризны: множество костей животных — лошадей, диких свиней, благородных оленей, десятки разбитых греческих амфор. По этим остаткам удалось установить, что общий вес съеденного на поминках мяса составлял около 6500 кг, а если принять очень вероятное допущение, что в нераскопанную часть рва были сброшены кости примерно такого же числа животных, что и в исследованную, — то целых 13 тонн! Такого количества мяса должно было хватить примерно на 3000 человек (судя по этнографическим данным, один человек на пиру съедает до 5 кг мяса).

Исследование захоронений начали с боковой гробницы. Вскоре открылся ход в могилу, заполненный черноземом. Неужели ограблена? Ведь по опыту археологи хорошо знали, что именно так обычно выглядели грабительские ходы. На этот раз опасения, к счастью, оказались напрасными. Дальнейший ход событий Б.Н. Мозолевский описывает так: «Когда экспедиция уехала отдыхать, я снова опустился в гробницу и тыкался по ней до тех пор, пока в одной из стен не обнаружил вход в хозяйственную нишу, в глубине которой лежали явно не потревоженные никем кости от жертвенной пищи и бронзовая посуда. Конечно, это еще не могло быть свидетельством целостности склепа, но вера моя окрепла».

На следующий день началась расчистка склепа. В нем оказалось совершенно не потревоженное погребение молодой скифской «царицы». Ее наряд был самым богатым из когда-либо открытых в

скифских «царских» курганах. Все здесь блистало золотом: головной убор, вся одежда и башмачки были расшиты золотыми бляшками, на шее «царицы» висела массивная золотая гривна, украшенная на концах фигурками львов, на висках крепились крупные подвески с изображением богини с поднятыми руками, руки украшали три широких браслета, а все пальцы были унизаны перстнями — всего их найдено И (на одном пальце было сразу два кольца).

Рядом с «царицей» был погребен двухлетний ребенок, по-видимому, малолетний наследник. Он умер и был погребен позже матери, для чего в гробницу скифы прокопали второй ход. «Царевич» лежал в отделанном алебастром деревянном саркофаге. В изголовье стояли три миниатюрных серебряных сосуда: килик, ритон и шаровидный кубок. Среди украшений найдены золотой браслет, пояс, расшитый золотыми пуговицами, золотая гривна, сережки и маленький перстенок. Вся одежда «царевича» была расшита штампованными золотыми бляшками.

Илл. 23. Золотая пектораль. Курган Толстая Могила, IV в. до н.э.

56

ГЛАВА 1. НАЧАЛО СКИФСКОЙ ЭПОПЕИ, ИЛИ АРХЕОЛОГИ ЗА РАБОТОЙ

В этом же кургане были похоронены и слуги: девочка-служанка, «кухарка» и воин — охранник или возничий.

Оба погребения вырезали монолитами и увезли в Киев для дальнейшего изучения и последующего экспонирования в музее.

Центральная гробница была ограблена. Но грабители проникли туда после того, как свод камеры и коридора-дромоса частично уже обвалились, и ворам пришлось доставать сокровища из-под обвалившейся земли. Вес крупные и ценные вещи они забрали, но оставили множество мелких золотых бляшек и пуговиц, украшавших одежду «царя». В дромосе рухнувшую землю грабители ворошить не стали, зная, что там особо ценных находок не бывает. Но на этот раз они серьезно ошиблись.

Именно в дромосе всего лишь в 30 см от входа в погребальную камеру лежал меч с обложенной золотом рукоятью и в ножнах, покрытых золотой обкладкой с рельефными украшениями. Л еще ближе к камере, буквально у самого входа в нее, найдена золотая «царская» пектораль, принесшая кургану Толстая Могила мировую известность. Грабители остановились в 10 см от нее! Почему, каким образом эти ценнейшие предметы оказались в дромосе, а не там, где им надлежало быть? Возможно, они были намеренно там припрятаны. Во всяком случае, это их спасло.

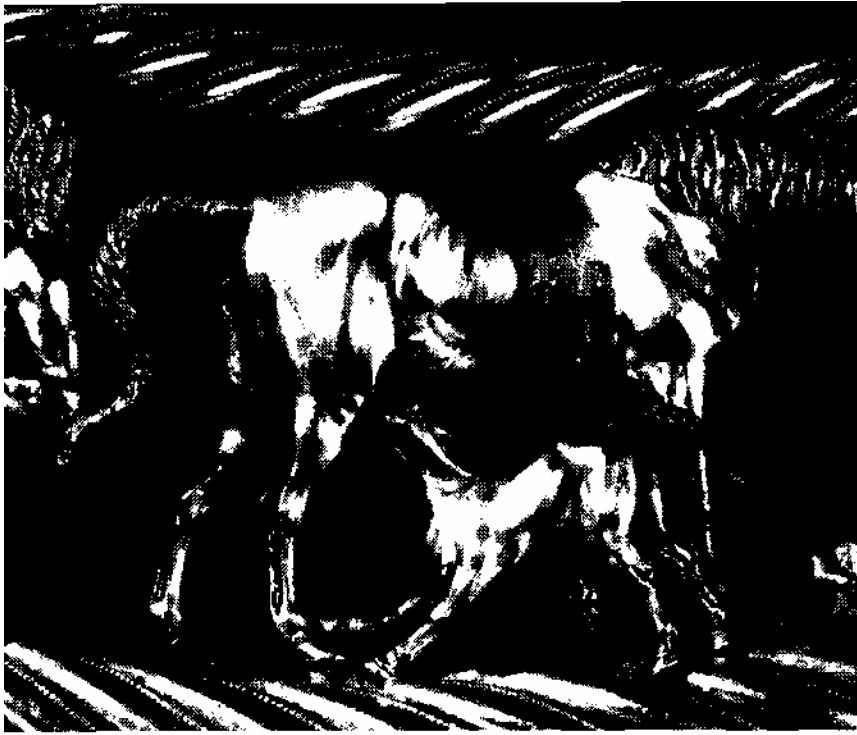
Рядом с гробницей «царя» располагались два конских захоронения, в каждом из которых находилось по три коня в богатых уборах, и три могилы умерщвленных конюхов. Еще один слуга лежал в дромосе. Всего в кургане захоронено восемь принесенных в жертву людей.

Золотая обкладка пожен найденного меча по форме идентична чертом-лицкой и пятибратней, но украшена она другими изображениями. Если на первых двух изображены совершенно одинаковые сцены битвы греков с варварами (они, несомненно, вышли из одной мастерской и были изготовлены по одной матрице), то на обкладке из Толстой Могилы представлены изображения в скифском зверином стиле. На перекрестье меча в геральдической позе стоят дерущиеся петухи — совершенно новый и необычный сюжет в скифо-античном искусстве.

Однако главным сокровищем Толстой Могилы является золотая пектораль (вес — около 1,2 кг, диаметр — чуть более 30 см). Основу пекторали составляют четыре жгутообразные трубки, скрепленные на концах обоймами с наконечниками из львиных голов. Они разделяют пектораль на три полукруглых яруса. Средний заполнен растительным орнаментом, нижний — традиционным для скифов звериным, а верхний представляет наибольший для нас

Илл. 24. Детали с изображениями животных на золотой пекторали.

Курган Толстая Могила

интерес — здесь помещены изумительные по реализму и тонкости исполнения сцены из жизни скифов. В центре композиции два обнаженных по пояс человека, снявшие свои гориты с луками, шьют меховую рубаху. Рядом с ними изображена почти пасторальная картина — юный скиф доит овцу, а стоящий рядом с ним человек держит амфору, возможно, с только что сцеженным в нее молоком. Мы видим, как жеребенок сосет молоко кобылы, а теленок — коровы. Цикл завершается разлетающимися в разные стороны птицами.

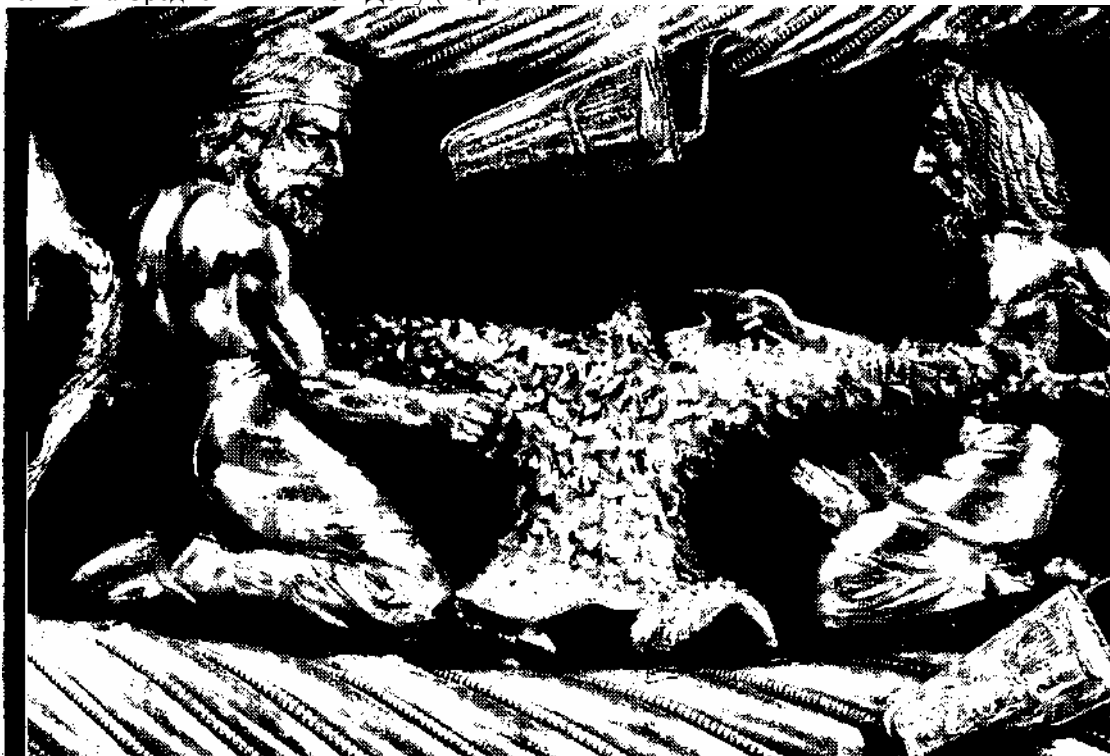
«Развернутой симфонией о жизни в представлениях скифского общества» назвал пектораль ее первооткрыватель, Б.Н. Мозолевский.

Итак, Толстая Могила была царской семейной усыпальницей, в которую последовательно захоронили

«царя», его супругу и их малолетнего сына-наследника. Судя по амфорам, разбитым на тризне, «царь» был похоронен не позднее середины IV в. до н.э., а «царица» и «царевич» немного позднее. Толстая Могила — богатейший из известных в настоящее время скифских царских курганов. Вес золотых изделий, найденных в нем, — 4,5 кг — намного превышает вес золота, найденного в Куль-Обе. Но значение кургана определяется не этим, а тем, что в отличие от курганов, раскопанных в XIX — начале XX вв., он дал ценнейшую и огромную по объему информацию о погребальном обряде высшей скифской аристократии.

Итак, вслед за археологами мы прошли долгим и тернистым путем истории изучения скифских древностей: от Мельгуновского, Литого кургана (1763г.) и до Толстой Могилы (1970 г.). Между этими двумя датами лежит целая эпоха археологических открытий, когда были раскопаны тысячи больших и малых скифских курганов, десятки поселений и городищ. Не менее важная роль в изучении скифов принадлежит также историкам и лингвистам, которые тщательно исследуют древние тексты античных и восточных авторов, содержащие сведения о воинственных обитателях причерноморских степей в VII-IV вв. до н.э. Речь идет здесь об анализе ассирийских и вавилонских клинописных текстов, Библии (Ветхого Завета) и особенно трудов греческих историков — Гекатея, Геродота, Гиппократата и др. Существенную лепту в успехи скифоведения вносят за последние десятилетия и представители естественных наук — антропологи, палеозоологи, палеоботаники, палеогеографы.

Продолжаются изыскания по скифской тематике и в наши дни как в России, так и на главной хранительнице древностей европейских скифов — Украине. Правда, их интенсивность, в особенности полевых археологических исследований, из-за полного прекращения государственного финансирования науки, заметно снизилась. Кроме того, после распада СССР основная часть скифских памятников осталась в границах Украины, а в России скифские курганы и поселения встречаются только на Среднем и Нижнем Дону (Воро-

Илл. 25. Деталь золотой пекторали: скифы, изготавливающие оде из овечьей шкуры. Курган Толстая Мо

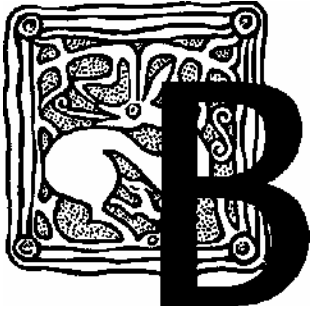
пежская, Белгородская, Ростовская области) и в Ставропольском и Краснодарском краях (по там находится только скифская «архаика» VII-VI вв. до н.э.). Таким образом, сегодня регион Подонья для российских археологов — это единственный полигон для раскопок древностей европейских скифов и решения на этой основе ряда общескифских проблем.

Допекая археология в России, после некоторого упадка в 1991-1995 гг., в настоящее время развивается довольно успешно. Здесь энергично работают как столичные, так и региональные специалисты, в частности из Воронежа, Липецка, Волгограда, Ростова-на-Дону. Об истории развития донской (прежде всего, среднедонской) археологии и пойдет речь в следующей главе.

ГЛАВА 2

ТАМ, ГДЕ ЖИЛИ АМАЗОНКИ:

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ СКИФСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ СРЕДНЕГО ДОНА

К нам немного доходит из прошлого мира, И минувших столетий — немного имен; Только редкие души, как луч Ллтайра, Как звезда, нам сияют из бездны времен.

И проходят, проходят, как волны, как тени, Бесконечно проходят века бытия... Сколько слез, и желаний, и дум, и стремлений! Миллионы погибших, исчезнувших «я»!

В. Брюсов

1905 г. Л.М. Савелов, предводитель дворянства Коро-тоякского уезда Воронежской губернии и довольно удачливый археолог-любитель, с глубоким пессимизмом писал о полном отсутствии каких-либо сведений о далеком прошлом Среднего Дона: «Чьи кони паслись на роскошных придонских лугах, — в отчаянии вопрошал он, — чьи руки устраивали городища и насыпали курганы, поразбросанные по всему нашему краю и безмолвно свидетельствующие о неведомой жизни былых насельников наших мест?.. Скоро ли дождутся эти курганы и городища своих исследователей?» Слава Богу, долго ждать не пришлось.

В 1899 г. воронежский археолог-любитель С.Е. Зверев исследовал могильный холм у с. Мазурки близ Новохопёрска. Курган этот был потревожен местными крестьянами, которые хотели устроить в нем погреб. Они прорыли глубокую канаву в северо-восточной части насыпи и на глубине около 5 м обнаружили деревянную гробницу, а на дне нее — ряд интересных предметов явно почтенного возраста. С.Е. Зверев продолжил раскопки и установил, что найденные здесь вещи (а среди них был и бронзовый котел скифского типа) указывают на «довольно глубокую древность кургана».

В том же 1899 г. в Воронеже была организована Воронежская Ученая Архивная Комиссия (ВУАК). Такие комиссии, существовавшие в дореволюционной России почти во всех крупных губернских центрах, в числе прочих

своих обязанностей призваны были изучать и историю данного края, а также его достопримечательности. В их состав входили дворяне, чиновники и представители местной интеллигенции. В 1901 г. член ВУАК В.Н. Тевяшов раскопал два скифских кургана у слободы Владимировка в Острогожском уезде Воронежской губернии. Но находки оказались немногочисленными и малоинтересными: все захоронения были ограблены. Однако несколько археологов-любителей из ВУАК явно не могли сами решить с помощью раскопок такую сложную задачу, как воссоздание древней истории края. Многие курганы разрушались в результате хозяйственной деятельности человека и воздействия неблагоприятных природных факторов. А затем на местные скифские древности обрушилась новая напасть: они стали жертвой беззастенчивых и наглых искателей легкой наживы — грабителей могил. Стоит ли удивляться, что и первые достоверные сведения о богатстве среднедопских курганов стали известны ученому миру в Санкт-Петербурге и Москве лишь в результате грабительских раскопок в начале XX в. «Увидели, как на „линии“* копают, давай и мы попробуем, что в наших курганах есть, — вспоминают старожилы с. Мастюгино (совр. Острогожский р-он Воронежской обл.). — Вначале копали со страхом, в ночное время, с фонарями; землю выбрасывали в противоположную от села сторону. Но продолжалось это недолго, дознался урядник и воспретил раскопки. Затем приехал пристав, осмотрел начатые работы и разрешил копать дальше, но предупредил: „Не задавило бы“. Грабеж тогда пошел открытый».

К несчастью для науки мастюгинские курганы оказались необычайно богатыми. Почти в каждой могиле находились драгоценные изделия, что, естественно, лишь разжигало алчность грабителей. Какие бесценные творения древнего искусства погибли тогда под заступами и ломами невежественных кладоискателей, мы уже никогда не узнаем. Ведь львиная доля добытых ими предметов старины превратилась в безликие слитки золота и серебра или же попала в руки частных коллекционеров.

Наконец слухи об этих чудесных находках дошли до Петербурга, и в село приехал из столицы опытный археолог А.А. Спицын. Он докопал несколько разрушенных крестьянами курганов и собрал еще сохранившиеся на руках Древние вещи.

В 1908 г. по поручению Императорской Археологической Комиссии (напомню, что в те времена это было главное научное учреждение России по организации и проведению археологических работ в пределах империи. — *Е.Г.*) и Мاستюгино направился другой известный археолог — Н.Е. Макаренко. Ему

Имеется в виду Кубань.

удалось раскопать шесть богатых курганов, счастливо избежавших ограбления или пострадавших лишь частично. И находки посыпались как из рога изобилия. Так, курган № 2, не предвещавший сначала ничего хорошего для исследователя, оказался весьма интересным.

«Почти отвесная, неправильно круглая яма, суживающаяся книзу в виде воронки, — вспоминает Н.Е. Макаренко, — привела хищников, по счастливой случайности, к костяку, лежавшему у северо-западной стены (могилы. — *В.Г.*). С него они сняли, по их показаниям, золотое кольцо в виде змейки в три оборота, проданное жене местного земского начальника. Дальнейший грабеж кургана был предотвращен обвалом земли».

Надо сказать, это произошло как раз вовремя. Под обломками деревянной бревенчатой крыши гробницы и рухнувших вниз пластов земли археолог обнаружил погребение скифского знатного воина в железном чешуйчатом панцире, золоченых бронзовых поножах античного происхождения (кнемидах) в окружении груды разнообразного оружия и снаряжения: десятков наконечников бронзовых и железных стрел, копий, дротиков, конских удил. Здесь же лежала и напутственная пища — часть туши лошади (точнее, молодого жеребенка) — и сосуды для питья (глиняные и деревянные с золотой оковкой чаши). Интереснейшие предметы, том числе множество привозных греческих вещей, были найдены и в других пяти раскопанных курганах. В частности, удалось обнаружить еще одну пару греческих поножей с надписью греческими буквами «Левк(он)» — вероятно, это имя прежнего их владельца. Были найдены также бронзовый греческий шлем «фракийского» типа, медный нагрудник кожаного панциря с изоб-

Илл. 26. Золотые серьги с фигурой богини Кибелы. Курган № 1 у с. Мاستюгино, IV в. до н.э. (раскопки Н.Е. Макаренко, 1908—1911)

ф-л.п. 27. Бронзовая пластина

от панциря с ликом

Медузы Горюны.

Курган № 2 у с. Мастюгино

(раскопки Н.Е. Макаренко,

1908-1911)

Илл. 28. Серебряный греческий сосуд с человеческой личиной.

Разграбленный курган у с. Мастюгино (сборы А.А. Спицъта, 1905~1906)

ражением Медузы Горгоны и золотые серьги с фигурой богини Кибелы, сидящей на двух львах. К сожалению, недостаток средств вскоре вынудил Н.Е. Макаренко прекратить работы. Накануне отъезда из Мастюгино он, как бы обращаясь к будущим исследователям, с явно преждевременным оптимизмом записал в своем дневнике: «По счастью, грабители в большинстве случаев портили верхнюю насыпь кургана и часть погребений, не имея возможности захватить все. Низенькие курганы не привлекали их внимания, а потому остались нетронутыми, хотя и не были бедны». По иронии судьбы, именно раскопки этого ученого послужили дополнительным толчком для начавшейся вскоре в Мастюгино вакханалии курганных грабежей: ведь работали-то в составе упомянутой экспедиции те же местные крестьяне, люди наблюдательные и сметливые. Не прошло и нескольких лет, как умудренные полученным опытом мастюгинские мужики весьма основательно «прошлись» по многим оставшимся еще нетронутыми курганам — и высоким и «низеньким».

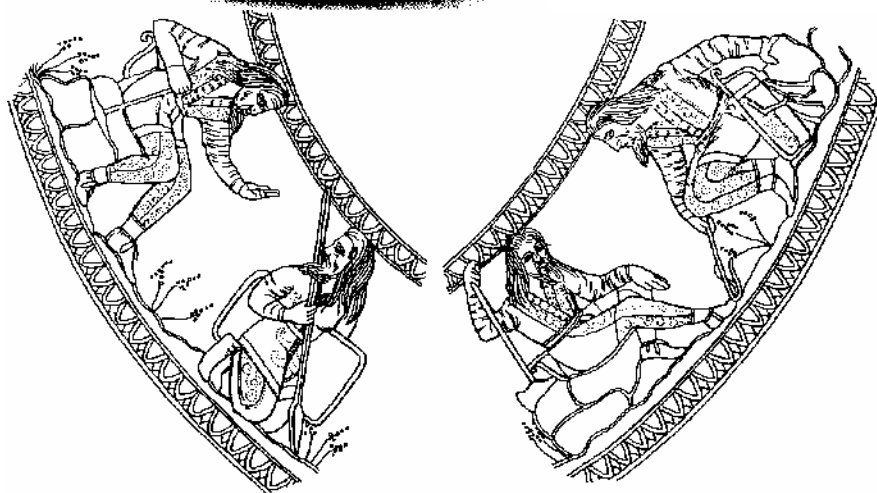
Примерно в те же годы археологи-любители из ВУАК приступили на свой страх и риск к раскопкам еще одного древнего могильника в урочище «Частые курганы» на северной окраине Воронежа. Всего с 1910 по 1915 гг. было вскрыто свыше десятка курганных насыпей и лежащих под ними скифских захоронений, давших исключительно богатые и интересные материалы. В их числе и знаменитый серебряный круглодонный сосуд с изображениями скифов — шедевр, вероятно, созданный неизвестным греческим мастером в одной из ювелирных мастерских Пантикапея (совр. Керчи) — столицы Бос-порского царства.

Именно этой уникальной находке и суждено было стать своеобразным яблоком раздора в споре между чиновниками Петербурга и членами местной Ученой Архивной Комиссии. Дело в том, что по существующему тогда порядку разрешение на раскопки, а зачастую и необходимые денежные средства заинтересованные лица получали из петербургской Императорской Археологической Комиссии. Взамен этого каждый археолог обязан был отправить в столицу все найденные им вещи и подробнейший отчет о своих работах. Именно Археологическая Комиссия, состоявшая в ведомстве императорского двора, ежегодно устраивала в столице выставку лучших находок сезона. Председатель Комиссии, гофмейстер граф А.А. Бобринский в торжественной обстановке «представлял на высочайшее воззрение» (т. е. перед императором) наиболее выдающиеся предметы старины, среди которых весьма важное место занимали золотые украшения и прочие предметы из скифских курганов, а также творения античных мастеров.

Надо полагать, что и вновь найденный серебряный сосуд с изображением скифов (второй после куль-обского) придворные чины из Комиссии рассчи-

66

/Илл. 29. Воронежский серебряный сосуд с изображением скифов и его прорисовка. «Частые, курганы», курган №3, IV в. до н.э. (раскопки ВУАК, 1910)

тивали продемонстрировать лично царю. Но на этот раз произошло все иначе. Другой важный сановник, граф П.Н. Апраксин, стоявший тогда во главе Воронежской Ученой Архивной Комиссии, решил в 1911 г. самостоятельно устроить «представление на высочайшее обозрение» великолепнейших находок из «Частых курганов». Ему удалось преподнести «под светлы очи» Николая II упомянутую серебряную вазу. Последовавшую потом беседу с царем граф ловко использовал для успешного решения одного своего давнего ходатайства: он просил передать Воронежскому музею принадлежавший казне старинный дворец последнего крымского хана Шагин-Гирея в Воронеже, и добился своего.

Во всем происшедшем Императорская Археологическая Комиссия усмотрела прямое ущемление своих интересов. Разразился громкий скандал. В Воронеж одна за другой шли из столицы грозные бумаги с обвинениями в научной недобросовестности, дилетантстве и даже с запретами вести дальнейшие раскопки. Местные археологи, естественно, пытались как-то оправдаться. В конце концов, весьма курьезная переписка по этому поводу в виде нескольких пухлых томов попала в архив, где и лежит до сих пор, напоминая о тех временах, когда археология во многом была лишь игрушкой в руках пресыщенных придворных чинов и богатых бездельников.

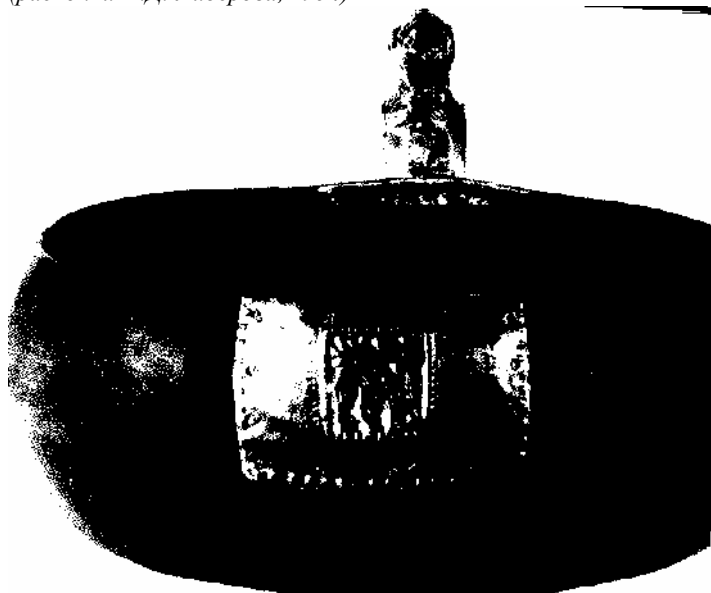
Конечно, встречались в ту пору и знающие люди, талантливые русские археологи, по, к сожалению, отнюдь не они определяли общее состояние дел в области изучения прошлого нашей страны. И все же наука не стояла на месте. Живые ростки знания упорно пробивали себе дорогу сквозь многочисленные трудности и преграды. Именно в эти годы большой знаток скифской археологии М.И. Ростовцев написал в одной из своих работ: «Как ни кустарно ведется дело расследования в большинстве раскопочных кампаний, как ни грабят наши золотоносные курганы хищники и жадные предприниматели, до сих пор стоящие вне досягаемости закона <..> богатство наше все же растет, стихийно переполняет Эрмитаж, начинает заполнять и провинциальные музеи. К сожалению, бедное силами и материальными средствами научное исследование еле поспевает за этим ростом, масса вещей первостепенной важности остается неизданной, и во многих областях обилие материала грозит превратиться в хаос».

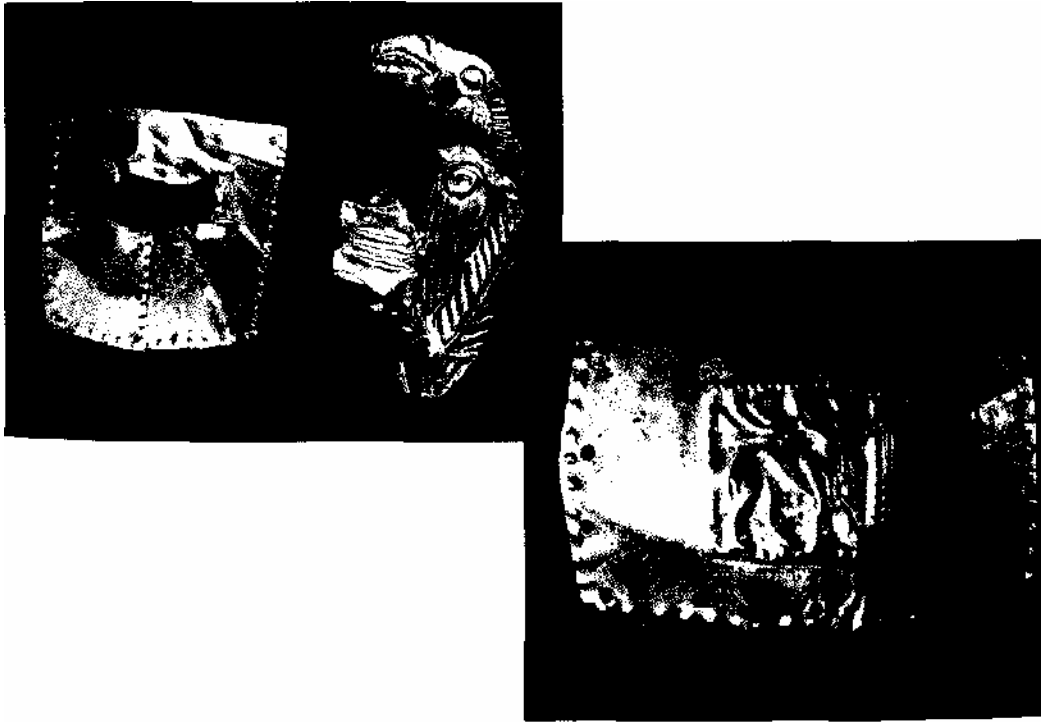
Эти слова имели самое прямое отношение и к воронежским древностям скифской эпохи. Общий итог деятельности археологов дореволюционной поры на Среднем Дону никак не назовешь впечатляющим: два десятка раскопанных курганов и несколько случайно найденных вещей вряд ли могли дать сколько-нибудь полное представление о культуре местного населения в скифское время.

Не сразу изменилось положение дел и после Октябрьской революции. В 1927 г. известный российский археолог В.А. Городцов раскопал в той же группе «Частые курганы» еще шесть насыпей. Пять из них содержали погребения

Г

*III в. до н.э. Деревянная чаша с золотыми
и золотой в виде хищной птицы, IV в. до н.э. (реконструкция). Общий вид. «Частые курганы», курган №1
(раскопки И.Д. Либерова, 1954)*

а)
И-й-й. 31. Детали деревянной чаши "•» *куруина* № 11: а) золотая ручка в виде хищной птицы и ее основа; б) золотая пластина с фигурой с обкладки чаши

о)
скифского периода, сильно потревоженные грабителями и поэтому давшие весьма скромный материал. В 30-е-40-е годы сколько-нибудь значительных исследований скифских древностей в воронежских краях практически не велось. Тем не менее, в 1952 г. воронежский историк А.Ф. Шоков, обобщив все имевшиеся тогда сведения об археологических памятниках раннежелезного века в регионе (прежде всего, это были материалы старых раскопок курганов), еще раз подтвердил точку зрения М.И. Ростовцева о том, что культура племен Среднего Дона в V-III вв. до н.э. — скифская, и что эти места — часть единого военно-политического объединения (государства) — Скифии.
В 1954 г. к широкому изучению скифских поселений и могильников на рассматриваемой территории приступила Воронежская скифская лесостепная экспедиция Института археологии АН СССР, возглавляемая П.Д. Либеровым. За сравнительно короткое время, с 1954 по 1965 гг., ею были раскопаны курганные могильники в урочище «Частые курганы» (41 курган) и у с. Мастюгино (46 курганов), а также 18 курганов (из 49 выявленных) в двух могильниках у с. Русская Тростянка Острогожского р-на Воронежской обл. Одновременно были обнаружены и частично исследованы свыше 20 городищ и 39 селищ скифского времени.
Кроме того, были собраны и изучены специалистами первые коллекции антропологического и палеозоологического материала, проведены спектральные анализы цветного металла из погребальных и поселенческих комплексов.

Этот новый богатый и разнообразный археологический материал в сочетании с данными античных письменных источников позволил П.Д. Либерову сформулировать общую концепцию о наличии в регионе Среднего Дона в VI-III вв. до н.э. «скифоидной» по внешнему облику, но сугубо местной и оригинальной культуры оседлых земледельцев и скотоводов, которых он связывал с упомянутыми Геродотом будинами и угро-финским этносом. Он утверждал также, что сред недопекая культура скифской эпохи не имеет ничего общего со своими соседями на западе — племенами Украинской Лесостепи (левобережье Днепра), на востоке — с кочевыми племенами савроматов и на юге — с собственно скифами. Происхождение среднедонской культуры он связывал с местными традициями эпохи поздней бронзы.

«Суммируя все вышесказанное, — писал П.Д. Либеров, — мы можем заключить, что археологические, лингвистические и этнографические источники позволяют рассматривать население Подолия в эпоху раннежелезного века в этническом отношении как финно-угорское, говорящее, по Геродоту, на особом языке как по сравнению с гелопами, выходцами из эллинских городов, так и скифами».

Это было весьма смелое утверждение, отвергающее, по сути дела, взгляды всех его предшественников — А.А. Спицына, Н.Е. Макаренко, М.И. Ростовцева, В.А. Городцова, С.Н. Замятина и других, которые рассматривали средне-донскую культуру, как скифскую. Но П.Д. Либеров располагал новым обширным материалом (итоги раскопок свыше 100 курганов и десятков поселений), и многие ученые

сочли его доводы вполне приемлемыми. К тому же, в 1952 г. его учитель — Б.П. Граков — принципиально отделил культуру скифской степи от культуры нескифской Лесостепи глухой стеной, и, таким образом, лесостепной Средний Дон автоматически отходил к нескифским племенам, упоминаемым Геродотом.

Надо сказать, и я сам, став с 1960 г. сотрудником экспедиции П.Д. Либера, принимал участие в целом ряде его раскопок и, к тому же, вполне разделял тогда научные взгляды своего начальника. Опыт этих исследований (это было самое начало моей археологической карьеры) во многом способствовал моему формированию как профессионального ученого-археолога. И чтобы подтвердить свои рассуждения конкретными фактами, сошлюсь на несколько давних наших работ в начале 60-х.

Пример 1. По следам кладоискателей

Случилось так, что первый мой опыт по раскопкам скифских курганов Воро-нежщины в 1961 г. был связан как раз с тем самым с. Мاستюгино и его печально известными могильными холмами, которые так часто становились в прошлом жертвами кладоискателей.

Жить нам пришлось в самом селе. И первое время мне трудно было отделаться от одной навязчивой мысли: в каждом мастюгинском жителе мне чудился грабитель или, на худой конец, ближайший его родственник. Здесь, безусловно, давали себя знать прочитанные мною перед поездкой нелицеприятные высказывания о местных мужиках первых исследователей могильника — А.А. Спицына и Н.Е. Макаренко. Даже внешний вид Мاستюгино вызывал во мне глухое раздражение. На голом, без единого деревца или кустика, косогоре беспорядочно, вразброс, стояли унылые, серые от облупившейся побелки дома. Нелепо широкая, грязная, вся в глубоких колдобинах дорога, шедшая через село на станцию Мазурки, вдруг внезапно упиралась в стену какого-то бревенчатого сарая и, сделав замысловатое коленце вокруг этой неожиданной преграды, неторопливо тянулась дальше. То, что село было голое, без садов и посадок, как мне казалось тогда, самым прямым образом увязывалось с характером мастюгшцев, — по моему глубокому убеждению, людей угрюмых, скрытных и подозрительных. Потом уже, некоторое время спустя, я вынужден был признать свою неправоту: и село оказалось как село, и люди обычные — добрые и простые. Что же касается садов, то их вырубали где-то в 30-е г. из-за непомерно высоких государственных налогов на фруктовые деревья.

Интересующая нас курганная группа находилась примерно в 1,5 км севернее села, за глубоким оврагом, на высоком меловом бугре. Большинство курганов ежегодно распахивались и поэтому представляли собой не слишком привлекательное зрелище. На черноземном, оставленном под пар поле едва заметными бугорками выделялось десятка два небольших холмиков и какие-то круглые светлые пятна. Правда, кое-где можно было видеть и высокие зеленые конусы курганов в несколько метров высотой. Даже тракторный плуг не смог сокрушить их крутые насыпи. Но, подойдя ближе, мы увидели, что вершины этих земляных колоссов обезображены глубокими воронками грабительских ям и перекопов.

Здесь, на этом курганном поле и пришлось мне в течение полутора месяцев проходить свои «археологические университеты». Наставником моим был сам начальник экспедиции — Петр Дмитриевич Либеров, человек с огромным жизненным опытом, прошедший долгий и трудный путь от простого архангельского лесоруба до заместителя директора солидного академического института. Именно он, ловко взяв в свои ухватистые, по-мужичьи жадные до работы руки остро наточенную лопату, научил меня искусно владеть ею. Он же показал мне, как надо любить и понимать землю, разбираться в ее секретах, в хитросплетениях грабительских ходов, желтых пятен от норок грызунов и, наконец, в тонкостях древних погребальных конструкций.

Читатель вправе, вероятно, спросить: а стоило ли тратить время и немалые средства на бесперспективные вроде бы раскопки уже ограбленных мастюгинских курганов? Могу сказать без тени какого-либо сомнения — стоило. И вот почему. Археология — это наука, изучающая прошлое человечества по остаткам его материальной культуры, привлекаемым обычно из глубины земли. Для воссоздания подлинной истории племен и народов, зачастую бесписьменных, необходимо широкое изучение древних поселений и могильников. Теперь при раскопках курганов археолога интересуют не только отдельные драгоценные изделия или выдающиеся произведения искусства, а весь комплекс данных о характере изучаемого памятника: структура насыпи, устройство гробницы, черты погребального обряда, точное положение скелета и вещей в могиле (для выяснения религиозных верований данного народа) и даже сами человеческие кости (для антропологических изысканий, причем, современные методы позволяют антропологам определять по костям не только пол и возраст погребенного человека, но и чем он болел, как питался, какие перенес при жизни стрессы и физические нагрузки).

Для широких исторических обобщений нужен массовый материал из многих курганов. Именно такие данные и были получены нами в Мاستюгино. По

М. 'иі. 32. Золотая обкладка деревянного гребня с фигурами хищников и общая реконструкция жребия. Курти № 32/32 У с. Мастюгино, IV в. до н.э. (раскопки УД. Либерова)

вместе с тем, вопреки нашим предположениям, «бесперспективные» местные гробницы неожиданно подарили нам и немало ценных, высокохудожественных изделий. Все это стало возможным благодаря широкому применению могучей землеройной техники. Если раньше археологи вручную могли в лучшем случае снять за один полевой сезон одну, две, максимум три курганных насыпи среднего размера, то мы с помощью бульдозера и скрепера сумели раскопать за полтора месяца 18 курганов.

Не берусь судить, когда и где стали впервые применять бульдозеры при археологических исследованиях. Во всяком случае, для нас в 1961 г. дело это было новое и незнакомое. Приходилось учиться на ходу, прямо в процессе раскопок. Были, конечно, как и во всяком новом деле, свои трудности и ошибки. Но сейчас, оглядываясь на пройденный путь, можно сказать, что этот первый опыт массовых раскопок с помощью техники целиком себя оправдал. Мы не

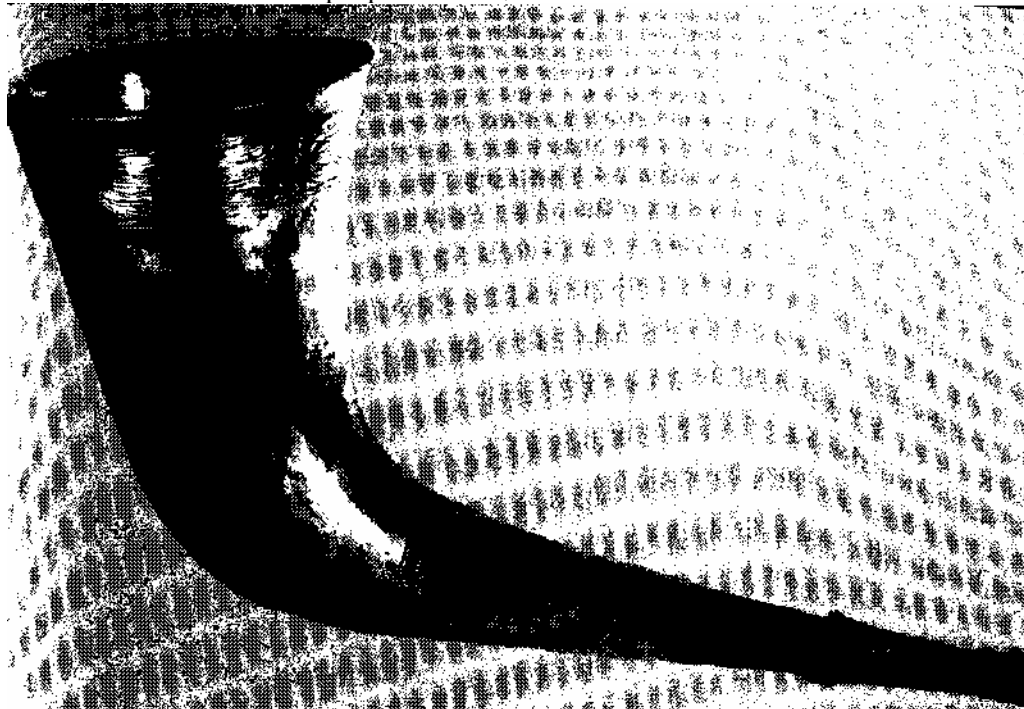
испортили ни одного кургана, ни одной могилы, ни одного древнего предмета. А точность фиксации процесса раскопок в чертежах и дневниках нисколько не уступала требованиям обычной археологической методики. Зато скорости работ в обоих случаях были несравнимы. Вооруженные могучим бульдозером, мы за один день успевали сделать столько, на что прежде тратились недели. Правда, перед этим пришлось хорошо изучить структуру местных курганов скифского времени. Выяснилось, что в насыпи, за редким исключением, находок не встречается или же там представлены скудные следы погребальной тризны — черепки глиняных сосудов и разрозненные кости животных. Сама же гробница с деревянным перекрытием расположена обычно в центре кургана, под насыпью, на 1,5-2 м вглубь нетронутой почвы, или, как ее зовут археологи, «материка».

Таким образом, риск зацепить и разрушить ножом бульдозера какой-либо древний предмет или конструкцию сводился при раскопках насыпи до минимума. Когда же из недр земли появлялись полустгнившие бревна крыши гробницы, трактор останавливали и дальнейшие работы вели вручную.

Пример 2. История одного кургана

Во время работ в Мاستюгино наше внимание привлек одинокий большой курган, получивший в полевой документации замысловатый помер 29/21. Внешний вид его не внушал особого доверия. Огромная коническая воронка прорезала всю его вершину, лишая исследователя всякой надежды на достойное вознаграждение за свой нелегкий труд. Курган был уже раскопан или основательно ограблен в не столь уж отдаленные времена. Но решили проверить и его.

Крутолобый земляной исполин был снесен за три дня. Внизу открылась огромная могильная яма площадью 49 кв. м. Ее перекрывал мощный

Илл. 33. Серебряный с позолотой ритон. Курган № 29/21 у с. Мастюгино, V в. до (раскопки П.Д. Либера)

двойной накат из дубовых бревен, опиравшийся на 17 вертикально стоящих столбов. Однако сгнившее перекрытие, не выдержав тяжести земли, давившей на него сверху, рухнуло еще в древности, завалив боковые стороны и углы гигантской гробницы. Это и предопределило дальнейший ход событий. То, что могила ограблена, было ясно с первого взгляда — мы увидели беспорядочно разбросанные изломанные вещи, отдельные человеческие кости, следы перекопа и т. д. Но мы не унывали — ведь нам удалось во всех деталях проследить конструкцию этого колоссального погребального сооружения, что уже само по себе было весомым вкладом в донскую археологию.

И вдруг, в самом углу могильной ямы под рухнувшими вниз обломками бревен показался округлый бок какого-то позеленевшего от времени предмета. Когда это место осторожно расчистили, то увидели не одну, а сразу две драгоценные находки — бронзовую с позолотой греческую гидрию* и серебряный ритон. Там же лежали две серебряные фигурки медведей — украшения из уздечного набора, золотая бляшка, золотая оковка деревянного сосуда, железные

наконечники стрел, обломок греческой черполаковой чашечки и несколь-

* Гидрия — сосуд для воды с двумя ручками по бокам.

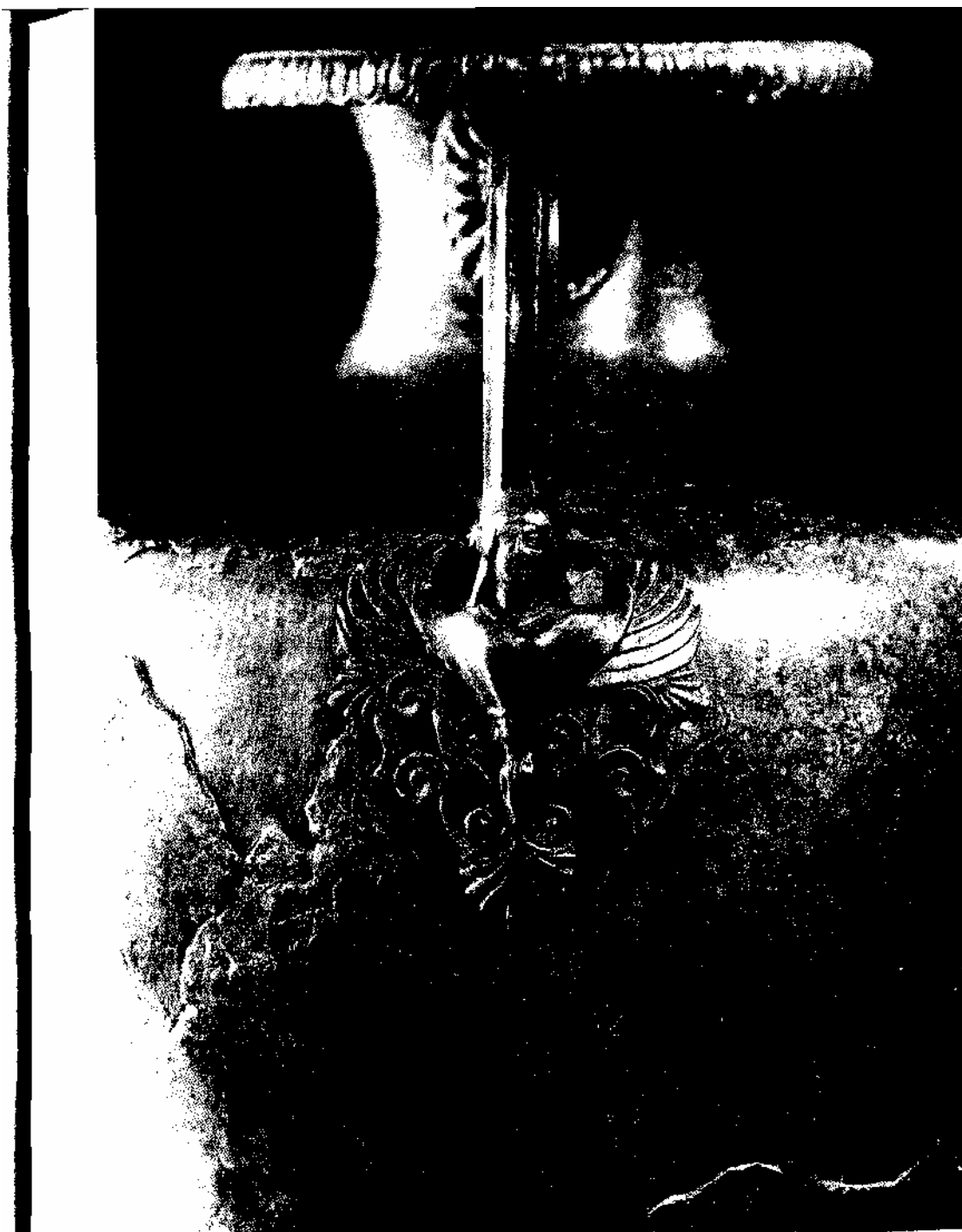
ко других вещей. Благодаря этим находкам время сооружения кургана удалось установить достаточно точно: это конец V в. до н.э.

Но, странное дело, более внимательное знакомство с предметами из кургана 29/21 выявило их поразительное сходство с вещами из кургана № 2, раскопанного (вернее, доследованного) А.А. Спицыным в 1905 или 1906 гг. у того же села Мастюгино. Одна золотая треугольная бляшка находилась у нас, а несколько точно таких же бляшек — в коллекции А.А. Спицына. Та же картина и с золотыми оковками деревянного сосуда: одна — у нас, шесть — у него, Серебряных фигурок медведей, абсолютно идентичных во всех деталях: у нас — две, у него — одна. Совпадает и описание погребальной камеры. Только вместо 17 столбовых ямок в отчете А.А. Спицына указано 16. Не хватает одной, возле которой мы и нашли гидрию, ритон и много других более мелких предметов.

Но окончательно убедил нас в наших догадках рассказ нескольких мастю-гинских старожилов. Они прекрасно помнили, что в этот курган сначала проникли местные кладоискатели, которые нашли здесь «металлическую посудину», серебряную или бронзовую, и «прекрасную глиняную чашу», правда, неосторожно разбив их ломом на мелкие куски. А потом тот же курган докапывал А.А. Спицын. Конечно, старики уже не помнили его фамилии, но уверенно говорили о том, что какой-то «важный господин», приехавший издалека, доследовал могилу и вывез оттуда целый воз золота и серебра. Крестьяне, бесспорно, несколько преувеличивали истинное положение дел. Но все же, если судить по отчету А.А. Спицына для Императорской Археологической Комиссии, находки, сделанные им, действительно оказались на редкость богатыми. Забрал он у кладоискателей и обломки «металлической посуды» в количестве 46 штук; «посудина», после реставрации превратилась в серебряный греческий сосуд VII в. до н.э. Итак, круг доказательств сомкнулся. Мы изучали курган, уже раскопанный до того в начале XX в. известным русским археологом А.А. Спицыным.

Пример 3. Сокровище скифского вождя

До сих пор мы встречали па Дону курганы, уже основательно опустошенные искателями наживы всех эпох. Правда, широкие раскопки с применением землеройной техники позволили, в конечном счете, и нам добывать интереснейшие и ценные находки. Один курган дал серебряный греческий ритон. В другом мы неожиданно наткнулись на почти целый панцирь, железные чешуйки которого были выложены на груди тонким золотым листом. Третий хранил в своих недрах вооружение скифского воина — наконечники стрел, дротиков и копий, меч, нож и конскую узду. То вдруг в грабительском перекопе удавалось собрать довольно внушительную коллекцию золотых штампованных бляшек разных форм и размеров,

Им. 34. Деталь бронзовой гидрии. Курган №29/21 у с. Мاستюшно, V в.

И все же в глубине души мы всегда чувствовали какую-то неудовлетворенность: ведь нам всегда доставались только жалкие крохи от бывшего богатства. Сколько же изумительных шедевров древнего искусства, сколько умопомрачительных груд золота и серебра должны были хранить в себе недра скифских курганов, если к ним во все времена постоянно слетались стаи алчных хищников-грабителей! Грабили их в древности свои же соплеменники или соседи. Грабили в средние века степные бродяги из проходящих по донскому раздолью кочевых орд. На рубеже прошлого столетия грабили с чисто мужицкой основательностью местные жители. И, наконец, новая напасть уже в наши дни — нашествие современных кладоискателей, так называемых «черных археологов», благо что спрос на скифские древности очень высок у частных коллекционеров и в России, и на внешнем рынке.

В связи с этим у нас в экспедиции появилась даже своего рода игра: во время раскопок очередного кургана на основе уже приобретенного опыта мы «угадывали», в какую именно эпоху был ограблен изучаемый нами объект. Отличить «почерк» древних грабителей от кладоискателей начала XX в. было трудно, но возможно. В первом случае пятно от грабительской ямы состояло из

необычайно твердой и вязкой, как замазка, земли, получившей в нашем обиходе наименование «затечной». Кладочискательские же ямы заполняла рыхлая, мягкая, легко поддающаяся лопате почва.

Однако объяснить истинную причину этого различия нам никак не удалось. И вот, совершенно случайно при чтении отчета известного русского археолога В.Л. Городцова о раскопках «Частых курганов» в 1927 г. я наткнулся на строки, полностью разрешившие все наши недоумения. «Я полагаю, — писал Василий Алексеевич, — что затвердение земли в грабительской лазейке происходило по той причине, что ограбление производилось в ненастные дождливые ночи, чтобы не быть замеченными родственниками погребенного или их соседями, несомненно, жестоко наказывавшими преступников. Смоченная дождем земля, выброшенная из кургана, сырой возвращалась обратно в лазейку и вследствие этого сильно уплотнялась и получала свойства, близкие к свойствам кирпича <...> Если же наше определение верно, то необходимо заключить, что у скифов <...> существовали специалисты по ограблению курганов, пользовавшиеся для этого хорошо разработанными методами и уловками».

Но однажды нам пришлось испытать ни с чем не сравнимую радость первооткрывателей сокровищ. В 1964 г. экспедиция начала работать в более южных районах, за пределами Воронжщины. Неподалеку от с. Дуровка Ллек-сеевского р-на Белгородской обл. наше внимание привлекла большая группа сильно распаханных курганов, стоявших на высоком меловом бугре над заболоченной, густо заросшей осокой и камышом речушкой. Среди них выделялся

78

своими размерами центральный холм высотой около двух метров и диаметром свыше сорока. Решено было начать раскопки именно с него.

Под земляной насыпью открылась огромная могильная яма. Стены ее были облицованы дубовыми плахами. Перекрытие имело форму шатра: могучие дубовые стволы лучами сходились над могилой, опираясь на несколько центральных столбов, которые и удерживали всю эту сложную конструкцию. Почва возле краев могильной ямы носила следы сильного обжига.

Еще в древности в западную половину гробницы проникли грабители. Обнаружив там два скелета, мужской и женский, они забрали все находившиеся при погребенных ценности и удалились. Восточная же часть склепа, заваленная обломками дерева рухнувшего вниз «шатра», осталась совершенно нетронутой. На полу просторной деревянной гробницы лежали колчаны с сотнями железных наконечников стрел, конские удила, узорчатые уздечные наборы, части туш лошади, свиньи и овцы, бронзовая фигурка птицы, греческая амфора для вина и серебряный ритон с головкой барана на узком конце. Здесь же, среди остатков какой-то истлевшей розовой ткани, валялись сотни плоских и полусферических золотых нашивных бляшек и одна большая круглая бляха из листового золота. На ней в грубом варварском стиле изображен длинноволосый человек, который сидит верхом на крылатом грифоне, терзающем оленя. На шее у мужчины можно различить многовитковую гривну — знак власти, его правая рука поднята, видимо, для удара, но никакого оружия в ней нет. Кто же он?

Согласно скифским легендам, все цари Скифии ведут свое происхождение от одного общего предка — мифического героя по имени Таргитай. Как и греческий Геракл, Таргитай прославился своими многочисленными подвигами во славу человека, очищая землю от страшных хищников и чудовищ. Золотые бляшки с изображением Геракла-Таргитая встречаются во многих погребениях высшей скифской знати. О знатности погребенного свидетельствовал и серебряный ритон с затейливым орнаментом. Ведь хорошо известно, что у многих ираноязычных племен и народов (в том числе и у скифов) ритон считался священным, ритуальным сосудом и одновременно одним из атрибутов царской власти. С его помощью земные владыки как бы приобщались к миру владык небесных. Теперь сомневаться больше не приходилось: перед нами лежали останки одного из местных властителей и его спутницы.

С конца 60-х гг. XX в. изучение памятников скифского времени на Среднем Дону осуществлялось лишь спорадически и в незначительных масштабах. Среди интересных раскопок можно отметить исследование курганного могильника у с. Дуровка, проводившееся А.И. Пузиковой (Институт археологии РАН) в ГО-е-80-е гг. (всего 23 кургана).

Илл. 35. Золотая круглая бляха с изображением Таргитая. Прорисовка. Курган № 1, с. Дуровка, IV в. до н.э. (раскопки А.И. Пузиковой)

С 1975 г. приступил к исследованиям Отряд скифо-сарматской археологии Воронежского государственного университета (руководитель А.П. Медведев). За последующие два десятилетия им было раскопано Пекшевское городище (Липецкая обл.), где представлены материалы и городецкой (угро-финской) и «скифоидной» культур VI-IV вв. до н.э., а также доследован разграбленный современными кладоискателями курганный могильник у с. Животинное (13 курганов).

В Воронежском государственном педагогическом университете группа археологов, возглавляемая профессором А.Т. Синкжом, осуществила многолетние исследования на городище у хутора Мостище и раскопала 12 скифских курганов у с. Б. Стояново. В настоящее время члены этой группы - В.Д. Березамазонки: **ЛЕГЕНДЫ** И **ДЕЙСТВИТЕЛЬНОС!**

зуккий и Ю.Д. Разуваев — ведут работы на новом курганном могильнике раннего железного века у хутора Дубовой Острогожского р-на Воронежской обл., где уже изучено пять курганов V-IV вв. до н.э. Как уже отмечалось, с 1989 г. ведет свои исследования скифских древностей на Среднем Дону и наша Потуданская (с 2000 г. переименована в Донскую) археологическая экспедиция. За прошедшие 15 лет экспедиция осуществила раскопки двух городищ I тыс. до н.э. — у с. Россоски (Воловский р-н) и у с. Солдатское (Острогожский район), а также на двух курганных могильниках — у сел Терновое и Колбино (Репьевский и Острогожский р-ны Воронежской обл.), где вскрыто 49 курганов (из них 47 скифской эпохи). У с. Горки Краснянского р-на Белгородской обл. археологами исследовано 9 курганов, из них 7 — скифские. Современные исследования на Среднем Дону ни в чем не уступают работам предшествующих поколений ученых, в том числе и по сенсационности находок и открытий. И это не трудно доказать на примере нашей Донской экспедиции.

Амазонки: легенды и действительность

Римский историк Корнелий Тацит, который чрезвычайно бережно обращался с историческими фактами, писал: «Ведь старина, вымысел и чудесное называются мифами, история же — будь то древняя или новая — требует истины, а чудесному в ней нет места <...> Что же касается амазонок, то о них всегда — и раньше, и теперь — были в ходу одни и те же сказания, сплошь чудесные и невероятные».

И действительно, вот уже более 25 веков в трудах ученых и писателей передается чудесная легенда об амазонках — сказочных женщинах-воительницах, живших отдельно от мужчин и имевших весьма странные обычаи.

Первоначально их родиной считались земли на северо-востоке Малой Азии (южное побережье Черного моря, между Синопой и Трапезундом). Амазонки, как повествуют предания, храбро сражались с любым врагом и почти не знали поражений. Попавших в плен мужчин они спустя какое-то время убивали. Родившихся от таких случайных связей мальчиков изгоняли, а девочек оставляли и

воспитывали в суровых «спартанских» традициях — воительницами и наездницами. При этом у них, якобы, еще в детстве выжигалась правая грудь, дабы она не мешала стрельбе из лука и владению копьем и мечом.

Любопытные сведения об амазонках содержатся в трудах греческого автора Геродота Галикарнасского — «отца истории», являвшегося и главным летописцем Скифии (V в. до н.э.). Он пишет, что после одной из битв с амазонками победившие наконец греки решили отправить на кораблях в Грецию группу пленных женщин-воительниц. Однако в пути амазонки напали на экипажи судов и, перебив их, освободились из плена. Здесь выяснилось, что никто из амазонок морского дела не знает. Сильные ветры и течения пригнали беспомощные корабли к берегам Скифии, точнее, к северо-восточному побережью Меотиды (Азовского моря) в устье Дона-Танаиса. Высадившись на сушу, амазонки стали нападать на становища скифов, добывая себе пищу и лошадей. Произошел ряд столкновений, причем ни одна из сторон не могла добиться решающего успеха. После одной из битв скифский всадник, позарившись на одежду убитого пришельца, внезапно обнаружил, что этот мертвый воин — женщина.

Скифские вожди немедленно прекратили военные действия и отправили к амазонкам самых молодых и красивых своих юношей, настрого запретив им применять оружие, а действовать только мирными средствами. Долго добивались скифы благосклонности своенравных воительниц. Наконец, амазонки смилостивились и согласились принять скифских мужей. От этих браков появился на свет новый парод — савроматы, близкие скифам по культуре и языку. Савроматские племена кочевали к востоку от Дона, в заволжских и приуральских степях.

Описывая обычаи савроматов, греческие авторы постоянно подчеркивают воинственность и необычайно высокое социальное положение женщин в этом кочевом племени. Они объясняли это тем, что савроматские женщины ведут свое происхождение от гордых амазонок.

«Женщины савроматов, — отмечает Геродот, — исстари ездят верхом, ходят на войну, носят мужскую одежду. Ни одна девушка не выходит замуж, пока не убьет врага. Некоторые из них умирают в старости безбрачными, потому что не смогли выполнить этого требования».

На первый взгляд такое описание воинственных савроматских женщин выглядит довольно фантастическим. Да и сама легенда о происхождении савроматов долгое время не вызывала доверия в научных кругах.

Однако широкие исследования савроматских курганов Поволжья и При-уралья в 60-70-е гг. XX в. заставили совершенно по-иному взглянуть на сведения античных историков. Древняя легенда неожиданно получила веское подтверждение в виде находок богатых женских захоронений с набором боевого оружия и конской сбруи. Это сразу же заставило вспомнить предания о конных женщинах-воинах.

Но и это еще не все. Особые почести, воздаваемые умершим женщинам при погребении, и тот факт, что вокруг древнего кургана с женским захоронением часто возникал целый могильник, говорят о глубоком почитании женщины у савроматов, о наличии у них культа Матери-прародительницы. Савроматские женщины были не только храбрыми воинами. В их руках находилось отправление всех сложных религиозных церемоний. Только в женских

82

И.и. 36. Изображение амазонок с греческих расписных сосудов. VI-V вв. до н.э.

И.-и. 37. Битва греков с амазонками. Роспись кратера, V в. до н.э.

погребениях встречаются переносные каменные алтари для жертвоприношений. Судя по исследованным могилам, похороны жриц отличались особой пышностью и сложным ритуалом. В могилы клали кусочки особой краски, символизовавшей жертвенную кровь, мел, обладавший, по поверьям, очистительной силой, магические бронзовые зеркала, золотые украшения, ритуальные костяные ложечки с изображениями зверей и полный набор оружия, прежде всего, колчан со стрелами и лук.

Чем же объяснить столь странные обычаи савроматских племен? Может быть, и вправду тем, что их женщины считали себя потомками амазонок? Конечно, нет. У савроматов, как и у многих других народов земного шара, долгое время сохранялись пережитки матриархата, характерного для более ранней ступени развития человеческого общества. А древнегреческие авторы облекли вполне реальные этнографические факты, которые они наблюдали у соседних варварских племен, в форму красивой поэтической легенды.

Но история с амазонками на этом не кончается. Ведь античная историческая традиция, начиная с Геродота, прочно связывала с амазонками не Поволжье и Приуралье, где найдено большинство могил савроматских женщин с оружием, а район Северного Приазовья (Меотида) и устье реки Дои (Танаис). «Вокруг Танаиса обитают амазонки», — пишет Аммиан Марцеллип. Псевдо-Плутарх сообщает, что Танаис назывался прежде «Амазонской рекой», потому что «в ней купались амазонки». Но ведь названные земли принадлежали, как показали археологические исследования, не савроматам, а скифам.

О том же говорят и греко-римские источники.

Получалась весьма странная картина. Согласно античной письменной традиции, амазонки, благополучно перебравшись со своей легендарной прародине в Малой Азии на берега Северного Причерноморья и Приазовья, должны были неминуемо попасть в пределы Скифии. А некоторые археологи упорно отстаивали версию о том, что «амазонки» — это только савроматки Поволжья и Приуралья, поскольку лишь там встречаются женские захоронения с оружием.

Ситуация стала меняться в последние десятилетия, когда благодаря ширококомасштабным археологическим исследованиям в степной и лесостепной частях Скифии между Днестром и Доном удалось обнаружить значительное количество точно таких же погребений женщин-воительниц, как у савроматов. Только к 1991 г. на территории европейских скифов было выявлено (при активном участии антропологов) свыше 120 женских могил с оружием. До 70% этих погребений принадлежали девушкам и молодым женщинам в возрасте от 16 до 30 лет. Единственным исключением оставалась здесь до последнего времени область Среднего Дона.

Амазонки Среднего Дона/ или «Виват, антропологии»

Летом 1993 г. мы раскопали один из курганов во вновь открытом могильнике у с. Терновое, в 90 км к югу от Воронежа (курган № 6). Высота его насыпи, сильно разрушенной пахотой, не превышала 1 м, диаметр — около 18 м. Под насыпью, в центре кургана на уровне древнего горизонта, на помосте из дубовых досок находилось погребение скифского периода. Оно было дважды ограблено еще в древности. От скелета уцелели лишь обломки черепа, несколько зубов и фрагменты костей рук. И тем не менее, количество и качество находок из этого полуразрушенного захоронения превзошло все наши ожидания: золотые ладьевидные серьги и дутые золотые бусы (8 штук) — изделия греческих мастеров Боспора, бронзовое круглое зеркало с деревянной ручкой, две бусины из черной стекловидной пасты (одна в виде головки барана), а также 30 бронзовых наконечника стрел и два железных дротика. Судя по вещам, курган относился к IV в. до н.э.

Еще находясь в экспедиции и изучив в порядке подготовки будущего полевого отчета найденный археологический комплекс, я пришел к выводу, что имею дело с парным погребением: мужским и женским. Об этом, на мой взгляд, ясно говорили сами вещи: предметы вооружения принадлежали мужчине-воину, а украшения и зеркало — его спутнице, жене или наложнице. Более того, написав черновик отчета, я как-то вечером поделился своими соображениями с коллегами. Ситуация казалась настолько очевидной, что возражений с их стороны не последовало, и вопрос, таким образом, вроде бы был решен. И вдруг наш антрополог — Мария Всеволодовна Добровольская, хрупкая молодая женщина с большими голубыми глазами, дождавшись, когда все разойдутся, тихо, но твердо сказала мне: «В этом погребении представлены остатки лишь одного человека и таковым является особа женского пола в возрасте 20-25 лет». В первый момент я не на шутку рассердился. Логика моих рассуждений казалась абсолютно несокрушимой: оружие есть — значит, мужчина, женские же украшения и зеркало говорят о присутствии дамы. Ведь я твердо знал, что вооруженные женщины — потомки амазонок — обитали на сотни километров к востоку от Дона, в савроматских землях. А в наших краях после почти ста лет раскопок об амазонках и «слухом не слыхивали». В общем, разговор получился резким и неприятным для обеих сторон. И, по возвращении в Москву, не желая прослыть среди своих товарищей по профессии консерватором и самодуром, я попросил известнейшего российского антрополога Т.И. Алексееву собрать консилиум специалистов и окончательно похоронить сенсацию с амазонками на Среднем Дону.

Каково же было мое удивление, когда выяснилось, что прав не я, а молодая «антропологиня».

Пришлось смирить свою гордыню и исправить отчет.

И, слава богу, что я сделал это как раз вовремя. Поскольку на следующий год новые находки на том же курганном поле полностью подтвердили вывод Марии Добровольской о наличии в среднедонских скифских могилах захоронений вооруженных женщин.

Курган № 5, сильно распаханный, высотой чуть больше метра, в действительности оказался весьма внушительным сооружением до 40 м в диаметре и не менее 5 м в высоту. Погребальный комплекс окружал ров. В центре, под насыпью, внутри выложенного полукругом вала из желтой глины находилась облицованная досками прямоугольная яма площадью свыше 25 кв. м и глубиной до 2 м. Перекрытие держалось на 20 деревянных столбах.

Захоронение было ограблено еще в скифские времена и, видимо, еще до того, как рухнула крыша деревянного склепа; во всяком случае, гробница, несмотря на свои внушительные размеры, была «очищена» почти полностью. Мы обнаружили лишь обломки человеческого черепа, несколько бронзовых и железных наконечников стрел, бронзовую бляху от конской узды и с десятков штампованных золотых бляшек для одежды или погребального полога.

Несколько сгладили наше разочарование находки в дромосе — коридоре, ведущем в склеп с юго-восточной стороны*. Грабители или не заметили его, или не сочли достойным своего внимания — ведь в дромосах и вспомогательных нишах скифских захоронений размещали обычно жертвенную пищу и

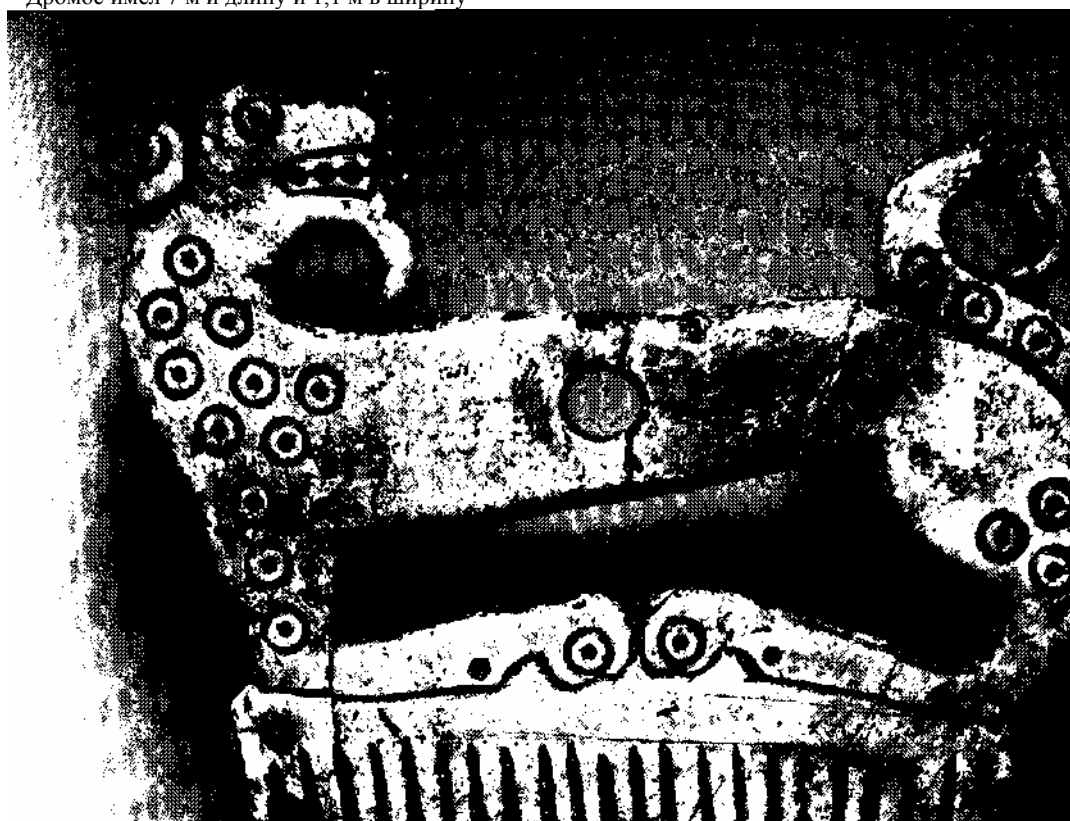
питье. И, по-видимому, присутствовавшие в ряде случаев па похоронах грабители заранее знали, что и где надо брать. Мы обнаружили все предметы в первоизданном порядке. В восточном, самом дальнем от могилы конце коридора лежали разрубленные на куски части туши лошади и железный нож с костяной рукояткой, а также остатки деревянных сосудов с бронзовыми и серебряными оковками, глиняные кувшины и чашечки.

По данным антропологов, в кургане была захоронена молодая женщина около 20-25 лет. Ее захоронили с украшениями и оружием — колчаном стрел. Каменное блюдо-жертвенник, которое было найдено в окружающем комплекс погребальном кольцевом ровике, говорит о том, что женщина могла исполнять какие-то жреческие функции.

Нще одним «амазонским» курганом стал курган № 8 у с. Терновое, раскопанный в 1996 г., — невысокий холмик, сильно разрушенный многолетней пахотой. Еще до начала работ никто из нас не сомневался, что курган — скифский и притом, судя по обломкам греческой амфоры на поверхности, наверняка, ограбленный.

Бульдозер быстро снес остатки насыпи, и перед нашим взором открылась могильная яма размерами 4х4 м, вырытая в желтой материковой глине. Яму

* Дромос имел 7 м и длину и 1,1 м в ширину

Илл. 38. Роговой гребень с фигурой гепарда. Погребение амазог Курган М> 8 у с. Терновое, IV в. до

оказался кольцевой ровик диаметром свыше 20 м и глубиной 1,45 м. Внутри него мы обнаружили кости овцы — следы поминальной тризны. Степки могилы были облицованы вертикальными досками, а плоское перекрытие из деревянных брусьев держалось на 9 опорных столбах. Впоследствии над гробницей был возведен «шатер» из тонких бревен и жердей.

После расчистки выявилась печальная картина разрушенной и опустошенной могилы. В одном углу склепа лежали остатки человеческого скелета, принадлежавшего молодой женщине в возрасте 20-25 лет. В другом углу мы нашли буквально втоптаннные в глину пола золотые оковки от несохранившейся деревянной чаши, а также мелкие золотые бляшки для одежды или обуви. Вдоль северной стены могилы валялись вдребезги разбитые глиняные кувшины. Оказалось, что они привезены на Средней Дон издалека: один — из При-кубанья, другой — с Боспора. Здесь же был найден и единственный уцелевший после грабительского погрома железный наконечник стрелы. Но самая главная и притом совершенно неожиданная находка ожидала нас в конце работы: на дне склепа, матово поблескивая в ярких солнечных лучах, перед нами лежал великолепный резной гребень из оленьего рога, украшенный сверху фигурой гепарда. Уже с первого взгляда было очевидно, что это — подлинный шедевр скифского искусства, ведь изображения гепардов никогда прежде не встречались в курганах. По степени сохранности и по художественному совершенству наша находка могла считаться уникальной.

Погребение в кургане № 8 было отнесено нами к IV в. до н.э. Оно принадлежало не просто богатой и знатной молодой женщине (о чем говорили пышность погребального ритуала, размеры гробницы, остатки золотых сокровищ и наличие деревянной чаши с золотыми оковками — признак высокого социального статуса у скифов), но «амазонке», т. е. женщине вооруженной. Всего же за 10 лет работ на могильнике у сел Терновое и Колбино (1993-2002) нам удалось в 49 раскопанных курганах найти 6 захоронений женщин-воительниц.

«Золотая дама», или исполнение мечты археолога

И все же судьба подарила мне радость — быть свидетелем и участником одного редчайшего открытия: находки неограбленной, абсолютно целой скифской гробницы. Все решил счастливый случай. В 1996 г. после полного завершения исследований той части курганного поля, земли которого принадлежали сельхозкооперативу с. Терновое, мы должны были продолжить свои работы уже на территории, принадлежавшей с. Колбино. По договоренности с колбинскими властями, тот участок черноземов, где возвышались два самых больших центральных кургана всей группы (курганы № 15 и 16), нам обещали не засеивать, оставить под паром. Однако, приехав в конце июня 1997 г. к месту будущих работ, я с ужасом увидел, что мои холмы заняты посевами густой и еще совсем зеленой пшеницы. Пришлось срочно мчаться в село за разъяснениями. Председатель местного кооператива Михаил Николаевич Симонцев, всегда сочувственно относившийся к нашей работе и помогавший нам по мере сил, принял меня очень радушно, объяснил, что из-за претензий кредиторов пришлось весной засеять и оставленное под пар поле. «Но мы выкосим на зеленый корм скоту любой нужный вам участок», — добавил он.

Но, вернувшись опять к «драгоценным» курганам, я понял: если мы выберем для исследования именно их, то колбинские кооператоры неминуемо понесут большие потери: оба холма стояли в самом центре засеянного поля и занимали площадь не менее гектара каждый. Тогда-то я и выбрал для раскопок чуть меньший по размерам курган № 18, находившийся гораздо ближе к кромке поля.

В жизни археолога случай, везение, играют огромную роль. В этой истории счастливый случай помог нам дважды. Первым стал выбор — вынужден-

38

Илл. 39. «Первая борозда». Начало раскопок кургана бульдозером

ный! — кургана № 18 в качестве главного объекта исследований. О второй счастливой случайности речь пойдет позже.

Подступились мы к нашему «счастливому» кургану не сразу. Сначала необходимо было решать другие задачи. Полевой сезон (обычно это июль и часть августа) перевалил уже на вторую половину. Еще неделя-другая и сотрудники начнут разъезжаться по домам. Похвастаться же было, увы, нечем: два уже раскопанных нами кургана (№ 19 и 20) оказались полностью разграбленными. Оставалось надеяться лишь на последний курган — № 18.

Остатки его насыпи все еще возвышались над землей более чем на полтора метра, диаметр достигал 50 м. Сразу же под слоем чернозема мы обнаружили остатки тризны: обломки посуды и кости животных. Когда насыпь удалили полностью, то открылась огромная могильная яма площадью около 50 кв. м со столбовой конструкцией, облицованная деревом. Был обнаружен также длинный (7 м) дромос. Однако гробница (погребение № 1) оказалась полностью опустошенной древними кладоискателями. Уцелели

лишь одна греческая амфора, пучок железных наконечников стрел и нож с костяной рукояткой в виде

Илл. 40. Зачистка бровки и мошлыюго пятна. Курган М 18 у с. Колбино

грудины лошади. По нескольким сохранившимся костям человеческого скелета антропологи установили, что он принадлежал мужчине в возрасте 45–50 лет. Увы, чуда не произошло: столько времени и сил потрачено, а в результате — почти пустая могила.

Казалось, что исследования кургана № 18 приблизились к своему логическому концу, когда неожиданно в полуметре от центральной гробницы при зачистке показалось еще одно большое темное пятно прямоугольной формы. Еще одно погребение? Да, это была «впускная»* могила размерами 4,3х3,8 м. В северной части усыпальницы лежали два скелета — женский и мужской. Но здесь я несколько забежал вперед. Ведь все детали устройства и содержимого этого бокового захоронения были выявлены гораздо позже, после длительной и кропотливой работы. А сначала все мы испытали великую радость

* «Впускная» могила - могила, сделанная в уже существующем кургане позже основного захоронения.

Илл. 41. Расчистка впускного погребения. Курган № 18 у с. Колбино, погребение №2 («золотой дамы»)

первооткрывателей абсолютно целого скифского погребения — первого на Среднем Дону.

Произошло это так. Не успели наши студенты-землекопы углубиться в боковую могилу и на полметра, как вблизи ее северной стенки лопата глухо ударилась о какой-то предмет. Это был человеческий череп, совершенно целый. Затем показались и другие части скелета. Лопаты пришлось отложить в сторону и в ход пошли совки, ножи и кисти. Работали, почти не дыша. Осторожное движение кисти —

и в неярком свете пасмурного дождливого дня тускло засверкали желтоватые россыпи золота. Его было много, очень много. Грабители просто не знали, не догадались, что в кургане есть вторая могила. Вот она — еще одна счастливая случайность!

Итак, перед нами в полной сохранности лежали два человеческих скелета--женщины 55-60 лет и мужчины 35-40 лет. Главенствующую роль в этой паре, безусловно, играла женщина. Во-первых, именно ее похоронили нерпой и именно для нее соорудили довольно внушительную деревянную гробницу. Во-вторых, именно ей принадлежало большинство драгоценных предметов, найденных в этой могиле. И, наконец, последнее: мужчину поместили в гробницу на несколько лет позже, чем было сделано первое захоронение.

Чуть ниже черепа женщины лежала россыпь золотых украшений из тонкой золотой фольги со штампованным изображением головы кабана. Вероятно, это было нагрудное украшение, состоявшее из широкой кожаной ленты-основы, на которую и нашивались бляшки-кабаны. Непотревоженным сохранился лишь один, самый верхний ряд из 18 бляшек, остальные были разбросаны грызунами.

По обеим сторонам женского черепа находились крупные золотые серьги (подвески) в виде незамкнутого кольца, украшенные изображением, скорее всего, пантеры, стоящей на пьедестале, к которому колечками крепились по шесть подвесок в виде желудей. Пальцы обеих рук погребенной украшали золотые перстни с незамкнутыми концами. Весь скелет был усеян множеством крохотных полусферических золотых нашивных бляшек для одежды (около 120 штук).

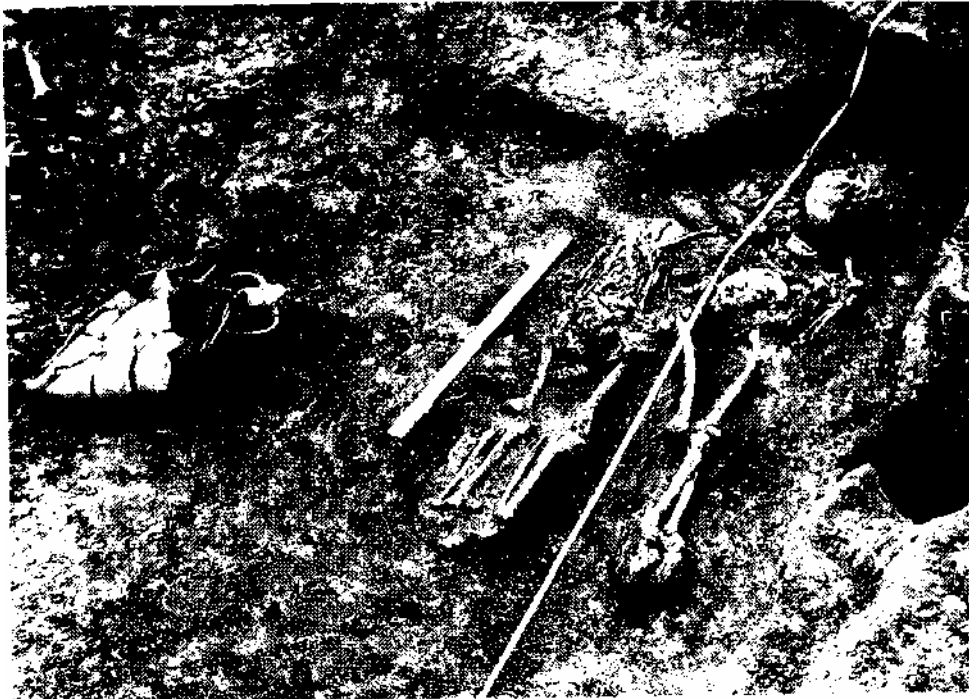
Рядом с изголовьем были найдены остатки небольшой деревянной полусферической чаши, от которой сохранились четыре золотые оковки из тонкой фольги и миниатюрные золотые гвоздики, крепившие оковки к чаше. Там же находился греческий круглодонный серебряный кубок без каких-либо орнаментов или изображений. В ногах погребенной лежало серебряное, с примесью меди, круглое зеркало с ручкой, которое имело два чехла: внутренний — из ткани и внешний — из кожи. Здесь же, неподалеку, мы нашли изящное ожерелье из крупных пастовых, «глазчатых» бус и мелкого стеклянного бисера.

Что касается мужского погребения, то набор сопровождавших сто вещей был гораздо скромнее. Между ног умершего был помещен колчан с 30 железными втульчатыми трехлопастными наконечниками-стрел. А в районе бедренных костей и стопы обнаружено до 20 серебряных и золотых полусферических нашивных бляшек с петелькой на обороте, служивших, вероятно, для украшения сапог и штанов.

В центральной части могилы лежала раздавленная землей греческая амфора. Рядом с пей — еще один колчан со стрелами и два железных шила. Жертвенная пища представлена ребрами и ножной костью лошади.

Судя по амфоре, относящейся к довольно редкому «колхидскому» типу, весь этот археологический комплекс можно отнести ко второй половине IV в. до н.э.

^{лл_43} В раскопанной нами гробнице из кургана № 18 — все необычно и интересно. Прежде всего, уникальны золотые серьги с пантерами. Аналогий им в скифском и эллинском искусстве практически нет. Больше всего похожи на

*Илл. 42. Скелет женщины (справа) и мужчины (слева),
рядом — раздавленная греческая амфора.
Курган №18 у с. Колбино, погребение № 2*

них золотые серьги из «царского» кургана из Рыжановки (под Киевом), но там пантеры имеют крылья и у них нет дисков в носках.

Необычна и сама «золотая дама», похороненная в боковой могиле. Первый же осмотр ее скелета антропологами показал, что покойница была весьма преклонного возраста - 55-60 лет. Чтобы не обижать наших современных женщин, должен сказать, что сравнивать их со сверстницей, жившей в IV в. до н.э., совершенно неправомерно. Пятидесятилетний рубеж из них преодолевали тогда очень немногие. Средняя продолжительность жизни у женщин в скифскую эпоху составляла всего 33-35 лет. Факт солидного возраста уже сам по себе примечателен и свидетельствует в пользу того, что условия жизни этой женщины были достаточно комфортными.

Дальнейшее изучение скелета выявило ярко выраженные формы склеротического изменения позвоночника, что, видимо, сильно ограничивало подвиж-

пость женщины и служило для нее причиной постоянной острой боли. Верхняя челюсть умершей практически полностью лишена зубов из-за какой-то тяжелой болезни.

Таким образом, можно предположить, что особа, погребенная в кургане № 18 в боковой гробнице, занимала достаточно высокое положение в местном скифском обществе. Об этом можно судить не только по пышности похоронного ритуала и богатству сопровождающих вещей, но и по тому, что само существование этой женщины требовало на протяжении многих лет постоянного внимания и заботы.

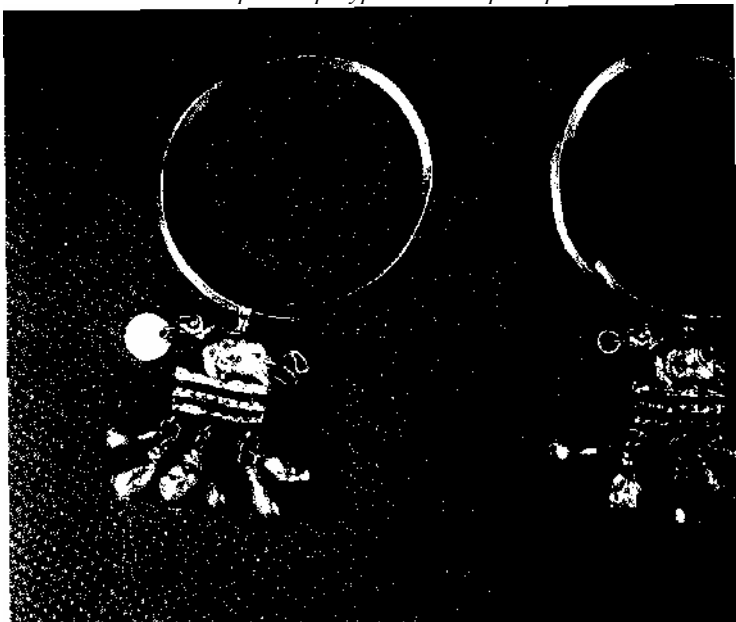
Итак, в 1997 г. нами было найдено первое полностью сохранившееся неграбленное захоронение скифского времени на Среднем Дону. К тому же в нем оказалось немало изделий из золота. Правда, это было какое-то странное золото. При ближайшем рассмотрении перед нами предстала лишь видимость реального богатства, поскольку многие найденные здесь золотые украшения — «кабанчики», оковки деревянной чаши, нашивные бляшки и даже перстни — были сделаны из тонких листиков золотой фольги. Создается впечатление, что все упомянутые вещи делались в большой спешке и с относительно малыми затратами драгоценного металла.

Еще в 1917 г. М.И. Ростовцев высказал предположение о том, что значительная часть предметов из погребального инвентаря богатых скифских курганов и, в частности, нашивные штампованные бляшки из золотой фольги, изготавливались специально для похорон. Ведь трудно себе представить знатного скифского военачальника, который носил бы в повседневной жизни одежду, обувь и оружие, сплошь расшитые золотыми пластинами и бляшками из тонкой, мягкой и потому очень ломкой золотой фольги.

Теперь эту догадку мы можем подкрепить новыми фактами. На примере колбинских материалов хорошо видно, что основную массу украшений при знатной покойнице составляли нашивные бляшки из золотой фольги. Видимо, эти вещи производились местными мастерами по срочному заказу родственников умершей. Но ведь точно такие же бляшки (в количестве от одного до нескольких

экземпляров) мы находим и в других погребениях исследуемого нами курганного могильника, правда, уже основательно опустошенных грабителями (например, курган № 1 у с. Колбино, курганы № 5 и 8 у с. Терновое). Такие похоронные аксессуары могли быть сделаны ремесленником достаточно быстро, если у него были готовые штампы и сырье. Во всяком случае, такие « типовые » изделия мы встречаем во многих раскопанных скифских курганах Среднего Дона, даже и в начисто разграбленных. Не менее успешным оказался для нашей экспедиции и полевой сезон 1998 г. Мы вели тогда раскопки в юго-западной части курганной группы у с. Колбино. Особое место среди других погребальных комплексов, изученных

И.И.7. 43. Золотые серьги с фигурами пантер. Курган № 18 у с. Колбино, погребение №2, IV в. до н.э.

И.И.7. 44. Серебряный греческий сосуд. Курган № 18 у с. Колбино, №2, IV в. до н.э.

Шл. 45. Серебряное зер

*Курган № 18 у с. Кол
погребение М> 2, IV в. д
Илл. 92, 93, 94*

нами тем летом, занял курган № 7. Его высота перед раскопками достигала 2 м, диаметр — 35 м. Под насыпью находился почти квадратный помост на 20 опорных столбах размером около 50 кв. м. На помосте был установлен сруб из горизонтально уложенных брусьев, а над ним возведен «шатер» из бревен. Анализ показал, что после церемонии похорон это сооружение было подожжено, а уже затем засыпано землей.

В северо-западном углу погребальной камеры мы обнаружили лежавшие беспорядочной грудой кости женского и верхней части мужского скелетов — явные следы ограбления. Нижняя часть мужского костяка, примерно от уровня тазовых костей и ниже, сохранилась непо потревоженной. Поперек бедер погребенного лежал длинный железный меч с обложенной золотым листом рукояткой, на которой были видны штампованные изображения животных.

Вокруг скелета и на нем удалось найти около 50 топких золотых пластин с дырочками для нашивания на одежду с изображениями лошади или кулана. Неподалеку от меча обнаружена лента оплетки нагайки из толстой золотой фольги, а также несколько ажурно вырезанных золотых оковок (с отверстиями для миниатюрных золотых гвоздиков), явно служивших обкладками деревянного сосуда.

У западной стены гробницы мы обнаружили железные наконечники копий и дротиков, остатки колчана с 95 наконечниками стрел, железные удила со стержневидными псалиями* и конские налобники, а также стеклянные «глазчатые» бусы и мелкий бисер. Среди этих находок особый интерес представляет, безусловно, меч. По общей форме рукояти, технике изготовления ажурного, сваренного из двух стальных полос клинка и орнаменту он полностью повторяет мечи из знаменитого кургана Чертомлык в степной Приднепровской Скифии. В обоих случаях на навершии рукояти изображен какой-то бегущий зверь с повернутой назад головой (возможно, лань), на треугольном перекрестье — крылатые орлиноголовые грифоны, стоящие друг перед другом, а вдоль рукояти оттиснута фигура оленя со странными, ветвистыми, устремленными вперед рогами. Совпадение всех этих деталей настолько велико, что можно говорить не просто о сходстве чертомлыцких и колбинского мечей, но и о полной их идентичности. Не исключено, что оружие было выковано одним и тем же кузнецом и украшено одним и тем же мастером.

Но на этом совпадения не заканчиваются. Точно такой же меч был найден в каменной гробнице кургана № 8 в группе «Пять братьев» на Нижнем Дону, а совсем недавно с подобной же находкой повезло украинским археологам (меч из кургана № 11 у с. Старый Мерчик на Харьковщине). Наш

* Псалии — часть уздечного набора, пара стержней, прикреплявшихся к концам удили для закрепления их по рту коня.

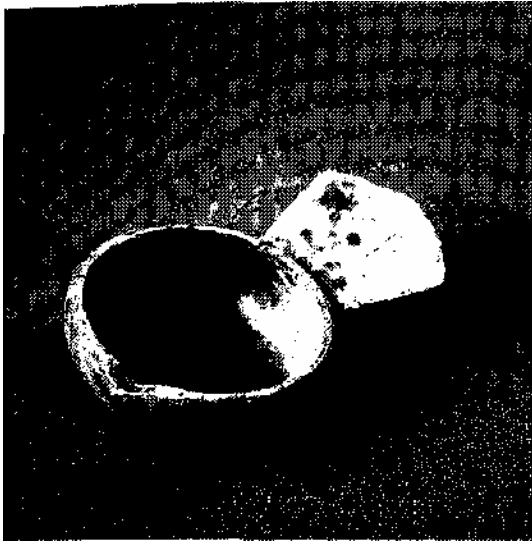
96

Илл. 46. Меч с золотой рукояткой. Общий вид. Курган №7 у с. Колбино, IV в.

Илл. 47. Меч с золотой рукояткой. Рукоять, деталь. Курган №7 у с. Колбино, IV в.

колбинский курган можно, таким образом, вслед за Чертомлыком датировать третьей четвертью IV в. до н.э.

В 2002 г. история с мечами «чср-томлыцкого типа» получила свое продолжение. В кургане № 36 у с. Колбино мы нашли в разграбленном парном погребении еще один меч. Он имел ажурный клинок и сильно испорченную ржавчиной рукоять без каких-либо признаков золотой обкладки. И хотя по общим своим очертаниям меч явно походил и на чертомлыцкие, и на предыдущую паходку из того же колбинского могильника, мы не придали данному факту особого значения. Каково же было всеобщее удивление, когда после тщательной реставрации в лаборатории Института археологии РАН на поверхности рукояти меча отчетливо проявился рельеф с теми же самыми зооморфными фигурами, которые украшали золотые обкладки мечей из Чертомлыка и кургана № 7: бегущая лань с повернутой назад головой — на навершии, «пузатый» олень с ветвистыми, направленными вперед рогами на рукояти и два орлиноголовых грифона в геральдической позе на перекрестье.

Таким, почти случайным, образом выявилась весьма существенная деталь: древние мастера вырезали определенные (в том числе и зооморфные) мотивы по металлу, а потом уже, перед похоронами владельца меча, покрывали рукоять тонкой золотой фольгой и с помощью дополнительной обработки переносили узор на золото.

Глл. 48. *Роговая ритуальная чашечка. Курган № 8 у с. Колбино*

ГЛАВА 3

СКИФЫ — КТО ОНИ?

Мы блаженные сонмы свободно кочующих скифов, Только воля одна нам превыше всего дорога. Бросив замок Ольвийский с его изваяньями грифов, От врага укрываясь, мы всюду настигнем врага. Нет ни капищ у нас, ни богов, только зыбкие тучи От востока на запад молитвенным светят лучом. Только богу войны темный хворост слагаем мы в кучи И вершину тех куч украшаем железным мечом. Саранчой мы летим, саранчой на чужое нагреем, И бесстрашно насытим мы алчные души свои. И всегда на врага тетиву без ошибки натянем, Напитавши стрелу смертоносной желчью змеи. Налетим, прошумим — и врага повлечем на аркане, Без оглядки стремимся к другой непочатой стране. Наше счастье — война, наша верная сила — в колчане, Наша гордость — в незнающем отдыха быстром коне.

К. Бальмонт

т горных хребтов Алтая и Тувы до полноводного Дуная широкой полосой раскинулись бескрайние евразийские степи. В начале I тыс. до н.э. здесь обитали многочисленные кочевые племена скотоводов. Они принадлежали к индо-европейской семье народов и говорили на различных диалектах иранского языка.

По мнению известного ученого А.Ю. Алексеева, «скифы — общее название многих близких по культуре, хозяйственному укладу, образу жизни и идеологическим представлениям кочевых племен Евразии».

Название скифам дали греки, впервые столкнувшиеся с ними в VII в. до н.э. в Малой Азии, а затем и в Северном Причерноморье, где самые первые греческие колонии возникли во второй половине VII в. до н.э. Благодаря дошедшим до нас сведениям античных историков, наибольшую известность приобрели так называемые европейские скифы, жившие в степных и лесостепных областях Северного Причерноморья с VII по III вв. до н.э.

«Происхождение этих скифов, — пишет А.Ю. Алексеев, — до сих пор во многом остается загадочным,

несмотря на существование многочисленных легендарных и научных версий, первые из которых появились еще в древности. И дело не только в том, что современники скифов — греческие и римские

историки и писатели — оставили на этот счет не вполне ясные свидетельства, но и в том, что археологические истоки культуры скифов-номадов* до сих пор отчетливо не прослеживаются. Речь может идти лишь о признании факта неевропейского происхождения отдельных элементов скифской культуры, таких, как конская узда, оружие и художественный, так называемый скифский звериный стиль. Но независимо от того, какой именно регион Евразии следует считать прародиной скифов, два фактора их истории установлены вполне надежно: по своей антропологической принадлежности скифы были европеоидами, а по языковой — индоевропейцами; носителями одного из древ-неиранских языков».

Этому высказыванию весьма авторитетного российского скифолога нельзя не верить. Но, вместе с тем, существует множество нерешенных вопросов о том, кто такие скифы, где зародилась их великолепная культура, чем скифы европейские отличаются от скифов азиатских. И данный список бесконечен.

Среди степей и дубрав

Прежде чем приступить к рассмотрению спорных вопросов скифской истории, следует обратить внимание на то, в каких природных условиях возникла и развивалась культура этих воинственных номадов.

Как уже отмечалось выше, обширная степная равнина, которую скифы и родственные им кочевые племена — саки, массагеты, исседоиды, савроматы и др. — занимали в течение всего I тыс. до н.э., простирается от Дуная и Карпат на западе до Северной Монголии, Тувы и Алтая на востоке.

Великая Степь образует особый единый природный и историко-культурный комплекс; бескрайние равнины и пастбища предоставляли кочующим людям все возможности для дальних переселений и взаимных контактов.

Суровые холода зимой и испепеляющий зной летом затрудняли земледелие, что с лихвой компенсировалось богатейшими животными ресурсами. Жители степи обеспечивали себя пищей, разводя стада лошадей, а также охотясь на бесчисленных лосей, медведей, волков, леопардов, бизонов, кабанов, зайцев, сусликов и т. д.

Европейская половина отличалась более мягким климатом и была более плодородной, чем азиатская. Ее пересекали великие реки: Волга, Дон, Днепр, Буг, Днестр. Население этого региона было обеспечено огромными запасами рыбы и имело доступ к ценным залежам соли. Воды великих рек насыщали почву, но не служили помехой для передвижения.

Номады — кочевники-скотоводы степной и лесостепной зон Евразии.

Илл. 49. Золотая бляха с изображением конного
Курган Ку,

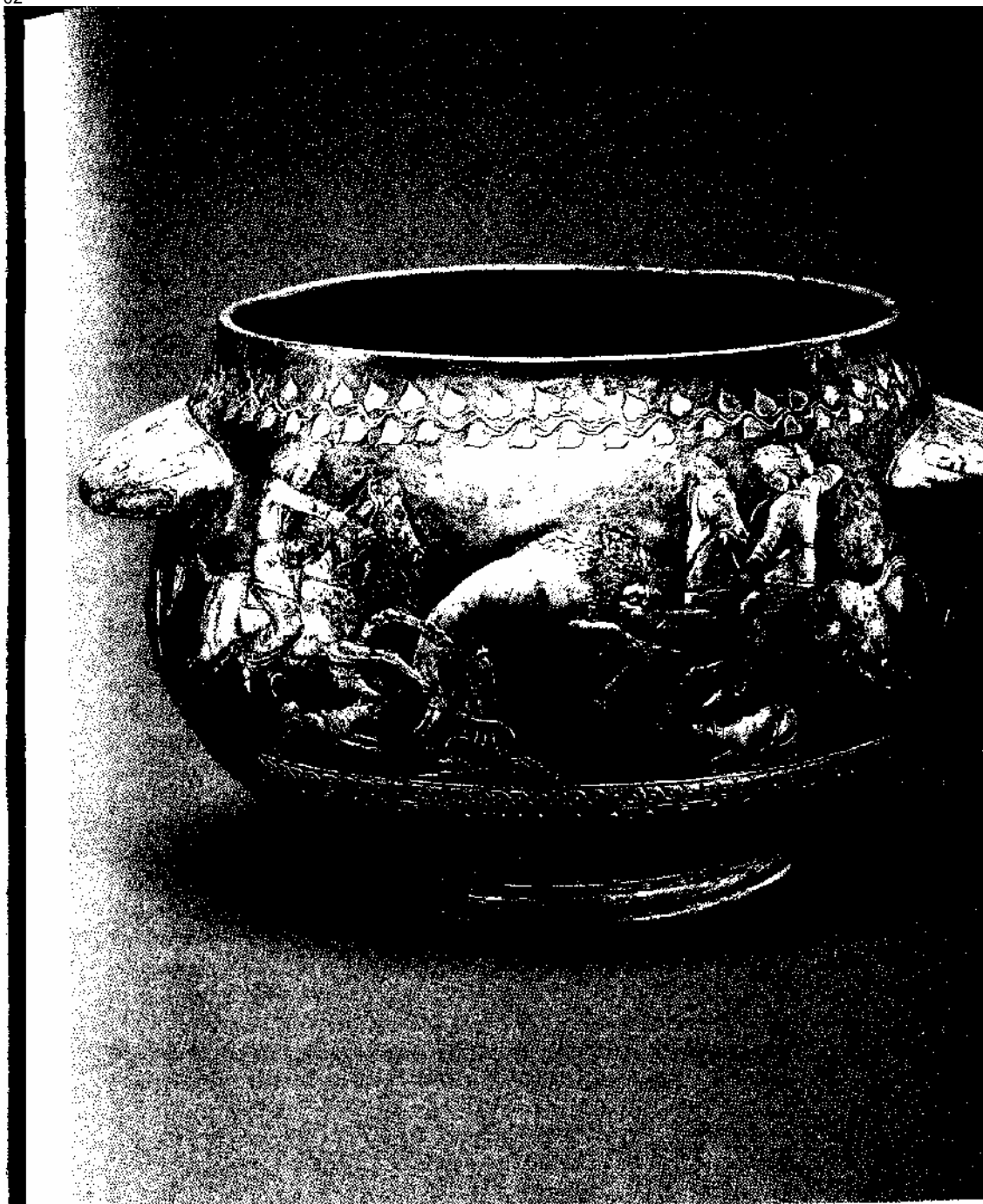
Таким образом, кочевники имели возможность свободно перемещаться по всему огромному региону, перегоняя скот или преследуя дичь, не преодолевая никаких серьезных географических преград. О преимуществах природных условий степи пишет и «отец истории» Геродот, являвшийся современником «золотого века» скифской истории. «Страна скифов*, — отмечает он, — представляет собой богатую травой и хорошо орошаемую равнину. По этой-то равнине протекает почти столько же рек, сколько каналов в Египте. Я назову только самые известные реки и судоходные от моря в глубь страны. Прежде всего, это Истр с пятью устьями, Тирас, Гипанис, Борисфен <...> и Танаис»**. Далее этот греческий автор произносит хвалебную оду в честь главной реки Скифии — Днепра-Борисфена: «Борисфен — самая большая из этих рек после Истра <...> Эта река, как я думаю, не только из скифских рек наиболее щедро наделена благами, но и среди прочих рек, кроме египетского Нила (с Нилом ведь не сравнится ни одна река). Тем не менее, из остальных рек Борисфен — самая прибыльная река: по берегам ее простираются прекрасные тучные пастбища для скота; в ней водится в больших количествах наилучшая рыба; вода приятна на вкус для питья и прозрачна (по сравнению с водой других мутных рек Скифии). Посевы вдоль берегов Борисфена превосходны, а там, где земля не засеяна, расстилается высокая трава. В устье Борисфена само собой оседает несметное количество соли. В реке водятся огромные бескостные рыбы под названием „антакеи" и есть много других диких животных».

Красота северопричерноморских степей буквально завораживала многие поколения русских поэтов, писателей, путешественников, чиновников, военных. Вот как вдохновенно воспевают «скифскую» степь выдающийся российский писатель и поэт Иван Андреевич Бунин: «Передо мной серело

пустынное поле. Один сторожевой курган стоял вдалеке и, казалось, зорко глядел на равнины <...> Время его, думал я, навсегда проходит: в вековом забвении он только смутно вспоминает теперь далекое былое, прежние степи и прежних людей, души которых были роднее и ближе ему, лучше нас умели понимать его шепот, полный от века задумчивости пустыни, так много говорящей без слов о ничтожестве земного существования <...> В южных степях каждый курган кажется молчаливым памятником какой-нибудь поэтической были...»

Необозримы степные просторы Южной России и Украины. Еще совсем недавно, как и тысячи лет назад в скифскую эпоху, ничто не нарушало их векового однообразия: бездонное голубое небо, палящее солнце и безбрежное море пахучих трав и цветов. Неповторимое очарование причерноморских степ-

* Имеется в виду страна европейских скифов, от Дуная до /она. ** Соответственно — Дунай, Днестр, Буг, Днепр и Дон.

Ядл. 50. Серебряный с позолотой сосуд с изображением ски< охотящихся на львов. Курган Солоха, V-IV в. до

ных просторов с их вековыми молчаливыми стражами — древними курганами — вдохновляло многих выдающихся представителей русской литературы и поэзии.

Но не только красоты бескрайних степей привлекали к себе внимание лучших умов русской

интеллигенции конца XIX — начала XX вв. Их манила к себе и история древних обитателей степи и, особенно, история скифов. Интерес общественности во многом стимулировали выдающиеся археологические открытия в степном Приднепровье, где с 50-х гг. XIX в. велись организованные Императорской Археологической Комиссией широкие раскопки курганов высшей скифской знати и были найдены фантастические сокровища.

Поразительная вещь: почти все поэты и литераторы «серебряного века» в той или иной степени затрагивали в своем творчестве *скифскую тему*. Здесь можно вспомнить Валерия Брюсова и Константина Бальмонта, Александра Блока и Зинаиду Гиппиус, Николая Гумилева и Анну Ахматову, Осипа Мандельштама и Ивана Бунина, а также многих других.

Немалую роль сыграл и заметно возросший в тот период в русском обществе интерес к историческому прошлому страны и, особенно, к многовековому противостоянию Руси и беспокойного мира кочевых племен — «Дикого Поля», «Степи». Скифы были лишь первой, наиболее ранней волной воинственных народов, пришедших из глубин Азии. Поэтому нередко реальный образ скифов незаметно подменялся в глазах некоторых российских художников и поэтов картинами из жизни более поздних средневековых кочевников — половцев, печенегов, тюрков, татаро-монгол. Так, на знаменитой картине В. Васнецова «Битва русских со скифами», судя по деталям вооружения и внешнему облику (монголоидные лица), речь идет о сражении русских дружинников со средневековыми кочевниками, а не со скифами. Да этого и не могло быть в реальной жизни: скифы окончательно исчезли в Восточной Европе в III в. н.э. после готского погрома, а Древняя Русь в лице Святослава, Владимира и других киевских князей выходит на арену истории лишь в IX-X вв. н.э.

Такое же смешение чистых европеоидов-скифов с монголоидными тюрко-язычными кочевниками Средневековья мы видим и у Александра Блока:

Да, скифы мы, да, азиаты мы, с раскосыми и жадными очами...

С другой стороны, поразительно, насколько глубоко смогли проникнуть в скифскую тему, досконально изучив все имевшиеся в то время сведения о

Илл. 51. Лицо скифа с серебряной чаши. Курган «Гаймапова Могила» 104

АВАЗ. СКИФЫ - КТО ОНИ?

скифах, некоторые русские поэты, в особенности Валерий Брюсов и Иван Бунин. Первый из них посвятил скифам два больших стихотворения — «Скифы» и «Мы — скифы». И если в более раннем своем произведении поэт мыслит еще довольно общими категориями, отражая главную черту кочевых скифских племен — врожденную воинственность и постоянную жажду битвы: Словно с детства я к битвам приучен! Все в раздолье степей мне родное! И мой голос верно созвучен С оглушительным бранным воем...

то в более позднем стихотворении («Мы — скифы») в краткой, но выразительной форме содержится удивительно точная (даже с научной точки зрения) картина скифской жизни:

Мы — те, о ком шептали в старину, С невольной дрожью, эллинские мифы: Народ, влюбивший буйство и войну, Сыны Геракла и Эхидпы, — скифы.

Вкруг моря Черного, в пустых степях, Как демоны, мы облетали быстро, Являясь вдруг, чтоб сеять всюду страх: К верховьям Тигра иль к низовьям Истра.

Мы ужасали дикой волей мир, Горя зловеще, там и здесь, зарницей: Пред нами Дарий отступил, и Кир Был скифской на пути смирен царицей.

Что были мы? — Щит, нож, колчан, копье, Лук, стрелы, панцирь да коня удила! Блеск, звон, крик, смех, налет, — все бытие В разгуле бранном, в пире пьяном было!..

В курганах грузных, сидя на копе, Среди богатств, как завещали деды, Спят наши грозные цари: во сне Им грезятся пиры, бои, победы...

А Иван Бунин, великолепный знаток причерноморской степи, так пытается воссоздать картину давно исчезнувшей жизни степняков;

Любил он ночи темные в шатре, Степных кобыл заливчатое ржанье,

И перед битвой волчье завыванье, И коршунов на сумрачном бугре.

Страсть буйной мощи силясь утолить, Он за врагом скакал как иступленный, Чтоб дерзостью погони опьяненный, Горячей кровью землю напоить.

Стрелой скиф насквозь его пробил, И там, где смерть ему закрыла очи, Восстал курган — и темный ветер ночи Дождем холодным след его кропил.

Прошли века, но слава древней были Жила в веках... Нет смерти для того, Кто любит жизнь, и песни сохранили Далекое наследие его...

Не обошли своим вниманием скифскую тему и Константин Бальмонт* и поэт-аристократ А.К. Толстой. Незадолго до революционных событий 1917 г. в Петрограде выходил литературный альманах под названием «Скифы», где печатались стихи многих известных русских поэтов — С. Есенина, Н. Клюева и др. Обложку этого издания украсил своим рисунком художник К. Петров-Водкин.

Так или иначе, русская научная и творческая интеллигенция рубежа веков была искренне увлечена скифской тематикой и передала это увлечение следующим, уже послереволюционным, поколениям. Таким образом, историки XX в. вплотную встали перед необходимостью ответа на вопрос — кто же такие скифы?

Начнем с самого главного — где искать прародину скифов?

Происхождение скиф*

«Практически каждый из исследователей, в той или иной степени соприкасавшийся с историей и археологией скифов, высказывал — хотя бы и вскользь — свои соображения относительно этногенеза последних, — отмечает известный украинский археолог В.Ю. Мурзин. — И это вполне понятно, ибо не определив своего отношения к этой проблеме, нельзя успешно заниматься изучением ни одного пусть даже частного вопроса скифской археологии и истории».

Напомню, что проблема происхождения скифов и их культуры не решена сколько-нибудь убедительно и по сей день. Обилие и противоречивость суще-

* Его стихотворение «Скифы» приведено эпиграфом к этой главе.

ствующих точек зрения по этому поводу просто поражают. Однако большинство мнений ученых так или иначе примыкает к одной из двух традиционно противопоставляемых гипотез.

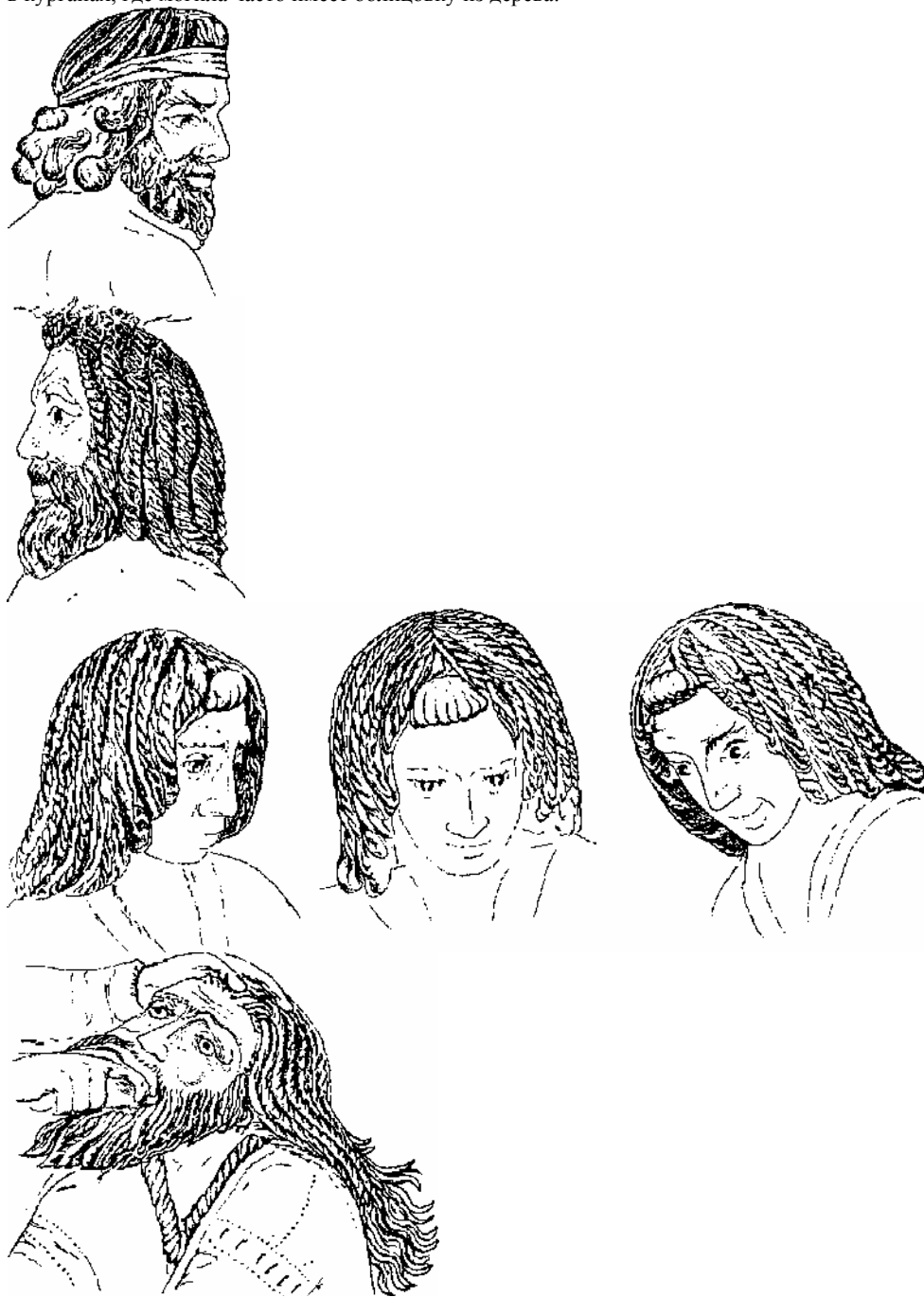
Первая гипотеза — так называемая *автохтонная* — наиболее подробно была обоснована Б.Н.

Граковым. Он считал, что прямыми предками скифов являлись племена срубной культуры* эпохи бронзы, проникшие в Северное Причерноморье из Поволжья. Проникновение это было очень медленным и длительным (с середины II тыс. до н.э.), а упомянутая Геродотом миграция скифов «из Азии» (а «Азия» начиналась для античных географов сразу за Доиом-Танаисом) — лишь одна из его волн, скорее всего, последняя. Мигран-ты-«срубники» встретились в степях Причерноморья с более ранними переселенцами из тех же областей, и на основе слияния этих родственных друг другу групп сложилось этнически однородное население скифского времени, говорившее на одном из диалектов североиранского языка. Именно культура сруб-ных племен, испытавшая значительные изменения в ходе перехода от эпохи бронзы к железному веку и от полуоседлого образа жизни к подлинному номадизму, легла, по мысли Б.Н. Гракова, в основу собственно скифской культуры. Правда, искусство скифов (звериный стиль) и некоторые формы их оружия он считал привнесенными откуда-то извне. К *граковской* гипотезе примыкает *переднеазиатская версия* известного ленинградского археолога, специалиста по скифам и хазарам М.И. Артамонова. Согласно его точке зрения, срубная культура эпохи бронзы непосредственно предшествовала скифской в Северном Причерноморье и во многом предопределила ее основные черты. Однако возникновение собственно скифской культуры в VII в. до н.э. и, особенно, такой ее яркой черты, как звериный стиль М.И. Артамонов связывал с влиянием развитых цивилизаций Передней Азии.

Вторая гипотеза. Совершенно иначе подходит к решению данной проблемы признанный лидер группы ученых, отстаивающих правомерность так называемой *центральноазиатской гипотезы*, А.И. Тереножкин. По мнению этого исследователя, между населением Северного Причерноморья доскифского и скифского времени не существует ни этнической, ни культурной преемственности. Скифы приходят в регион из глубин Азии в VII в. до н.э. Они принесли с собой уже в основе своей сформировавшуюся культуру в лице знаменитой *триады*: характерного типа вооружения, конской

сбруи и художественного звериного стиля.

* Срубная культура — культура оседлых земледельческо-скотоводческих племен степной и лесостепной зон Евразии, от Урала до Днепра, в эпоху позднего бронзового века (середина — конец II тыс. до н.э.). Названа так по типу захоронений в курганах, где могила часто имеет облицовку из дерева.

Я/л. 52. Образы скифов в греческом искусстве. Рисунки Герлинде Томма, Г&пинген

В изложенных выше гипотезах по-разному трактуется и вопрос о киммерийцах — предшественниках скифов в Северном Причерноморье, о которых сообщают нам древневосточные и греческие письменные источники.

Л.И. Тсрепожкин настаивает на полном культурном и этническом отличии скифов от киммерийцев и считает, что последним и принадлежали самые поздние памятники местной срубной культуры (черногородский и новочеркасский комплексы). По Б.Н. Гракову, и скифы, и киммерийцы — прямые потомки «срубников», поэтому они имеют общую культуру и, скорее всего, родственны этнически. Наконец, М.И. Артамонов полагал, что смена киммерийцев скифами в причерноморских степях произошла еще во второй половине II тыс. до н.э., и видел в киммерийцах носителей катакомбной культуры*, которых вытеснили (а частично и уничтожили) новые волны кочевников-«срубников», к которым он относил скифов.

Несмотря на кажущуюся несовместимость рассмотренных выше реконструкций этногенеза скифов, во взглядах их сторонников наблюдается определенное сходство. Суть его заключается в том, что

большинство археологов, независимо от того, какой концепции они придерживаются, все же считают, что формирование культуры скифов произошло в результате взаимодействия как местных, так и пришлых кочевых племен. Так, Л.И. Тереножкин никогда не отрицал роли местного (киммерийского) субстрата в формировании скифского этноса, а Б.Н. Граков, в свою очередь, допускал участие определенного пришлого компонента («скифов-царских») в конечном формировании скифских племен. «Вряд ли есть сомнения в том, — писал в этой связи Б.Н. Граков, — что исторические скифы сложились из пришлых иранских племен и автохтонных их предшественников, может быть, иранских или фракийских по языку».

Разногласия между сторонниками двух концепций выглядят не столь уж непреодолимыми. В принципе, их можно свести к двум моментам;

1) ученые по-разному оценивают влияние местных и пришлых племен на формирование скифского этноса;

2) до сих пор не выработано единого мнения по вопросу, откуда именно в причерноморские степи пришли мигранты. Так, Б.Н. Граков считал, что эти движения племен происходили в рамках территории, занятой срубной культурой, и связывал появление в Причерноморских степях «скифов-царских» со второй волной миграции на запад срубных племен Поволжья.

В свою очередь, А.И. Тереножкин писал, что истоки миграции собственно скифских племен необходимо искать в глубинных районах Азии, где, по его

* Катакомбная культура — культура полукочевых и оселых скотоводческо-земле-дельческих племен Южной России и Украины III — середины II тыс. до н.э. Названа так по типу могил в виде подбоев (или «катакомб»).

110

53. Образы скифов в греческом искусстве. Рисунки Гер.инде Томма, Гёттишен

мнению, еще задолго до VII в. до н.э. происходило формирование ряда элементов скифской культуры — типов вооружения, конского убора и «звериного стиля»>>.

Важную роль в решении проблемы происхождения скифов сыграло открытие кургана Аржан в Туве (IX-VIII вв. до н.э.). «В этом погребальном памятнике, датируемом временем существования в Северном Причерноморье древностей Черногоровки — Новочеркасского клада, были обнаружены вполне развитые образцы материальной культуры скифского типа, а также изделия, выполненные по канонам скифского звериного стиля, — отмечает В.Ю. Мурзин. Эти находки вполне укладываются в схему А.И. Тереножкина, согласно которой сложение собственно скифской культуры происходило в глубинных районах Азии несколько ранее VII в. до н.э.»

Но прежде чем окончательно убедиться в степени обоснованности фактами каждой из названных гипотез, обратимся к старым летописям и, главным образом, к «Истории» Геродота.

Скифы говорят, что их народ моложе всех других и произошел следующим образом: в их земле, бывшей безводной пустыней, родился первый человек, по имени Таргитай; родителями этого Таргитая они называют, по моему мнению, неверно, Зевса и дочь реки Борисфена. Такого происхождения был, по их словам, Таргитай, а у него родились три сына: Липоксай, Арпоксай и младший Колаксай. При них упали-де с неба на скифскую землю золотые предметы: плуг, ярмо, секира и чаша. Старший из братьев, первым увидев эти предметы, подошел ближе, желая их взять, но при его приближении золото воспламенилось. По его удалении подошел второй, но с золотом повторилось то же самое. Таким образом, золото, воспламеняясь, не допускало их к себе, но с приближением третьего брата, самого младшего, горение прекратилось, и он отнес к себе золото. Старшие братья, поняв значение этого чуда, передали младшему все царство. И вот от Липоксай-де произошли те скифы, которые носят название рода авхатов; от среднего брата Арпоксай — те, которые называются катиарами и траспиями, а от младшего брата — те, что называются паралатами; общее же название всех их — сколоты по имени одного царя; скифами называли их эллины <...>

Так рассказывают скифы о своем происхождении; лет им с начала их существования, или от первого царя Таргитая до похода на них Дария, по их словам, круглым счетом не более тысячи, а именно столько.

Эту легенду сохранил для нас Геродот, который во время своих многочисленных путешествий посетил и Северное Причерноморье, а точнее, — греческий город Ольвию (в устье Днепро-Бугского лимана), где мог лично наблюдать жизнь скифов и через переводчиков записывать наиболее интересные их рассказы.

Но есть и иная, эллинская, версия мифа о происхождении скифов, также дошедшая до нас в изложении «отца истории»:

Геракл, гоня быков Гериона, прибыл в страну, которую занимают скифы и которая тогда еще не была населена... и так как его застигла вьюга и мороз, то он закутался в львиную шкуру и заснул, а в это время его лошади каким-то чудом на пастбище исчезли.

Читатель сразу отметит несообразность: Геракл гнал быков, пропали у него лошади. Это не должно смущать: в мифах о богах и героях еще и не такое бывает.

Проснувшись, Геракл стал искать их и, исходив всю землю, пришел, наконец, в так называемое Полесье (Гиля); тут он нашел в пещере смешанной породы существо, полудеву и полуехидну, у которой верхняя часть тела от ягодиц была женская, а нижняя — змеиная. Увидев ее и изумившись, Геракл спросил, не видела ли она где-нибудь заблудившихся кобылиц; на это она ответила, что кобылицы у нее, но что она не отдаст их ему прежде, чем он не сообщится с нею; и Геракл сообщил-де за эту плату, но она все откладывала возвращение лошадей, желая как можно дольше жить в связи с Гераклом, тогда как последний желал получить их и удалиться. Наконец, она возвратила лошадей со словами: «Я сберегла тебе этих лошадей, забредших сюда, и ты оплатил мне за это: я имею от тебя трех сыновей. Расскажи, что мне делать с ними, когда они вырастут; поселить ли здесь (я одна владею этой страной) или отослать к тебе?». Так спросила

она, а Геракл, говорят, сказал ей в ответ: «Когда ты увидишь сыновей возмужавшими, поступи лучше всего так: посмотри, который из них натянет вот так этот лук и опояшется по-моему этим поясом, и тому предоставь для жительства эту землю, а который не в состоянии будет выполнить предлагаемые мною задачи, того вышли из страны...» При этом Геракл натянул один из луков (до тех пор он носил два), показал способ опоясывания и передал ей лук и пояс с золотой чашей на конце пряжки, а затем удалился. Она же, когда родившиеся у нее сыновья возмужали, дала им имена, одному — Агафирс, следующему — Гелон, младшему — Скиф, а потом, помня завет Геракла, исполнила его поручение. Двое из ее сыновей — Агафирс и Гелон — оказавшиеся неспособными исполнить предложенный подвиг, были изгнаны родительницей и удалились из страны, а самый младший — Скиф, исполнив задачу, остался в стране. От этого-то гераклова сына Скифа и произошли-де все правящие скифские цари, а от чаши Геракла — существующий до сих пор у скифов обычай носить чаши на поясах. Так рассказывают живущие у Понта (Черного моря) эллины.

В подтверждение того, что эта версия мифа была действительно широко распространена в Северном Причерноморье и, в частности, у живших там греков, можно сослаться на изображения змееногой богини, обнаруженные при археологических раскопках...

Сам Геродот предпочитал третью легенду и в этом его поддерживают и многие современные ученые:

ГЛАВА 3. СКИФЫ — КТО ОНИ?

Есть, впрочем, и иной рассказ, которому я сам наиболее доверяю. По этому рассказу, кочевые скифы, жившие в Азии, будучи тесными войною со стороны массагетов, перешли реку Араке* и удалились в Киммерийскую землю.

А теперь предоставим слово главному защитнику *центральноазиатской* версии о происхождении скифов А.И. Тереножкину: «Несмотря на то, что киммерийские племена и их культура, — пишет он, — хронологически тесно смыкаются со скифами и в какое-то время в начале VII в. до н.э. даже как бы соприкасаются друг с другом, каждая из них, из этих культур, имеет свои, четко выраженные индивидуальные черты, что прослеживается в оружии, конской упряжи, предметах искусства. Культуру скифского типа нельзя генетически выводить из киммерийской.

Представляется единственно вероятным, что появление и распространение скифской культуры связано с новой миграционной волной ираноязычных кочевников, принесших с собой новые формы скифской материальной культуры и скифского звериного стиля. Появление скифов на исторической арене относится к VII в. до н.э.»

Мне представляется, что на данный момент, с учетом всей имеющейся сейчас информации, *центральноазиатская* гипотеза происхождения скифов более предпочтительна, чем *автохтонная*.

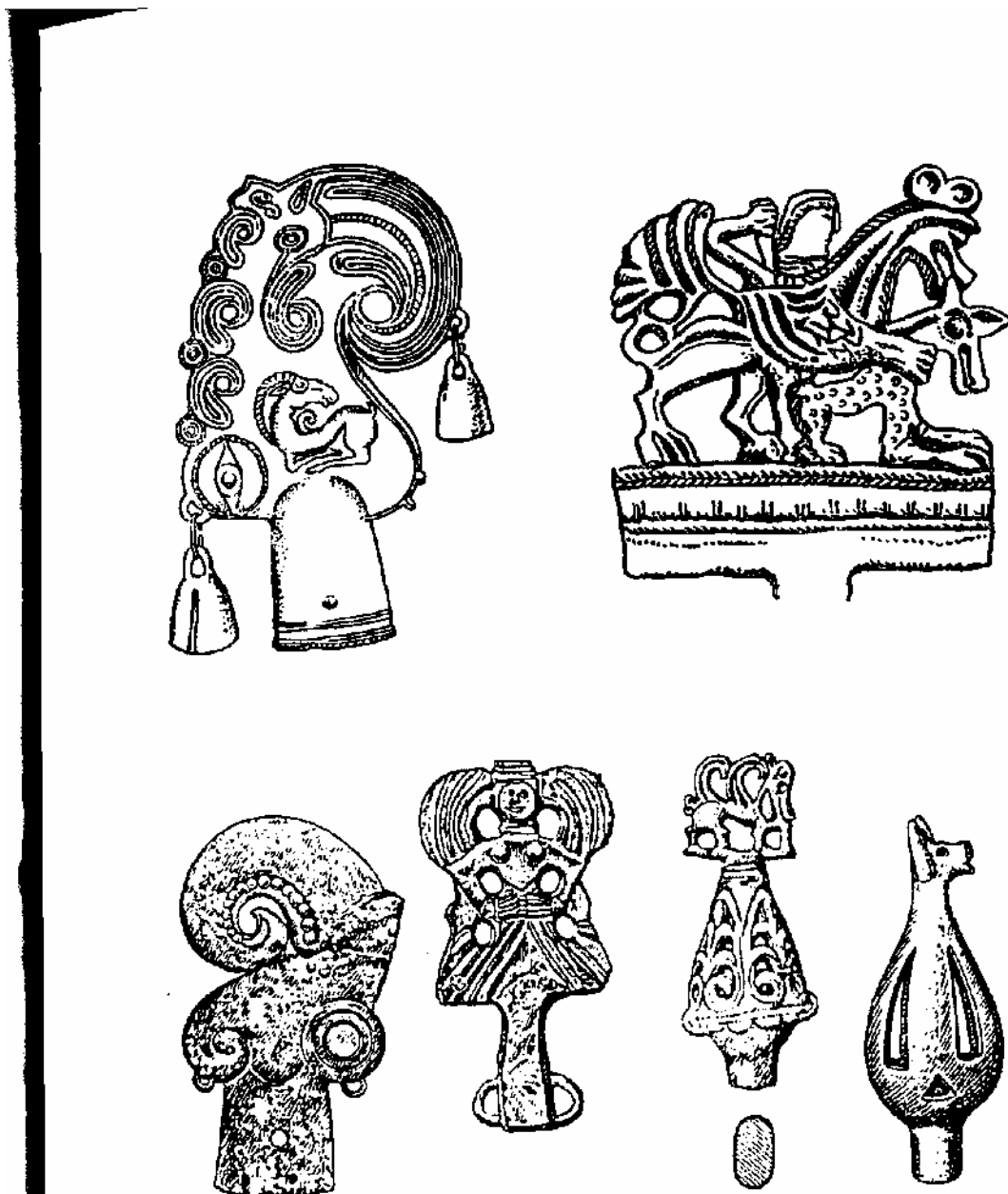
Для того чтобы подкрепить эту точку зрения фактами, нужно выделить характерные черты скифской культуры и доказать, что в Северное Причерноморье их уже в готовом и сложившемся виде принесли орды ираноязычных кочевников-скифов из Азии.

Как уже отмечалось выше, лицо скифской культуры определяет, прежде всего, *триада*: характерные типы вооружения, виды конской сбруи и звериный стиль. К *скифской триаде* некоторые ученые добавляют сейчас еще два признака: бронзовые литые котлы и бронзовые дисковидные зеркала с ручкой в виде двух вертикальных столбиков. Тем не менее необходимо, на мой взгляд, более точно сформулировать все характерные черты ранней скифской культуры, как входящие в *триаду*, так и дополняющие ее.

Киевский археолог В.Ю. Мурзин предложил для выделения скифского этноса в Восточной Европе следующий список признаков:

- 1) зеркала (бронзовые дисковидные с вертикальной ручкой);
- 2) блюда (каменные);
- 3) наконечники стрел (бронзовые двухлопастные втульчатые);
- 4) мечи («бабочковидные» и «почковидные» перекрестья);
- 5) прорезные бронзовые навершия, выполненные в виде зверей (так называемые зооморфные навершия);
- 6) уздечный набор (бронзовые стремечковидныс удила и трехдырчатые псалии);

* Река Араке — ныне река Сыр-Дарья. 114

Илл. 54. Бронзовые прорезные напершия скифо>

7) каменные изваяния, изображающие людей (антропоморфные изваяния).

При этом он уверенно высказывается в пользу «восточноазиатского» происхождения таких черт скифской культуры, как каменные блюда, бронзовые дисковидные зеркала, бронзовые двухлопастные наконечники стрел, стремеч-ковидные удила и трехдырчатые псалии.

Петербургский ученый В.Ю. Зуев к «собственной центральноазиатской культуре» ранних скифов относит «оленные камни»*, особенности погребальных сооружений, набор бронзовых наконечников стрел, клевцы**, секиры, бронзовые шлемы, конскую упряжь, бронзовые дисковидные зеркала, звериный стиль, каменные блюда.

Уже упоминавшийся скифолог А.Ю. Алексеев, подвергнув тщательнейшему анализу весь этот список черт архаической скифской культуры, пришел к следующим выводам:

- 1) «оленные камни» имеют, несомненно, центральноазиатское происхождение, а в Восточной Европе появляются на рубеже VIII-VII вв. до н.э.;
- 2) аналоги а?пропоморфным изваяниям раннескифской эпохи можно найти в археологических комплексах 1200-700 гг. до н.э. в Синьцзяне (Северный Китай);
- 3) бронзовые литые котлы также имеют явно азиатское происхождение. Их ранние образцы известны в Минусинской котловине и в Казахстане; а на западе они впервые появляются не ранее середины VII в. до н.э. (Келермес-ский могильник в Прикубанье);
- 4) прототипы дисковидных бронзовых зеркал с вертикальной ручкой известны в Центральной Азии и Северном Китае еще в XII-VIII вв. до н.э. Анализ состава бронзы некоторых зеркал,

найденных в Восточной Европе, например в кургане Перепятиха на Украине, показал наличие в нем сплава, характерного для Монголии и Северного Казахстана;

5) прорезные бронзовые навершия также имеют центральноазиатские аналоги (например, Корсуковский клад в Прибайкалье, VIII в. до н.э.);

лл. 64 6) бронзовые шлемы «кубанского» типа были распространены в Восточной Европе в VII — начале VI вв. до н.э., а источник их происхождения находился в Средней Азии и в Северном Китае (эпоха Чжоу);

7) биметаллические клевцы (т. е. сделанные из сплава железа и бронзы) хорошо известны с VII в. до н.э. в Средней Азии и в Южной Сибири.

«Оленные камни* — каменные плиты со стилизованными изображениями зверей. Клевец — короткое древковое оружие всадников с заостренным наконечником, напоминающим клюв.

То же самое можно сказать и о прочих характерных чертах скифской архаики: каменные блюда, конская узда, зооморфное искусство, — все имеют явственные центральноазиатские корни.

Новые весомые аргументы в пользу *центральноазиатской* гипотезы происхождения скифов принесли находки в кургане Аржан (Тува), где в погребальной камере IX-VIII вв. до н.э. были обнаружены многие типичные предметы скифской *триады* и «оленный камень».

Таким образом, в многолетнем споре между сторонниками *автохтонной* и *центральноазиатской* версий происхождения скифов и их культуры чаша весов все больше склоняется в пользу «азиатчиков». Следовательно, в скифах можно видеть пришельцев из Азии (в чем солидарны и археологические данные и свидетельства античных авторов). Скорее всего, прародина скифов находилась где-то в пределах довольно обширной азиатской территории: между Тувой, Северной Монголией, Алтаем, Средней Азией и Казахстаном. Там они жили в окружении родственных им по культуре и языку племен; саков, масса-гетов, «пазырыкцев» (жителей Алтая). Диодор Сицилийский, автор I в. до н.э., сообщает, что скифы первоначально занимали территорию на р. Араке (совр. Сыр-Дарья), а затем «захватили страну к западу от Танаиса» (т. е. р. Дон). Что же заставило этих воинственных кочевников покинуть свою родину и искать счастья в далеких западных землях? Одно объяснение, как отмечалось выше, приводит Геродот. «Кочевые племена скифов, — пишет он, — обитали в Азии. Когда массагеты вытеснили их оттуда военной силой, скифы перешли Араке и прибыли в киммерийскую землю (страна, ныне населенная скифами, как говорят, издревле принадлежала киммерийцам)». А какие причины побудили встать на путь миграции самих массагетов — ближайших родственников скифов?

И в древности, и в средние века кочевники Евразии вели постоянную борьбу между собой за более обширные и благодатные пастбища для скота, водопой, места, богатые дичью и рыбой. Были и иные поводы для вражды: соперничество за господство в регионе между вождями племен, похищение женщин и др. Но очень часто в эти чисто людские страсти властно вмешивалась природа. Беспощадная засуха летом, сильнейшие снегопады зимой, эпидемии среди животных приводили к массовой гибели главного богатства номадов — скота, а следовательно, и к обнищанию, голоду и бедствию данной кочевой общины.

Существует весьма правдоподобная версия, что в конце IX в. до н.э. китайский император Суань совершил большой карательный поход на кочевые племена хи-унг-ну, постоянно тревожившие своими набегами северные границы государства. Кампания оказалась успешной. Воинственные варвары были отброшены далеко к западу от земледельческих оазисов Поднебесной. Но это событие по «закону домино» привело в движение всю необъятную евразий-

ГЛАВА 3. СКИФЫ — КТО ОНИ?

кую степь. Каждое кочевое племя нападало на своего западного соседа, пытаясь овладеть его пастбищами. А около 800 г. до н.э., по мнению ученых, азиатские степи поразила жесточайшая засуха, после чего движение кочевых орд на запад еще более усилилось. Теперь становится понятным, почему в этот бурный поток переселенцев были втянуты массагеты, которые, в свою очередь, напали на скифов, а те — на киммерийцев. Что же нам известно об этом народе — предшественниках скифов и их соперниках за обладание Северным Причерноморьем?

Прежде всего, о киммерийцах сообщает в своей «Истории» Геродот. Сказав, что, теснимые массагетами, скифы вторглись в страну киммерийцев, он продолжает:

С приближением скифов киммерийцы стали держать совет, что им делать перед лицом многочисленного вражеского войска. И вот на совете мнения разделились (спор шел между правителями киммерийцев и рядовыми общинниками. — *В.Г.*). Хотя обе стороны упорно стояли на своем, но победило предложение царей. Народ был за отступление, полагая ненужным сражаться с таким множеством врагов. Цари же, напротив, считали необходимым упорно защищать родную землю от захватчиков. Итак, народ не внял совету царей, а цари не желали подчиниться

народу. Народ решил покинуть родину и отдать захватчикам свою землю без боя; цари же, напротив, предпочли скорее лечь костями в родной земле, чем спасаться бегством вместе с народом. Ведь царям было попятно, какое великое счастье они извели в родной земле и какие беды ожидают изгнанников, лишенных родины. Приняв такое решение, киммерийцы разделились на две равные части и начали между собой борьбу. Всех павших в братоубийственной войне народ киммерийский похоронил у реки Тираса (Днестр. — *В.Г.*): могилу царей там можно видеть еще и поныне. После этого киммерийцы покинули свою землю, а пришедшие скифы завладели безлюдной страной.

Не подлежит сомнению, что перед нами чисто легендарный рассказ, где крупницы истины скрыты под толстым слоем мифологического вымысла: я имею в виду и «братоубийственную войну», и поголовный исход киммерийцев с родной земли. Скорее всего, скифы встретили в степях Северного Причерноморья упорное сопротивление довольно сильного противника и, не без труда, победив его, частично истребили, а частично включили в состав своей орды.

Гораздо больше реальных сведений о киммерийцах дает нам археология. «Киммерийцы, скифы и сарматы, — говорится в книге „Великая Скифия“, написанной группой ведущих украинских исследователей, — относятся к числу первых исторических народов Восточной Европы. Это значит, что именно с них начинается письменная история древнего населения региона».

Киммерийцы, скифы и сарматы были первыми кочевниками восточноевропейских степей — так называемыми ранними кочевниками (в отличие от кочевников средневековых). Окончательно кочевничество (номадизм) сфор-

Илл. 55. Изображение киммерийцев на ассирийском каменном рельефе. VII в. до н.э.

мировалось на рубеже II и I тыс. до н.э. А в начале I тыс. до н.э. в обиход населения Северного Причерноморья широко входят изделия из железа (оружие, орудия труда, конская сбруя). Особенности кочевого хозяйства влияли не только на бытовую сторону жизни кочевников, но и воспитывали особенности их характера. «Постоянная готовность к защите своего главного богатства — скота от хищных зверей и не менее хищных соседей, формировали уже с детства из каждого мужчины стойкого воина и прекрасного наездника. Не удивительно, что эти выросшие в буквальном смысле на коне и как бы слившиеся с ним люди, легко превращались из мирных пастухов в дисциплинированное, мобильное и грозное войско».

Как определенный исторический парод киммерийцы сформировались из потомков населения срубной культуры и родственных им племен из восточных районов Евразии, продвинувшихся в причерноморские степи в самом начале I тыс. до н.э.

Наиболее ранние упоминания о киммерийцах содержатся в «Илиаде» и «Одиссее». В первой из них, хотя термин «киммерийцы» и не употребляется, мы вполне отчетливо видим в «дивных

мужах гиппемолгах» именно этот народ:

Зевс, и троян и Гектора к стану ахейн приблизив, Их пред судами оставил, беды и труды боевые Несть беспрерывно; а сам отвратил светозарные очи Вдаль, созерцающий землю фракийян, наездников конных, Мидян, бойцов рукопашных, и дивных мужей гиппемолгов, Бедных, питавшихся только млеком, справедливейших смертных. Более он на Трою очей не склонял светозарных...

Что касается «Одиссеи», то, судя по тексту поэмы, главный ее герой сумел побывать и в далекой киммерийской стране:

Солнце тем временем село, и все потемнели дороги. Скоро пришли мы к глубокотекущим водам Океана; Там киммериян печальная область, покрытая вечно Влажным туманом и мглой облаков; никогда не являет Оку людей лица лучезарного Гелиос, землю ль Он покидает, всходя на звездами обильное небо, С неба ль, звездами обильного, сходит, к земле обращаь; Ночь безотрадная там искони окружает живущих.

Более конкретные сведения об этом народе появляются в ближневосточных письменных документах — донесениях ассирийских разведчиков и дипломатов, а также в вавилонских хрониках, отмечающих, начиная с VIII в. до н.э., проникновение на территорию Передней и Малой Азии отрядов киммерийской конницы. В начале следующего, VII в. до н.э., они нападают на границы Ассирии, разрушают Фригийское царство в центре Анатолии и воюют с Лидией, причем в битве с киммерийцами погиб лидийский царь Гиг. Киммерийское нашествие было настолько опустошительным, а внешность конных северных варваров настолько необычной, что отголоски тех далеких событий сохранились не только в древних летописях, но и в народной памяти. Не случайно имя киммерийцев приобрело нарицательный смысл в старогрузинском языке, где слово «гмири» (*gmiri*) соответствовало понятию «богатырь».

Достаточно полное представление о культуре киммерийцев дают материалы киммерийских погребений, открытых на юге Восточной Европы — от Болгарии на западе до Дагестана на востоке. Такие захоронения находятся либо под невысокими насыпями, либо устроены в курганах предыдущих эпох.

Могильные ямы имеют прямоугольную или овальную форму. Погребенные лежат на спине или на боку головой, как правило, на запад. В мужских

Илл. 56. Изображение киммерийских всадников на этрусской вазе. VI в. до н.э.

погребениях обычен набор предметов вооружения киммерийского воина и бронзовых уздечных принадлежностей — удила и псалиев. Вооружение киммерийского воина состояло из лука и стрел с бронзовыми или железными наконечниками, копья с железным наконечником, железного или биметаллического (железо - бронза) кинжала или меча (длина меча достигала 1 м). Мужские погребения иногда сопровождаются захоронениями верховых коней. Инвентарь женских погребений гораздо скромнее и состоит, в основном, из лепной посуды с лощеной поверхностью. Основой хозяйства киммерийских племен было кочевое скотоводство, ведущая роль отводилась коневодству. Оно обеспечивало верховыми конями воинов и пастухов, поставляло им продукты питания (молоко, кумыс, сыр). «Дивными доителями кобыл» и «млекоедомы» названы киммерийцы в «Илиаде» Гомера.

Немалую роль в жизни киммерийцев играла война. Походы в дальние страны Передней Азии открывали перед кочевниками широкие возможности для грабежа и взимания дани. Постоянный натиск со стороны киммерийцев испытывало и население правобережья Днепра. Здесь в начале I тыс. до н.э. обитали племена чернолесской культуры, которые большинство исследователей считает протославянскими. Здесь находился один из наиболее развитых в Восточной Европе центров земледелия. Именно в киммерийское время в южных районах этой земледельческой зоны,

примыкавших к пограничью Степи и Лесостепи, начинают возникать хорошо укрепленные городища для защиты от кочевников.

Легкая отчуждаемость основного богатства кочевников — скота, привела к концентрации стад в руках отдельных родов, что вызвало имущественное и социальное расслоение киммерийского общества. Его углублению способствовали и военные походы, поскольку богатая добыча доставалась прежде всего знатным воинам. Свое материальное отражение этот процесс нашел в появлении могил военной аристократии с богатым и разнообразным инвентарем, в том числе изделиями из золота, заметно выделяющимися на фоне остальных киммерийских погребений. Во главе киммерийского объединения стояли вожди — «цари», как называют их иногда в письменных источниках. До нас дошли и имена некоторых из них — Теушпа, Шандакшатра, Лигдамис.

Киммерийское искусство носило прикладной характер. Наиболее распространенным был геометрический стиль. Орнаментами, складывавшимися из окружностей, спиралей, ромбов, квадратов и разнообразных их комбинаций, украшали поверхность предметов вооружения, например рукояти мечей, а также детали узды (например, резные костяные уздечные бляхи в Зольном кургане).

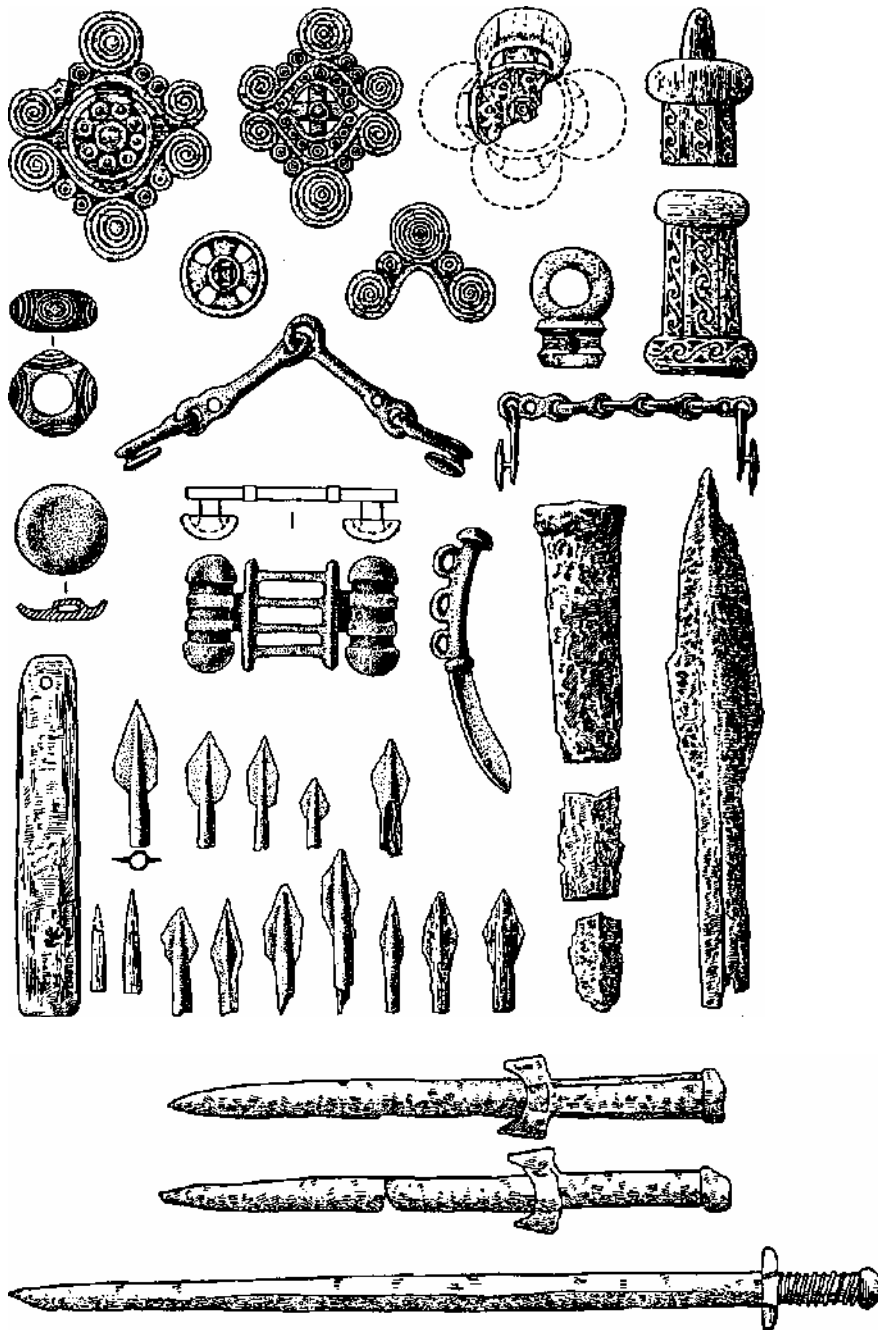
Киммерийцы и скифы были иранцами по языку. И если для киммерийцев данный вывод строится больше на остроумных догадках и предположениях, то в отношении скифов это убедительно доказали еще в конце XIX-XX вв. наши выдающиеся ученые-лингвисты, в том числе такие, как В.Ф. Миллер, В.И. Абаев и др.

Архиепископ Фессалоник Евстафий (XII в. н.э.), явно располагая какими-то ранними, не известными нам источниками, писал о киммерийцах следующее:

О гиппемолгах же географ рассказывает также, что они питаются кониной, кобыльим сыром, молоком и кислым молоком, которое считается у них лакомством. Это относительно того, что они млекоеды. Справедливейшими же *географ* называет их потому, что они, предоставив землю земледельцам, сами живут в горах, назначивши им умеренную дань для *удовлетворения* ежедневных насущных потребностей жизни, а если те не дают дани, то воюют с ними <.,> Географ сообщает также следующее: *эти народы* живут на повозках и питаются мясом домашних животных, молоком и сыром, преимущественно кобыльим, не имея понятия о запасах и мелочной торговле, за исключением обмена товара на товар; справедливейшими же, говорит он, они являются потому, что они не занимаются торговыми делами и сбережением денег, но всем владеют сообща, кроме меча и чаши...

В заключение можно сказать, что первое точно датированное упоминание о киммерийцах, а именно о стране Гамир, относится к 714 г. до н.э., и связано оно с разгромом конными киммерийскими отрядами урартского царя Русы I.

Илл. 57. Типичные вещи киммерийской культуры 122

Таким образом, география этих событий связана скорее с западными областями Закавказья, где, вероятно, и находилась страна Гамир.

Исходя из сведений Геродота, можно предположить, что киммерийцы появились в Передней Азии раньше скифов, и разрыв между появлением этих двух групп кочевников, уже по данным древневосточной хронологии, достигал приблизительно четырех десятилетий. Предшествующая переднеазиатскому этапу история кочевников излагается обычно тоже по Геродоту, для которого киммерийцы в Северном Причерноморье были несомненной исторической реальностью.

Появившиеся с востока, «из Азии», скифы вытеснили киммерийцев, а в конечном итоге и те и другие оказались в Закавказье и в Передней Азии, где их исторические судьбы уже как-будто бы почти не перекрещивались.

Итак, скифы появились на исторической арене в конце VIII-VII вв. до н.э., как раз в то время, когда произошли два события, которые сыграли огромную роль в мировой истории. *Первым* было освоение и широкое распространение *железа* в качестве основного материала для изготовления орудий труда и оружия. Предшественники скифов (в том числе, частично, и киммерийцы) пользовались еще бронзовыми инструментами и предметами вооружения. Хотя железо стало применяться в некоторых регионах земного шара еще в середине II тыс. до н.э., всеобщее распространение оно получило лишь в начале I тыс. до н.э. Овладение металлургией железа и использование железных орудий дали мощный стимул многим отраслям человеческой

деятельности, так как железные орудия (и оружие) намного эффективнее бронзовых. Значительно расширились возможности земледелия, резко возрос удельный вес ремесла, оснащенного новыми инструментами, колоссальный импульс получило развитие военного дела.

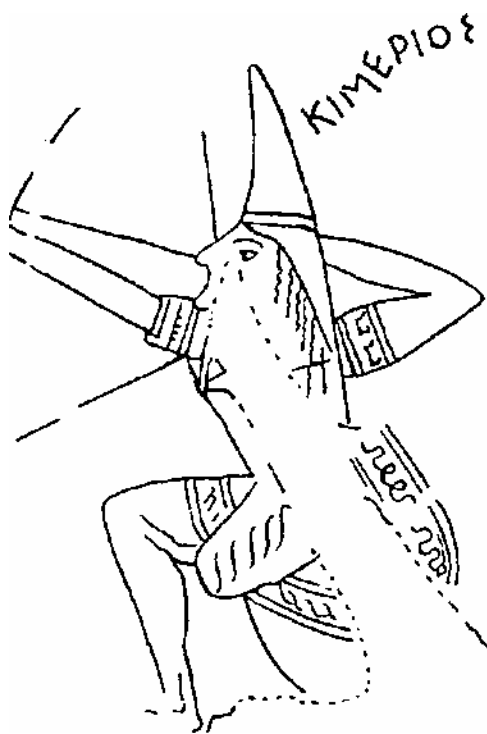
У скифов все важнейшие орудия труда, все вооружение (кроме наконечников стрел) и вся конская сбруя изготавливались из железа. Причем скифские мастера не только умели получать железо из руды и выковывать из него необходимые предметы, но и придавать своим изделиям определенные свойства путем большего или меньшего обогащения металла углеродом, цементации, разных способов закаливания и т. п.

Вторым важнейшим событием, с которым связано появление скифов в восточноевропейских степях, явилось возникновение кочевого скотоводства. Эта форма хозяйства развилась из пастушеского скотоводства и отличалась рядом специфических черт. Для кочевников, или номадов, характерны, прежде всего, разведение скота, как основной или даже единственный род хозяйственной деятельности, круглогодичное внестойловое содержание скота на подножном корму, регулярные сезонные перекочевки, в которых участвуют все члены общины или семейной группы, отсутствие постоянных поселений, натуральное хозяйство, почти полностью обеспечивающее продуктами питания,

одеждой, материалом для жилищ. Подсобным способом добывания средств к существованию для кочевников обычно являлась охота. Конечно, кочевники не могли полностью обходиться без продуктов земледелия, без сложных изделий ремесленного труда. Обычно номады приобретали эти необходимые для них продукты и вещи у соседних оседлых племен и народов иногда в виде дани, а иногда с помощью прямого насилия и грабежа. Развитие номадизма предполагает наличие контактов между кочевым и оседлым населением, нередко в форме политического господства номадов над земледельческими районами. Господствовавшие в скифском обществе кочевники, прежде всего, «скифы царские», также подчинили себе земледельческие племена Скифии, нескифское население Лесостепи и, кроме того, осуществляли постоянные торговые, политические и культурные связи с греческими городами Северного Причерноморья. Но об этой части античного мира, расположенного на «самом краю ойкумены» речь пойдет ниже,

Необходимой предпосылкой развития кочевничества является географическая среда, способствующая выработке определенного хозяйственного уклада. Обширные безлесные пространства юга Восточной Европы и прилегающих районов Средней Азии и Казахстана как нельзя лучше подходили для ведения хозяйства номадов. Покрытые степной растительностью, достаточной для прокорма огромных табунов и отар, но малопригодные для земледелия, эти необозримые пространства стали естественной ареной для дальних перекочевок и на целые тысячелетия (практически до XIX в. н.э. включительно) стали основной зоной степного кочевого скотоводства. Скифы были лишь первыми, но отнюдь не последними номадами восточноевропейских степей. После них в тех же местах кочевали со своими стадами сарматы, аланы, гунны, авары, хазары, печенег и половцы.

Нам довольно хорошо известен внешний облик скифов-кочевников. Они точно изображены эллинскими мастерами на драгоценных изделиях, которые неоднократно находили археологи в курганах высшей скифской знати. Нема-

Илл. 58. Изображение киммерийца на греческой вазе. VI в. до н.э.;

12

ло дают и антропологические реконструкции по костным остаткам (прежде всего, черепам) из могил и захоронений VII-II вв. до н.э. К сожалению, таких реконструкций пока сделано немного. Можно назвать в качестве примера портреты позднескифских царей Палака и Скилура (II в. до н.э.), созданные выдающимся российским антропологом ММ. Герасимовым. Его ученики (Г.В. Лебединская, Т.С. Балуева и др.) также осуществили целый ряд работ в этом направлении (скульптурный портрет скифского воина IV в. до н.э. и графические портреты скифов и скифянок того же времени по данным находок в курганах Среднего Дона).

Скифы были людьми среднего роста и крепкого телосложения. «Да, скифы мы, да, азиаты мы с раскосыми и жадными очами», — этот поэтический образ, созданный Александром Блоком, не соответствует действительности: как видно из антропологических материалов, никаких раскосых глаз и других монголоидных черт у скифов не было. Скифы — типичные европеоиды. По языку они принадлежали к североиранской группе. Из ныне существующих народов ближе всех к ним по языку стоят осетины — потомки сарматов, ближайших родственников скифов.

Скифы носили длинные волосы, усы и бороду, одевались в кожаную, льняную, шерстяную или меховую одежду. Мужской костюм состоял из длинных узких штанов, заправленных в сапоги или носившихся навыпуск, куртки или кафтана, подпоясанного кожаным поясом. Этот костюм дополнялся невысокими мягкими сапогами и войлочным башлыком. Женская одежда известна нам гораздо хуже. В целом она состояла из длинного платья и верхней накидки. Скифскую одежду украшал орнамент из вышитых цветными нитками узоров. Скифы также украшали себя бусами, браслетами, серьгами, височными подвесками, нагрудными медальонами, гривнами и ожерельями. Внешняя благостность скифских портретов и изображений не должна вводить нас в заблуждение. Из сообщений ассирийцев, иудеев, греков и римлян известно, что это был необузданный и жестокий народ, получавший удо-

Илл. 59. Реконструкция портрета скифского воина IV в. до н.э. Курган № 12 у с. Терновое
вольствие от войны, грабежей и снятия скальпов с поверженных врагов. Не раз их отвага в бою, неукротимая жажда победы вызывали восхищение и страх даже у жителей могущественных держав Востока — Ассирии, Мидии, Урарту, Вавилона и Египта. И совсем не случайно, что уже первый выход скифов на историческую арену в VII в. до н.э. был связан как раз с их опустошительным нашествием на территории древних цивилизаций Закавказья и Передней Азии.

126

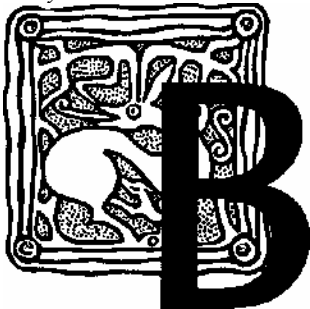
ГЛАВА 4

«ПОД ЗВОН МЕЧЕЙ И ПЕНЬЕ СТРЕЛ»

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ СКИФОВ

Рожденные в снегах для ужасов войны, Там холодной Скифии свирепые сыны, За Истром утаясь, добычи ожидают
И селам каждый миг набегом угрожают...

А. Пушкин

Скифы в Передней Азии

одной из своих книг профессор В.В. Мавродин написал такую «крылатую» фразу: «Под звон мечей и пенье стрел вступили славяне на арену мировой истории». Но, как верно отметил другой известный российский ученый А.П. Смирнов, более справедливой такая характеристика была бы не для славян, а для скифов.

Скифы появились в Причерноморье и на Северном Кавказе, если верить письменным источникам, в VII в. до н.э. Главная арена мировой истории находилась в то время совершенно в другом месте — на Ближнем Востоке и в Греции. Останься скифы в своих диких восточноевропейских степях, о них бы еще не скоро узнали в цивилизованном древнем мире. Но скифы и не думали долго сидеть на вновь завоеванных землях Северного Причерноморья. Конные скифские орды двинулись на юг, в центры древневосточных цивилизаций, где в богатых царствах и городах их ждала сказочная добыча. Пройдя через перевалы главного Кавказского хребта, они вторглись в VII в. до н.э. в

Закавказье, разгромили могучее государство предков армян Урарту и, словно беспощадная буря, обрушились на цветущие города Мидии, Ассирии, Вавилонии, Финикии и Палестины. Впечатление, произведенное этими неведомыми северными варварами на тогдашний Ближний Восток, было подобно шоку. В Библии, в книге пророка Иеремии скифы описываются как северный народ, дисциплинированный, жестокий и неумолимый; вторжение скифов вызвало у местного населения такой ужас, что никто не думал сопротивляться:

Возвестите в Иудее и возгласите в Иерусалиме, проповедуйте и трубите трубою по земле; взывайте громким голосом и говорите: «Соберитесь и пойдем в укрепленные города». Поднимите знамя в Сионе, бегите, не останавливайтесь, ибо я приведу с севера бедствие и великую гибель. Лев восходит из своей чащи, и губитель народов поднимается и выступает из своего места, чтобы обратить твою страну в пустыню; города твои будут разрушены и останутся безлюдны. И так опояшьте себя вретисцем, плачьте и рыдайте, ибо пламя гнева Божия еще не отошло от нас.

В другом месте Иеремия пишет:

Вот я приведу на вас — дом Израилев, народ издалека, говорит господь, народ сильный, народ древний, народ, языка которого ты не знаешь и не будешь понимать, что он говорит. Колчан его как открытый гроб, все они люди храбрые. И съедят они жатву твою и хлеб твой, съедят сыновей твоих и дочерей твоих, съедят овец твоих и волов твоих, съедят виноград твой и смоквы твои, разрушат мечом укрепленные города твои, на которые ты надеешься. Такого же характера и другие места из Библии, посвященные нашествию скифов.

Восстановить историю пребывания скифов в Передней Азии затруднительно, так как имеющиеся источники дают отрывочные сведения. Известно, что в 70-х гг. VII в. до н.э. скифы во главе с царем Ишпакаем объединились с мидийцами и маннеями и выступили против Ассирии.

Асархаддону, царю Ассирии, удалось, однако, заключить со скифами сепаратный мир. Он согласился даже отдать за Партатуа (Бартатуа), другого царя скифов, свою дочь. Чтобы в полной мере оценить этот факт, надо иметь в виду, что Ассирия в то время была крупнейшей и сильнейшей державой Переднего Востока. Вскоре после описанных событий скифы двинулись дальше на юг и достигли Сирии и Палестины. Отсюда они намеревались двинуться на Египет, но фараон Псамметих I (663-616 гг. до н.э.) вышел им навстречу с богатыми подарками и отговорил от намерения разорить страну.

Скифы, по сообщению Геродота, оставались в Азии 28 лет и все опустошили своим буйством и насилиями. Ибо помимо того, что они взымали «с каждого народа наложенную ими на каждого дань, они, кроме того, совершали набеги и грабили, что было у каждого народа».

Сопоставляя сроки пребывания скифов в Азии, переданные Геродотом, со сведениями восточных документов, с политической историей, известной нам по античной традиции, некоторые исследователи считают, что скифы пробыли в Азии значительно больше, чем 28 лет. Весьма вероятно, что часть скифов осталась в пределах Переднего Востока и позднее.

128

Так появились скифы на мировой арене. Появились, действительно, «под звон мечей и пеньем стрел». Но, в целом, политическая история скифов известна нам очень плохо. Лишь наиболее яркие ее эпизоды, так или иначе связанные с историей «цивилизованных» народов древности (а такими эпизодами были только войны и военные кампании), сохранились в письменных источниках.

Наиболее ранние упоминания о скифах («ишкуза», «ашкуза» по терминологии ассирийских писцов) относятся к 70-м гг. VII в. до н.э.: речь идет о клинописных глиняных табличках из Ассирии. Военное могущество этой крупнейшей державы Ближнего Востока в тот период уже явно уменьшилось. Опасные враги угрожали ассирийским владениям буквально со всех сторон. А здесь еще из Закавказья всеокрушающим потоком хлынули конные орды нового неведомого ранее противника — скифов. Как свидетельствует Геродот, скифская конница, преследуя отступающих киммерийцев, перешла горные хребты Кавказа и вторглась в Переднюю Азию, угрожая при этом и самой Ассирии. Властители Ниневии (ассирийской столицы с VII в. до н.э.) попытались решить возникшую конфликтную ситуацию не на поле боя, а мирными дипломатическими средствами. Так, известно, что царь Асархаддон (680-669 гг. до н.э.)* при известии о появлении скифских орд, впал в полное смятение. «Вождь земных царей» решил отдать в жены свою дочь, чтобы этим династическим браком привлечь грозных северных варваров на свою сторону и использовать их в борьбе с прочими врагами Ассирии. До наших дней сохранилась глиняная табличка с запросом Асархаддона оракулу бога солнца Шамаша — главного божества местного пантеона о том, будет ли верен союзу Партатуа (Бартатуа), царь «страны Ишкуза», если получит в жены ассирийскую царевну (675 г. до н.э.). К сожалению, ответ оракула остался неизвестным. Однако, судя по развитию дальнейших событий, этот брак состоялся. Во

всяком случае, уже в 673 г. до н.э. скифы выступают как союзники Ассирии и помогают ей подавлять восстания нескольких мятежных племен на северо-востоке страны. Союзнические отношения с ассирийцами скифские «цари» сохраняют и позднее.

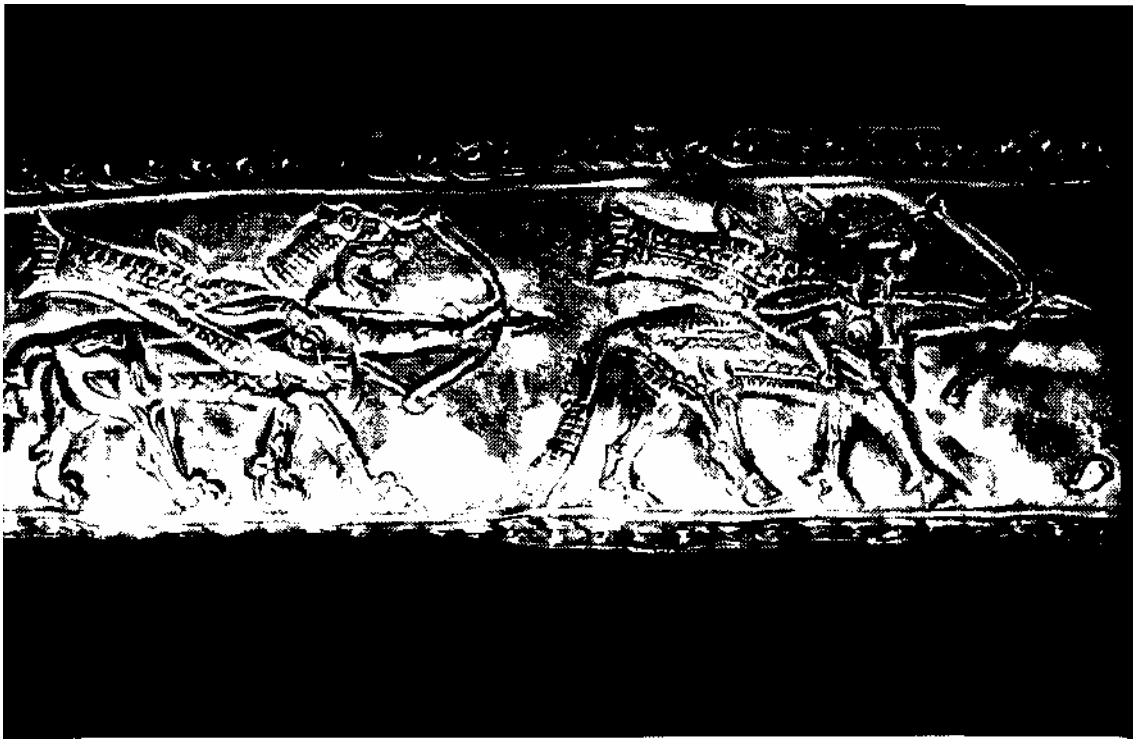
В 623 г. до н.э., когда индийский царь Киаксар осадил Ниневию, скифы во главе с Мадием, «сыном Прототия» (Партатуа, Бартатуа), матерью которого, возможно, и была ассирийская царевна, напали на войско мидян и наголо-

Асархаддон — тот самый царь, о котором русский поэт В. Брюсов написал: Я — вождь земных царей и царь, Агархаддон. Владыки и вожди, всем говорю я: горе! Едва я принял трон, на нас восстал Сидон. Сидон я ниспроверг и камни бросил в море.

Илл. 60. Изображение в ассирийском стиле на перекрестье мели Мельгуиовский кур,

ну разгромили его. Но у скифов хватило сил не только на оказание помощи дряхлеющей Ассирийской державе, но и на собственные военные кампании по всей Передней Азии. Именно тогда они вторглись в Палестину и дошли до «порога Египта». Тысячи бронзовых наконечников стрел скифского типа, найденных при раскопках древних ближневосточных городов, следы пожарищ и разрушений в них подтверждают сообщения письменных источников об опустошительных набегах скифской конницы на цветущие области древневосточных цивилизаций.

Илл. 61. Чудовища с луками. Деталь изображения на золотых обкладках ножен. Мельгиновский курган

Предоставим опять слово Геродоту:

Затем скифы пошли на Египет. На пути туда <...> скифов встретил Псамметих, египетский царь, с дарами и просьбами склонил завоевателей не идти дальше. Возвращаясь назад, скифы прибыли в сирийский город Аскалон. Большая часть скифского войска прошла мимо, не причинив городу вреда, и только несколько отсталых воинов разграбили святилище Афродиты Урании <...> Грабителей святилища в Аскалоне и всех их потомков богиня наказала, поразив их навеки «женским» недугом...

Между тем, общая политическая обстановка в ближневосточном регионе стала складываться для «северных варваров» крайне неблагоприятно. Грабежи и насилия скифов вызывали возмущение местных жителей, то и дело выступавших с оружием в руках против захватчиков. Заметно усилились Мидия и освободившаяся от ассирийской зависимости Вавилония. В 612 г. до н.э. их объединенная армия штурмом взяла Ниневию и дотла разрушила ее. Ассирия пала и навсегда исчезла с арены мировой истории.

Теперь для мидян пришла очередь рассчитаться за все прошлые обиды и со скифами. Мидийский царь Киаксар пригласил многих скифских вождей и военачальников к себе на пир и, напоив их до беспамятства, приказал всех перебить. После этого, лишённые высшего руководства и находясь под посто-

132

КАВКАЗ — СКИФСКАЯ ДО

янной угрозой полного поражения от мидийских войск, скифы вернулись в Северное Причерноморье. Поэтому с конца VII в. до н.э. основные события скифской истории неразрывно связаны уже со степными и лесостепными областями Восточной Европы. Однако роль переднеазиатских походов в истории древнего мира столь велика, что я добавлю к вышесказанному еще несколько фактов.

Кавказ — скифская дорога

Описывая мрачную и суровую страну, куда Могушество и Сила, повинувшись повелению Зевса, привели закованного Прометея, греческий трагик Эсхил назвал Кавказ «скифской дорогой». Кажется бы, всего несколько слов. Но важно, что у греков V в. до н.э. такое сопоставление, хотя бы в виде художественного образа, оставалось вполне правомерным.

Плацдармом для скифских походов служил Северный Кавказ. Обращает внимание, что именно здесь оказались сосредоточены памятники, ближе всего связанные с событиями начального этапа скифских переднеазиатских походов.

Кавказ в рассматриваемое время служил дорогой для скифов, стремившихся в страны Переднего Востока. Их главной территориальной базой являлись Приурмийские районы земли Манна, а опустошительные набеги достигали Палестины и Сирии. О скифских набегах свидетельствуют бронзовые наконечники стрел, встречающиеся в руинах многих городов и крепостей Передней

Азии. Помимо Урарту, такие наконечники стрел найдены в Нимруде, Ашшуре, Вавилоне, Тарсе, Кархемише, Алишаре, в различных пунктах иранского Курдистана. В Ашшуре 10 характерных трехлопастных стрел обнаружены среди остатков крепости «С» и северной стены в слое, датируемом концом VII в. до н.э. (614 г.). В Кархемише сотни наконечников стрел собраны в руинах дома «Д», разрушенного в конце VII в. до н.э. Здесь же найдены глиняные фигурки в виде всадников в остроконечных скифских шапках и бронзовая створчатая форма для отливки таких же наконечников стрел.

Древнейшие скифские наконечники VII в. до н.э. происходят из Джерара и Тарсуса в Киликии. В Тарсусе найдены фигурки бородатых всадников, подобные кархемишским. Этот слой датируется VII в. до н.э. В Мосуле обнаружена замечательная бронзовая литейная форма, складывающаяся из шести частей. В ней одновременно могли отливаться три наконечника — два трехлопастных и один двухлопастной. Производительность наконечников стрел в подобных формах отличалась достаточно высокой эффективностью. Специально поставленный опыт показал, что литейщик с помощью такой бронзовой формы мог производить до 10 000 наконечников в неделю, т. е. каждый из 500 лучников мог быть снабжен сотней наконечников. Для производства стрел требовалось до 6-7 операций, возможно, выполнявшихся различными мастерами. Даже если считать, что результаты проведенного эксперимента преувеличены, несомненно, что с помощью таких портативных приспособлений скифы всегда могли пополнить запасы стрел.

Представление о скифской земле в стране Манна, в которой, очевидно, находился центр скифского государства, значительно расширилось после открытия знаменитой гробницы и некоторых скифских вещей у с. Зивие в иранском Курдистане. В 1947 г. у этого села в окрестностях г. Саккыза крестьяне обнаружили клад, предметы из которого разошлись по рукам. Большую часть клада, однако, удалось собрать. Основная коллекция попала в Тегеранский музей, другие предметы — в музейные собрания и частные коллекции Европы и Америки. В составе вещей из Зивие имеются изделия древневосточного (ассирийского) искусства VIII в. до н.э., вещи местного, возможно, манейского производства и предметы, в которых сочетаются черты древневосточного стиля со скифским. Позднее удалось установить, что далеко не все вещи имеют прямое отношение к кладу, а сам клад из Зивие является на самом деле богатейшим погребением скифского «царя», относящимся к концу VII в. до н.э..

Обстоятельства находки столь неясны, что не удалось установить, сколько именно погребений было здесь открыто.

Несомненно, что найденные в Зивие предметы относятся к скифскому или скифо-восточному типу. Во-первых, все они украшены характерными для скифов изображениями в зверином стиле. Так, например, золотой обломок пояса или налучья украшен сложным плетеным узором, в котором сочетаются ветви «древа жизни», львиные маски и фигурки оленей и горных козлов; серебряная обивка щита или блюда покрыта изображениями пантер, зайцев и орлов; обкладка ножен акинака* — изображением двух свернувшихся хищников и т. д. Найдены и золотые пекторали с фигурками скифских «пантер». Во-вторых, в захоронении обнаружены бронзовые архаические скифские наконечники стрел, подвески от уздечки и пряжка-пронизь в виде клыка, типичные именно для скифских уздечных наборов.

В окрестностях селения Зивие обнаружен также ряд других скифских вещей, хотя с определенностью нельзя сказать, связаны ли они именно с «царским» захоронением. Среди этих находок — полностью аналогичные причерноморским образцам бронзовый псалий с орлиной головкой и пара костяных псалисов с головками барана и «грифо-барана».

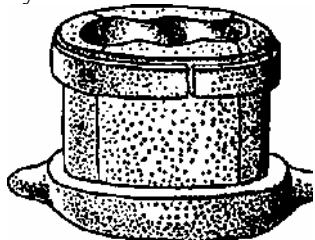
Подобные находки типично скифских вещей говорят о том, что они не являются здесь случайными. С их помощью можно определить местоположе-

Акинак — кинжал или короткий меч, который использовали в VII-II вв. до н.э. иранские народы (персы, мидяне и скифы).

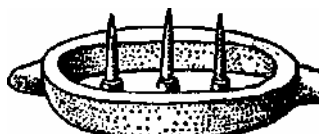
ние «земли скифов», известной в клинописных ассирийских текстах как страна Ишкуза. Можно спорить по поводу этнокультурной принадлежности того или иного предмета, но бронзовые и костяные псалий, оформленные в зверином стиле, наконечники стрел или ножен аки-паков, пряжки конской узды несомненно принадлежат именно скифам.

«Ядро клада из Зивие, конечно, неоднородно ни по технике, ни по стилям, — пишет английский историк Уильям Куликан, — и теперь мы можем увидеть отдельные его части. В первую очередь следует признать художественную целостность золотых пластин, колчанов и предметов из слоновой кости с гравировкой, выполненных в чисто ассирийском стиле и в значительной мере посвященных сценам охоты на львов, ассирийских в каждой детали <...>, скучных и повторяющихся. Во-вторых, друг к другу хорошо подходят золотая пектораль в форме полумесяца и части трех трапециевидных нагрудных пластин с выгравированными рядами фантастических животных, расположенных по обе стороны от священных деревьев. Идея этих изделий опять-таки в основном ассирийская, но здесь чувствуется и влияние искусства Финикии и Урарту». Однако на узких концах пекторали расположены

поджавшие лапы животные, изображенные в чисто скифском стиле (зайцы и медведи). Другие золотые предметы клада орнаментированы по краю рядами голов грифонов, столь популярных в раннем искусстве Скифии. А на куске золотой фольги (из 24 фрагментов) вытеснены завитки, изображающие ветви священного дерева, а между ними — фигуры типично скифских оленей с ветвистыми рогами и поджатыми ногами. Там же, на холме Зивие, найдены типично скифский костяной псалий с тремя отверстиями и головкой животного на конце, а также серебряная чаша, украшенная изображениями скифских животных и голов грифонов, и все это — вокруг центрального круга с ассирийскими бутонами лотоса.

IP

1. 62. Литейная форма для отливки наконечников стрел. Мосул, Ирак

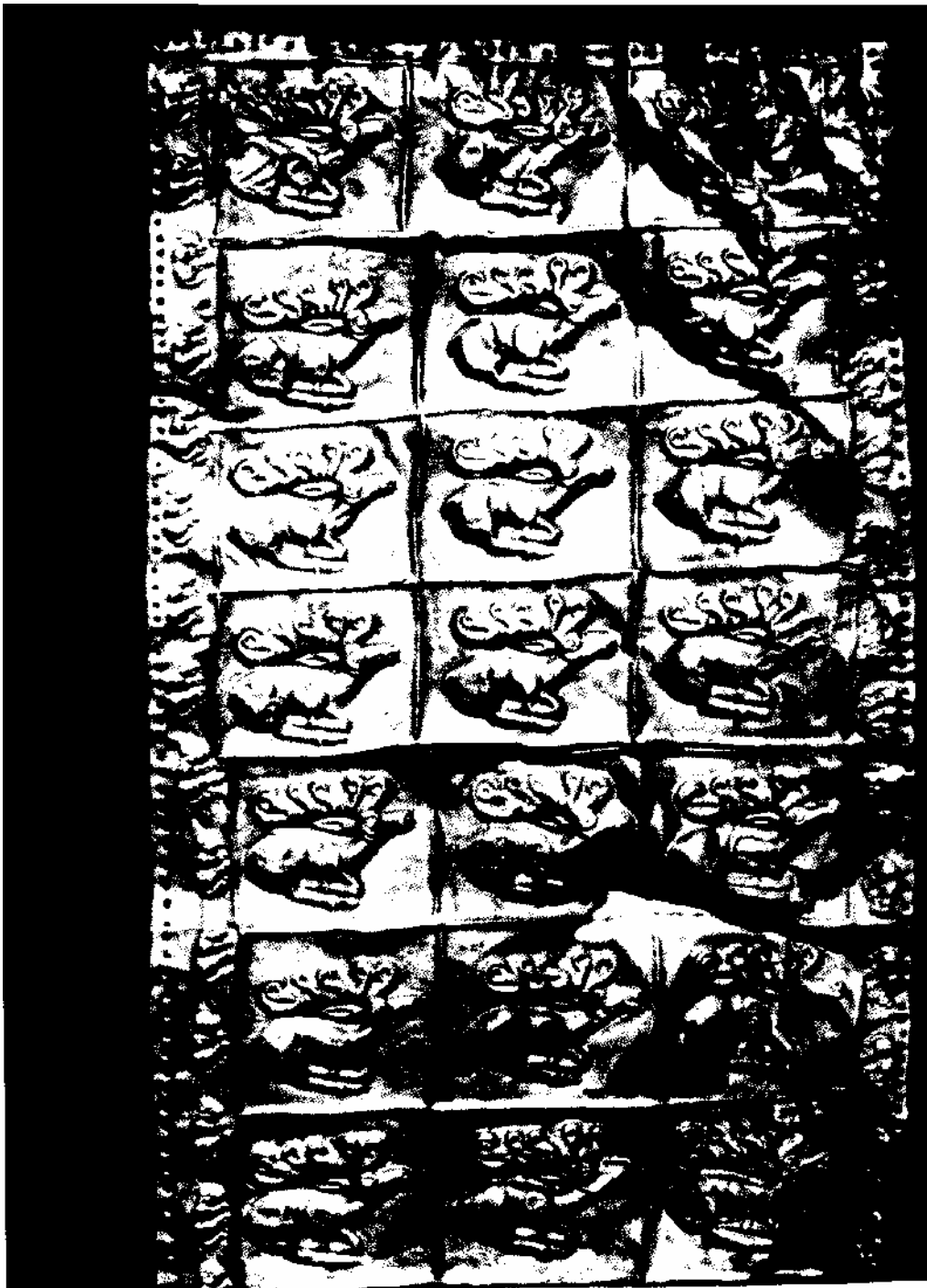
Клад из Зивие относится к периоду 675 — 625 гг. до н.э. К югу от оз. Урмия известны и другие скифские находки. В окрестностях Хасанлу обнаружена гробница с захоронением коней, рядом с которыми найдены бронзовые бляшки и костяная головка грифо-барана.

Исследователи давно обратили внимание на исключительную близость художественного стиля скифской группы изображений из Зивие с изображениями на вещах из Келермесса и Мельгуновского кургана. Например, почти полностью друг другу соответствуют золотая диадема, украшенная розетками, золотые бляшки в виде четырехлепестковой розетки, отделка мечей и прочее. Изучив келермесский и мельгуновский мечи и сопоставив их с художественными изделиями из Зивие, известный украинский археолог Е.В. Черненко пришел к заключению, что они могли быть изготовлены в одной мастерской, где скифские элементы сочетались с урартскими. Захоронения в Зивие и Кслер-месе весьма схожи между собой, скорее всего, они одновременны и могут датироваться концом VII в. до н.э. Это имеет большое значение для уточнения времени окончания переднеазиатских походов скифов и возвращения их в Северное Причерноморье.

Скифские походы предстают как явление крупномасштабное, оказавшее многостороннее влияние на исторические судьбы и культуру народов Кавказа и Передней Азии. Скифы участвовали в политической борьбе и войнах государств Древнего Востока, склоняя чашу весов в ту или иную сторону. Своими опустошительными набегами и тяжелыми данническими поборами они нарушали экономическую жизнь, выступая в качестве некоей непредвиденной разрушительной силы, «кары божьей», если судить по горьким иступленным воплям библейских пророков.

С другой стороны, активные военные действия скифов с короткими изменчивыми военными союзами способствовали повсеместному распространению скифского вооружения, особенно луков и стрел, а также акинаков, боевых топоров, конского уздечного снаряжения. «Скифство» стало определенной модой, о чем может свидетельствовать распространение глиняных фигурок скифских всадников, а также сцен битв и охоты, культовых действий, нашедших отражение в искусстве ряда народов.

Скифы принесли с собой новый звериный стиль и заставили работать на себя искусных торецтов Древнего Востока. Это привело к слиянию различных художественных начал и появлению во второй половине VII в. до н.э. нового направления в искусстве, в котором сочетались скифские и восточные элементы. Скифские «звериные» мотивы (орлов, оленей, хищников из семейства кошачьих и др.) стали использоваться для украшения вещей восточного типа (налобные ленты, пекторали), а образы восточного искусства использовались при отделке скифских вещей (келермесский и мельгуновский акинаки, келермесская секи-

Илл. 63. Золотая обкладка горита с фигурами оленей. Келермес, VII в.

ра). Начал формироваться новый вариант скифо-восточного искусства, оказавший значительное влияние на дальнейшее развитие скифского звериного стиля.

Знакомясь с роскошью дворов восточных владык, скифские цари и знать переняли стремление к роскоши в отделке одежды, оружия, конского снаряжения. Золотые тиары, диадемы, гривны, пекторали, браслеты, кольца, одежда, расшитая золотыми бляхами, стали обычными предметами быта скифов-аристократов. Золотой отделкой высочайшей художественной работы покрывались гориты, рукояти и ножны мечей и кинжалов, щиты, даже панцирные чешуйки обтягивались золотом. Скифский царь в парадном военном убранстве буквально был покрыт золотом, вплоть до нагайки и точильного оселка, причем почти каждая вещь являлась подлинным произведением искусства.

Не имея дворцов, скифы перенесли роскошь на себя и вещи личного обихода, особенно одежду, оружие, конскую упряжь, а из числа бытовых предметов высоко ценились золотые чаши. Такое внешнее оформление богатства и знатности явилось одной из черт, усвоенной скифами во время переднеазиатских походов и оставшейся затем отличительной чертой скифов на протяжении

всего периода их правления. К этому следует еще прибавить высокий художественный вкус скифов, сложившийся в результате соприкосновения с искусством Древнего Востока, а затем античной Греции. Ни один из народов древнего мира (за исключением, пожалуй, эллинизированных фракийцев) не имел возможности так художественно оформлять вещи бытового обихода, как скифы. Из Передней Азии скифы заимствовали такие элементы доспеха, как чешуйчатые панцири, бронзовые шлемы, отдельные мотивы в оформлении па-верший (головки и фигурки быков, грифонов). Отметим, что, будучи кочевниками, скифы так и не ввели в своем воинском обиходе колесницы, распространенные у сирийцев, мидийцев, народов Урарту, Ассирии и других народов Востока. Единственным свидетельством использования скифами колесниц, скорее всего в качестве трофея, может служить находка обломков бронзовой оковки дышла в Большом Ставропольском кургане, раскопанном В.Г. Петренко.

Отношения скифов с населением Кавказа продолжались на протяжении VI — начала V вв. до н.э. и не всегда имели враждебный характер. По-видимому, правы те исследователи, которые считают, что какая-то часть скифов слилась с местным населением.

Дарий I Гистасп и персидский поход в Скифию

Следующий пласт информации о прошлом Скифии связан с драматическими событиями конца VI в. до н.э., когда персидский царь Дарий I решил во главе огромной армии вторгнуться в Северное Причерноморье с запада, через Дунай, и «наказать» воинственных кочевников-скифов за прошлые (почти двух-

136

вековой давности) «грехи», то есть за бесчинства в Мидии и Передней Азии в конце VII в. до н.э. Во всяком случае, именно такой повод для начала войны выбрал, согласно сообщению Геродота, владыка Персии:

После завоевания Вавилона* сам Дарий выступил в поход на скифов**. Так как Азия была тогда богата воинами и огромные средства стекались в страну, то царь пожелал теперь наказать скифов за вторжение в Мидию и за то, что скифы, победив своих противников-мидян, первыми нарушили мир. Ведь, как я уже сказал раньше, скифы 28 лет владычествовали в Верхней Азии. Следуя за киммерийцами, они проникли в Азию и сокрушили державу мидян***.

Большинство современных ученых считают, однако, что у персидского монарха были более реальные причины для развязывания столь ширококомасштабной войны: ведь европейская Скифия раскинулась по Северному Причерноморью от Дуная до Дона.

Но обо всем по порядку. В 521 г. до н.э. царский престол в Персии занял один из представителей династии Ахеменидов — Дарий I Гистасп, человек честолюбивый и властный. Для укрепления своей огромной империи он осуществил важные административные реформы, обеспечившие целостность его владений, реорганизовал и усилил армию (основу ее, привилегированное ядро, составлял 10-тысячный отряд «бессмертных» — гвардия Дария, сформированная из отпрысков знатных персидских семей). Все эти меры предпринимались только для одной цели — для достижения Персией мирового господства (конечно, господства в пределах известного тогда древнего мира — ойкумены).

Одним из этапов этой напряженной борьбы и стал ширококомасштабный поход на скифские земли в 512 (514) г. до н.э. Попытка Дария покорить Скифию — это подготовка к тотальной войне с материковой (европейской) Грецией. К тому времени персы уже овладели эллинскими городами в Малой Азии и частью островов Эгейского моря и планировали вторжение на Балканский полуостров. Накануне решающего поединка с Элладой персидский царь, будучи опытным политиком и полководцем, решил отрезать греков от их сырьевого «тыла» — Северного Причерноморья, откуда широким потоком в эллинские владения шли хлеб, соленая и вяленая рыба, кожи, мед и многое другое, столь необходимое и дефицитное на каменистых холмах Эллады.

«К тому же, — подчеркивает В.Ю. Мурзин, — удачная военная экспедиция на какое-то время могла бы усмирить кочевников и обеспечить тылы Персии — ведь память о тяжелой власти скифов в Передней Азии была еще

* 539 г. до н.э.

** В 512 или 514 г. до н.э.

*** До прихода скифов «Верхней Азией» владели мидяне.

слишком свежа, чтобы оставить на произвол судьбы свои северные границы в предвидении нелегкой войны на западе».

Сам ход скифо-персидской войны довольно подробно описан в IV книге Геродотовой «Истории». Дарий готовился к войне со скифами весьма тщательно. Было собрано огромное войско в 700 тыс.

человек — пестрое и многоязыкое, состоявшее из 80 народов*. Персы начали свое движение из Суз (недалеко от Персидского залива), прошли Малую Азию, переправились на европейскую сторону через Босфор, пересекли Фракию. Перебравшись через Дунай по мосту из кораблей, построенному для него наемниками — ионийскими (малоазийскими) греками, Дарий вступил в пределы Скифии.

Между прочим, здесь имел место очень любопытный эпизод, непосредственно связанный с дунайским мостом. Вот что пишет по этому поводу Геродот:

После перехода всех воинов на другой берег Дарий повелел ионянам вместе с экипажами кораблей уничтожить мост и следовать за ним по суше. Выполняя повеление царя, ионяне уже собирались разрушить мост. Тут Кой, сын Эрксан-дра, осведомившись сперва у царя, угодно ли ему выслушать совет человека, желающего его дать, сказал следующее: «Царь! Ты ведь собираешься в поход на страну, где нет ни вспаханного поля, ни населенного города. Так прикажи оставить этот мост на месте и охрану его поручи самим строителям. Если все будет хорошо и мы найдем скифов, то у нас есть возможность отступления. Если же мы их не найдем, то, по крайней мере, хоть обратный путь нам обеспечен. Меня вовсе не страшит, что скифы одолеют нас в бою, но я боюсь только, что мы их не найдем и погибнем во время блужданий. Скажут, пожалуй, что я говорю это ради себя, именно оттого, что желаю остаться здесь. Напротив, я сам, конечно, пойду с тобой и не желал бы оставаться». Дарий весьма милостиво принял этот совет и ответил Кою так: «Друг мой, лсбосец, когда я благополучно возвращусь на родину, пожалуйста, явись ко мне, чтобы я мог вознаградить тебя за добрый совет...» После этих слов Дарий завязал на ремне 60 узлов. Затем он вызвал ионийских греков на совещание и сказал им следующее: «Ионяне, прежнее мое приказание о мосте я отменяю. Возьмите этот ремень и поступайте так — как только увидите, что я выступил против скифов, начиная с этого времени развязывайте каждый день по одному узлу. Если я за это время не возвращусь, а дни, указанные узлами, истекнут, то плывите на родину. Пока же <...> стерегите мост и всячески старайтесь его сохранить и уберечь.

Надо сказать, что данное решение персидского монарха практически спасло ему и остаткам его армии жизнь и позволило благополучно вернуться на родину.

Маршрут Дария по скифским землям, изложенный Геродотом, у многих исследователей вызывает большие сомнения, Однако других источников по

* Правда, большинство современных ученых считает, что приведенная цифра во много раз превышает реальную.

Шл. 64. Бронзовый шлем «кубанского типа». Кежрмес, курин М> 2, VII VI вв.

этому поводу у нас нет, и поэтому я буду излагать поход персов в Скифию в соответствии с рассказом «отца истории».

Скифы были хорошо осведомлены о действиях противника. Знали они и о его колоссальной численности. Опасность, нависшая над Скифией, намного превосходила все то, что происходило прежде. Отдавая себе отчет в том, что им трудно будет одолеть персов в открытом бою, скифы пригласили на совещание властителей соседних народов — тавров, агафирсов, невров, антрофагов, меланхленов, гелонов, будинов и савроматов. Скифы без прикрас обрисовали сложившуюся обстановку; вся Азия покорена Дарием; кроме того, он подчинил себе Фракию, страну готов, а теперь пересек границу скифских владений.

Но, увы, всеобщей поддержки скифы не получили. Цари гелонов, будинов и савроматов обещали помочь, а все остальные отказались выступить против Дария, мотивируя свое решение тем, что скифы первыми начали войну, и теперь персы «по внушению божества платят вам тем же».

Скифы, осознав всю глубину нависшей над ними опасности, решили бороться до конца и выработали для этого общий стратегический план кампании. Они избегали больших сражений, заманивая врага в глубь своей территории, нападая на его пути снабжения и уничтожая атаками

своих подвижных конных отрядов небольшие группы персов. Все свои силы скифы разделили на три части. Первая часть их армии во главе с царем Скопасисом совместно с савроматами пошла вдоль берега Черного моря, отступая к Дону-Танаису. По дороге они засыпали колодцы и питьевые источники и сжигали растительность (степные травы — корм для скота). Две другие части скифов под началом царей Идапфирса и Таксакиса (в союзе с гелонами и будинами) отступали на север, находясь на расстоянии одного дня пути от противника. Эти войска скифов должны были пройти через территорию племен, отказавшихся воевать с персами, с тем, чтобы насильно втянуть их в войну.

Согласно Геродоту, армия Дария с ее громадным обозом сумела за короткий срок, преследуя скифов, достигнуть Танаиса и Меотиды (Азовского моря), после чего повернула назад. При этом от голода, лишений, болезней и непрерывных атак скифской конницы персы понесли огромные потери, не выиграв ни одного сражения и не захватив никакой добычи. Надо было искать какой-то выход из этой искусно расставленной скифами ловушки. И Дарий посылает к владыке Скифии вестника с письмом, в котором говорилось: «Чудак, зачем ты все убегаешь, если ты считаешь себя в силах противостоять моему могуществу, то остановись, прекрати свое блуждание и сразись со мной; если же признаешь себя слабее, то также остановись в своем бегстве и приди для переговоров к своему владыке с землею и водою».

Ответ главного царя скифов Иданфирса не заставил себя долго ждать. Вот сто текст в изложении Геродота:

Мое положение таково, царь! Я и прежде никогда не бежал из страха перед кем-либо и теперь убегаю не от тебя. И сейчас я поступаю так же, как обычно в мирное время. А почему я тотчас же не вступил в сражение с тобой — это я тоже объясню. У нас ведь нет ни городов, ни обработанной земли. Мы не боимся их разорения и опустошения и поэтому не вступили в бой с вами немедленно. Если же вы желаете во что бы то ни стало сражаться с нами, то вот у нас есть отеческие могилы. Найдите их и попробуйте разрушить и тогда узнаете, станем ли мы сражаться за эти могилы или нет <...> Тебе же вместо даров — земли и воды — я пошлю другие дары, которые ты заслуживаешь...

После этого натиск скифов на персидское воинство усилился. Когда отряды персов в поисках пищи выходили за пределы укрепленного лагеря, на них немедленно нападали скифские всадники. Осыпав неприятеля тучей метких стрел, они бросались в рукопашную схватку. Обычно персидская конница проигрывала все столкновения, и остатки ее спешили укрыться за щитами и копьями своей пехоты. Скифские атаки продолжались и днем и ночью. Огромная армия Дария таяла на глазах. А вскоре в персидский лагерь прибыли послы от имени Иданфирса с какими-то странными дарами — птицей, мышью, лягушкой и пятью стрелами. Персы были в полном недоумении — что же означали все эти предметы, соединенные вместе? Сам Дарий склонен был толковать скифское «послание» таким образом: скифы покорялись ему с землей (мышь), небом (птица) и водой (лягушка), а под видом стрел кочевники отдавали ахеменидскому царю свою военную храбрость. Но один из приближенных Дария, некто Гобрый, предложил совершенно другое объяснение смысла загадочных даров Иданфирса: «Если вы, персы, не улетите, как птицы в небеса, или, подобно мышам, не скроетесь в землю, или, подобно лягушкам, не поскачете в болото, то все не вернетесь назад, пораженные этими стрелами».

Рассказывает Геродот и о таком случае. В один прекрасный день скифы задумали дать персам решающее сражение. Нашли удобное место. И скифская кавалерия (а основную часть скифского войска составляли именно всадники) построилась для битвы. Персы тоже выровняли свой строй и взяли копья наперевес. И вдруг между двумя враждебными армиями, уже полностью готовыми к битве, пробежал испуганный заяц. Увидев зверька, скифы забыли обо всем и бросились его догонять. Сражения так и не состоялось,

Данные события, а главное, невозвратные громадные потери в рядах его войска и притом без достижения каких-либо осязаемых результатов, заставили Дария признать свое поражение и отступить. Под покровом ночи, оставив в лагере ослабевших и раненых солдат и привязав к телегам ослов, которые своими пронзительными криками должны были показывать скифам, что Дарий стоит на месте, персы ускоренным маршем устремились на запад — к Дунаю. Им удалось каким-то чудом оторваться от погони. Казалось, спасение уже близко. И тут выяснилось, что 60 назначенных для возвращения дней

давно прошли, и, значит, дунайский мост должен уже быть разрушен. Но случилось непредвиденное. Вопреки договоренности с Дарием, ионийские греки сохранили мост. Некий Гистией из Милета напомнил им, что все они живут и благоденствуют благодаря милости персидского монарха и если тот погибнет, то наступит и конец правлению тиранов в ионийских

городах.

Приняв совет Гистиея, ионянс решили, кроме того, дополнить его следующими действиями и словами: разрушить мост со стороны скифов, и притом только на расстояние полета стрелы, чтобы скифам казалось, несмотря на бездеятельность ионян, что те что-то делают, и для того, чтобы скифы не пытались силой перейти по мосту через Петр (Дунай).

Разрушая мост со скифской стороны, ионяне хотели показать скифам, что выполняют все их желания...

Отряд скифской конницы действительно появился вскоре в районе переправы. Увидев, что мост вроде бы разрушен, а никаких следов армии Дария здесь нет, скифы бросились назад в степь на поиски внезапно исчезнувшего врага. Однако противники разминулись.

В поисках неприятеля скифы шли по таким частям своей страны, где был корм для коней и вода, думая, что и Праги отступают теми же путями. Но персы шли, держась ранее проложенных ими троп, и только таким образом (да и то с трудом) нашли переправу. До места они добрались ночью и обнаружили, что мост разрушен. Тогда персов объял страх, что они покинуты ионянами.

В спите Дария был один египтянин с весьма зычным голосом. Этому человеку Дарий велел стать на берегу Истра и кликнуть милетянина Гистиея. Египтянин так и сделал. Гистией же по первому зову его доставил все корабли для переправы войска и снова навел мост <...> Персы были спасены.

Правда, покинули скифские пределы лишь жалкие остатки некогда грозной армии. Так бесславно завершилась попытка мощной Персидской империи покорить Северное Причерноморье. Эта война не только принесла скифам славу непобедимого народа, но и небывало повысила военно-политический приоритет скифов и в этом и в соседних регионах. Победа над Дарием оказала большое влияние и на укрепление центральной власти в самой Скифии.

Сам факт персидского похода на скифов не подлежит сомнению — это было событие, потрясшее весь известный тогда мир. Однако есть ли у нас, помимо рассказа Геродота, хоть какие-то материальные доказательства пребывания армии Дария в Северном Причерноморье? Оказывается, есть.

Украинский археолог Е.В. Черненко считает, например, что найденный в кургане Чертомлык уникальный меч ахеменидского типа с золотой рукояткой (напомню, что курган датируется временем 340-320 гг. до н.э., а скорее всего,

Илл. 65. Бронзовое навершие с колокольцами в виде головы хищной птицы.

Ульский аул, курган № 2, VI в. до н.э.

ГЛАВА 4. «ПОД ЗВОН МЕЧЕЙ И ПЕНЬЕ СТРЕЛ»

339 г. до н.э.) — это трофей, добытый еще в конце VI в. до н.э. на полях сражений с персами и хранившийся долгие годы в сокровищнице скифских царей.

У г. Лубны Полтавской обл. найдены железные ахеменидские удила, имеющие аналогии с найденными в Персеполе (столице Персидской империи). Еще пара удила такого же типа происходит из лесостепного Приднепровья, но точное место их находки неизвестно. Украинские археологи Е.В. Черненко и А.В. Бандуровский упоминают о персидском, ахеменидском, бронзовом шлеме, обнаруженном случайно в Алешкинских песках на Херсонщине. Он очень близок по форме шлему из Олимпии, попавшему в Грецию в качестве трофея после победы над

персами в битве при Марафоне.

Возможно, к материальным следам вторжения Дария в Скифию и Бос-порское царство следует отнести и разгром некоторых лесостепных городищ (например, Бельского) и боспорских городов (Мирмекия, Кен) в конце VI в. до н.э.

Филипп Македонский и Атей

Середина IV в. до н.э. До краха Великой Скифии остается всего несколько десятилетий. Но она еще действительно велика и могуча. К тому же примерно в это же самое время страну возглавил амбициозный и воинственный правитель — царь Атей. Выход его на политическую арену отметили письменные источники как раз около середины IV в. до н.э. Атей - первый скифский властитель, начавший в 346 г. до н.э. чеканить собственную монету.

Античная литература, посвященная Атею, столь же обширна, сколь велика отводимая ему роль в истории поздней Скифии. Из древних авторов о нем писали Плутарх, Юстин, Страбон, Лукиан, Фроптин и многие другие. Но все эти сообщения фрагментарны и однобоки: они упоминают Атея лишь исключительно в контексте его конфликта с Филиппом Македонским*. Некоторые отечественные исследователи (например, Б.Н. Граков, Д.Б. Шелов и др.) считают, что именно при Атее в Скифии возникло единое, могучее и централизованное государство. Укрепив свои позиции на востоке на границах с Боспорским царством и беспокойным миром кочевых сарматских племен, Атей все свои усилия сосредоточил на западном направлении — в Подунавье и далее вплоть до Балканского п-ова.

Самой лакомой добычей для скифов была бы здесь Фракия, необычайно богатая золотом, серебром и искусными ремесленниками. Но здесь коса нашла

* Филипп II — сын Амиопты, царь Македонии в 355-336 гг. до н.э., отец Александра Македонского.

146

ФИЛИПП МАКЕДОНСКИЙ /

на камень. Эта страна давно уже входила в сферу кровных интересов другого не менее властолюбивого монарха — Филиппа Македонского (он практически подчинил себе многие фракийские земли еще в 50-х гг. IV в. до н.э.). Конфликт Скифии и Македонии стал неминуем. Однако, чтобы лучше оценить сложившуюся ситуацию, вернемся немного вглубь истории этого беспокойного региона. Фракийцы были на востоке непосредственными соседями скифов. Около середины V в. до н.э. среди них заметно усилилось племя одрисов, живших в долине р. Арда. Возглавляемые своим вождем Хересом, они основали мощное Одрисское царство, границы которого доходили до Нижнего Дуная. Взаимоотношения между двумя воинственными державами — Одрисским государством и Скифией — были далеко не простыми. Периоды ожесточенных столкновений и конфликтов сменялись миром. Известно даже о семейных связях царских родов двух народов: например, дочь Тереса стала одной из жен скифского царя Ариапифа. Такое положение сохранялось до середины IV в. до н.э., когда Одрисское государство настолько ослабло, что распалось на небольшие княжества, правители которых больше думали о своем выживании, чем об активной внешней политике. Теперь ничто не закрывало коннице скифов путь к процветающим городам Западного Причерноморья — Истрии, Одессу, Дионисиополю и далее на Балканский п-ов.

Но прежде чем говорить о скифо-македонской войне, нужно дать характеристику главным действующим лицам назревающего конфликта — Атею и Филиппу Македонскому. По описаниям античных авторов, Атей был суровым и закаленным в боях воином, чуждым роскоши и изысканных развлечений, свойственных, например, эллинской культуре. Так, Плутарх сообщает об очень интересном эпизоде: захватив в плен греческого флейтиста Немения, прославившегося своей игрой, скифы привели его к своему царю, чтобы тот тоже наслаждался нежной и тонкой музыкой. Но Атей заявил, что самой лучшей музыкой для себя считает ржание боевого коня. Он, бесспорно, был опытным военачальником и прославил себя во многих битвах и столкновениях. Однажды, когда ему довелось вступить в бой с войском трибаллов (одного из фракийских племен), намного превосходивших его численностью, Атей приказал женщинам и детям гнать в тыл врагу коней и волов, неся при этом поднятые копья. Хитрость удалась. Противник принял эту толпу, поднявшую тучи пыли, за подкрепление скифам, и поспешно отступил.

Со временем Атею удалось прочно закрепиться на правом берегу Дуная. Подвластная ему территория соответствовала если не всей современной Добрудже, то, во всяком случае, значительной части ее. Влияние же скифского правителя распространялось и на более далекие области. Известно содержа-

ние его письма к жителям г. Византия*: «Царь скифский Атей демосу византийцев: не

препятствуйте моим прибылям, чтобы мои кобылицы не пили вашей воды». Свидетельством могущества этого царя стал вторичный выпуск его монеты уже в другом эллинском городе — Каллатие.

Теперь о другом нашем герое, личность и деяния которого описаны в античной литературе неизмеримо полнее, чем жизнь владыки далеких причерноморских степей, — о Филиппе Македонском.

Будущий отец самого великого полководца древности Александра Македонского родился в 382 г. до н.э. и был сыном Аминты II — верховного правителя Македонии из династии Аргеадов. По крайней мере, с V в. до н.э. Аргеа-ды считались общепризнанными государями Верхней (горной) Македонии. Но их господство над страной являлось довольно эфемерным и зыбким, поскольку в каждой из областей сидел полунезависимый царек из местной знати. Если к этому добавить, что и при дворе самих Аргеадов плелись бесконечные заговоры и интриги, нередко заканчивавшиеся убийствами и узурпацией трона, то станет ясно, почему Македония до Филиппа играла столь незначительную роль в греческой истории.

«В греческих полисах, — пишет английский историк Питер Грин, — относились к этому реликту догомеровской эпохи с откровенным пренебрежением. На македонян там смотрели как на полудикарей, не владеющих „нормальной“ речью, приверженных устаревшим политическим учреждениям, посредственных воинов, клятвопреступников, для которых убийства и кровосмешение стали привычным делом».

Филипп был третьим, самым младшим (и законным) сыном Аминты II: он родился, когда отцу было уже почти 60 лет. После смерти Аминты II власть в стране захватил узурпатор Птолемей, который убил старшего сына Аминты Александра и стал регентом при втором сыне — Пердикке. В это время в Греции заметно усиливалось влияние города Фивы, и Птолемей, желая завязать как можно более тесные связи с этим могущественным эллинским государством, отправил туда группу знатных заложников, среди которых находился и самый младший из братьев — Филипп. Ему было тогда всего 15 лет. Едва ли Птолемей предвидел все последствия своего шага. Ведь в Фивах Филипп нашел много новых друзей и получил бесценные знания по греческой культуре, политике и, особенно, по военному делу. Юный царевич подружился с Памменом — опытным военачальником и близким другом Эпа-минонда — греческого стратега, автора ряда новаторских идей по организации, тактике и стратегии войск. Именно он сумел разбить непобедимую до того спартанскую армию. Урокам этого выдающегося полководца античной эпохи

* Византии — **соур**. Стамбул.

обязаны своими последующими военными успехами и Филипп и его сын Александр. Филипп понял важность профессиональной военной подготовки, тактических учений, тесного взаимодействия конницы и пехоты, сочетания основательного штабного планирования и быстрых действий. Сверх того, он усвоил один важнейший принцип успешных сражений: «Самый лучший способ с наименьшей затратой сил победить противника — нанести ему удар не с самой слабой, а с самой сильной стороны».

Полученный опыт очень пригодился Филиппу, когда он, вернувшись в Македонию, стал вначале регентом (359 г. до н.э.), а потом и царем страны (355 г. до н.э.). Он завершил объединение македонских областей в прочное единое государство, ввел общую монетную систему и реорганизовал армию. Из местной знати была создана дисциплинированная и боеспособная тяжелая кавалерия — «гетэры» («свита» или «друзья» царя). Всадники имели короткие копья и мечи, защитное вооружение состояло из щита, легкого панциря и шлема. Но была и тяжелая кавалерия — «сариссофоры», вооруженная длинными копьями («сариссами»), и облаченная в тяжелые доспехи, причем защита в виде нагрудных и головных металлических блях предполагалась и для лошадей. Кавалерия у македонцев стала не вспомогательным, а вполне равноправным с пехотой и даже во многом определяющим исход сражения видом войск. Главную силу армии Филиппа составляла знаменитая македонская фаланга, состоявшая из пехотинцев-«печетеров» («пешая свита» царя). Их защитное вооружение составляли металлический шлем, круглый легкий щит, висевший на петле на левом плече, и легкий панцирь. Печетеров обучали сражаться в тесно сомкнутых рядах, подобно грекам. Но македонская фаланга была построена более компактно, чем у эллинов, и к тому же вооружена длинными копьями-сариссами с широким обоюдоострым лезвием на конце. Таким образом, сарисса была и колющим и рубящим оружием. Задние шеренги фаланги имели более длинные копья (4-5 м в длину), чем передние. И когда такая сплоченная масса воинов занимала оборонительную позицию, то в колючую толщу копьеносцев было невозможно пробиться ни конному, ни пешему. Имелись у Филиппа и легкие

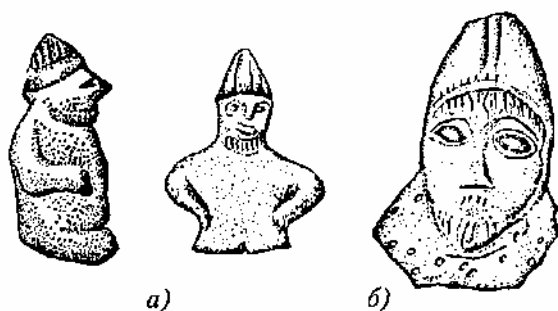
вспомогательные отряды из лучников и пращников. Но самое важное — все победы македонской армии были достигнуты благодаря органическому соединению и тесному взаимодействию всех родов войск.

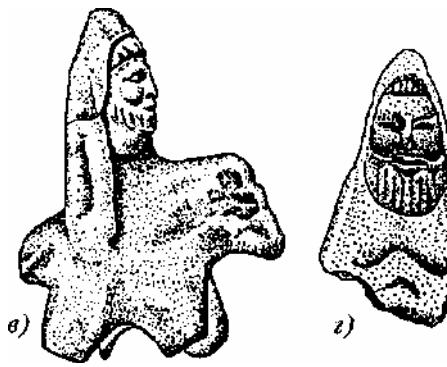
В 50-х гг. IV в. до н.э. Филипп завоевал Фракию, получив оттуда множество золота и серебра из местных рудников, а затем обратил свой взор на раздробленную Элладу. В 338 г. в решающей битве при Херонее против союза греческих городов он нанес эллинам сокрушительное поражение и стал фактически правителем Греции. В 337 г. до н.э. на всегреческом конгрессе в Коринфе ему было поручено командование объединенными силами греков

и македонцев в «кампании мести» — войне с Персидской империей. Но в 336 г. до н.э. Филипп был убит собственным телохранителем, и вся слава победителя персов досталась его сыну Александру. Вот с каким грозным противником пришлось столкнуться в конце 40-х гг. IV в. до н.э. скифскому царю Атею. Первоначально взаимоотношения двух монархов развивались достаточно мирно. Например, когда Атей ввязался в войну с жителями города Истра (в устье Дуная) и борьба стала складываться не в пользу скифов, он обратился за помощью к Филиппу. Тот согласился, но свою поддержку оговорил одним условием: Атей должен сделать его своим наследником и, следовательно, Филипп должен получить после него всю Скифию. В этом предложении была скрыта тонкая ирония: Атею исполнилось в тот момент 90 лет, и его смерть была не за горами. Но в это время скончался правитель истриан, и война прекратилась. Атей, оставшись явным победителем, поспешил известить Филиппа, что у него есть свой родной сын, и он не нуждается в чужих наследниках. Это уже был прямой вызов. Амбициозный македонский властитель немедленно выступил в поход на Скифию. Атей тоже не сидел, сложа руки. Обе армии встретились где-то в Подунавье, и в решающем сражении скифы были разбиты, а сам Атей пал на поле боя. По сообщениям античных авторов, Филипп захватил весь царский обоз, множество пленных и около 20 тыс. чистокровных лошадей. Македонская организованность и передовые для того времени методы ведения военных действий оказались сильнее безрассудной храбрости и численного превосходства скифской конницы.

После этого давление кочевников на Нижнее Подунавье несколько приостановилось, однако общее могущество Скифии отнюдь не пошатнулось. История драматического столкновения правителей Македонии и Скифии имеет свое продолжение. Греческие археологи в 1977 г. нашли в Вергине (на севере Греции) гробницу Филиппа II, а в ней золотую обкладку горита с изображением сцен Троянской войны. Точно такая же, но серебряная пластина с аналогичным изображением происходит из скифского кургана Карагодеуаш в При-кубанье. Кроме того, ни эллины, ни македонцы горитами не пользовались. Поэтому есть все основания согласиться с руководителем раскопок профессором Андроникосом, что этот предмет — трофей, полученный Филиппом после победы над Атеем. Однако скифы оказались неплохими учениками. Познакомившись на своем печальном опыте с силой македонских войск, они сумели найти эффективные способы борьбы с ними, и уже через 8 лет взяли убедительный реванш.

Речь идет о походе наместника Александра Македонского Зопириона в 331 г. до н.э. в Северное Причерноморье. С 30-тысячной армией (можно напомнить, что сам Александр начал завоевание Персидской империи, имея

Илл. 66. Глиняные фигурки с изображением скифе

а) курган из станицы Червленной; б) окрестности Кировабада; в) Мемфь г) Каменная фигурка из погребения могильника Ялхой Мо

6000 кавалеристов и 36 тысяч пехотинцев, т. е. ненамного больше, чем было у Зопириона) он вторгся в пределы Скифии и осадил греческий город Ольвию в устье Днепро-Бугского лимана. Ольвия была тогда союзницей скифов, и те немедленно выступили против нового врага. Осада города македонцами была безуспешной. Крепкие стены и героизм защитников, а также непрерывные налеты скифских конных отрядов с тыла заставили Зопириона через три месяца отступить с немалыми потерями. Предстоял долгий обратный путь от Днепра до Дуная. А над некогда грозной македонской армией, с ее профессиональными солдатами — пехотинцами и кавалеристами, как Дамоклов меч, нависала скифская конница.

Мы не знаем точно, как именно развивались дальнейшие события. Известен лишь конечный итог: вся армия Зопириона до последнего человека, включая и самого командующего, была уничтожена скифами где-то в районе Днестра. От этого побоища дошли до наших дней и кое-какие материальные следы. Осенью 1968 г. житель с. Олонешты в Молдавии сажал виноград на своей усадьбе недалеко от берега Днестра. Вдруг он обнаружил в неглубокой яме клад: 6 бронзовых с позолотой шлемов, 6 пар бронзовых поножей, бронзовый шестилампный светильник и часть бронзовой пластины с изображением богини Афины. Все вещи — явно греческие и сделаны в разное время. Поножи имеют позолоту и принадлежали, видимо, не рядовым воинам. На одной паре нацарапаны греческие буквы с именем владельца. Шрифт надписи относится к IV в. до н.э. Из найденных шлемов два (аттического типа) тоже следует датировать IV в. до н.э. Один из них имеет вмятины от сильных ударов, нанесенных еще в древности.

Исключительный интерес представляют три шлема из Олонештского клада с высокими клювовидными, загнутыми вперед верхами. Они датируются второй половиной IV в. до н.э. и относятся к так называемому фригийско-атти-ческому («фракийскому») типу. На затылке и с боковой стороны одного такого шлема имеются глубокие вмятины от ударов, видимо, зубчатой палицы, а на козырьке заметен след от удара стрелы. С внешней стороны его в нескольких местах видны следы припайки серебром какого-то несохранившегося золотого украшения. Особого внимания заслуживает второй шлем этой группы. Как и предыдущий, он сохранил на себе следы ударов тупого боевого оружия. Особенность данного шлема — красивый рельеф, изображающий голову бога Пана и крадущихся пантер, несомненно изготовленный мастером высочайшего класса, может быть, знаменитым придворным скульптором Александра Македонского Лисиппом или его учениками. Ясно, что столь роскошным шлемом мог владеть только человек очень высокого ранга.

«В итоге обзора вещей олонештского клада, — отмечает археолог Г.П. Сергеев, — возникает вопрос о том, когда и при каких обстоятельствах они были закопаны. Учитывая возраст наиболее поздних вещей клада и допуская, что некоторое время после изготовления они были в употреблении, следует думать, что клад был зарыт около начала последней четверти IV в. до н.э. Тот факт, что на всех шлемах имеются следы ударов, заставляет думать, что их владельцев постигла военная катастрофа. Известно, что примерно в 331-330 гг. до н.э. Зопирион, полководец Александра Македонского, вторгся с большой армией в Северо-Западное Причерноморье и осадил Ольвию, но не добившись успеха, вынужден был снять осаду сильно укрепленного города и возвратиться обратно. При отступлении его войско и сам полководец были уничтожены скифами и гетами, о чем свидетельствуют античные авторы — Макробий, Курций Руф и Юстин. Вполне возможно, что вещи олонештского клада принадлежали военачальникам Зопириона».

Тучи с востока: сарматы и гибель Великой Скиф

ии

Время правления Атея было периодом наибольшего расцвета скифской державы, пиком ее могущества. Смерть престарелого вождя и поражение в войне с Македонией означали начало упадка. После этого ощутимого удара, по-видимому, последовали крупные политические перемены: падение влияния в соседних областях, брожение и центробежные тенденции у подвластных народов и племен. Нет, Скифия еще не погибла. Восемь лет спустя после разгрома в Придунавье она сумела даже взять реванш, уничтожив армию Зопириона в причерноморских степях. Но уже сама возможность проникновения враждебных войск в центральные районы страны говорит о значительном ослаблении

верховой власти у скифов. Правда, чисто внешне этот кризис еще почти невидим и неуловим. Именно в последние десятилетия IV в. до н.э. возводятся десятки грандиозных курганов с пышными гробницами скифских «царей» и высшей знати. Именно в это время достигают максимального развития взаимовыгодные связи между греческими городами-колониями и Скифией. И вдруг все рухнуло, «кануло в Лету», исчезло как дивный мираж в знойной пустыне. На рубеже IV и III вв. до н.э. или в самом начале III в. до н.э. великая Скифская держава навсегда уходит с исторической арены. Замирает жизнь на городищах и открытых поселениях. Не возводятся более курганы, как рядовые, так и «царские». Точного объяснения причин столь грандиозной катастрофы не найдено до сих пор. По мнению ученых, к краху Скифии привел целый ряд неблагоприятных факторов и явлений: ухудшение климата и, как результат, усыхание степей, длительное вытаптывание травяного покрова многочисленными стадами скота; упадок экономических ресурсов населения Лесостепи из-за непомерной его эксплуатации степняками и др. Способствовали развитию этого негативного процесса и некоторые другие факторы. Хорошо известно, что каждое государственное образование имеет свои оптимальные пространственные характеристики. Особенно это справедливо для древности и средневековья с их неразвитой системой обмена информацией. Как бы не скакали, меняя коней, неутомимые гонцы со срочными сообщениями (вспомним хотя бы прекрасно организованную ямскую службу Золотой Орды), все равно для их доставки требовались дни, а то и недели, что затрудняло центральной власти возможность оперативно реагировать на те или иные ситуации. Это, в свою очередь, повышало самостоятельность правителей отдаленных территорий и порождало сепаратистские тенденции. Нечто подобное должно было иметь место и в Скифии эпохи Атея, раскинувшейся от Дона почти до Балкан и далеко на север от Черного моря. В этих условиях борьба центристских и центробежных факторов была практически неизбежна, а относительная целостность государства во многом опиралась на авторитет, божественную харизму верховного царя. Однако во второй половине IV в. до н.э., судя по датировке таких поистине царских курганов-исполинов, как Чертомлык, Козёл, Огуз и Александрополь, за короткий период умирают сразу несколько верховных правителей Скифии. Возможно, в одном из этих курганов покоился и прах Атея, погибшего почти в столетнем возрасте. В таком случае весьма преклонный возраст должны были иметь и его преемники, что объясняет их недолгое правление. Так или иначе, быстрая смена верховных царей должна была повлечь за собой серьезный управленческий кризис, затруднивший необходимое противодействие другим негативным политическим, экономическим и природно-экологическим факторам. Все это и привело к распаду Великой Скифии.

152

Но сами скифы не исчезают как этнос в пределах Северного Причерноморья. Они еще несколько столетий контролируют Нижнее Поднепровье, Крым и Добруджу, создав там небольшие, но вполне дееспособные государства. Правда, политическая гегемония в степных и лесостепных областях между Дунаем и Доном была утрачена скифами уже навсегда. Она всецело переходит к новой волне ираноязычных кочевников, пришедших с востока, — сарматам.

Долгое время именно сарматское нашествие из-за Танаиса-Дона в конце IV в. до н.э. считалось среди ученых главной причиной гибели Великой Скифии. Вроде бы об этом писали некоторые античные авторы. Диодор Сицилийский, живший в I в. до н.э., но пользовавшийся более ранними, потом утраченными источниками, говорит, что савроматы (предки сарматов) «много лет спустя, сделавшись сильнее, опустошили значительную часть Скифии и, поголовно истребляя побежденных, превратили большую часть страны в пустыню». Но когда именно произошел этот савроматский погром, греческий историк не указывает. Безусловно, есть большой соблазн соотнести это свидетельство с рубежом IV-III вв. до н.э. Однако здесь решительно против восстает археология. У нас нет никаких осязаемых следов присутствия сарматов в Северном Причерноморье ранее конца III-II вв. до н.э.

Ключ к разгадке следует искать в археологических находках на территории Нижнего Дона. Там издавна пролегли пути для всех миграций кочевых племен и народов, двигавшихся из азиатских степей на запад. Именно там, в непосредственной близости от Танаиса-Дона и Меотиды (Азовского

моря), согласно Геродоту, проживали потомки скифов и амазонок — савроматы, считающиеся родоначальниками позднейших сарматских племен.

Разброс мнений по поводу этнокультурной принадлежности населения Нижнего Дона в V-IV вв. до н.э. среди исследователей необычайно велик. Этот стратегически важный пограничный регион отдают то савроматам, то меотам, то скифам. Причем для обоснования своей точки зрения, каждый ученый использует одни и те же археологические данные и ссылки на одних и тех же античных авторов. Попробуем разобраться с этой сложной ситуацией, опираясь на самые новые археологические открытия и находки. Но сначала надо воссоздать этнокультурную картину Нижнего Подонья в V в. до н.э., опираясь на сведения нашего главного источника по Скифии — Геродота. Вот, что он пишет по поводу восточной границы владений скифов:

За рекой Герром* идут так называемые царские владения. Живет там самое доблестное и наиболее многочисленное скифское племя. Эти скифы считают прочих скифов гебе подвластными. Их область <...> простирается <...> на восток <...>

Герром — совр. р. Молочная.

до гавани у Меотийского озера по имени Кремны. Другие же части их владений *граничат даже с Танаисом* (курсив мой. — В.Г.).

Теперь о местонахождении территории савроматов:

За рекой Танаисом — уже не скифские края, но первые земельные владения там принадлежат савроматам. Савроматы занимают полосу земли к северу, начиная от впадины Меотийского озера, на пятнадцать дней пути, где нет ни диких, ни саженных деревьев (курсив мой. — В.Г.).

Казалось бы, все ясно: во времена Геродота (V в. до н.э.) Дон служил естественной границей между владениями скифов и савроматов. И если посмотреть на археологические памятники V-IV вв. до н.э. в дельте и на правом берегу Дона, то, по мнению большинства работающих там исследователей, они — скифские. Речь идет, прежде всего, о Елизаветовском городище и большом курганном могильнике около него (составной частью именно этого некрополя и является «царский» Пятибратний курган № 8 — точная копия Чер-томлыка). Какие же нужны еще аргументы, чтобы доказать правдивость слов «отца истории» о восточной границе Скифии по Танаису-Дону? Анализ лепной керамики как из слоев Елизаветовского городища, так и из погребений окружавших его курганов свидетельствует о том, что местное население, скорее всего, принадлежало к скифской этнокультурной общности.

Тем не менее некоторые ученые-сарматоведы стараются найти убедительные с их точки зрения доводы, чтобы доказать, будто савроматы либо многократно пересекали Дон и вторгались в скифские владения, начиная с IV в. до н.э., либо изначально жили в дельте этой реки и в междуречье Дона и Северского Донца. Для достижения этой цели используются два аргумента. *Первый*: Танаис — это не Дон, а Северский Донец; греки плохо знали внутренние районы Скифии и могли спутать две упомянутые реки, принимая за Танаис только устье Дона, а далее считая таковым его правый приток — Северский Донец. Однако большинство специалистов уверенно отождествляет Танаис только с современным Доном. *Второй*: некоторые курганно-комплексные IV в. до н.э. на правом берегу Нижнего Дона можно якобы отнести к савроматской культуре (такие погребальные памятники, как курганы у пос. Шолоховский, у хуторов Ясырев, Карнауховский и Кашеевка, Сладковский могильник и др.). Все эти подкурганно-захоронения сделаны в дерево-земляных гробницах, часто имеют коридоры-дромосы и следы огненного ритуала очищения. Тела умерших укладывали на спину головой на юг, с отклонениями к востоку и западу. Сопровождающий их набор погребальных вещей состоит из предметов вооружения: наконечников копий, дротиков и стрел, мечей, железных и бронзовых наконечников стрел, железных чешуйчатых панцирей, поясных крючков-застежек, оформленных в зверином стиле, а также из напутственной пищи в виде частей туши лошади с железным ножом, греческих амфор для вина и чернолаковой греческой столовой посуды, реже — лепной керамики местного изготовления. Но точно такие же черты погребального обряда мы наблюдаем и в других областях Великой Скифии: в лесостепном Приднепровье и на Среднем Дону. Что же, и эти территории надо отдать савроматам?

Действительно, в конце V и, особенно, в IV в. до н.э. в степных скифских районах стали хоронить умерших не в ямах, облицованных деревом, а в катакомбах. Но это произошло не во всей Скифии. Лесостепь и Подонье (вплоть до устья Дона) сохранили старый традиционный обряд погребения. Внутри же скифской территории было вполне возможно перемещение кочевых и полукочевых групп, придерживавшихся и старого и нового похоронного ритуала. В качестве примера сошлюсь на курган № 3 у хутора Кировский Аксайского р-на Ростовской обл. (правый берег Нижнего Дона). Археологи нашли там два довольно бедных погребения рядовых скифов, помещенные в катакомбах, а не в ямах. В находках из них не было ничего савроматского, что позволило автору раскопок, петербургскому археологу А.В. Субботину, сделать следующее заключение: «Исследованный курган, скорее всего, можно рассматривать как один из последних скифских курганов в Нижнем Подонье». Дата кургана (по греческой керамике) — вторая половина — конец IV вв. до н.э.

Следует напомнить, что и Елизаветовское городище прекращает свое существование на рубеже IV-III

вв. до н.э. Вот что пишет по поводу политической ситуации, сложившейся в низовьях Дона на рубеже IV-III вв. до н.э. и в начале III в. до н.э. известный петербургский археолог К.К. Марченко: «В самом конце IV в. до н.э. туземное полуоседлое и кочевое население покинуло территорию Нижнего Подонья. Вполне репрезентативные материалы самого крупного памятника этого пограничного района Великой Скифии — так называемого Елизаветовского городища на Дону — однозначно свидетельствуют, что уход населения происходил в относительно спокойной обстановке, позволившей местным жителям захватить с собой весь мало-мальски ценный скарб. Весьма примечательно также, что почти одновременно с этим изменением ситуации происходит и полное запустение греческого торгового квартала, инкорпорированного ранее в структуру Елизаветовского городища. Несмотря на полное отсутствие следов разрушений, пожаров и т. п., наиболее вероятной причиной ухода местного населения можно считать резкое усиление военной угрозы со стороны восточных номадов-сарматов (савроматов)...»

Покинутые земли поспешили занять боспорские греки, а какая-то, численно весьма небольшая, орда скифов даже осмелилась обосноваться на левом берегу Дона, о чем свидетельствуют погребения в катакомбах в курганах у с. Новоалександровка и Высочино.

Илл. 67. Золотая бляха с изображением скифов, стреляющих из луков
Курган Куль

Впрочем, по мнению К.К. Марченко, «период относительного благоденствия новой (боспорской) колонии, да надо полагать, и всех остальных жителей низовьев Дона, включая и левобережных скифов, продолжался весьма недолго. Не позднее 70-х гг. III в. до н.э. сарматы (савроматы), перейдя Дон, совершили свой первый и, по-видимому, один из наиболее опустошительных набегов в Северное Причерноморье...».

Таким образом, если какие-то рейды конных савроматских дружин в IV в. до н.э. через Танаис и далее, в глубь скифских владений, и имели место, то

археологически осязаемых следов они не оставили. Но это не меняет общей ситуации: Великая Скифия, каковы бы ни были истинные причины данной катастрофы, погибла.

А что же сарматы? Во II в. до н.э. сарматские памятники распространяются по всей степной части Северного Причерноморья, а местами заходят и в Лесостепь — на Дон, Северский Донец, Днепр и Днестр, где тоже есть сарматские курганы. Самый известный отечественный сарматолог К.Ф. Смирнов так писал об этих драматических событиях в своей последней работе под красноречивым названием

«Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии»: «Массовое вторжение сарматов в северопричерноморские степи произошло не позже начала II в. до н.э. <...> Массовому завоеванию Скифии предшествовал период постепенного проникновения на запад отдельных савромато-сарматских групп, значительная часть которых вышла из большого массива „савроматских“ племен, как собственно савроматов Геродота, так и родственных им более восточных племен, живших к востоку от Волги — в степях Южного Приуралья. Точное название последних мы не знаем». По-видимому, рисуя картину полного разгрома скифского государства Диодор (кстати, не ясно к какому времени относится его сообщение) прав только частично. Известны скифские памятники в низовьях Днепра и к востоку от него, по реке Молочной, что плохо согласуется со свидетельством этого античного автора о полном уничтожении Скифии. Очевидно, погром охватил только те области, где сарматы встретили упорное сопротивление. В других местах скифы могли подчиниться завоевателям и платить им дань, сохранив свою жизнь и имущество. Есть также все основания считать, что Нижний Днепр, Крым и территория, которую Страбон назвал «Малой Скифией» (совр. Добруджа), сохранили старое скифское население. Несколько позднее Скифия будет ограничена только площадью Крыма и узкой полосой причерноморского побережья до Ольвии. Окончательно изгнали скифов из этих окраинных мест сперва готское (III в. н.э.), а потом и гуннское (IV в. н.э.) нашествия. Скифы исчезли как народ и больше никогда не упоминались в анналах мировой истории.

ГЛАВА 5

НА КРАЮ ОЙКУМЭНЫ: ГРЕКИ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Там киммериян печальная область, покрытая вечно Влажным туманом и мглой облаков...;

Ночь безотрадная там искони окружает живущих.

Гомер

Великая колонизация. Корабли идут на север

VIII в. до н.э. наступает эпоха широкой греческой колонизации в бассейне Средиземного и Черного морей. Перенаселенные, погрязшие во внутренних усобицах и противоречиях города Эллады рассылают во все стороны открывателей новых земель, которые возвращаются с волнующими вестями о новых богатых землях. За ними идут караваны судов с переселенцами, жаждущими найти свое счастье вдали от бесплодных, выжженных солнцем греческих гор. Так возникают многочисленные колонии, где изгнанники и авантюристы создают порты, принимают товары из городов-метрополий и посылают взамен богатства, выкачанные из новых земель. Но по странному стечению обстоятельств этот могучий поток колонизации направлялся преимущественно на восток, юг и юго-запад, избегая до поры до времени опасных северных маршрутов. Греки гомеровской эпохи знали о северных землях до удивления мало. За узкой и каменистой щелью Геллеспонта-Дарданелл и Боспора Фракийского (совр. Босфор) им виделись таинственные и фантастические картины: лазурное побережье Тавриды-Крыма и цветущие берега Кавказа представлялись им сквозь пелену неведения царством вечно холода и мрака, больше похожим на глубины подземного царства мертвых — Аида, нежели на реальные географические районы.

Там киммериян печальная область, покрытая вечно Влажным туманом и мглой облаков; никогда не являет

Оку людей там лица лучезарного Гелиос, землю ль

Он покидает, всходя на звездами обильное небо,

С неба ль, звездами обильного, сходит, к земле обращаясь;

Ночь безотрадная там искони окружает живущих.*

Киммерийцы населяли южнорусские степи до прихода скифов и были затем вытеснены последними где-то в начале VII в. до н.э. Другая гомеровская поэма — «Илиада» рисует облик кочевников-киммерийцев более правдоподобно, хотя и не лишена налета известной их идеализации:

Зевс <.-> обратил вспять светлые очи, взирая вдаль на землю конеборных фракийцев, сражающихся в рукопашную мисийцев и дивных гиппсмолгов-млекое-дов**, бедных и справедливейших людей...***

Фантастические картины гомеровских поэм стали на более реальную почву только после того, как

первые греческие мореходы преодолели вполне понятный страх перед неведомым и рискнули пуститься в плавание по бурным волнам Черного моря. Дух наживы и дерзкого предпринимательства господствовал в те века, когда человек узнавал о новых богатствах земли из рассказов, становившихся почти легендами. Романтика и действительность взаимно дополняли друг друга. Вся Эллада грезилась сказочными богатствами далеких северных и восточных стран, где «золотоносные реки из царства Плутона» выходят прямо на поверхность, а золотые самородки величиной с голову взрослого человека валяются буквально на каждом шагу. Тучные поля изнемогают там от тяжести налитых колосьев пшеницы, а реки полны косяков осетровых рыб. Такой блестящий приз, безусловно, стоил в глазах грека любого риска. И дочерна просмоленные крепкие корабли с пурпурными носами устремлялись на всех парусах в манящие черноморские дали.

Каждый греческий купец был в те времена и пиратом, готовым при случае наверстать свои торговые убытки с помощью грабительского набега на прибрежные селения варваров. Примером такого полупиратского полоторгового рейда с далеко идущими разведывательными целями можно считать плавание легендарного «Арго» в Колхиду за золотым руном, оберегаемым огнедышащим драконом. Однако сведения, принесенные из похода Ясоном и его товарищами, касались только юго-восточных районов Кавказского побережья. Северное Причерноморье в VIII в. до н.э., вероятно, по-прежнему оставалось вне прямой досягаемости греческих мореходов. Положение резко меняется уже в начале VII в. до н.э. Отдельные рекогносцировочные рейды к северному побережью Понта начинают приносить свои плоды. Древние греки никогда не называли

* «Одиссея», песнь 2, 14-15.

** Гиппемолги (греч.) — «доители кобылиц».

*** «Илиада», песнь 13, 1-7.

Илл. 68. Золотая бляха с маской Медузы Горгон Феодосия, Крым, IV в. до н.э. это море Черным. Первоначально оно звалось Аксенским Понтом, что значит «Негостеприимное море», а позднее, с началом широкой колонизации его берегов, — море переименовали в Эвксипский Поит, т. е. «Гостеприимное море».

По сравнению с ласковой и солнечной Пропонтидой*, Черное море, безусловно, должно было казаться сынам Эллады слишком бурным, туманным и холодным; кроме того, многие народы и племена, обитавшие на его побережье, пользовались дурной славой жестоких разбойников и

дикарей. Но южный берег Понта с его мягким климатом был более пригоден для заселения. И вот, на середине пути, проходившего вдоль южного побережья Понта Эвксинского, Милет основал свою первую и главную колонию — Синопу, из которой вывозили соленую рыбу, строевой лес и смолу. Эта колония стала

Пропонтида — Мраморное море.

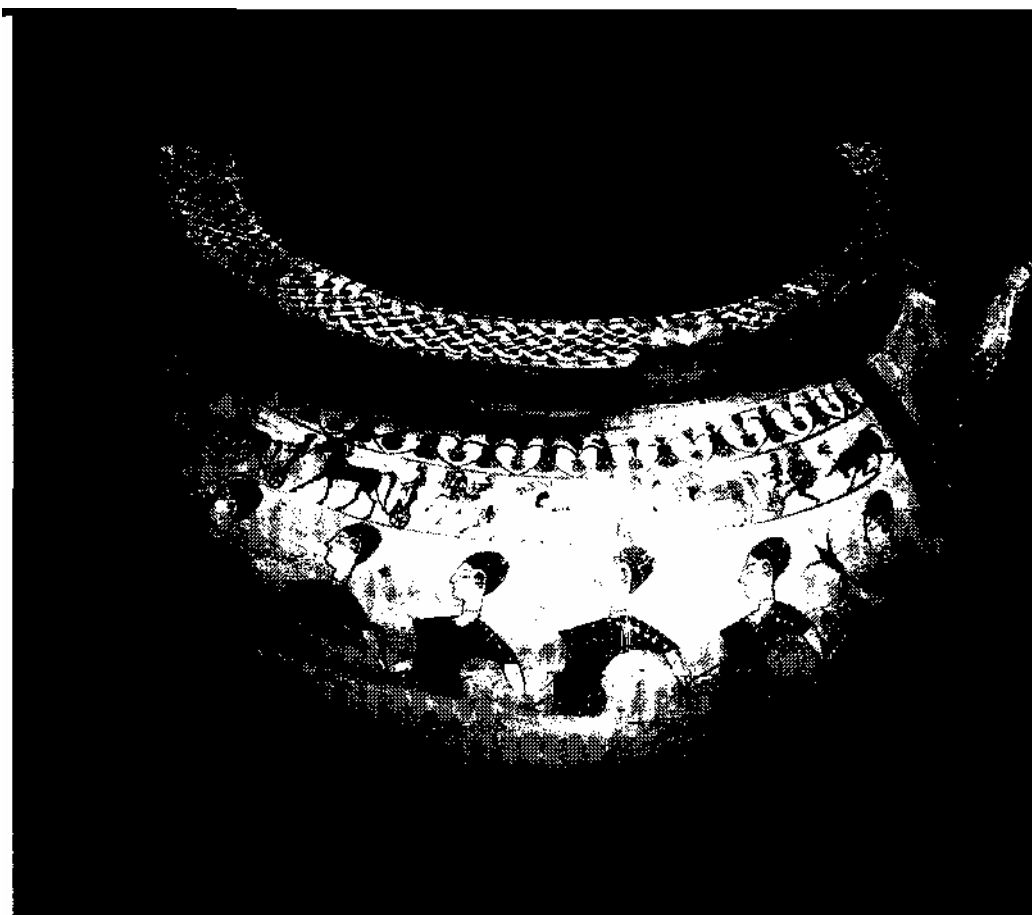
удобной базой для каботажного торгового плавания*. Отсюда можно было даже отважиться пересечь и открытое море до самого Крыма. Затем торговые фактории и колонии, основанные переселенцами из Синопы или Милета, стали возникать на восточных территориях: вначале до Трапезунта, а потом и севернее, вдоль кавказского побережья. В Колхиде, в устье р. Фасис возникла позднее одноименная греческая колония, а на берегах солнечной Сухумской бухты поднялись ввысь каменные степы Диоскурии. Однако греки-ионийцы из городов Малой Азии и, прежде всего, из того же Милета, упорно осваивали и западное побережье Черного моря, медленно продвигаясь вперед к границам «туманной Скифии». В устье Дуная уже в VII в. до н.э. появилась греческая колония Истрия. Тогда и начались, по сути дела, первые более или менее регулярные контакты греков с варварскими племенами Северного Причерноморья. Археологические находки и свидетельства античных авторов единодушны в том, что греки появились здесь не раньше второй половины VII в. до н.э.

Это первое проникновение предприимчивых сынов Эллады на берега Скифии не следует представлять себе в виде внезапного нашествия чужеземных мореходов и торговцев, сразу же бросившихся основывать колонии городского типа. Постоянные поселения возникали лишь после успехов, достигнутых факториями. Эта точка зрения разделяется известным российским ученым А.А. Иессеном; «От первых случайных, полупиратских плаваний, каковым было плавание корабля „Арго“, к более или менее регулярным торговым отношениям, которые сопровождались основанием факторий, безразлично, независимых ли от уже существующих поселений местных племен или связанных с ними, и далее к созданию постоянных греческих поселений-колоний — таков, несомненно, был ход исторического развития».

История одного острова (фактория Березань)

Плодородные лесостепные области в междуречье Южного Буга и Днестра были населены тогда оседлыми земледельческими племенами, в которых одни современные исследователи видят геродотовых «скифов-пахарей», а другие — предков славян. Множество укрепленных крепостей-городищ, открытых поселений и богатых курганов красноречиво говорят о расцвете местной культуры именно в это время.

Стоит ли удивляться, что именно сюда были устремлены прежде всего и взоры первых греческих купцов и торговцев. Расписные и фигурные сосуды VII или рубежа VII-VI вв. до н.э. из далекой Эллады найдены здесь в семи

Каботажное плавание — плавание вдоль берегов.

162

Илл. 69. Обломок расписного греческого кратера. О. Березань, 575–550 гг.

пунктах; четырех городищах, двух поселениях и одном кургане (у с. Болтышка бывшего Чигиринского уезда). Из этих памятников дальше всего от морского побережья находится Трахтемировское городище (севернее г. Канева на Днепре). Самый западный из них — громадное Немировское городище, расположенное вблизи р. Южный Буг (совр. Винницкая обл.). Если на всех перечисленных пунктах привозная греческая посуда исчислялась всего лишь несколькими мелкими фрагментами, то Немировское городище заметно выделяется на общем фоне. Родосско-ионийская расписная керамика середины и конца VII в. до н.э. составляет здесь довольно внушительную коллекцию. И для этого имелись, как мы увидим ниже, весьма серьезные основания.

Настойчивые поиски следов первых греческих торговых факторий или торжищ в Северном Причерноморье ведутся уже много лет. Сейчас нам известно, что ранние поселения эллинов существовали когда-то на месте будущей Ольвии (в Днепро-Бугском заливе), в районе современного Таганрога (Азовское море) и на о. Березань. Последний памятник — наиболее интересный и

яркий из всех.

Березань как бы замыкает Днепро-Бугский лиман, а юго-западные берега его омывают зеленоватосиние волны Черного моря, Длина острова — около 800 метров, ширина — около 400. От суши его отделяет мелкий пролив шириной примерно 3 км.

В средние века остров, именуемый тогда островом Ефсрия, видел русские ладьи, плывущие в Царьград-Константинополь по знаменитому пути «из варяг в греки».

Но, пожалуй, наибольшую известность получила Березань благодаря своим богатейшим археологическим памятникам античного времени. Уже после первых лет раскопок на острове стало очевидно, что найдено древнейшее поселение греков на всей территории Северного Причерноморья, относящееся ко второй половине VII в. до н.э.

Ученые обратили внимание на одну интересную деталь: в греческом поселке было слишком много глубоких и вместительных хозяйственных ям. Несомненно они служили своего рода долговременными хранилищами для огромных запасов зерна, явно превышающих скромные потребности местных жителей. Следовательно, зерно накапливали специально для вывоза в Грецию. Вряд ли приходится сомневаться и в том, что хлеб колонисты выращивали не сами. Они

получали его от своих соседей — варварских племен Побужья и Приднепровья. Что же могли предложить греки взамен хлеба, кож, мяса и меда скифов?

В крохотном греческом поселении на Березани оказалось необычайно много родосско-ионийской керамики. Сами колонисты вряд ли широко использовали в быту эти дорогие художественно расписанные сосуды. Очень много было на острове и остропопых амфор — сосудов для перевозки и хранения оливкового масла и вина. Только на одном участке раскопок площадью 200 кв. м археологи нашли свыше 80 тыс. обломков амфор. В свете таких данных раннее поселение греков на Березани выступает как важный центр посреднической торговли между материковой Грецией и местными племенами, Отсюда вверх по Гипанису-Бугу греческие купцы доставляли свои товары в районы Лесостепи и, прежде всего, к Немировскому городищу за добрые 300 верст от побережья Понта. Ведь именно там и обнаружено до сих пор большинство предметов раннего эллинского импорта в виде дорогой парадной посуды, привозившейся, вероятно, вместе с вином. Почему же греки стремились попасть так далеко на север, а не торговали со своими ближайшими соседями, обитавшими в степи?

Причерноморские и приазовские степи занимали в это время воинственные племена скифов, главным занятием которых было кочевое скотоводство. Они сами получали хлеб из плодородных лесостепных областей. Поэтому и

греки вынуждены были налаживать регулярные контакты с далекими от них землями Побужья и Поднепровья. Перевозки товаров осуществлялись скорее всего речным путем. Известно, что греки всегда предпочитали пользоваться водными, а не сухопутными путями. Крупные их города имели большой флот и хорошие гавани. Геродот называет Борисфен (Днепр) и Гипанис (Буг) судоходными реками для тех кораблей, которые шли от моря. Такими кораблями могли быть в те времена только греческие. Если все ранние находки привозных греческих предметов нанести на карту, то получится любопытная картина. Основываясь на ней, можно предполагать, что греки плавали в VII — начале VI вв. до н.э. по Южному Бугу и его притокам, а также по притоку Днепра — Ингульцу. Днепр-Борисфен тогда, по-видимому, еще не использовался, хотя бы потому, что плавание по нему к богатым хлебом земледельческим племенам Лесостепи было почти вдвое длиннее. А дикая приднепровская степь не представляла пока для эллинов никакого интереса.

«Получи меня по жребию»

По как далеко проникали на север сами греки? Конечно, решить это трудно. Попробуй, узнай, как попала та или иная греческая вещь к скифам. Может быть, она получена в обмен на зерно прямо на греческом торжище. А может, эта вещь — часть добычи, награбленной лихими скифскими всадниками у зазевавшихся эллинов-колонистов. Не исключено, что ее привезли на север и сами греки, совершавшие далекие торговые экспедиции в глубь скифских земель. Именно в этой связи мне хочется рассказать об одном интереснейшем открытии, сделанном не так уж давно. Много лет в Санкт-Петербурге, в Государственном Эрмитаже хранился простой глиняный сосуд, найденный еще в 1909 г. при исследовании Немировского городища. Черный, с заглаженной поверхностью «скифский» горшок — их десятками и сотнями можно видеть в археологических музеях — долгое время не привлекал к себе особого внимания. В 1959 г. известный российский ученый, профессор Б.Н. Граков случайно обнаружил на тулове сосуда какие-то едва заметные знаки. После их тщательного осмотра выяснилось, что там процарапана короткая надпись: «Получи меня по жребию». По особенностям написания букв ученый определил, что надпись сделана милетским шрифтом до 556 г. до н.э. А уверенная манера письма справа налево, свойственная ранним его образцам, позволила еще больше уточнить возраст надписи — конец VII в. до н.э. Ценность этой находки заключается в том, что греческая надпись сделана на местном, достаточно типичном для Немировского городища сосуде.

«Сама же надпись, — подчеркивает Б.Н. Граков, — вполне греческая не только по языку, но и по содержанию. Сосуды у греков часто как бы от

ГЛАВА 5. НА КРАЮ ОЙКУМЕНИ
своего лица обращались к окружающим. Содержание надписи тоже соответствует греческим застольным нравам. Либо это был разыгранный на счастье по жребию сосуд с пиршественным напитком, либо приз за победу в каком-то застольном состязании. Надпись сделана перед игрою и носит, следовательно, смысл магического призыва».

Итак, факт проникновения греков от Березами вверх по Бугу более чем на 300 км вполне очевиден. Скорее всего, речь идет о купцах. Причем их было несколько, так как сосуд предназначался для одного из игравших. Кроме того, они должны были находиться на Немировском городище довольно длительное время, поскольку имели возможность развлекаться

там по своим обычаям. Примечательно и то, что надпись сделана на милетском языке. В VII в. до н.э. во всем Северном Причерноморье была только одна милетская колония — поселок на о. Брезань. Следовательно, не исключено, что именно брезанские купцы развлекались когда-то на досуге в тени высоких земляных валов Неми-ровского городища. Отдельные привозные изделия греческих мастеров известны в бассейне р. Ворсклы и на Дону. Кроме того, скифские курганы у ТемирТоры близ Керчи и в Джанкое (с. Филатовка) сохранили среди прочего инвентаря великолепные расписные вазы родосско-милетского стиля, относящиеся ко второй половине VII в. до н.э.

Греки в Приазовье

В 20-х гг., молодой тогда еще, ленинградский археолог Т.Н. Книпович случайно обнаружила в витрине Новочеркасского Донского музея совершенно уникальную вещь. Сквозь запыленное стекло из груды разновременных экспонатов на нее внимательно и строго смотрели выразительные глаза быка. Архаический ионийский сосуд? Здесь, па Дону? Это же настоящая научная сенсация! До сих пор все сведения о ранних связях эллинов с варварами, жившими по Танаису-Дону, ограничивались весьма невразумительным сообщением поздних античных авторов (Плиний) о существовании в дельте реки нескольких временных торжищ, последовательно основанных ионийцами, ка-рийцами, клазоменцами и, наконец, боспорцами. Однако никаких следов этих ранних торговых факторий найти не удавалось. Раскопки показали, что первое

греческое торжище возникло здесь только в V в. до н.э. С понятным волнением археолог взяла в руки уникальный предмет. Сомнений больше не

Илл. 70. Золотая греческая подвеска в форме женской головы. Большая Белозерка, Запорожье, курган № 2, погребение № 3, IV в. до н.э.

166

168

оставалось. Это действительно был архаический фигурный сосуд с горлом, переходящим в голову быка из так называемой родосско-милетской группы керамики середины VII в. до н.э. Скупая запись в музейной книге поступлений гласила, что сосуд найден в древнем кургане на р. Цуцкан бывшего Хоперского округа Донской обл., т. е. за несколько сотен километров от устья Дона. В 1905 г. крестьяне-кладоискатели разрыли большой и богатый курган у с. Мастюгино (в 60 км южнее г. Воронежа) и нашли там тонкий серебряный сосуд с чеканной личиной бородатого человека на тулове. Разбитый ломом на множество кусков, сосуд был собран позднее археологом А.А. Спицыным и доставлен в Эрмитаж. После реставрации, уже в наши дни, сосуд снова попал в руки исследователей. И тогда выяснилась поразительная вещь: серебряный кувшин из с. Мастюгино был, несомненно, греческого происхождения. Его изготовили в одной из мастерских материковой Греции не позднее VII в. до н.э.

Наконец, третья находка подобного же рода происходит из богатого кургана близ слободы Криворожье на р. Калитве, в бассейне Дона. Среди драгоценных украшений из золота и серебра явно переднеазиатского или закавказского производства выделяется большой обломок греческого фигурного сосуда в виде головы барана. Подобные керамические сосуды изготовляли гончары о. Самос в конце VII — начале VI вв. до н.э.

Таким образом, мы располагаем пока всего лишь тремя находками ран-негреческих вещей в бассейне Дона. Но этого уже вполне достаточно, чтобы более внимательно отнестись к сообщениям античных авторов о каких-то древних эллинских торжищах, пускай и временного характера, в устье р. Танаис.

Работы ростовских археологов последних лет в Приазовье выявили со всей очевидностью последовательную смену очагов греческой колонизации в этом регионе. Так, наиболее ранний эллинский эмпорий (или поселок) VII-VI вв. до н.э. (судя по находкам многочисленных обломков расписных ионийских ваз) находился на месте современного Таганрога, на берегу Таганрогской бухты. Таким образом, получает объяснение и сам факт широкого распространения ранней греческой керамики на самой восточной окраине Скифии — в Подонье и Приазовье. Она вывозилась из греческого поселка в районе Таганрога, а не из Ольвии и с Березани.

В конце VI в. до н.э. поселок гибнет в силу пока не выясненных причин, а в дельте Дона в первой половине V в. до н.э. возникает новый торгово-

Илл. 71. Золотая греческая височная подвеска в виде фигуры сфинкса. Трехбратние курганы близ Охонки, Крым, курган № 1, IV в. до н.э.

1

ремесленный и политический центр — Елизаветовское городище, скифское в своей основе, но имевшее и греческий квартал. По наблюдениям археологов В.П. Копылова (Ростов-на-Дону), И.Б. Брашинского и К.К. Марченко (Санкт-Петербург), именно это городище в течение V-IV вв. до н.э. служило главным торговым форпостом для проникновения греческого импорта в Северное Приазовье, а также в степное и лесостепное Подонье.

В конце IV в. до н.э. Елизаветовское поселение прекращает свое существование, и на смену ему приходит основанный в III в. до н.э. боспорскими греками г. Танаис (близ современной станицы Недвиговской в дельте Дона на берегу судоходного русла этой реки, связанного с морем).

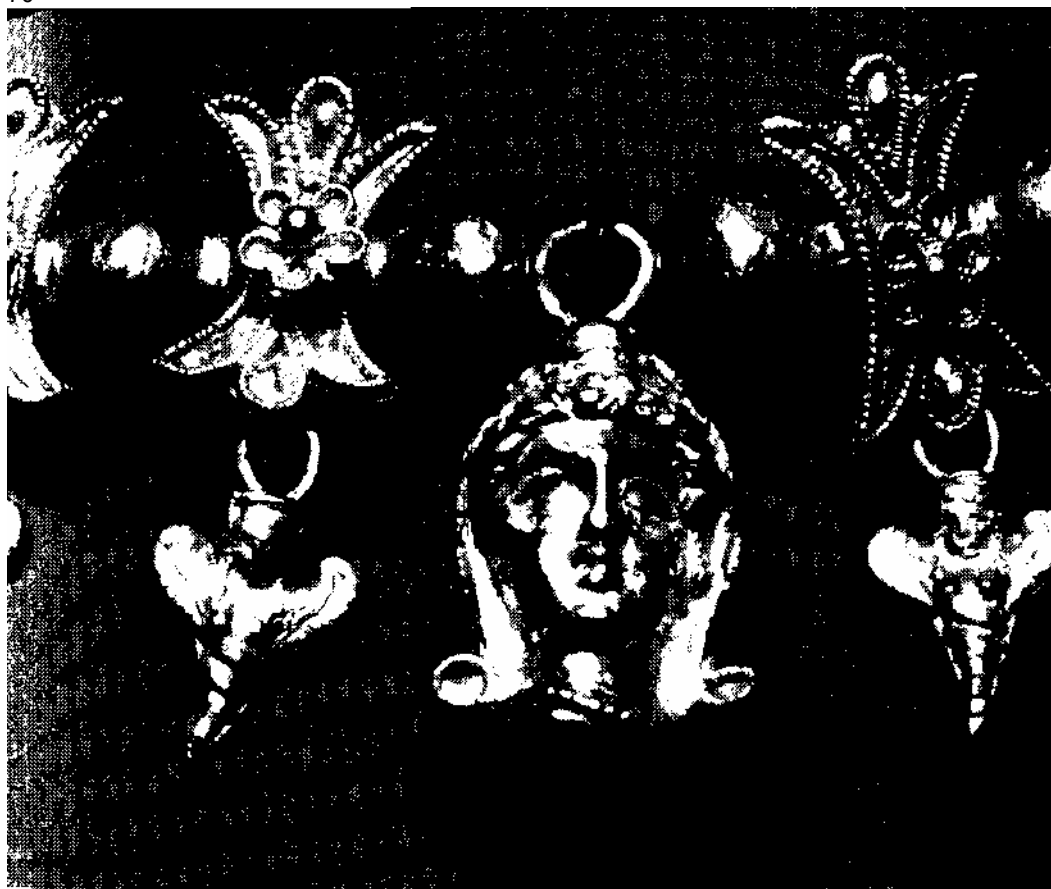
Судя по археологическим данным, немалая часть этого потока античных товаров шла с низовьев Дона прямо на север — в дубовые леса и холмистые равнины Воропеевщины. Ощутимые результаты оживленных контактов с античным миром мы встречаем в среднэдонской Лесостепи буквально на каждом шагу: местные курганы и поселения содержат немало изделий греческих мастеров — остродонных керамических амфор, украшений из бронзы, золота и серебра, предметов роскоши и культа, парадного вооружения. В обмен на дорогие товары эллинов местные жители отправляли на юг хлеб, скот, пушнину, воск, мед и рабов. Торговля велась только в натуральной (бартерной) форме: в погребениях скифов до сих пор не найдено ни одной античной

монеты. Но зато такие находки сделаны на скифском Каменском городище (монета из Ольвии и монеты Филиппа II Македонского).

Причины и ход греческой колонизации в Северном Причерноморье

Переселение или эмиграция больших групп греческого населения в поисках новых мест обитания вошло в историю как Великая колонизация. Началась она еще в VIII в. до н.э., но охватывала тогда только берега Средиземного моря. Освоение прибрежных земель вокруг Черного моря началось столетие спустя — в VII в. до н.э. Первыми постоянными эллинскими поселениями на северном побережье Поита Эвксинского и Меотиды были Таганрогское и Бере-занское (середина VII в. до н.э.). Массовая колонизация северопричерноморских областей приходится уже на VI в. до н.э. Основную роль в этом процессе сыграли малоазийские греки (ионийцы) и среди них несомненным лидером были граждане крупнейшего в Малой Азии греческого города Милета (ему приписывали в древности основание 75 или даже 90 колоний). В Северном Причерноморье милетяне основали Ольвию, Пантикапей, Феодосию, Нимфей, Кепы, Тиру и ряд других городов. Из прочих центров колонизации можно

70

Илл. 72. Золотое ожерелье с подвеской в виде женской гол Греческая работа. Курган Огуз близ Нижних Серогоз, Херсонская обл., ок. 325 г. до

назвать Теос, жители которого основали такой крупный город Азиатского Бос-нора, как Фанагория. А города Гераклея Понтийская и Делос заложили первые камни в фундаменты стен и жилищ Херсонеса Таврического.

Что же влекло греков из родных мест, от храмов почитаемых богов и могил предков в неизведанные дали? Однозначного ответа нет и по сей день. Причин было много. Суть же явления скрыта в особенностях социально-экономического и политического развития Эллады в VIII-VI вв. до н.э. Во всех эллинских городах-государствах («полисах») в то время шла борьба между аристократами-олигархами и сторонниками демократии. Она была очень жестокой и сопровождалась насилиями, убийствами, конфискациями имущества и массовыми изгнаниями проигравших. В одних городах побеждал «демос» — торговцы, крестьяне и ремесленники, устанавливая там демократические порядки. Они убивали или изгоняли представителей старой правящей элиты (тиранов, аристократов). В других, напротив, победившие олигархи учиняли беспощадную расправу над своими противниками. И тогда уцелевшие побежденные вместе со

своими семьями садились на корабли и плыли за моря и океаны, подальше от родины, навстречу неизвестности.

Однако политика, хотя и была в числе важных, но все-таки не основных причин основания колоний. На первом месте, безусловно, стояли причины экономические. Греция — страна довольно бедная сельскохозяйственными угодьями и плодородными землями. Простой рост населения приводил к тому, что прокормить всех при существующих ресурсах становилось уже невозможно и «лишние рты» должны были куда-то уйти. Основание заморских колоний решало проблему. И, как пишет французский историк Анри Бонар, «воплем голодного брюха оснащал корабли».

Немаловажным фактором являлись и войны с персами, которые довольно часто опустошали эллинские города в Малой Азии. Определенную роль играло и интенсивное развитие у греков ремесленного производства, для нужд которого необходимо было искать новые источники сырья и новые рынки сбыта, что также способствовало расширению торговой деятельности. Наконец, причиной переселения на новые места могли явиться и неблагоприятные природные явления: засуха, недород или неурожай и, как следствие, голод. Кроме того, новые родственные города-колонии часто давали возможность своим метрополиям (т. е. городам, их основавшим) получить доступ к дополнительным и столь необходимым источникам сырья и сельскохозяйственной продукции.

Вот почему процесс выведения из Эллады новых колоний имел, как правило, организованный характер. К отплытию готовились долго и тщательно. Избирался или назначался «ойкист» — глава колонистов. По-видимому, на первых порах (т. е. на начальном этапе существования колонии) его полномочия и власть приближались к диктаторским. Он отбирал желающих, составлял списки новых граждан, готовил корабли, следил за закупкой запасов продовольствия и снаряжения, решал сотни текущих дел. Желающих обычно было предостаточно. Люди, лишенные дальнейших перспектив на земле Эллады, устремлялись в чужие края, где можно начать все сначала и обрести надежду на счастливое будущее.

Новые колонии с момента своего основания становились полностью независимыми от метрополии. Осознание общности происхождения, память о выдающихся предках, общие культы в религии — вот в основном и все, что связывало метрополию и колонию. Правда, нередко их объединяли (притом очень крепко) и общие экономические интересы. Из колонии вывозились сырье и сельскохозяйственная продукция, прежде всего, хлеб, а из метропо-

Илл. 73. Часть серебряного конского убора с изображением фигуры Геракла. Греческая работа. Бабина Могила, Днепрпетровская обл., 350-300 гг. до н.э.

172

ГЛАВА 5. НА КРАЮ ОЙКУМЕНИ

лии — готовая ремесленная продукция, оливковое масло, вино. Взаимосвязи колоний с метрополиями осуществлялись на равноправных договорных началах. Этим древнегреческие колонии принципиально отличаются от колоний в современном понимании данного термина. Жизнь первых поколений колонистов в Северном Причерноморье скрыта пеленой неизвестности, поскольку почти не освещена письменными источниками. Исследователь данного периода может опираться исключительно на археологические материалы (включая скудные находки предметов с надписями*). По счастливому стечению обстоятельств, в момент основания большинства эллинских колоний местное варварское население в прибрежных районах было немногочисленным или вообще отсутствовало.

Северное Причерноморье всегда было удаленным уголком греческой цивилизации, оно находилось на самом краю ойкумены. За стенами эллинских городов лежали земли варваров, в рассказах о которых прежде было больше вымысла, чем правды. Эти земли и манили, и пугали. И если в страшные рассказы об орлиноголовых чудовищах-грифонах и о людях с собачьими голо-

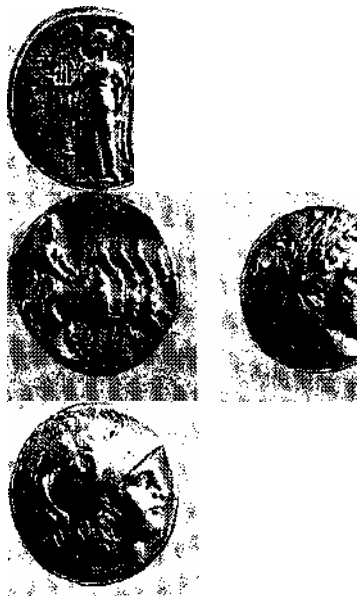
вами верили далеко не все, то местный холодный климат, замерзающие реки, снегопады и слухи о не знающих пощады воинственных скифских всадниках могли привести в ужас любого, даже самого храброго эллина. Но, видимо, сражаться со скифами (по крайней мере, на первых этапах жизни колоний) грекам не пришлось. Мы, правда, точно не знаем о характере взаимоотношений первых колонистов с местным населением. Тем не менее все говорит о том, что на начальной стадии эти отношения должны были быть не только мирными, но и дружественными, иначе горстка эллинов просто не выжила бы среди враждебного окружения. Варвары, особенно их правящая верхушка, были заинтересованы в торговых связях с эллинами и охотно предоставляли им места для поселений. Сохранилась легенда о том, что скифский вождь уступил милетским переселенцам землю на горе Митридат (в современной Керчи) для основания города Пантикапея. Потом в отношениях варваров и эллинов было все: мир и война, распространение греческих товаров далеко в скифскую степь, взаимопроникновение культур, взаимные династические браки и политические союзы, скифский протекторат над Ольвией и выжженная «хора» (сельскохозяйственная округа) Херсонеса.

Греки и варвары

Северное Причерноморье в культурном отношении представляло собой уникальную и своеобразную часть античного мира. Это своеобразие определялось

* Надписи на предметах изучает эпиграфика.

Илл. 74. Золотые и электровые монеты из древнегреческих ко-

тысячелетним (с VI в. до н.э. по IV в. н.э.) взаимодействием двух миров — эллинского и варварского. Греки принесли на причерноморскую землю свою культуру, искусство, религию, мифологию, литературу и поэзию. Местные племена - скифы, меоты, сарматы - восприняли многие черты этой культуры. При этом наибольшей эллинизации подверглись варвары, находившиеся в непосредственной близости от греческих колоний. Некоторые скифские аристократы эллинизировались до такой степени, что даже предпочитали подолгу жить в греческих городах (например, царь Скил в Ольвии).

В свою очередь, греки испытывали и обратное влияние мощной варварской периферии, и чем дальше, тем больше. Особенно усилилось воздействие местных племен на эллинов в самом конце I тыс. до н.э. — первых веках нашей эры. Но при всем при том Северное Причерноморье являлось не только отдаленнейшей областью греческой ойкумены, но и весомой составной частью эллинской цивилизации. Остров Левка (Змеиный) в Северо-Западном Причерноморье греки издавна связывали с Ахиллом - героем Троянской войны, святилище которого находилось на острове в течение многих столетий. Почита-

174

ние Ахилла Поитарха — специфическая особенность эллинского причерноморского пантеона. Другой пример: Артемида, заменившая ланью обреченную умереть па жертвенном алтаре дочь Агамемнона — Ифигению, тайно перенесла ее в Крым (Тавриду) и сделала жрицей своего храма. А миф об аргонавтах и золотом руне, связанный с Колхидой? Самое непосредственное отношение к Понту имел и величайший греческий герой Геракл (вспомним легенду о происхождении скифских царей от брака Геракла и местной змееногой богини в изложении Геродота).

Первые обитатели греческих колоний жили в новых, весьма непривычных для них условиях. Суровый климат заставлял искать более подходящие для данной ситуации формы жилья и одежды. Обилие свободной плодородной земли и богатейшие рыбные ресурсы сделали молодые города-колонии активными участниками международной морской торговли. Корабли из разных центров Эллады везли на северные берега Понта вина разных сортов, дорогую посуду (часто расписанную лучшими эллинскими мастерами), одежду, обувь, ткани, оружие, ювелирные украшения и многое другое. Колонисты могли предложить в обмен зерно, рыбу, соль, кожи, рабов. Частично эти товары производили сами жители эллинских колоний, частично они получали их при обмене со скифским населением Степи и Лесостепи.

Античные государства Северного Причерноморья имели довольно высокий уровень развития законодательных и исполнительных структур, идеологическое обеспечение которых основывалось на принципах эллинского гражданского общества. В этом отношении очень показателен один интересный документ — гражданская присяга жителей Херсонеса:

Клянусь Зевсом, Геей, Гелиосом, Девой, богами и богинями олимпийскими, героями, владеющими городом, территорией и укрепленными пунктами херсонес-цсв. Я буду гдиномышлен о спасении и свободе государства и граждан и не предам Херсонеса, Керкинитиды, Прекрасной гавани и прочих укрепленных пунктов и из остальной территории, которой херсонесцы управляют или управляли, ничего никому не предам, ни эллину, ни варвару, но буду оберегать все это для херсонесского народа...

Северопричерноморские государства представляли собой, как правило, автономные полисы с

олигархическим или демократическим строем. В первых власть принадлежала небольшому числу привилегированных жителей, во-вторых — всем гражданам. Однако при этом в число граждан не входили женщины, дети, иностранцы, рабы и другие зависимые категории населения. Структура полисной демократической организации предполагала наличие выборной законодательной и исполнительной власти. Законодательные функции принадлежали *народному собранию* («народу»), в котором принимали участие все граждане, и *совету*, от имени которых издавались декреты и

Илл. 75. Плита с изображением Деметры в расписном склепе Кургана Большая Близница, Прикубанье, IV в. до
постановления. На народном собрании решались вопросы внешней политики, обороны, взаимоотношений с окружающими племенами, организации посольств, предоставления гражданских прав иностранцам и привилегий купцам, обеспечения населения продовольствием в неурожайные годы, издавались законы о денежном обращении и почетные декреты в честь граждан, оказавших важные услуги городу. Все эти вопросы перед передачей их в народное собрание обсуждались в совете, который, кроме того, проверял способности кандидатов занимать государственные посты и контролировал работу исполнительной власти. Исполнительная власть осуществлялась различными коллегиями — магистратурами или отдельными служебными лицами — магистратами, которые избирались обычно на один год. Наивысшей магистратурой являлась кол-

is - 528

легия архонтов. Были также коллегии, ведавшие финансами, коллегии стратегов и др. В разных полисах могли быть различия в количестве и номенклатуре тех или иных коллегий и магистратур. Имелся суд, состоявший из нескольких отделов, каждый из которых ведал определенным кругом вопросов. В судопроизводстве участвовали судьи, обвинители, свидетели.

Среди северочерноморских государств в отношении политической организации выделялся только Боспор. Он, с одной стороны, представлял собой сложный конгломерат античных городов-государств, сохранявших, хотя бы формально, полисную организацию, и по отношению к которым боспорский царь был архонтом, то есть высшим должностным лицом исполнительной власти. С другой стороны, для местных (варварских) племен, входивших в состав Боспора, он являлся царем. Эти племена сохраняли свое исконное устройство, обычаи, особенности быта, а группами племен управляли вожди или царские наместники.

В этническом отношении население античных государств на начальном этапе состояло, в основном, из ионийских греков, а также выходцев из Аттики, Теоса, Гераклеи Понтийской. Именно они и их потомки, имевшие высоко развитое национальное самосознание на протяжении всей античной эпохи, составляли этническую основу населения северопричерноморских государств. Колонисты старались сохранять культуру и традиции метрополии. Так, например, почти через семь столетий после основания Ольвии большинство ее жителей, несмотря на скифский облик их одежды, хорошо знали «Илиаду» Гомера, а некоторые из них и произведения Платона и сохраняли, хотя и не совсем чистый вследствие варварского окружения, греческий язык.

Естественно, среди населения античных городов Северного Причерноморья были и выходцы из окружающих варварских племен, а в состав государств могли входить и целые местные племена, как это отмечалось уже для Боспора (а также миксэллины, или эллино-скифы в районе Ольвии и др.). Однако данные раскопок свидетельствуют о незначительном количестве варваров среди населения городов и сельских поселений — в пределах нескольких процентов. В основном, это были скифы, фракийцы, а на Азиатском Боспоре — синды и меоты. Особенно тесными взаимоотношения варваров и греков были на Боспоре, менее тесными — между жителями Ольвии и скифами.

Последняя треть IV — середина III вв. до н.э. явились временем наивысшего экономического и культурного расцвета античных государств Северного Причерноморья. Большую роль в экономике начали играть окружающие племена. Произошла также определенная переориентация торговых связей — все большее значение стала приобретать торговля с малоазийскими, островными и особенно южнопонтскими центрами. Наладились более тесные отношения и между самими северопричерноморскими городами.

Или. 76. Деталь бронзовой греческой чаши с антропоморфной скульптурой. «Часть курганы», курган № 1 (раскопки ВУА)

Этот расцвет, однако, не был продолжительным. Начавшиеся активные передвижения окружающих кочевых племен, в частности сарматов, дестабилизировали обстановку в степях. А это, в свою очередь, подрывало основу благополучия античных государств — их земледелие и торговлю с местными племенами. Яркую картину крайне тревожной ситуации, сложившейся вокруг Ольвии, одного из крупнейших античных городов в то время, рисует нам уникальный памятник эпиграфики — декрет в честь богатого ольвийского гражданина Протогепа. Речь идет о бесконечных подношениях варварским вождям, в частности — скифскому царю Сайтафарну, о готовящемся нашествии варварских племен галатов и скиров, о том, что в связи со всеми этими событиями многие иностранцы и граждане выселились из Ольвии.

Ситуация осложнялась ухудшением климата. II в. до н.э. стал самым рекордным по количеству засух и неурожаев. Результатом явилось, например, прекращение существования во второй половине III в. до н.э. большой хоры

12-

Ольвии. Близкие кризисные явления в это время происходили в сельских округах Боспора,

Херсонеса, Тире и западнопонтийских городов.

Со временем все более усиливается давление окружающих варварских племен на северопричерноморские города. По мнению некоторых исследователей, в середине II в. до н.э. в зависимости, возможно, в форме протектората, от позднескифского государства попадает Ольвия, где чеканятся монеты скифского царя Скилура. Примерно с середины II в. до н.э. во власти так называемых поздних скифов оказывается Северо-Западный Крым, а сам Херсонес вступает с ними в затяжной военный конфликт. Херсонес стал, в конце концов, победителем, однако только с помощью царя Понтийского государства Митридата VI Евпатора, который послал в Херсонес своего полководца Диофанта. В почетном декрете херсонесцев в честь Диофанта рассказывается о том, что во время похода тот покорил тавров, вынудил скифов отступить на свою территорию, овладел Неаполем Скифским и крепостью Хабеи. Но для окончательного усмирения скифов Диофанту пришлось совершить еще один поход. Не лучше обстояли дела и на Боспоре. Заключительный период в истории северопричерноморских античных государств — римский (вторая половина I в. до н.э. — 70-е гг. IV в. н.э.) — связан с постепенным проникновением в этот регион римских влияний и римских войск. В итоге это привело к включению Тире, Ольвии и Херсонеса в состав римской провинции — Нижней Мезии.

Римские войска были выведены из Северного Причерноморья в середине — третьей четверти III в. н.э. И местные форпосты античной цивилизации оказались почти беззащитными перед угрозой новых массовых нашествий конных азиатских орд. Гуннский погром в 70-х гг. IV в. до н.э. положил конец почти тысячелетнему существованию многих греческих городов в регионе. Исторические судьбы каждого эллинского города на северном побережье Понта наряду с общими чертами обладали и многими отличиями. Поскольку таких городов было там немало, то ниже речь пойдет об истории лишь двух, но важнейших из них: Ольвии и Пантикапее, располагавшихся соответственно на западном и восточном флангах эллинских колоний.

Ольвия-«Счастливая»*

Руины древней Ольвии находятся на правом берегу Бугского лимана возле современного села Парутино Очаковского р-на Николаевской обл. Город был основан во второй четверти VI в. до н.э. выходцами из Милета. Уже само название колонии — Ольвия — говорит о том, что переселившиеся сюда элли-

В переводе с древнегреческого «Ольвия» означает «Счастливая».

180

ны хорошо знали куда и зачем они едут и были вполне уверены в своем благоприятном будущем. И на самом деле, нигде нет поблизости столь удобного в географическом и топографическом плане места для устройства поселения.

Город разместился на двух прибрежных террасах. Одна из них, нижняя, богата родниками с прекрасной питьевой водой и очень удобна для устройства гавани. Здесь, помимо портовых сооружений, разместились многочисленные ремесленные мастерские и торговые лавки ольвиополитов. Эта часть Ольвии получила название «нижний город». Верхняя терраса, защищенная с запада и севера широкими и глубокими балками, представляла собой великолепное естественное укрепление. Здесь уже в V в. до н.э. вдоль балок были построены крепостные стены, внутри которых расположился «верхний город» с жилыми кварталами, храмами, общественными постройками и площадями.

Освоение Ольвии и окружающих ее сельских поселений происходило на землях не занятых в то время оседлыми племенами варваров. По-видимому, и отношения с окружающими племенами кочевых скифов были в основном мирными. Во всяком случае, каких-либо остатков оборонительных сооружений в Ольвии до V в. до н.э. не обнаружено. Нет и каких-либо других доказательств военных конфликтов.

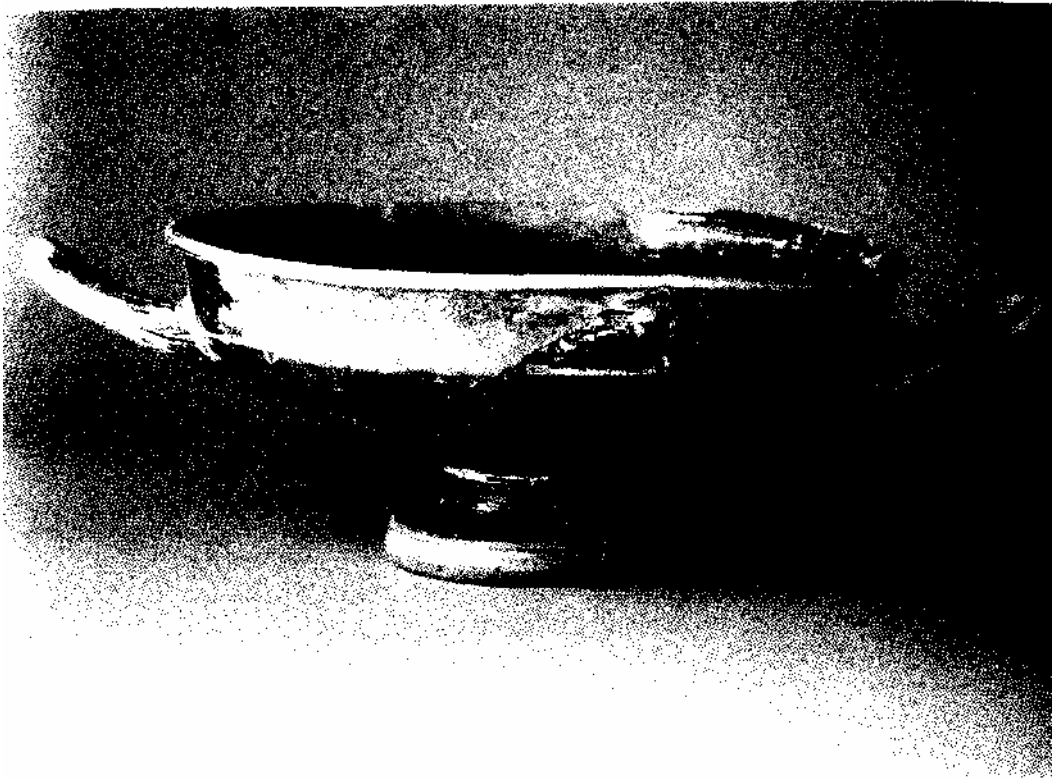
Существующее в науке мнение о заметном сокращении ольвийской хоры в V в. до н.э. в результате скифской угрозы не находит археологического подтверждения: на оставленных сельских поселениях нет никаких следов военных действий, пожарищ, разрушений. Более того, как сообщает Геродот, отношения скифов и Ольвии были тогда достаточно мирными и дружественными. Именно к этому времени относится и эпизод со скифским царем Скилом, описанный «отцом истории» красочно и со множеством интересных деталей. Скил был сыном скифского царя Ариапифа. Его мать была гречанкой — жительницей города Истрия в устье Дуная. Она чуть ли не с колыбели научила своего сына говорить и писать по-эллиниски. И со временем Скил полюбил Элладу больше, чем Скифию. Но именно эта неистовая любовь к греческой культуре и привела его, в конце концов, к мучительной гибели. Варвары даже своим правителям

не прощали нарушения вековых обычаев и традиций. Впрочем, обратимся к тексту Геродота: Царствуя над скифами, Скил вовсе не любил образ жизни этого народа. В силу полученного им воспитания царь был гораздо более склонен к эллинским обычаям и поступал, например, так: когда царю приходилось вступать с войском в пределы города борисфенитов (эти борисфениты сами себя называют милетяна-ми), он оставлял свиту перед городскими воротами, а сам входил в город и приказывал запирать городские ворота. Затем Скил снимал свое скифское платье и облачался в эллинскую одежду. В этом наряде царь ходил по рыночной площади без телохранителей и других спутников (ворота же охранялись, чтобы никто из скифов не увидел царя в таком наряде). Царь же не только придерживался эллинских обычаев, но даже совершал жертвоприношения по обрядам эллинов. Месяц или даже больше он оставался в городе, а затем вновь надевал скифскую одежду и покидал город. Такие посещения повторялись неоднократно, и Скил даже построил себе дом в Борисфене и поселил там жену, местную уроженку.

Печальная участь, однако, была суждена Скилу. А произошло это вот по какому поводу. Царь пожелал принять посвящение в таинства Диониса Вакха. И вот, когда предстояло приступить к таинствам, явилось великое знамение. Был у царя в городе борисфенитов большой роскошный дворец, обнесенный стеною <,,> Кругом стояли беломраморные сфинксы и грифоны. На этот-то дворец бог обрушил свой Перун, и он весь погиб в пламени. Тем не менее, Скил совершил обряд посвящения. Скифы осуждают эллинов за вакхические иступления. Ведь, по их словам, не может существовать божество, которое делает людей безумными. Когда царь, наконец, принял посвящение в таинства Вакха, какой-то борис-фенит, обращаясь к скифам, насмешливо заметил: «Вот вы, скифы, смеетесь над нами за то, что мы совершаем служение Вакху и нас охватывает в это время божественное иступление. А теперь и наш царь охвачен этим богом; он не только совершает таинства Вакха, но и безумствует, как одержимый божеством. Если вы не верите, то идите за мной и я вам покажу это!» Скифские главари последовали за борисфенитом. Он тайно провел их на городскую стену и посадил на башню. При виде Скила, проходившего мимо с толпой вакхантов в вакханическом иступлении, скифы пришли в страшное негодование.

Скил был свергнут и бежал во Фракию, к родственникам по материнской линии. На его место царем Скифии избрали Октамасада, его брата. Разгневанные скифы пошли даже войной на фракийцев, укрывших беглеца. Но мудрые уроженцы Балкан рассудили, что одна, хотя и царская, жизнь не стоит большой крови на полях сражений. И они выдали Скила скифам. Изменнику отрубили голову. Это произошло около 450 г. до н.э.

За несколько десятилетий до описываемых событий точно такая же печальная судьба постигла и другого знатного скифа — царевича Анахарсиса. Его мать, как и у Скила, была гречанкой, и он свободно владел не только своим, но и греческим языком. Отец, скифский царь Гнур, послал его учиться в Элладу. Успехи юноши в усвоении богатств эллинской науки, культуры и искусства были столь велики, что сами греки назвали его одним из семи величайших мудрецов. Завершив свое образование на греческой земле, Анахарсис принес обет эллинской Матери богов — Гее, что будет выполнять обряды в ее честь, если благополучно вернется домой через опасную водную стихию. Как и все скифы, царевич был человеком сугубо сухопутным и безумно боялся моря. Когда греческий корабль поднял паруса и вышел на морской простор, Анахарсис спросил одного из матросов, какова толщина бортов судна, и полу-

*Илл. 77 Греческая чаша 'для вина (калик) с процарапанной греческой надписью
Ольвия, V в. до*

чил ответ: «четыре пальца». На что мудрец тут же ответил: «все мы плывущие на этом судне всего на четыре пальца удалены от смерти». Но плавание завершилось благополучно и вернувшись домой, Анахарсис тайно приступил к совершению обряда в честь греческой богини. Случайно проходивший мимо скиф заметил это и поспешил донести царю Савлию — брату мудреца. Царь, убедившись в правоте доноса, казнил Анахарсиса, застрелив его из лука. «Вот таким образом скифы охраняют свои обычаи, а тех, кто перенимает чужеземные законы, вот так наказывают», — писал Геродот.

А может быть, эти рассказы «отца истории» лишь пустая легенда, красивый вымысел, дабы подчеркнуть величие эллинской культуры и ее огромную притягательность даже для варваров? Достоверность сообщения Геродота была подтверждена недавно одной интересной находкой. В середине 30-х гг. XX в. в Румынской Добрудже, в 10 км к югу от античной Истрии, на морском побережье крестьяне с. Карахарман при вспашке поля случайно обнаружили массивный золотой перстень. На его щитке глубокой гравировкой было вырезано изображение сидящей на троне женской фигуры с зеркалом в одной руке и подобием скипетра или жезла — в другой. Слева от изображения архаическими греческими буквами (ионийский, милетский шрифт) нанесена короткая надпись; «собственность Скила». По мнению историка Ю.Г. Виноградова, который провел общий анализ этого уникального предмета и прочитал надпись, перстень действительно

принадлежал казненному скифскому царю и был, скорее всего, изготовлен именно в Ольвии. По вернемся к истории «Счастливого города». В последней четверти V в. до н.э. Ольвия, по-видимому, какое-то время входила в состав Афинского Морского союза. К этому времени относится начало выпуска чеканной, а не литой монеты. Налицо новый экономический расцвет полиса. Не исключено, что определенную роль в победе демократии в Ольвии (в течение V в. до н.э. делались неудачные попытки установить тиранический режим) сыграла знаменитая морская экспедиция афинского стратега Перикла в Черное море. По сообщению Плутарха, около 435 г. до н.э. Перикл с большой эскадрой кораблей афинского флота вошел в Понт Эвксинский, где «сделал для эллинских городов все, что им было нужно, и отнесся к ним дружелюбно, а окрестным варварским народам, их царям и вождям он показал великую мощь, неустрашимость, смелость афинян, которые плывут куда хотят и все море держат в своей власти». Афинский государственный строй был наиболее демократичным в Греции, а размах деятельности Перикла, даже если сам он никогда так и не побывал в Ольвии лично, позволяет предположить, что он, хотя бы косвенно, оказал влияние на окончательную победу демократии в Ольвии.

Илл. 78. Ваза с женским лицом. Ольвия, V в. до н.э.

На короткое время подъем прерывается нападением 30-тысячной македонской армии во главе с полководцем Александра Македонского — Зопирионом. В 331 г. до н.э. он осадил город и три месяца безуспешно пытался взять его. Как сообщает античный автор Макробий, Ольвии, которая не имела регулярных войск, пришлось изрядно постараться, чтобы выстоять в этой борьбе: отпустили на волю рабов, дали гражданство иностранцам, простили горожанам старые долги. Материальные следы этой осады выявлены сейчас археологами: пожарища в районе западных ворот и массовое захоронение — братская могила молодых людей и детей, побитых камнями и расстрелянных из луков. Причем на ногах двух скелетов сохранились железные кандалы. «Вероятно, — предполагает историк Е.А. Молев, — это были жители хоры или предместий города, захваченные врасплох нашествием противника и попавшие в плен. Стремясь принудить город к капитуляции, македоняне, по-видимому, пригрозили защитникам, что казнят их захваченных родственников на глазах у них. И после отказа от капитуляции исполнили свою

угрозу».

Успешное отражение столь опасного противника укрепило положение Ольвии, и она вновь вступила в полосу экономического и политического расцвета. Расширяется ее хора, достигая максимальной величины. Возникают сельские поселения в верховьях Березанского лимана, на правом берегу Днепровского лимана и на Кинбурнской косе. Количество сельского населения достигает 28-31 тыс. человек, а число жителей в самом городе — от 14 до 21 тыс. человек. Впервые начинается чеканка золотой монеты. Территория Ольвии расширяется, в 50 м от прежней крепостной стены строится новая, не менее мощная. Перестраиваются теменос и агора. А в храме городского божества Аполлона Дельфиния вместо известнякового алтаря возводится мраморный. Создается театр. Появляется много новых просторных жилых домов, отличающихся богатым убранством. Развиваются не только сельское хозяйство, включая виноградарство и виноделие, но и различные ремесла и промыслы — рыболовство, прядение, ткачество, гончарство, металлообработка.

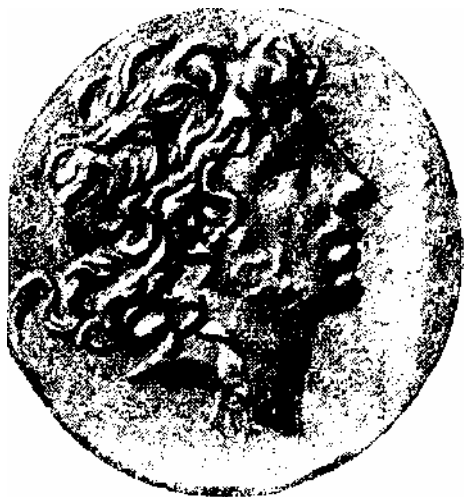
Однако ко второй половине III в. до н.э. в связи с изменением общей политической ситуации в Причерноморье, крахом Скифии и крупными перемещениями кочевых племен Ольвия вступает в затяжной кризис. Гибнут селения большой хоры. Приходит в упадок торговля. Яркая, но печальная картина жизни города во второй половине III в. до н.э. — неурожай, недостаток денег, беспокойная обстановка в степях, — вырисовывается из декрета в честь Протогена. Ниже даны выдержки из него:

<...> Протоген, унаследовав от отца благосклонность к народу, всю жизнь продолжал говорить и действовать лучшим образом: во-первых, когда царь Сайтафарн прибыл в Канкит и требовал даров, дававшихся ему по случаю проезда, а общественная казна была пуста, он по просьбе народа дал 400 золотых; и когда архон-ОЛЬВИЯ-«СЧАСТЛ

ты заложили священные сосуды на городские нужды Полихарму за 100 золотых и не могли их выкупить, а иностранец (т. е. Полихарм) хотел уже нести (сосуды, на переплавку) к мастеру <...> Протоген сам выкупил сосуды, уплатив эти 100 золотых; <...> и при жреце Иродоре, когда случился голод и хлеб продавался по 5 ме-димнов за золотой, и народ вследствие угрожавшей опасности считал нужным заготовить достаточное количество хлеба и приглашал к этому имевших запасы, он перый выступил и обещал 2000 мсдимнов по 10 медимнов за золотой и, между тем как другие немедленно получали плату, он, оказав снисхождение на год, не взыскал никаких процентов <...>. Еще же, когда наибольшая часть города со стороны реки <...> не была окружена стеною, а перебежчики извещали, что галаты и скиры составили союз и собрали большие силы, которые и явятся зимою, а сверх того еще, что фисаматы, скифы и савдараты ищут укрепленного места, точно так же боясь жестокости галатов, и когда вследствие этого многие впали в отчаяние и приготовились покинуть город, <...> вследствие этого собравшийся народ, придя в уныние и представляя себе угрожающую опасность и ужасы, приглашал всех зажиточных людей помочь и не допустить, чтобы отечество, с давних лет оберегаемое, подпало власти врагов, и, между тем как никто не предлагал своих услуг ни для всего, ни для части того, о чем просил народ, Протоген обещал сам выстроить обе стены и наперед предложил все расходы на них...

Но несмотря на все эти трудности, Ольвия продолжает жить и даже вести активную торговую деятельность. Существует и ближайшая сельская округа. Правда, есть предположение, что в середине II в. до н.э. город попадает в зависимость от скифского царя Скилура. Поводом для его появления послужил факт чеканки ольвиополитами монеты этого скифского царя. Но большинство ученых считает, что полис связывали со скифами лишь союзнические или дружеские отношения.

С конца II в. по 60-е гг. I в. до н.э. город попадает в зависимость от понтийского монарха Митридата VI Евпатора (123-63 гг. до н.э.). Скорее всего, греки сами обратились к нему за помощью в связи с очень напряженной политической обстановкой в Нижнем Побужье. Так, в Ольвийском декрете в честь Ни-керата говорится о постоянно угрожающих городу врагах, из-за которых население даже пыталось бежать на Гилею (современная Кинбурнская коса). Понтийское царство оказало необходимую помощь. В Ольвии в конце II в. до н.э. разместили гарнизон войск Митридата, были укреплены за счет разборки старых каменных построек оборонительные стены города. Но со смертью Митридата все прекращается (63 г. до н.э.). Солдаты уходят, и город становится легкой добычей гетов под предводительством Бурбисты (около 55 г. до н.э.). Жители покинули разоренный город, часть из них ушла на Нижнеднепровские городища к оседлым скифам. Но уже в конце I в. до н.э. уцелевшее население возвращается на старые пепелища и начинается постепенное возрождение Ольвии. Правда ее территория сокращается почти втрое. Застройка становится скудной и бедной. Усиливается римское влияние. В 99 г. н.э. в

лл. 79. Пантикапейская золотая унета с изображением Митридата VI знатора. II в. до н.э.

Ольвии побывал философ из Вифинии Дион Хризостом и оставил нам довольно подробные воспоминания, рисующие реальную картину жизни города в то время. Он пишет:

Город борисфенитов по величине не соответствует своей прежней славе вследствие неоднократных разорений и войн, находясь уже так давно среди варваров и при том почти самых воинственных, он постоянно подвергается нападениям и несколько раз уже был взят врагами; последнее и самое сильное разорение его было не более как 150 лет назад: геты взяли и его остальные города на левом берегу Понта вплоть до Аполлонии. Вследствие этого дела тамошних эллинов пришли в крайний упадок: одни города совсем не были восстановлены, другие — в плохом виде, и при этом нахлынула в них масса варваров <...> После разгрома борисфениты снова заселили город, как мне кажется, по желанию скифов, нуждавшихся в торговле и посещениях эллинов, которые по разрушению города перестали приезжать туда, так как не находили соплеменников, которые могли бы их принять, а сами скифы не желали и не умели устроить им торговое место по эллинскому образцу. О бывшем разорении свидетельствует плохой вид построек и тесное расположение города на небольшом пространстве: он пристроен лишь к небольшой части прежней городской черты, где остается еще несколько башен, не соответствующих ни величине, ни силе нынешнего города; находящееся между ними пространство тесно застроено домишками почти без промежутков и обнесено очень низенькой и непрочной стеной. Некоторые башни стоят так далеко от заселенной ныне местности, что нельзя даже представить себе, что они принадлежали одному городу. Все это служит явными признаками его разорения и затем еще то, что в храмах не осталось ни одной целой статуи, но все они изуродованы, равно как и бывшие на надгробных памятниках...

Но вот, что поразительно (и это буквально потрясло и самого Диона Хризостома): уцелевшие жители Ольвии, несмотря на все варварские нашествия и погромы, бережно сохранили основы своей эллинской культуры. Почти все они были грамотны и знали наизусть «Илиаду» Гомера. Впрочем, предоставим слово очевидцу:

Мне случалось прогуливаться перед городом. Некоторые из борисфенитов по обыкновению выходили ко мне из города; потом Каллистрат <...> очень вежливо подошел, спрятав руку под плащ. Он был опоясан большим всадническим мечом, одежду его составляли шаровары и прочее скифское убранство, на плечах был небольшой черный плащ, какой обыкновенно носят борисфениты <...> Каллистрату было лет 18, он был очень красив и высок и в наружности имел много ионического. Про него говорили, что он храбр на войне и многих савроматов или убил или взял в плен; кроме того он прилежно занимался красноречием и философией, так что даже выражал желание уехать вместе со мною <...>

Зная, что Каллистрат почитатель Гомера, я тотчас заговорил о нем. Почти все борисфениты усердно читают этого поэта, вероятно, потому, что они и теперь еще воинственны, а может быть вследствие любви к Ахиллу: они чрезвычайно чтут его, построили ему один храм на так называемом Ахилловом острове, а другой в самом городе, и кроме Гомера ни о ком другом не хотят и слушать. Хотя они по-гречески говорят не совсем уже чисто, благодаря тому, что живут среди варваров, но все-таки Илиаду почти все знают наизусть.

Впрочем, это была уже агония великого города. Еще на одно столетие (с середины II до середины III вв. н.э.) там был размещен гарнизон римских легионеров, которые уберегли Ольвию от новых нападений кочевников. Но с их уходом судьба города была решена; сначала в 70-х гг. III в. его разоряют готы, а окончательную точку в почти тысячелетней истории «Счастливой» ставит гуннское нашествие в IV в. н.э.

Боспор Киммерийский (Пантикапей)

Боспор Киммерийский представлял собой уникальное и самое крупное в Северном Причерноморье античное государство, просуществовавшее более тысячи лет, Оно располагалось на территории двух современных полуостровов — Керченского и Таманского. Название «Боспор»* греки перенесли с пролива Боспор Фракийский (совр. Босфор между Мраморным и Черным морями) на современный Керченский пролив между Черным и Азовским морями, назвав его Боспор Киммерийский, поскольку, по представлениям эллинских авторов, земли в Северном Причерноморье, заселяемые колонистами из Малой Азии, принадлежали ранее киммерийцам. С периода основания античных городов в районе Керченского пролива ближайшими соседями

Боспорского царства с запада были тавры, обитавшие в крымских горах и враждебно относившиеся к переселенцам из Эллады. На севере и северо-востоке эллинские колонисты граничили со скифами. Кочевые скифские племена во время первых посещений греками боспорских земель и основания ими самых ранних поселений** находились в основном на Север-

* Боспор (греч.) — «коровий брод».

** Самыми ранними греческими поселениями в этом районе стали Таганрогское в низовьях Дона (вторая половина VII в. до н.э.), а затем Пантикапей, Нимфей, Мирмекий, Тиритака, Феодосия на Керченском полуострове (VI в. до н.э.).

ном Кавказе и в Прикубанье. После же освоения скифами причерноморских

степей между Доном и Дунаем они стали самыми ближайшими соседями бос-порян, особенно в V-IV вв. до н.э. На Таманском полуострове обитали местные племена синдов, меотов, дандариев, торстов, псессов, Большинство из них было оседлыми земледельцами и скотоводами. Они не мешали эллинам селиться на прибрежных землях, и между ними и колонистами быстро наладились тесные культурные и экономические связи.

Таким образом, греки на Боспоре Киммерийском в отличие от других припонтийских районов в наибольшей мере соприкоснулись с местными варварскими племенами. На территории Боспорского царства всегда проживали не только эллины, но и синды, меоты, скифы, тавры, фракийцы, а в более поздние эпохи и сарматы. Боспорские города периодически пополнялись выходцами из разных греческих областей Средиземноморья и Причерноморья, а также из варварской среды. Однако ведущей силой в государстве до самого конца античной эпохи являлись греки, сохранявшие родной язык, эллинскую культуру и обычаи. Многие греческие поселения, особенно на Керченском полуострове, очень быстро превратились в независимые от своих метрополий (главным образом Милета) процветающие полисы. С самого начала среди них особенно выделялся Пантикапей, раньше всех основанный и занявший наиболее выгодное в географическом, экономическом и стратегическом отношении место в Восточном Крыму — на берегу пролива, возле самой прекрасной бухты Керченского полуострова. Прежде всего, это была удобная стоянка для кораблей. Кроме того, Керченский пролив и прежде и сейчас необычайно богат рыбой — одним из основных продуктов питания эллинов. И, наконец, с суши к городу примыкали почти незаселенные плодородные степи, создававшие обширный фонд земель для хозяйственной деятельности поселенцев.

«Гавань Пантикапея, — отмечает историк Е.А. Молев, — находилась на месте центра современной Керчи. Рядом с гаванью, что было типично для греческих портовых городов, очевидно, располагалась и агора. Большая часть жилых кварталов и ремесленных мастерских Пантикапея раскинулась по склонам высокой каменистой горы, которая возвышалась на 91 м над уровнем моря и называлась „горой Митридат“ <...> На вершине этой горы располагался акрополь, остатки которого недавно были раскопаны и реконструированы. Внутри него разместились храмы и общественные здания. Главным божеством-покровителем Пантикапея был Аполлон, и именно ему был посвящен главный храм акрополя. Весь город со временем был опоясан мощной каменной стеной».

Уже с конца VI в. до н.э. Пантикапей выпускает серебряные монеты, которые стали вскоре межполисными денежными знаками. Именно монеты с символикой или именем верховного бога Аполлона, а также отсутствие названия г. Пантикапей в ранней античной литературной традиции и эпиграфике

Илл. 80. Роспись плафона в склепе Пантикапея. I в.

дает право предполагать, что первоначально город назывался *Аполлония* и был переименован в Пантикапей только в V в. до н.э. после прихода к власти династии Спартокидов, сделавших этот полис столицей государства.

Вполне возможно, что в период притязаний скифов на боспорские земли пантикапейцами была создана специальная легенда, в которой основание их города относилось еще ко времени похода аргонавтов, то есть к героическому веку в истории Эллады. Его основателем, согласно легенде, стал сын Ээта, брат колхидской колдуньи Медеи, которому некий скифский царь Агаст уступил эти земли для эллинской колонизации. Есть и другие сведения по поводу основания Пантикапея. Так, Страбон писал в I в. до н.э., что греки просто прогнали кочевавших здесь скифов, точно так же, как в свое время скифы прогнали из Северного Причерноморья киммерийцев. Однако археологические данные свидетельствуют о том, что в начале VI в. до н.э., когда в этих краях впервые обосновались эллины, здесь не было ни оседлого, ни кочевого местного населения. В экономике Боспора важное место занимали торговые связи с городами Средиземноморья и Причерноморья, а также с варварами. Кроме этого боспоряне занимались земледелием, садоводством, рыболовством, промыслами. Большие успехи были достигнуты в металлургии, гончарном производстве и в ювелирном деле.

Важно отметить, что после гибели Таганрогского поселения в последней четверти VI в. до н.э. уже в начале V в. до н.э. боспорские эллины появляются в скифском Елизаветовском городище и основывают там свой большой торговый квартал. Именно здесь осуществлялась оживленная

транзитная торговля с варварским населением Нижнего и Среднего Дона, а также Северо-Восточного Приазовья. По подсчетам российского ученого И.Б. Брашинско-го, сюда морем за год привозилось не менее 1750-1900 амфор высокосортных вин с островов Хиос, Самос, Лесбос, Фасос и других известных греческих винодельческих центров. Если считать, что в среднем вместимость стандартной греческой амфоры колеблется от 25 до 30 литров, то ежегодный ввоз винной продукции составит около 57 тысяч литров. В Елизаветовском городище его переливали в бурдюки и отправляли далее. Сюда же поступали и ремесленные товары как из средиземноморских городов, так и из боспорских поселений.

Сравнительно плотное расположение городов и поселений на территории Европейского и Азиатского Боспора, языковая, культурная и религиозная близость и, самое главное, скифская угроза стали стимулом для их объединения. Очевидно, что еще до установления царской или тиранической власти Археа-нактидов здесь во главе с Пантикапеем была создана военно-оборонительная федерация автономных полисов. Для укрепления этого объединения греки создали и общий религиозный союз под эгидой верховного бога и покровителя всех колонистов Аполлона Врача (Спасителя).

Но торжество эллинской демократии продолжалось недолго. Около 480 г. до н.э. верховную власть на Боспоре захватывает царская династия Археанак-тидов*. «Вполне вероятно, — отмечает известный украинский археолог С.Д. Кры-жицкий, — что во время экстремальной ситуации в борьбе со скифами стратегу из аристократического рода Археанактидов удалось восстановить мир, а заодно с этим и захватить власть. Автономными остались только Нимфей и Феодосия. При Археанактидах была организована общеполисная оборона и сооружен в Пантикапее большой храм Аполлона, ставший общепоспорским религиозным центром его культа. Их политика была направлена на сохранение мирных отношений с соседними племенами. В итоге можно констатировать, что первое объединение греков на Боспоре, каким бы оно ни было, стало главным ядром создания Боспорского царства».

Однако в 438 г. до н.э. власть в Пантикапее перешла к Спартоку, который, хотя и правил всего 7 лет, положил начало династии Спартокидов, стоявшей во главе Боспорского царства более трех веков. Способ захвата власти и этническая принадлежность Спартока до сих пор остаются неясными. При царствовании ранних Спартокидов — Сатире I (433-390 гг. до н.э.), Левконе I (389-349 гг. до н.э.) и Перисаде I (349-310 гг. до н.э.) — Боспор постепенно превратился в самое мощное эллинистическое государство в Причерноморье с территорией более чем в 5 тыс. кв. км. В одной из боспорских надписей Пери-сад I именовался правителем всей земли, которая лежит между крайними пределами тавров на западе и границами Кавказа на востоке. Еще Сатир I подчинил себе Нимфей и долго, но неудачно пытался сломить сопротивление независимой Феодосии. Он и умер возле ее так и не взятых им стен. Город покорился лишь его старшему сыну, Левкону I, и с тех пор правители-Спартокиды называли себя «архонтами Боспора и Феодосии».

Особые отношения существовали у боспорян со скифами. Так, например, на богатой скифянке был женат афинянин Гилон, тот самый, который передал в руки Сатира город Нимфей (входивший, кстати, в Афинский морской союз). В благодарность Сатир подарил Гилону греческий городок Кепы на Тамани. Скифянка родила двух дочерей, которых после того, как они выросли, Гилон отправил в Афины, снабдив большим количеством денег, о чем сообщал известный оратор Эсхин. Старшая дочь Клеобула вышла замуж за Демосфена и родила сына, тоже Демосфена, ставшего знаменитым оратором. Он часто защищал в судах боспорских правителей, купцов и граждан. Возможно, что он навещал своего деда и бабушку-скифянку по материнской линии. Очевидно,

* Годы правления династии 482-438 гг. до н.э.
13-528

брачные союзы нередко заключались между представителями знатных боспорских, синдских и скифских родов. Подтверждением этого является рассказ Полиэна о том, что Сатир I отдал свою дочь в жены синдскому царю Гекатею. Его эллинское имя, в свою очередь, является свидетельством, хотя и косвенным, что такие смешанные браки существовали и раньше. То, что внук Пери-сада I, тоже Перисад, решил найти убежище у скифского царя Агара, когда шла расправа его дяди Евмела над ближайшими родственниками, также вряд ли случайно. Скорее всего, Перисад был родственником Агара.

Археологические данные, в частности некоторые богатые погребения как в Скифии, так и на Боспоре, изучены пока явно недостаточно, чтобы ответить на вопрос о заключении смешанных браков. Лишь отдельные женские погребения в курганах, например Большой Близнице на Тамани, Огузе в Приднепровье, предположительно считаются принадлежащими женщинам из боспор-

ского царского дома; точно так же отдельные богатые курганы типа Куль-Обы и Юз-Обы вблизи Пантикапея могли принадлежать знатым скифам, женатым на царевнах из рода Спартокидов. По сведениям Страбона и Лукиана, отношения между Боспором и Скифией строились, в основном, на основе мирных соглашений: боспоряне выплачивали дань скифским царям, а те предоставляли своих конных воинов для борьбы с врагами. Между ними случались, безусловно, и кратковременные военные столкновения, но они быстро улаживались дипломатическими средствами и богатыми подарками.

IV в. до н.э. — время наивысшего расцвета Боспора. Важнейшее место в его развитии занимали торговые связи с Афинами. Ежегодно Спартокиды продавали этому греческому городу около 400 тыс. медимнов (16380 тонн) хлеба. Боспор обеспечивал своим хлебом и прочими продуктами половину населения этого крупнейшего в Средиземноморье экономического и культурного центра. Один только Демосфен за то, что представлял интересы боспорян в Аттике, получал каждый год 41 тонну беспошлинного зерна. Афиняне расплачивались золотыми драхмами и драгоценными изделиями. Кроме того, в благодарность в Афинах издавали почетные декреты и устанавливали статуи боспорских царей и их сыновей. Из Афин в Пантикапей широким потоком шли чернолаковые и расписные глиняные сосуды, множество драгоценных ювелирных изделий, оливковое масло, вино, одежда, ткани, скульптура, терракоты и многое другое. Афины гарантировали боспорянам свободное плавание в зонах, находившихся под их контролем, политическую, военную и культурную поддержку.

Благодаря Афинам в Пантиканее были открыты собственные мастерские по производству разнообразных ювелирных изделий из золота, серебра и бронзы, которые в виде посольских и брачных даров, а нередко и в виде дани или

Илл. 81. Роспись склепа в Пантикапее со сценой конного сражения. II в.

платы за военную помощь поступали к скифским царям и к скифской знати. Среди них встречаются уникальные произведения так называемого эллино-скифского искусства, сделанные специально для скифской элиты как лучшими афинскими, так и боспорскими мастерами. Следует выделить такие шедевры, как пектораль из Толстой Могилы, гребень из Солохи, кубок и фиалу из Куль-Обы, выполненные из золота, серебряные амфору из Чертомлыка, чашу из «Гаймановой Могилы», круглодонный сосуд из «Частых курганов», на которых изображены разнообразные сцены из жизни и эпоса скифов. К скифским царям поступали также великолепные золотые обивки горитов со сценами из чисто эллинских мифов об Ахилле и Троянской войне. При раскопках скифских курганов нередко встречаются ювелирные изделия и бляшки для украшения

одежды, конской сбруи и погребальных пологов. Они и сейчас поражают утонченностью, художественным вкусом, выразительностью и высоким мастерством.

Бесспорно, чья-то мастерская (или мастерские) по производству таких высокохудожественных и ценных вещей могла существовать только при царском Дворце в Пантикапее. Она обеспечивала своей продукцией и многие богатые

семьи из царского рода. Однако главными «потребителями» ее изделий были все же представители правящей верхушки Скифии. При столь феноменальном количестве драгоценных эллинских изделий в скифских курганах создается впечатление, что боспорские правители настойчиво стремились к мирным взаимоотношениям со Скифией.

Процветание Боспорского царства было несколько подорвано жестокой междоусобной войной после смерти Перисада I. В борьбе за престол, развернувшейся между его сыновьями, победил младший, незаконный претендент на престол — Евмел. Он попытался истребить всех ближних и дальних родственников. И это ему удалось: спасся лишь его племянник — юный сын погибшего Сатира II, скрывшийся в скифских кочевьях.

Начался постепенный упадок государства Спартокидов. В конце II в. до н.э. Боспор попадает сначала в зависимость от Митридата VI Евпатора, а затем — Рима. Не раз еще происходила смена правящих в Пантикапее династий (как правило, отнюдь не эллинских). Были и взлеты и падения в поздней истории этого странного греко-варварского царства. Но все это происходило под бдительным оком римских императоров. Готское нашествие с запада и сарматско-гуннские походы с востока сокрушили некогда сильное государство, привели к гибели почти всех городов и селений Боспора. Правда, какие-то проблески жизни в некоторых местах сохранились, в том числе и в Пантикапее, а потом началось медленное возрождение. Со второй половины III в. н.э. на Боспоре стало укореняться христианство. Около 552 г. он признал свое подчинение Византийской империи.

Бессмертная культура эллинов

Уникальным в истории греческого Причерноморья является то, что на протяжении многих веков жители полисов сохраняли эллинский язык и многие античные традиции, несмотря на многовековое взаимодействие с культурой и языком скифов, синдов, меотов, сарматов, фракийцев, гуннов и других племен.

В Северном Причерноморье греки любили украшать свои дома, храмы, общественные здания и площади скульптурой. Изваяния богов, портретные скульптуры правителей оживляли вид улиц, площадей и внутренних интерьеров. Археологами найдено здесь немало фрагментов произведений мастеров Эллады, Малой Азии, эллинистического Египта. Иногда среди них встречаются даже произведения лучших греческих скульпторов. Так, в Ольвии обнаружен пьедестал статуи, надпись на котором гласит, что это изваяние выполнено знаменитым афинским ваятелем Праксителем. Ряд фрагментов статуй из Пантикапея и Херсонеса принадлежит школам Фидия и Скопаса.

а)

Илл. 82. Мраморная греческая скульптура в Северном Причерноморье:

а) голова боги (предположительно, Зевс Сотер или Асклепий). Ольвия, IV в. до н.э.;

б) Афродита Таманская. Кепы, IV в. до н.э.

ГЛАВА 5. НА КРАЮ ОЙКУМЕНЫ

По мере роста городов Причерноморья в них появляются скульптурные произведения собственных мастеров. От греческих они отличаются некоторой условностью и плоскостностью. Но, с другой стороны, здесь более прослеживается тенденция к сохранению индивидуальности и портретных черт изображаемых. Это, очевидно, связано с широким распространением обычая устанавливать надгробные статуи на могилах, особенно в городах Боспора. Из находок последних лет наиболее интересны мраморные рельефы с изображениями воинов, обнаруженные при раскопках на поселении у с. Юбилейное на Тамани. Прекрасным образцом боспорского скульптурного портрета является фрагмент статуи понтийского царя Митридата VI Евпатора из Пантика-пея. К III-II вв. до н.э. относятся и такие памятники местной скульптуры, как статуи-полуфигуры (погрудные или поколенные изображения мужчин и женщин) и надгробные рельефные стелы с портретами боспорян. С архитектурой и скульптурой эллинов теснейшим образом связана и живопись. Лучшие памятники живописи сохранились в погребальных склепах (в склепе кургана Большая Близница обнаружена плита с изображением головы богини земледелия Деметры). Традиция подобного рода росписей получит наибольшее распространение в римский период истории Боспора.

Традиционными, восходящими еще к мифическим временам, были в Элладе соревнования поэтов и певцов, учрежденные, по преданию, Аполлоном в честь своей победы над змеем Пифоном в Дельфах. Эти соревнования стали довольно популярным сюжетом росписи сосудов. Находки таких изделий в городах Северного Причерноморья показывают, что жители Ольвии, Херсонеса и Боспора интересовались литературой. Л. стихотворные надписи в честь богов и почетных граждан, отрывки из

«Илиады» и «Одиссеи» на фрагментах керамических сосудов, служивших черновиками для школьников, стихотворные застольные надписи показывают, что жители не только интересовались, но и сами активно занимались поэтическим творчеством. И это неудивительно, поскольку именно поэзия играла главенствующую роль в античной литературе в то время. Особенно многочисленны стихотворные надписи Боспора.

Греческая поэзия неотделима от музыки. Поэты обычно сопровождали чтение своих стихов аккомпанементом на лире и кифаре, а в театральных представлениях обязательным инструментом была флейта.

Поэзия и музыка неразрывно связаны с театром. Будучи одним из важнейших общественных институтов античного общества, театр в Греции играл роль «школы для взрослых». По письменным источникам известно, что театры существовали во многих, если не во всех городах Боспора, в Ольвии и Херсонесе. Но реальное здание театра найдено при раскопках лишь в Херсонесе.

На поздних этапах истории Боспора большое распространение получают захоронения в склепах, вырубленных в скале или в плотном глинистом грунте.

198

Илл. 83. Надгробная стела. Пантшапей, 1-й вв. н.э.

Их стены покрывались фресковой росписью и надписями, мифологическими сюжетами, характерными для раннего времени (прекрасным примером являются фрески склепа Деметры в Керчи, I в. н.э.). Позднее в живописи все чаще появляются сцены из реальной жизни: изображения вооруженных воинов и сцены сражений — как, например, сцена боя боспорцев с сарматами в Стасовском склепе в Пантикапее, или детали быта, всадники, юрта — как в склепе Анфестерия (I в. н.э.).

На стенах склепов и на каменных надгробьях часто встречаются стихотворные надписи, прославляющие героев, павших при защите Родины. Типичным примером подобного рода служит эпитафия Аристону (I в. до н.э.):

Аристон, сын Аристона, прощай!

Не тяжкое горе родителей будет оплакивать здесь тебя,

Аристон, защищавшего стены Отечества, а доблесть.

Конечно, ты не приобщишься к мертвым,

Но будешь вечно в памяти всех боспорцев.

Но были эпитафии и иного рода. Вот посвящение Зила Тарсосца своей покойной жене:

Прежде чем умереть, я покоюсь здесь на резной стеле Ради своей супруги Клеопатры,

красота которой неповторима. В своей супруге, неподражаемой хозяйке дома, Я имел одну из Муз — Пиерид. Вот почему супруге своей поставил эту стелу, Зил, тарсиец, молодой муж.

И все же надписи в честь павших на поле боя боспорцев явно преобладают. Вот, например, надгробная стела с надписью в честь Аполлония (I в. до н.э.):

Аполлоний, сын Аполлония, прощай. Ты неоплаканным сошел к Аиду, испустив ветрам дух под вражеской рукой,

а твоя супруга стонет в слезах, восприяв нежданную скорбь. Погибла твоя красота, угасла прелесть, улетел разум,

все полно горя: в твоём лице сломен единственный канон доблести. Но если веретено Мойр и завертело тебя,

наткнувшегося на страшное варварское копьё, то ныне тебя примет не мрачный дом (Аида), а обители героев: ибо тебе, Аполлоний, и прежде была положена почетная слава, и теперь, после смерти, воздается всяческая честь.

Эти данные о духовной жизни далекой северной окраины античного мира показывают, что население ее было тесно связано со всем остальным античным миром. Своеобразие пути развития обществ и государств здесь определялось прежде всего политическим фактором — мощным

объединением скифско-
БЕССМЕРТНАЯ КУЛЬТУРА

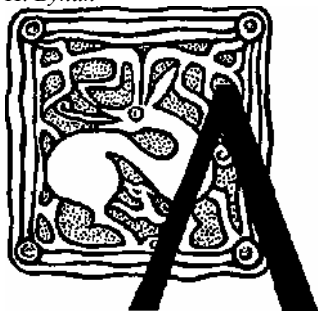
ких племен. К концу рассмотренного периода Скифия распалась и пришла в упадок под ударами новых кочевых племен, пришедших с востока. И это незамедлительно привело к появлению новых черт в культуре эллинов. С другой стороны, место прежних античных полисов и эллинистических государств, с которыми были связаны культурной традицией эллины севера, прочно заняла могущественная Римская империя. Ее влияние также оказалось в Причерноморье весьма ощутимым.

ГЛАВА 6

ХОЗЯЙСТВО И БЫТ СКИФОВ

Любил он ночи темные в шатре, Степных кобыл залихватое ржанье, И перед битвой волчье завыванье, И коршунов на сумрачном бугре. Страсть буйной мощи сияясь утолить, Он за врагом скакал как испуганный, Чтоб дерзостью погони опьяненный, Горячей кровью землю напоить.

И. Бунин

любое общество, на каком бы уровне развития оно не находилось и в какую бы эпоху — в древности, средневековье или новое время — не существовало, постоянно решает вопросы так называемой «экономики повседневности» (согласно французскому историку Ф. Броделю). Очевидна важность изучения хозяйства для понимания социальных процессов и политических событий в любом конкретном обществе. Значимость реконструкции быта древних народов и племен хорошо определил И.Е. Забелин, проводивший раскопки знаменитого кургана Чертомлык. «Домашний быт человека, — подчеркивал он, — есть среда, в которой лежит зародыш и зачатки его развития и всевозможных явлений его жизни: общественной и политической или государственной».

Традиционная точка зрения на основные источники материального обеспечения скифского общества состояла в том, что скифы существовали, главным образом, за счет войны, грабительских набегов и взимания дани с населения покоренных областей. «Их государство, — писал М.И. Ростовцев, — было типичным государством конных кочевых наездников с сильной конною дружиною под управлением державного владыки-царя. Их державу надо представлять себе организованной по типу позднейшего Хазарского царства или татарской Золотой Орды. Центр ее находился в царской ставке — укрепленном лагере. Около ставки группировалась сильная конная дружина, всегда

ХОЗЯЙСТВО И БЫТ СКИС

готовая к наездам и набегам». Хотя в выводах выдающегося русского ученого сомневаться не приходится, конные воины-дружинники и представители знати составляли не более 1/5 общего населения Скифии. Чем же занимались остальные 4/5? Здесь особых вопросов никогда не возникало — и письменные (античные) источники, и археологические данные единодушны в том, что скифы (все скифское общество: как рядовые общинники, так и знать) были на протяжении значительной части их истории *кочевыми скотоводами*. Поэтому все стороны их существования, в том числе хозяйство и быт, несут на себе отчетливый отпечаток кочевого образа жизни. «Скифы, — писал Геродот, — не основывают ни городов, ни укреплений, но все они, будучи конными стрелками, возят свои дома с собой, получая пропитание не от плуга, а *от разведения домашнего скота*». Кочевое скотоводство у скифов основывалось на разведении и круглогодичном содержании под открытым небом лошадей, овец и, в меньшей степени, крупного рогатого скота.

В течение раннего периода скифской истории («период архаики», VII-VI вв. до н.э.) этот вид хозяйства был господствующим во всем Северном Причерноморье. Как удалось определить по остаткам костей животных в курганах и в погребениях, тогда в стаде преобладали лошади и овцы — виды скота, способные переносить длительные перекочевки и добывать себе зимой корм из-под неглубокого снежного покрова.

В сочинении «О воздухе, водах и местностях», которое, возможно, принадлежит перу знаменитого древнегреческого врача V в. до н.э. Гиппократ, так описан образ жизни скифов:

Называются они кочевниками потому, что у них нет домов, а живут они в кибитках, из которых наименьшие бывают четырехколесными, а другие — шестиколесными; они кругом закрыты войлоками и устроены подобно домам: одни с двумя, другие с тремя отделениями; они непроницаемы ни для дождевой воды, ни для света, ни для ветров. В эти повозки запрягают по две и по три пары безрогих волов; рога у них не растут от холода. В таких кибитках помещаются женщины, а мужчины ездят верхом на лошадях; за ними следуют их стада овец и коров и табуны лошадей. На одном месте они остаются столько времени, пока хватает травы для стад, а когда ее не хватает, переходят в другую местность. При раскопках в разных районах Северного Причерноморья археологи находили глиняные игрушки в виде моделей четырехколесных повозок-фур-гонов. Впрочем, у скифов были и войлочные переносные юрты. Изображение подобной юрты есть в настенной росписи одной из гробниц в Пантикапее (Керчи). О них же писал на рубеже нашей эры и знаменитый греческий географ Страбон: «Кибитки номадов сделаны из войлока и прикреплены к повозкам, на которых они живут: вокруг кибиток пасется скот, мясом, сыром и молоком которого они питаются». Этот же автор упоминает и о

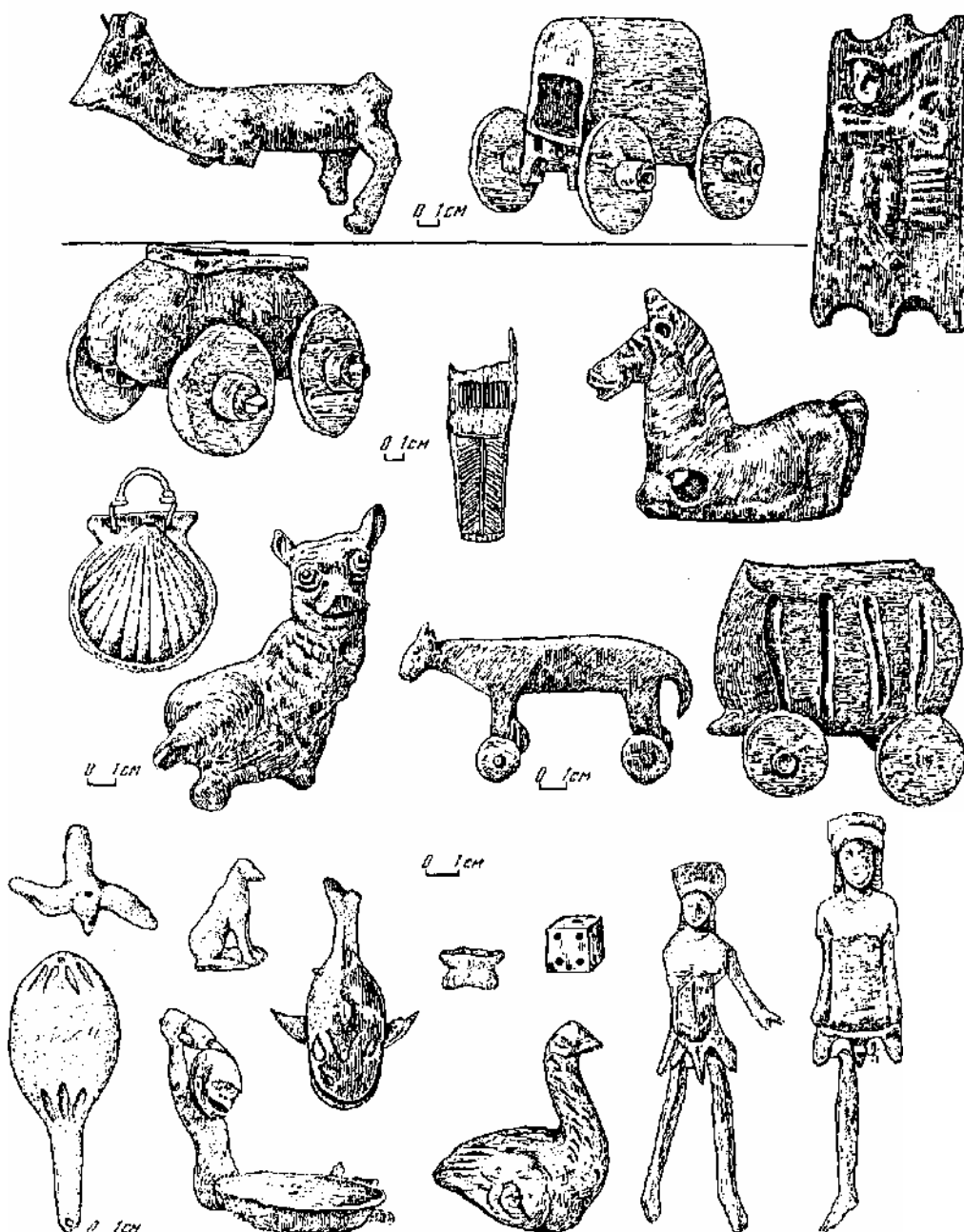
ГЛАВА 6. ХОЗЯЙСТВО И БЫТ СКИФОВ

благоприятных мест для кочевания: «Они следуют за своими стадами, выбирая всегда местности с хорошими пастбищами — зимой в болотах около Меотиды, а летом - на равнинах». Страбон говорил это об одном из сарматских племен, но, очевидно, сезонные перекочевки скифов происходили, в основном, таким же образом: зимой — к югу, в устья больших восточноевропейских рек и к побережью Азовского моря (Меотиды). Кочевники не заготавливали кормов для скота, не знали стойлового его содержания и зимой должны были отыскивать такие места, где был возможен выпас, прежде всего, лошадей, которые своими копытами разбивали снежный покров и добывали себе корм.

По изобилию пастбищ, благоприятным климатическим условиям и множеству рек северопричерноморские степи не имели себе равных во всей Евразии. И пришедшая сюда в VII в. до н.э. скифская орда, сломив сопротивление местных племен, поспешила поделить доставшийся ей богатый «приз». Вся территория степных и лесостепных областей была четко разделена между группами победивших номадов. У скифов отсутствовала «первичная неограниченность пастбищ», о чем недвусмысленно заявил греческий писатель Лукиан, живший во II в. н.э. и пользовавшийся, по-видимому, неизвестными нам более ранними историческими источниками: «У нас [скифов] постоянно ведутся войны, мы или сами нападаем на других, или выдерживаем нападения, или вступаем в схватки из-за пастбищ и добычи». Следовательно, пастбищные угодья были определенным образом разделены между племенными и родовыми группами, чем и регулировался порядок их использования.

В прямой зависимости от климата и топографии скифы должны были кочевать преимущественно в меридиональном направлении с соблюдением годового цикла выпаса скота по сезонам: имея зимники на юге, они в период весенних и летних кочевок, очевидно, доходили вплоть до лесной зоны, а осенью возвращались назад. Вероятность подобной организации пастбищного хозяйства у скифов подтверждается тем, что в более позднее время так же пасли скот кочевники Восточной Европы. Например, по Страбону, сарматы имели зимники в болотах Меотиды и в низовьях рек. Безусловный интерес представляют и сведения о татарских кочевьях в Восточной Европе в XIII в. «Они (татары. - В.Г.), - пишет монах-путешественник Вильгельм де Рубрук, - поделили между

собою Скифию, которая тянется от Дуная до восхода солнца; и всякий начальник знает, смотря по тому, имеет ли он под своей властью большее или меньшее количество людей, границы своих пастбищ, а также где он должен пасти свои стада зимою, летом, весною и осенью. Именно зимою они спускаются к югу в более теплые страны, летом поднимаются на север, в более холодные». Вероятно, и скифы, как отмечает А.И. Теренож-

Илл. 84. Скифские детские игрушки. Глина. I тыс. до н.э.

кин, кочевали подобными же крупными родоплеменными объединениями, что было необходимо для обеспечения охраны стад и имущества на случай военных нападений.

Лошадь была главным видом домашнего скота у кочевых скифов. Кочевник большую часть своей жизни проводил в седле: и при выпасе скота, и на охоте, и, особенно, в военных походах или набегах. Владение лошадьми было важнейшим условием благосостояния и социального статусаномада. Люди, лишившиеся лошадей (например, во время эпидемий болезней или в результате вражеского нападения), не могли уже вести самостоятельного кочевого хозяйства и должны были либо переходить к оседлому образу жизни, либо поступать в услужение к своим более обеспеченным сородичам. Скиф, лишившийся скота, терял и свой авторитет в обществе. Не зря мы находим у одного древнегреческого автора такую фразу: «Не имеющий там повозки, считается

у них бесчестным».

Лошадь была для скифа не только средством передвижения. Конина — основная пища кочевников. Конское мясо варили в больших бронзовых котлах, имевших высокий поддон и две вертикальные ручки. Кобылиц доили и из кобыльего молока изготавливали разные молочные продукты, в том числе «ип-паку» — особый вид сыра, о котором пишут многие греческие авторы. Как упоминалось выше, еще Гомер называл кочевников Северного Причерноморья (возможно, это были еще не скифы, а киммерийцы) «деятелями кобылиц» и «млекоедом». Так же характеризуют скифов и другие греческие авторы — Гесиод, Аполлоний Родосский и пр. Особенно важную роль играла лошадь в военном деле. Каждый взрослый скиф был конным воином. Недаром массовое применение конницы оказалось решающим фактором в разгроме скифами многих сильных государств Ближнего Востока.

Об определяющей роли лошади в хозяйстве, на войне и в быту кочевников свидетельствует и скифский погребальный ритуал: напутственная пища в подкурганых могилах Скифии, как правило, состоит из частей лошадиной туши. У степняков Северного Причерноморья по традиции вместе с умершим воином должны были похоронить и его коня. Правда, в могилах рядовых скифов конские кости нередко отсутствуют, но в таких случаях в погребении находят обычно удила и другие элементы конской сбруи, символически заменявшие копя, убивать и хоронить которого было слишком нерасчетливо. Такая же практика повсеместно существовала и в захоронениях скифского времени в причерноморской лесостепи. Зато в богатых могилах скифской аристократии скелеты лошадей в парадном убранстве из золота и серебра обнаруживаются при раскопках обязательно, а в эпоху архаики в некоторых царских могилах Прикубанья число убитых и захороненных коней достигает многих десятков и даже сотен (до 400).

106

Анализ остеологического* материала из скифских памятников и древних изображений лошадей позволяет установить, что скифские лошади были, по нашим меркам, сравнительно невелики ростом: высота в холке всего 130-140 см, но в то время они могли считаться довольно крупными, так как тогда кони были вообще значительно ниже современных. Зато скифские лошади были очень резвыми. Круглогодичное табунное содержание на подножном корму делало их выносливыми и неприхотливыми. Высокие качества скифских лошадей были известны далеко за пределами Северного Причерноморья. Вот что писал о них римский автор I-II вв. н.э. Арриан: «Их вначале трудно разогнать, так что можно отнестись к ним с полным презрением, если увидишь, как их сравнивают с конем фессалийским, сицилийским или пелопонесским, но зато они выдерживают какие угодно труды; и тогда можно видеть, как тот борзый, рослый и горячий конь выбивается из сил, а эта малорослая и шелудивая лошадедка сначала перегоняет того, а затем оставляет далеко за собой».

Когда Филипп II, отец Александра Македонского, разбил в 339 г. до н.э. скифского царя Атея, он захватил богатую добычу, в том числе 20 тыс. чистокровных скифских кобылиц, которые были отправлены по его распоряжению в Македонию для улучшения породы местных табунов. Скифские кони изображены на многих памятниках искусства, в том числе на большой серебряной вазе для вина из царского кургана Чертомлык. Плечики этой вазы украшены двумя поясами рельефных изображений. На одном из них показаны пасущиеся лошади и скифы, которые их ловят и стреноживают. Лошадь с жеребенком представлены и на великолепной золотой пекторали из Толстой Могилы. Эти животные изображаются (часто вместе со всадниками) на золотых бляшках из царского кургана Куль-Обы, на рельефах из античного Танаиса и из Неаполя Скифского.

Впрочем, в Скифии встречались и лошади другой породы — более крупные, с тонкой красиво изогнутой шеей, длинными стройными ногами. Эти лошади напоминают современных ахалтекинцев. Предполагается, что они попали в степи Причерноморья из Средней Азии. Такой именно конь со всадником изображен на настенной росписи в одном из склепов Неаполя Скифского.

Если мы взглянем на историю цивилизации в целом, то увидим, что многие поворотные моменты прямо или косвенно были связаны с появлением коня. Так, приручение лошади вызвало первые крупные передвижения народов, когда человек с удесятенной силой и скоростью стал подчинять себе новые огромные пространства. Это нашло отражение в образе мифических кентавров — евразийской конницы, наводившей страх на жителей Европы. Недаром в представлениях большинства народов конь олицетворял Солнце и

* Остеология — раздел анатомии, изучающий костный скелет животных.

был посвящен ему. «С конями мчащимися, огнем пышущими, искры копытами высекающими»

передвигались индоевропейцы, завоевывали Египет гиксосы, воевали внушающие ужас ассирийцы. Вслед за колесницей появился сросшийся с конем, ставший его сердцем и волей всадник-воин. Конница была гораздо мобильнее, чем громоздкие колесницы, требующие специальной запряжки и специального штата колесничих (только тогда второй свободный от управления конями воин мог стрелять из лука или бросать копье). Кроме того, для передвижения и боя колесницам нужна была хорошая дорога, тогда как всадники могли скакать где угодно, вести бой на пересеченной местности, постоянно менять тактику, то есть быть значительно более мобильными и маневренными. О легкой коннице скифов и саков, гуннов и авар, тюрок и монголов можно сказать словами китайского летописца: «Они бушуют как буря и молния и не знают устойчивого боевого порядка».

Именно в евразийских степях и плоскогорьях Азии, на родине культурных пород коней, были заложены принципы коневодства, выведены наиболее быстрые, неустрашимые, рослые и сильные кони, определены способы их содержания, кормления и тренинга. На раскопках в этих местах найдены наиболее ранние формы удила, первые стремяна и седла.

Но конь — верный друг не только на поле брани. С его помощью пасли пастухи многочисленные стада, табуны и отары, пахали земледельцы, перевозили купцы свои товары на многие тысячи верст, мчались гонцы с донесениями, послы — с предложениями мира, ямская почта с невиданной по тем временам скоростью связывала Запад с Востоком постоянными и крепкими нитями. Конь и всадник остаются образцами, исполненными красоты, стремительности, совершенной пластики, силы и гармонии. Это — нераздельное целенаправленное единство, напоминающее натянутый лук и готовую к полету стрелу. Как написал об этом А. Блок:

Конь — мгновенная зарница, Всадник — беглый луч.

Кроме лошадей скифы-кочевники разводили овец и коз и, в меньшей степени, крупный рогатый скот. Для кочевого скотоводства больше всего подходили овцы, которые давали молоко, мясо и шерсть и были неприхотливы в Илл. 23, пище. На драгоценной некторали из кургана Толстая Могила изображен скиф,²⁴ который доит овцу, используя в качестве сосуда для молока обычный лепной глиняный горшок. Другой скиф в греческой амфоре сбивает, видимо, сыр. Еще два скифа, отложив в сторону свое оружие, кроят из овечьей шкуры какую-то одежду.

Итак, вторыми по значению в жизни скифов домашними животными были *овцы*. Однако о них у Геродота сказано очень мало. Такая скудость описания

208

овечьего стада у скифов в «Истории» Геродота, по-видимому, не случайна. Греки хорошо разбирались в овцеводстве, оно во все времена, начиная с дого-меровских, было для них рутинным занятием.

<...> Коз и баранов он пас на лугу недалеко.

Начали все мы в пещере пространной осматривать;

много было сыров в тростниковых корзинах;

в отдельных закутах заперты были козлята;

барашки по возрастам в порядке там размещенные;

старшие с старшими, средние после средних

и с младшими младшие;

ведра и чаши были до самых краев налиты простоквашей густою.

Сел он и маток доить принялся надлежащим порядком, коз и овец;

подоив же, под каждую матку ея он клал сосуна.

Половину отлив молока в плетеницы, в них он опять оставил его,

чтобы оно сушло для сыра; все ж молоко остальное разлил по сосудам.

чтобы после пить по утрам иль за ужином, с пажити стадо пригнавши...*

«Надо полагать, — пишет украинская исследовательница Н.А. Гаврилюк, — что в обладании овечьими стадами, в отличие от разведения лошадей, Геродот не видел ничего необычного, достойного внимания и упоминания в описании страны. Разведение овец позволяет более полно — по сравнению с разведением лошадей — использовать кормовые ресурсы. Овцы в состоянии вплоть до корней поедать пастбищный травостой, а также использовать в пищу, кроме злаковых и бобовых, полынь и тысячелистник, содержащие горькие вещества, колючие растения и некоторые непривлекательные в кормовом отношении травы».

Крупного рогатого скота в хозяйстве скифов в раннее время, до IV в. до н.э., было гораздо меньше, чем лошадей и овец. Греки, постоянно подчеркивавшие суровость климата северного побережья Понта, считали, что из-за больших холодов у скифских быков и коров от рождения не было рогов. Но, как известно, комолость скота не зависит от природных условий. К тому же у скифов далеко не все коровы были комолыми. На некторали из Толстой Могилы мы можем увидеть фигуры

короткорогих скифских коров с телятами. Быки часто использовались в качестве тягловой силы. Их запрягали в повозки с кибитками. Для этой цели быков кастрировали, получая мирных рабочих волов. Земледельческие племена Скифии (в основном, в лесостепной зоне) использовали волов для плужной упряжки и плужной пахоты.

Данные о составе стада, при котором могло вестись самостоятельное кочевническое хозяйство у скифов, отсутствуют. Казах-кочевник в XIX в. при

* Гомер, «Иллиада», IX.

14-528

семье в пять человек должен был иметь около 15 лошадей, 6 голов крупного рогатого скота, 2 верблюда и не менее 50 овец. Очевидно, такое же стадо было необходимо и простому скифу-скотоводу. Скифы знали и несколько пород собак (например, догов), которых они, видимо, держали и для охраны скота на пастбищах, и для охоты на диких животных.

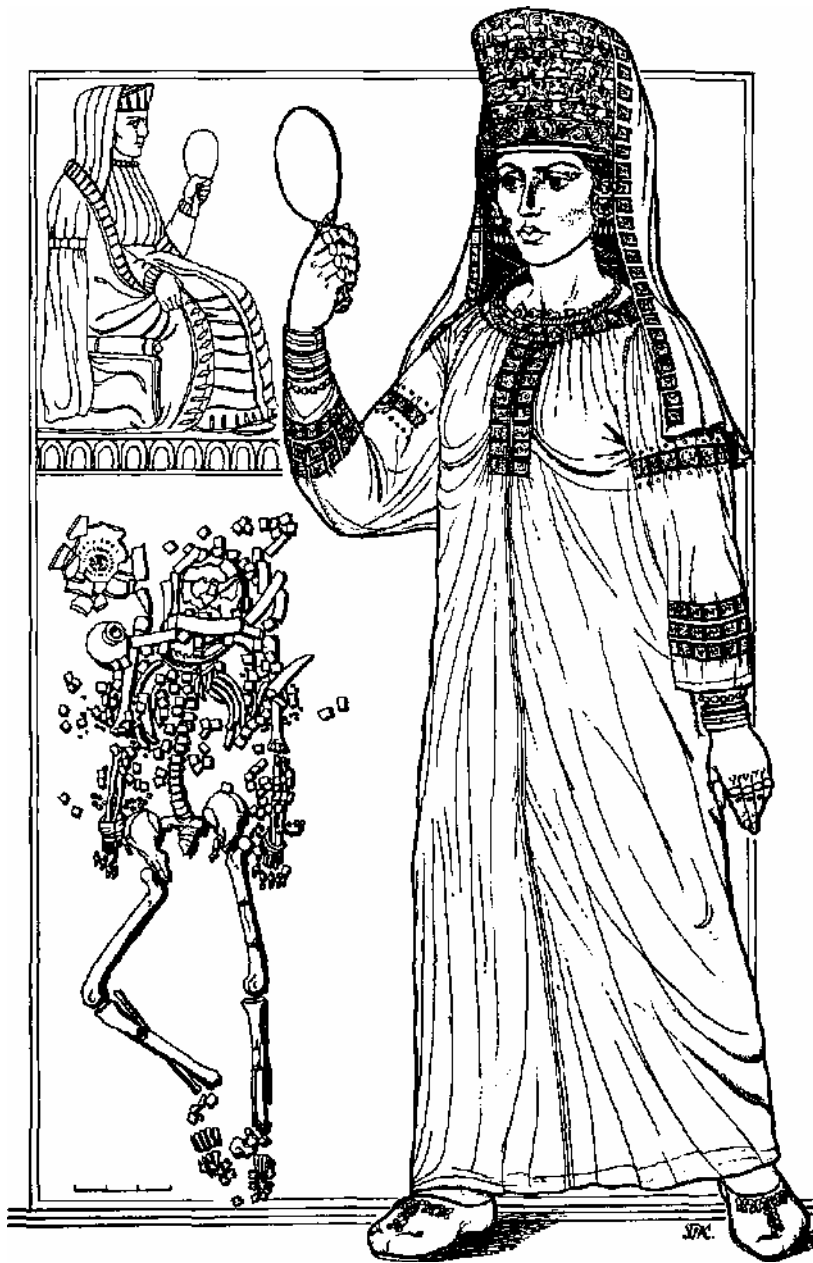
Таким образом, в VII-VI вв. до н.э. скифы были кочевыми скотоводами. Хозяйственную основу кочевого скотоводства образует экстенсивное пастбищное хозяйство, при котором разведение животных представляет главный вид занятий населения и доставляет основную часть средств существования. Вроде бы все ясно и понятно. Вот и этнографы определяют кочевничество как тип экономики, при котором основным производящим хозяйством является экстенсивное скотоводство с круглогодичным выпасом скота и участие в кочевании вместе со стадами большей (или даже подавляющей) части населения.

Но те же этнографы выделяют внутри кочевого хозяйства целых три формы;

- 1) *кочевое*, или «табунное», с отсутствием земледелия и оседлости;
- 2) *полукочевое* с постоянными зимниками и частичным заготовлением кормов для молодняка и высокопородных коней;
- 3) *полукочевое* с параллельным развитием земледелия и оседлости. Если следовать данным этнографии, то самым кочевым из всех кочевых

вариантов является *табунный*. В настоящее время такой способ ведения хозяйства может быть актуален лишь в особо засушливых районах прикаспийских и монгольских степей и полупустынь, где прокормить стада можно, лишь перегоняя их постоянно с одного бедного травой пастбища на другое. Не то было в средневековье. Огромные пространства степей еще не были освоены полностью, и поэтому объяснить существование той или иной формы кочевания исключительно географическими условиями было бы неправильно. Кочевники просто-напросто не жили в сухих и неплодородных степях, а случающиеся неблагоприятные колебания климата, например длительные малоснежные зимы, можно было побороть простой перекочевкой на новые места.

Причин для таких дальних перскочевок (или миграций, переселений) могло быть много, но цель их всегда была одна — поиски новых пастбищ для выпаса скота. Вполне естественно, что свои земли местное население пришельцам отдавать не хотело и, таким образом, «обретение повой родины» почти всегда было связано для мигрантов с войной, с завоеванием. Причем переселялось все племя или группа племен: мужчины садились на коней, а женщины и дети — в кибитки, и вся эта орда со своим имуществом и стадами начинала движение в поисках более благодатных территорий.

Илл. 85. Одежда знатной скифской женщины. Реконструкция Л.С. Ключко, художник П.Л. Корниенко. Курган Толстая Могила

Интересно, что с переходом степного населения к первой стадии кочевания существенно изменялся и состав их стада. Наиболее ценным видом скота становилась лошадь, необходимая и для всадников, и для тягла.

Что же остается археологически от культуры кочевников, находившихся на первой, *таборной* стадии кочевания? Захватившая чужую территорию пришлая орда, во-первых, находилась во враждебном окружении; во-вторых, ей требовалось известное время для освоения новых земель: прокладывания маршрутов сезонных перекочевок, поиска водоемов, удобных мест для летних и зимних стоянок и т. д. Поэтому на первых порах у пришельцев не было постоянных становищ, где могли бы остаться осязаемые материальные следы их пребывания. У них не было и постоянно функционирующих родовых кладбищ, привязанных к определенным местам. Они обычно хоронили своих мертвецов в курганах предшествующих эпох, рассыпанных по бескрайней евразийской степи от энеолита («ямная» культура, III тыс. до н.э.) до предскиф-ского времени (начало I тыс. до н.э.)*.

Только по окончании обустройства на новой территории кочевники осваивают земли и получают возможность охранять прах своих умерших соплеменников. Так возникают постоянные родовые кладбища — курганные некрополи, насчитывающие многие десятки (и сотни) насыпей. Наступает вторая стадия кочевания, которая означает определение территории кочевания для каждой орды, рода или племени и появление постоянных мест для сезонных стойбищ — «зимовок» и «летовок».

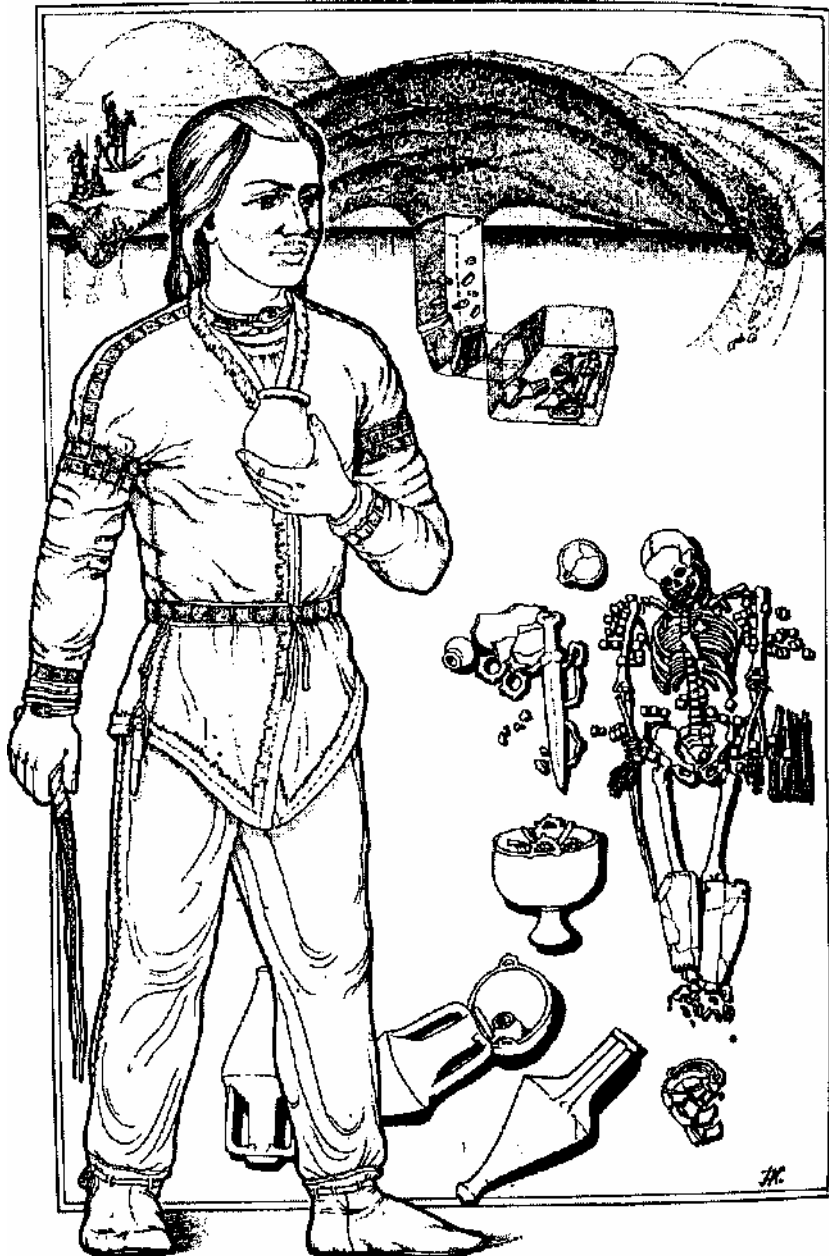
Источники говорят нам, что для степняков вторая стадия кочевания — наиболее характерная форма хозяйствования. В свою очередь, ограничение территорий неизбежно приводило к некоторой

специализации скотоводства и изменению состава стада. Так, заметно возрастает в стаде доля крупного рогатого скота (его пасли на лугах в поймах больших рек). Номады, получившие в надел ковыльно-разнотравные участки степи, занимались преимущественно разведением лошадей. Мелкотравчатые степные участки использовались для выпаса овец. Типичные для этой стадии археологические находки — следы стойбищ, обломки посуды и костей животных, курганные могильники и святилища рядом с ними.

Как же все эти теоретические рассуждения можно соотнести с конкретным кочевническим обществом скифов, владевших Северопричерноморской степью в VII-IV вв. до н.э.?

Совершенно очевидно, что если у скифов и было таборное, бескурганное и безстойбищное существование, то только в VII, может быть, в начале VI в. до н.э. Затем к чисто кочевому скотоводству с V в. до н.э. добавляется новая форма скотоводства — *полукочевая*. Она предполагает зимнее содержание ско-

* Так называемые «впускныс» погребения.

Илл. 86. Одежда скифского юноши по материалам кургана №8 у с. Пески Николаевской обл. Реконструкция Л.С. Ключко, художник П.Л.Корниенко

та в загонах с подкормкой твердыми кормами. Вплоть до гибели Великой Скифии эти два вида скотоводства сосуществовали, составляя экономическую основу скифского военно-политического объединения.

Скорее всего, учитывая особое значение для кочевников качества пастбищ, расположение водопоев и особенности выпаса лошадей и овец, можно предположить, что возможным местом зимовки кочевников была припойменная зона Днепра. Ведь еще Геродот писал, что Борисфен

(Днепр) «предоставляет прекраснейшие и изобильнейшие пастбища для домашнего скота». И как показывают археологические находки, как раз в этих районах у скифов возникают первые зимники, которые превращаются затем в постоянные поселения.

Итак, на рубеже V и IV вв. до н.э. в Скифии возникает полукошечное скотоводство. В стаде начинает преобладать крупный рогатый скот, а лошадей и овец становится меньше. Кое-где полуоседлые скифы начинают даже разводить свиней. Отгонно-пастбищная форма скотоводства становится ведущей. Кормовую базу составляли пойменные пастбища, использование которых не требовало длительных передвижений. На левом берегу Днепра выделяются три района плавневых пастбищ: Великий Лук, Малая и Большая Плавни, а на правом берегу — Базавлукские плавни. Ближе к ним в начале IV в. до н.э. и переселяется большинство степных скифов. Здесь, как показали раскопки, почти одновременно возникает более 100 поселений и городищ. Обычно все поселения группируются вокруг какого-то укрепленного центра, защищенного земляными валами и рвами, которые дополняются иногда стенами из рваного камня и сырцового кирпича. Наиболее исследованным таким центром является Каменское городище, расположенное на левом берегу Днепра в г. Каменка-Днепровская Запорожской обл. Украины. Но подробнее речь о нем пойдет ниже.

Оценивая в целом скотоводство степных скифов, следует еще раз подчеркнуть, что эта отрасль играет главную роль на каждом этапе развития хозяйства Скифии. Изменялись только формы ее организации. Если в раннескифское время существовало лишь кочевое скотоводство, то уже с V в. до н.э. мирно уживаются друг с другом две формы его организации — кочевая и полукошечная.

Земледелие

Проблема существования земледелия у степных скифов и определения его общего характера долгое время вызывала горячие споры среди ученых. Новые материалы из раскопок скифских поселений Лысая Гора, Первомаевка, Чернеча, Каменского городища, знание некоторых общих закономерностей развития кочевого хозяйства, а также обобщение результатов палеоэкологических исследований позволяют сейчас более уверенно подойти к решению и этого сложного вопроса.

214

Суть дела состоит в следующем. При несбалансированном росте поголовья скота кормовая база пастбищ быстро истощается. Вследствие этого необходимое количество кормов обеспечивали, выращивая и заготавливая на зиму твердые корма, в первую очередь ячмень. Доказательством появления у скифов в V-IV вв. до н.э. таких посевов служат находки на городище Лысая Гора, где были вскрыты полуподземные жилища и обнаружено 43 зерновые ямы, в семи из которых находились еще остатки обгорелого зерна. Кроме того, отпечатки зерен ячменя, проса и полбы обнаружены на лепной керамике нескольких поселений (Первомаевка, Чернеча) и курганных могильников. Обожженное зерно найдено при промывке культурного слоя Каменского городища и при изучении его отпечатков на поверхности лепных сосудов.

Таким образом, земледелие у степных скифов возникло для удовлетворения потребностей кочевого хозяйства и было ориентировано на производство твердых кормов для скота, необходимых в зимнее время. Весьма вероятно, что к IV в. до н.э. пастбища днепровской поймы перестали в достатке обеспечивать кормами многочисленные стада. Тогда и появилась необходимость в накоплении запасов пленчатого ячменя и проса. Именно эти две культуры и преобладают в зерновых ямах городища Лысая Гора.

При обработке земли широко использовался «перелог»: на небольшом участке степной целины жгли траву, а потом с помощью ручного деревянного орудия с железным наконечником (ни одного плуга на территории степной Скифии пока не найдено) землю обрабатывали и засеивали. Через один-два года участок переводили в «перелог», который использовался как пастбище.

Плодородие земли восстанавливалось здесь не ранее, чем через 9-10 лет, и тогда участок вновь начинали обрабатывать. Урожай зерновых убирали железными серпами. Для измельчения зерен в муку использовали каменные зернотерки. В видовом отношении среди культурных растений преобладали засухоустойчивые: просо обыкновенное, ячмень пленчатый и, в меньшей степени, полба.

Следовательно, земледелие степных скифов в IV в. до н.э. играло вспомогательную роль в хозяйстве и было всецело подчинено скотоводству. Объемы производства обеспечивали лишь минимальные потребности населения в кормовом зерне, поэтому о его вывозе на продажу не может быть и речи. Этим земледелие в степи отличается от античной сельскохозяйственной системы, ориентированной не только на внутренние потребности античных центров Северного

Причерноморья, но и на экспорт в Грецию.

Ремесло

Вопрос о том, существовало ли в Скифии профессиональное специализированное ремесло или все ограничивалось только домашним производством, так-
ГЛАВА 6. ХОЗЯЙСТВО И БЫТ СКИФОВ

же не находит до сих пор в научных кругах окончательного решения. А между тем, от этого зависит и общая оценка уровня развития скифского общества. Положение осложняется еще и двумя дополнительными обстоятельствами. С одной стороны, степные скифы как типичный кочевой народ с презрением относились к занятию ремеслом, обладающим в глазах кочевника всеми признаками «черного» труда. Геродот утверждает, что «и фракийцы, и скифы, и персы, и почти все варвары считают тех, кто обучается ремеслам и их потомков менее почтенными, чем остальные сограждане. Тех же, кто воздерживается от занятий ремеслами, они почитают благородными, и более всех тех, кто занимается военным делом...» Такое же пренебрежение к ремеслам существует у кочевников и более позднего времени. Но, с другой стороны, в скифской материальной культуре представлено множество высококачественных ремесленных изделий. Так кто же их изготовлял — сами скифы или чужие мастера?

У кочевников, а тем более ранних (каковыми и были скифы в VII-VI вв. до н.э.), ожидать наличия высокоразвитого ремесла, по-видимому, не приходится. Однако, большое число предметов из железа и бронзы, найденных на территории Степной Скифии, отличается высоким технологическим уровнем. И в составе этой группы выделяются как вещи местного производства, так и явно привозные.

Основным нашим источником для изучения ремесла у скифов (и, особенно, металлообработки) служат материалы из раскопок Каменского городища. Поэтому, прежде чем приступить к рассмотрению вопросов, связанных со скифским ремеслом, необходимо дать общие сведения о таком принципиально важном памятнике, как Каменское городище.

Городище расположено на левом берегу Днепра, на дюнных холмах. С одной стороны оно было защищено течением Днепра и Конки, с другой — большим Белозерским лиманом, а со стороны степи обнесено валом. Общая площадь его достигала 600 га. В его юго-западной части над р. Конкой возвышалась сравнительно небольшая, дополнительно укрепленная часть, так называемый акрополь.

В нашей литературе порой встречаются высказывания, что Каменское городище являлось столицей Скифии, резиденцией скифских царей IV в. до н.э. Однако для такого толкования нет решительно никаких оснований. Ни в устройстве жилых сооружений, ни в составе вещевого материала нет ничего, что позволило бы характеризовать Каменское городище с подобной стороны.

Раскопки Каменского городища убедительно показали, что это было поселение ремесленников-металлургов; железоделателей, кузнецов, бронзолитейщиков. Кочевой образ жизни скифов не способствовал развитию трудоемкого ремесла кузнецов, поскольку для этого были необходимы постоянные установки: сыродутные горны, кузницы, значительные запасы руды и металла, разно-

образные орудия труда и пр. Растущие потребности в оружии, инструментах, железных частях повозок и т.д. не могли удовлетворяться продукцией малых таборных кузниц и торговыми связями с греческими городами Северного Причерноморья. Возникновение собственного ремесленного центра, постоянной производственной базы кочевой Скифии, было вызвано исторической необходимостью. Образованию такого поселения способствовали и природные условия: водные угодия, леса днепровской поймы, близость богатых железорудных месторождений Криворожского бассейна.

Раскопки открыли ряд наземных жилищ, полуземлянок и хозяйственных построек со стенами из частокола поставленных столбов и жердей. Встречаются жилища с несколькими помещениями, где находились очаги в виде ям, заполненных углем и золой. Рядом с жилищами открыты металлургические мастерские с остатками горнов, следами бронзового литья, кузницы, орудия для обработки металла, металлические изделия из железа и бронзы, заготовки, крицы, шлаки, предметы, изготовленные или испорченные в процессе производства.

Возле жилища, исследованного в 1945 г., находились остатки заслона из столбов, за которым производились восстановление железа из руды и кузнечные работы. Тут найдены небольшие зубила, пробойники, молот, служивший для выковывания чешуек бронзового панциря, часть бронзового псаля и пр. В 1950 г. обнаружен комплекс, состоявший из четырех жилищ, с

многочисленными остатками металлургического производства. Большинство жилищ на Каменском городище исследовано во время строительства Каховской ГЭС.

Исследователи отмечают универсальный характер этих мастерских, не-дифференцированность различных отраслей металлоделательного и металлообрабатывающего мастерства. В одной и той же мастерской производилось восстановление железа из руды, литье предметов из бронзы,ковка железных изделий, дополнительная обработка изготовленных вещей. Мастерские были неразрывно связаны с жилищем и хозяйственным комплексом ремесленников-металлургов.

Очевидно, в производстве принимали участие все работоспособные члены семьи. Не исключено, что для выполнения тяжелых трудоемких работ использовался и труд рабов.

Развитие металлургического ремесла на Каменском городище свидетельствует о складывающемся товарном производстве. Железные и бронзовые вещи (наконечники стрел, копий, панцири, удила, псалии, иголки, шилья, свинцовые пряслица, некоторые виды украшений) сбывались среди кочевых скифов и встречаются в могилах степного скифского населения.

Ремесленники Каменского городища также изготавливали ювелирные украшения, что подтверждается бронзовым штампом для тиснения золотых бляшек с изображением человеческого лица. Очень интересен обломок ручки амфоры с вырезанным на нем овальным медальоном с изображением скифа-ремесленника, чеканящего металлический сосуд типа амфоры или гидрии. Это изображение, очевидно, служило штампом для перенесения его на воск или глину. Найден он был краеведом В.Г. Скрипченко, жителем с. Каменка-на-Днепре, на участке городища, размытого рекой, и передан в Запорожский музей.

В некрополях, связанных с городищем, похоронены такие же воины-степняки, как и в остальных степных курганах.

Погребения и жилища свидетельствуют о том, что жители Каменского городища вели самостоятельное хозяйство и меновую торговлю как с окружающим кочевым населением, так и с греческими торговыми центрами. Греческий импорт отражен в находках большого количества обломков амфор, из которых многие имели клейма мастерских Гераклеи, Фасоса, Синопы, Херсонеса. Фрагменты чернолаковых сосудов весьма редки. Главный торговый путь шел через Пантикапей.

Археологический материал Каменского городища свидетельствует о развитии и постепенном обособлении железоделательного, кузнечного и бронзо-литейного ремесел. Это способствовало образованию внутреннего рынка в Скифии. Однако этот процесс был еще далеко не закончен. Многие другие отрасли ремесел (гончарство, прядение, ткачество и пр.) продолжали оставаться домашними, рассчитанными на внутреннее потребление. Металлургическое ремесло кузнецов-литейщиков оставалось слабодифференцированным и не отрывалось от домашнего хозяйства отдельных семей. Торговля, как и раньше, была меновой.

Возникновение Каменского городища стало началом постепенного перехода скифского населения к оседлости.

Вот, что пишет о степени специализации металлообработки руководитель современных раскопок на городище П. А. Гаврилюк. Она проводит сравнение с мастерами металлообработки в Приднепровской Лесостепи: «В целом, степень специализации и уровень профессионализма мастеров Каменского городища ниже, но все же достаточно высоки. Чтобы их продукция приобрела очевидную значимость для населения окружающего степного региона, здесь производилось большинство необходимых кочевнику металлических изделий: ножи, шилья, гвозди, скобы, костыли, иголки, наконечники стрел».

Изучение найденных на городище изделий показывает, что местные кузнецы при обработке черных металлов успешно применяли такие виды кузнечных операций, как вытяжка, рубка, пробивка отверстий, изгиб, скручивание, перебивка, осадка, штамповка и чеканка. Местные ремесленники также могли обрабатывать железные изделия методом цементации для их упрочнения.

Основной вывод, который делает Гаврилюк, следующий: находки с Каменского городища (остатки мастерских, следы их производственной деятельности, перечень предметов ремесленного производства из скифских погребений и поселений) аналогичны находкам из погребальных степных памятников, что может говорить о производстве изделий на Каменском городище и последующем их распространении по Степной Скифии путем обмена или торговли.

Домашнее производство

Все необходимые предметы домашней утвари и одежду скифы изготавливали исключительно из собственного сырья, часто силами членов одной семьи.

К примеру, скифские женщины делали глиняную посуду - непременный атрибут домашней утвари. В V-III вв. до н.э. в скифском быту утвердились такие формы керамики, которые были удобны и при кочевом, и при полукочевом образе жизни: горшки средних размеров и небольшие миски. Профессиональных гончаров, да и самого гончарного круга у скифов не было. Каждая хозяйка могла вылепить необходимое ей количество горшков и обжечь их на костре.

Прядение и ткачество также были занятиями сугубо женскими. Сырьем служили овечья шерсть, конопля, крапива и, возможно, лен. Скифы также умели обрабатывать шкуры, шить из них одежду, валять войлок, делать веревки из сухожилий, кожаную утварь и ремни, использовались в хозяйстве кости и рога животных. Ремесленники из Каменского городища, например, специализировались на изготовлении костяных ручек к ножам и шильям, а также костяных орудий для обработки кож. Сравнение продукции этой мастерской с находками ножей с костяными ручками в скифских погребениях степной зоны позволила археологам сделать вывод о том, что ремесленники из Каменского городища снабжали своими изделиями все степное Приднепровье. В пойме Днепра росли густые леса, дававшие древесину, поэтому деревообработка у скифов достигла значительных успехов и находилась на стадии перехода к профессиональному ремеслу. С хозяйством, с образом жизни народа неразрывно связан его быт. Поэтому его изучение представляет для нас особый интерес. Эту задачу значительно облегчает тот факт, что жилище, одежда, утварь, пища обычно достаточно хорошо представлены в археологических материалах.

Жилище

Одним из основных элементов материальной культуры, отражающих приспособление человека к условиям обитания, является жилище. Подвижный образ жизни кочевников диктовал выбор легких строительных материалов. Тип жилища отвечал не только требованиям окружающей среды, но и техническому уровню эпохи и специфике местного сырья, пригодного для строительства.

Для первого периода кочевания, когда номады еще не имели определенной территории для выпаса скота и передвигались на значительные расстояния, характерен единственный вид жилища — повозки с крытым верхом. Существование у скифов таких передвижных домов отражено, в первую очередь, в письменных источниках. Эсхил в поэме «Прикованный Прометей» отмечает: «Ступай вперед по землям перепаханным к кочевьям скифов, что в плетеных коробах высоких, на колесах с дальнострельными не расставаясь луками, привыкли жить». Остатки повозок найдены в 12 погребениях степной части Скифии. Таким образом, жилище скифа-номада периода архаики было одним из вариантов кочевнического, крытого войлоком или шкурами, шалаша на повозке. В V-IV вв. до н.э. определяются пастбищные территории. В местах, наиболее пригодных для зимнего выпаса скота, возникают постоянные зимовья. По-прежнему основным видом жилища является повозка, плетеный верх которой снимается и превращается в наземное жилище.

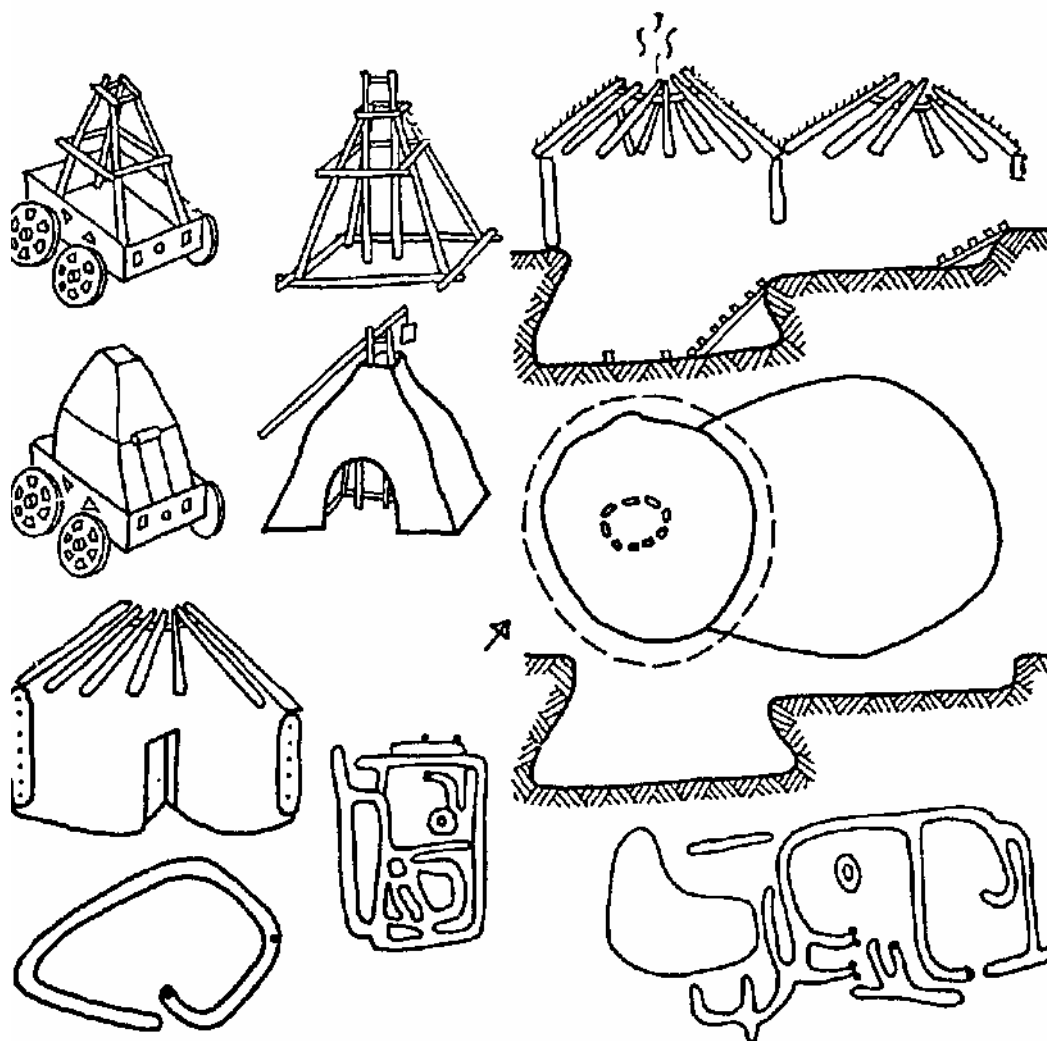
Позднее появляются жилища с углубленной в землю основой — полуземлянки или землянки. Следы подобных сооружений исследованы на скифском городище Лысая Гора у г. Васильевка Запорожской обл. Такая полуземлянка имела небольшое, круглое в плане, основное помещение и круглое или прямоугольное входное. Наземная часть постройки представляла собой шалаш с вертикальными стенами без дополнительного крепления крыши.

Жилища строились самими же скифами, поскольку специальных знаний для возведения столь простых сооружений не требовалось.

Сведения об интерьере жилых построек довольно скудны. Края полуземлянок могли использоваться как круговые скамейки или лежанки. В домах Каменского городища и на Лысой Горе обнаружены остатки очагов. Для освещения использовались глиняные светильники.

Одежда

Раскопки скифских курганов, как богатых, так и бедных, и найденные там немногочисленные изображения скифов на предметах торевтики позволяют в общих чертах получить представление об одежде. Изображения на драгоценных сосудах из Куль-Обы, «Частых курганов» и «Гаймановой Могилы», на «шлеме» из Передериевой Могилы позволяют воссоздать внешний облик скифа-воина. Его голову закрывал остроконечный кожаный башлык, на тело поверх рубахи с длинными рукавами надевались кожаные безрукавки со свисаю-

Илл. 87. Жилища степных скифов (юрты на повозках, полуземлянки и наземные дома) с острыми концами пола, застегнутые влево и опушенные мехом. Верхней одеждой были плащи из кожи, иногда даже человечесьей. «Многие из них делают из содранной кожи верхние плащи с тем, чтобы носить, сшивая их, словно овчины» — пишет Геродот. Длинные кожаные штаны, напоминающие шаровары, и мягкая обувь без каблуков завершали мужской костюм. Женскую одежду восстановить труднее, так как изображений женщин известно не много. Основным источником по реконструкции женского костюма остаются материалы из погребений. По положению золотых бляшек в районе головы можно представить себе головной убор в виде кокошника или конуса, обшитого золотом. Изредка голову украшали повязки, которые назывались стленгидами или мстапидами. Основу одежды составляло платье-рубашка с длинными рукавами, поверх которой надевался плащ без рукавов, обшитый золотыми нитками. Серьги, ожерелья, гривны и перстни из золота, серебра или бронзы, стеклянные или пастовые* бусы дополняли одежду скифянки.

На этом месте вроде бы пора уже поставить точку по поводу скифской одежды, посетовав по традиции на никудышную сохранность любых органических остатков в Северном Причерноморье. Однако, к счастью, мы имеем возможность существенно дополнить картину вполне уместной аналогией из другого региона обширного скифо-сибирского мира — из Горного Алтая, где ледяные гробницы V-III вв. до н.э. надежно сохранили до наших дней все богатство давно исчезнувшей культуры номадов — ближайших родственников скифов, носителей так называемой Пазырыкской культуры. Рано образовавшийся в подкурганых могилах пазырыкцев лед как бы

законсервировал всю «органику»; изделия из дерева, меха, кожи, войлока и тканей. «Реальная одежда пазырыкцев из «замерзших» могил Горного Алтая, — пишет одна из главных современных исследователей местных гробниц Н.В. Полосьмак, — редкий источник по истории костюма. Нечасто из столь глубокой древности доходят до нас изделия из тканей и кожи, войлока и меха. Одежда древних народов восстанавливается главным образом по произведениям искусства, на которых есть изображения людей <...> Иногда эти представления дополняются письменными свидетельствами. Разумеется, что при всей важности этих источников ничто не заменит реальной одежды. В этом смысле повезло исследователям древних скотоводческих культур Центральной Азии, куда входят Монголия и Туркестан, а также Горного Алтая, поскольку именно здесь в силу разных обстоятельств сохранились древнейшие одежды <...> Помимо назырыкских костюмов <...> древний лед сохранил одежду сгоппу из Ноин-Улинских курганов, а сухой жаркий климат [Центральной Азии] — одежду скотоводческого населения Сиийцзяна...» Настовые — сделанные из специальной глиняной массы.

Благодаря и старым (С.И. Руденко, М.П. Грязнов), и новым (В.И. Молодин, Н.В. Полосьмак) раскопкам пазырыкских курганов с обледеневшими гробницами, в нашем распоряжении имеется целый набор предметов одежды горноалтайских кочевников скифской эпохи: рубахи, штаны, юбки, сапоги-чулки, головные уборы и даже меховые шубы. Эта одежда изготовлялась из шелка (причем не только китайского, но и индийского), шерсти, кожи и меха. Так, женская рубаха из желтоватого шелка из кургана № 1 могильника Ак-Алаха-3, находящегося на алтайском плато Укок, была выкроена из двух кусков (перед и спинка), имела длинные вшивные рукава и яркую отделку (по всем основным швам, по горловине и краям рукавов) красным шерстяным шнуром. Подобного рода отделка у многих народов играла роль оберега, защиты от злых духов. Но точно такой же покроей имели и две мужские рубахи из Второго Пазырыкского кургана. И это отнюдь не единичный случай. Таковую же практику мы наблюдаем у многих кочевых племен и народов Азии. «Девушек же и молодых женщин с большим трудом можно отличить от мужчин, так как они одеваются во всем так, как мужчины», — писал о монголах XIII в. путешественник Плано де Карпипи. Одинакова по крою и форме наиболее древняя мужская и женская одежда многих народов Сибири: чукчей, коряков, ненцев и др.

«Как видно по реальной древней одежде из „замерзших“ могил Алтая (и не только рубах), — пишет Н.В. Полосьмак, — она была больших размеров и не разделялась по крою на мужскую и женскую. Хотя, конечно, женский и мужской комплекты костюма имели свои особенности: женщины (кроме воинов) носили в качестве поясной одежды юбки, мужчины — брюки, иногда особого покроя». Поражает необычайно большая длина и ширина рубах (и мужских и женских). Рубаха женщины из кургана № 1 Ак-Алаха-3 была до колен; длина спинки - 110 см, передней части - 110 см, ширина — 80 см. Длина рукавов — 60 см; они должны были закрывать даже кисти рук.

Вероятно, пазырыкские нижние рубахи — часть древнеиранского костюма. Подобные рубахи надеты на персах, изображенных на саркофаге Александра из Сидона (Археологический музей г. Стамбула). Такие же рубахи мы можем увидеть на изображениях вышивки из одного Ноин-Улинского кургана (там у бактрийских всадников под распашными халатами хорошо заметны глухие рубахи без ворота, только с горизонтальным разрезом сверху для головы). Из археологических параллелей можно еще назвать аналогичную пазырыкским женскую шерстяную красную рубаху из погребения в Субаши-3 (Синь-цзян).

Интересны и местные юбки - поясная одежда пазырыкских женщин. Целая юбка обнаружена на мумии женщины из того же кургана № 1 могильника

22;

Ак-Алах-3. Ее длина — 144 см, ширина сверху — 90 см, внизу — 112,5 см. Она состоит из трех горизонтальных полос шерстяной ткани, сшитых поперек. Верхняя и нижняя полосы — красные, между ними была вшита когда-то белая полоса, ставшая теперь желтой. На теле юбка держалась с помощью пояса — сплетенного из шерстяных нитей толстого шнура с кистями, окрашенного в красный цвет. Он был пришит к юбке в нескольких местах и завязан большим узлом. Верхний край юбки вывернут наружу, образуя напуск, которым, вероятно, регулировали длину.

Детали второй юбки обнаружены в другой курганной группе Горного Алтая — Ак-Алах-5 (курган № 1). Она тоже шерстяная, бело-красная, сшитая из четырех чередующихся полос (белая — 24 см, красная — 26 см, белая — 34 см, красная — 27 см). Из таких же узких поперечных полос разноцветной шерстяной ткани сшита юбка, обнаруженная на мумии женщины в Субаши-3, (Синь-цзян), радиоуглеродный метод датирует ее IV в. до н.э., как и пазырыкские находки.

Штаны являлись мужской одеждой. В «замерзших» могилах Укока обнаружены три пары целых штанов из шерстяной ткани, все они были красного цвета. Длина их — 104 см, ширина штанин — около 27 см.

Длинные штаны — совершенно новый элемент одежды. Они стали отличительным признаком целой группы народов — персов, скифов, лидийцев, фригийцев. Штаны и сапоги были частью экипировки всадников. В представлении греков и китайцев («цивилизованных народов») это был костюм варваров. О том, носить или не носить штаны китайским воинам, велись горячие споры при дворе правителя Умин-вана (период Чжоу).

«Я не сомневаюсь, что заимствование варварской одежды необходимо, но боюсь, что Поднебесная будет смеяться надо мной!» — говорил Умин-ван, Тем не менее китайская армия все же заимствовала одежду воинов-всадников из таинственного и грозного варварского мира. Решились на это, хотя и много столетий спустя после гибели Великой Скифии, и многие жители греческих городов Северного Причерноморья.

Верхней одеждой пазырыкцев в холодное время года служили меховые шубы: они найдены и в рядовых погребениях и в курганах знати. Шуба из кургана № 1 в могильнике Верх-Кальджин-2 оказалась двухсторонней, сшитой из меха сурка и овчины белого цвета. Длина ее — 96 см, ширина по подолу в сложенном состоянии — 79 см, длина рукавов от ворота — 105 см. Удивительно, но факт: эта шуба не имеет воротника.

Шуба из кургана № 3 могильника Верх-Кальджин-2 сшита из овчины мехом внутрь. В качестве отделки использованы мех соболя и шкура черного жеребенка. Размеры шубы: длина — 115 см, ширина по подолу — 245 см, длина рукава — 85 см, ширина в плечах — 85 см.

Одежда жителей Горного Алтая в скифскую эпоху, во-первых, является прекрасным примером адаптации к местным природно-климатическим уело- Илл. виям, а во-вторых, несмотря на свою известную специфику, представляет неотъемлемую часть культуры и быта кочевых племен Евразии. И скифы всегда были связаны с этим миром самыми тесными узами.

Утварь

Утварь степных скифов (имеются в виду рядовые члены общины кочевников) была бедна, набор ее всецело подчинился образу жизни и быту ее создателей и потребителей. Предметы домашнего обихода разделяют на группы по предназначению, материалам и технике изготовления. Наиболее многочисленной является бытовая посуда (глиняная, деревянная, каменная, металлическая). Прослеживается ее деление по назначению на столовую, кухонную и тару. Анализ вещей из погребений, связанных с потреблением пищи, дал информацию об особенностях быта различных слоев скифского общества.

Археологи установили, что в наиболее богатых могилах Скифии сооружались специальные помещения — так называемые хозяйственные ниши, в которых хранилась пища для покойного. При изучении содержимого 26 таких ниш было составлено представление о наборе утвари, сопровождавшей скифских аристократов. Там, например, обычно находились бронзовый котел, железные крючки, щипцы, предназначенные для варки мяса, а также блюда, подносы и деревянные чаши, с которых ели или пили. Отдельный блок составила посуда для вина, молока или молочной водки (амфоры, черпаки, ситечки, чаши, кувшины, кожаные сосуды).

Богатый набор погребальной утвари могла себе позволить только высшая знать. Менее богатые скифы обходились простым набором — лепной керамикой, деревянными сосудами и блюдами, изредка греческой посудой. Типичный набор утвари рядовых погребений в степной Скифии — лепной горшок и деревянное блюдо, на которое клали часть туши барана или коровы.

Глиняная лепная посуда представляет собой наиболее многочисленную группу находок в курганах и поселениях. Обычно это горшки и миски. Довольно часто встречаются и греческие амфоры с клеймами Фасоса, Гераклеи, Пспарета, Синопы и Херсонеса.

Деревянная утварь играла большую роль в обработке и потреблении молочных продуктов. Чаще всего использовались неглубокие полусферические чаши для молока или бульона.

Коллекция сосудов, изготовленных из металла (бронзы, серебра и железа), не столь многочисленна, как глиняная. В основном, это бронзовые литые котлы, достигающие нередко в объеме 100 литров и более. Часто такие котлы

15-528

украшены рельефным орнаментом. Использовались также серебряные кубки, чаши, килики, ритоны для вина.

Пища

Скифы питались мясной, молочной и растительной пищей, однако в рационе скифа-мужчины явно

преобладало мясо. Во всяком случае, кости животных найдены археологами в каждом третьем погребении Скифии IV в. до н.э. Встречались кости лошадей, овец и крупного рогатого скота, редко — кости птиц. Пристрастие к мясной нише приводило к пренебрежению нишей растительной. Об этом свидетельствуют и некоторые данные антропологии: в частности, патологические наросты на костях позвоночника (скелет из центральной гробницы кургана Желтокаменка)*. «При анализе системы питания, — пишет П.А. Гаврилюк, — замечены некоторые социальные особенности потребителей. В отличие от рядовых могил, в напутственной пище из богатых погребений (Мелитопольский, Алек-сан дропольский, Краснокутский курганы, «Гайманова Могила», Цимбалка, Толстая Могила) отсутствует мясо крупного рогатого скота, то есть любимой, а может быть, канонизированной пищей кочевника остается конина».

Соглашаясь с тем, что конина служила традиционным элементом для ритуала похорон представителей скифской знати, я не разделяю мнения, будто данный ритуал был присущ только погребениям высшей аристократии. Традиции у скифов хранились свято. И если судить по материалам из курганов Среднего Дона (курганов самых разных, но, в основном, принадлежащих, по современной терминологии, «среднему классу»), которые были изучены палеозоологами, то более 90% ритуальной пищи — это конина, 8-9% — козлятина или баранина и совсем мало (1-1,5%) — относится к мясу крупного рогатого скота.

Однако среди костей, обнаруженных не в курганах, а в поселениях и городищах Степной Скифии, преобладают кости именно крупного рогатого скота. А те степняки, которые перешли к полуседлому образу жизни, получили возможность обогатить свой рацион свининой. Кости этих домашних животных найдены практически на всех поселениях Приднепровья.

Основным способом приготовления мяса являлась варка. Геродот пишет: «Так как скифская земля совершенно безлесна («отец истории» здесь не совсем прав: в долинах больших и малых рек степной зоны лесов было достаточно. — В.Г.), то для варки мяса придумано у них следующее: как только они сдерут шкуру с жертвенного (курсив мой. — В.Г.) животного, они очищают Под патологическими наростами подразумевается подагра, артроз и сколиоз позвоночника.

Илл. 88. Бронзовые литые котлы скифов

кости от мяса и затем кладут мясо в котлы (если они у них окажутся) местной выделки <...> Бросая в них мясо, варят его, поджигая снизу кости жертвенных животных. Если же у них под рукой нет котла, они кладут все мясо в желудки жертвенных животных и, подлив воды, поджигают кости. Кости горят прекрасно, а желудки легко вмещают мясо, очищенное от костей. И таким образом, бык варит сам себя, и остальные жертвенные животные — каждое варит само себя».

Варили мясо в котлах и лепных горшках больших размеров. Для извлечения из котлов мяса использовались щипцы и крюки; для разделки — железные ножи с костяными или деревянными ручками. Эта утварь встречается как в хозяйственных нишах богатых погребений, так и в погребениях рядовых скифов.

При разделке мяса скифы, подобно другим кочевым народам, соблюдали определенные правила. Например, в качестве ритуальной пищи в могильник обычно клали грудинку с отсеченными костями позвоночника или мясо передних конечностей. Наиболее почетным участникам тризны предназначались головы, о чем свидетельствуют частые находки среди костей из остатков тризны черепов животных. Возможно, этим выражались представления скифов о том, что погребенный

был хозяином пира, а участники тризны — его гостями, среди которых имелись почетные, более почетные и самые почетные. Так, например, делили тушу монголы, южные буряты и дальние родственники скифов — осетины.

15-

У большинства кочевников соблюдался сезонный ритм питания. Мясная пища преобладала осенью, когда перед зимовкой забивались слабые и старые животные, и зимой, когда мясо могло долго храниться. В дневном рационе тяжелая мясная пища употреблялась вечером, после трудового дня.

Но питаться одним мясом круглый год человек не может. Поэтому даже чисто кочевые народы без растительной пищи не обходятся. Археологические данные, в частности, отпечатки зерен на лепной керамике и остатки хлебных злаков в культурном слое и зерновых ямах поселений, позволяют достаточно точно установить состав выращиваемых скифами сельскохозяйственных растений.

В составе зерновых преобладали ячмень и просо — культуры хорошо известные скотоводу и использовавшиеся для приготовления блюд из толченого зерна. Подсушенное на солнце зерно растирали на каменных зернотерках (их находки нередки и в курганах, и на поселениях). Толченое зерно варилось в небольшом количестве воды или молока и в готовом виде представляло собой какое-то подобие полужидкой каши.

Ученые не смогли пока окончательно выяснить, употребляли ли скифы хлеб. До сих пор не найдено ни печей для выпечки, ни жерновов, хотя весьма вероятно, что хлеб все-таки был скифам известен. В целом, продукция местного земледелия (ячмень, просо, полба) не отличалась особым разнообразием, но потребности человека в белках, углеводах, минеральных веществах и витаминах обеспечивала. Кроме того, в степях можно было найти щавель, стебли кислицы, полевой лук, чеснок, сельдерей, а в лесах и по долинам рек — грибы и ягоды.

Большое значение для скифов имели молоко и молочная продукция. Правда, здесь следует уточнить — о каком именно молоке идет речь: о кобыльем, овечьем или коровьем? Хорошо известно, что скифы употребляли все три вида молока. Однако античные авторы явно преувеличивали роль кобыльего молока в жизни кочевников. По удойности, пищевой ценности, количеству вторичных продуктов кобылье молоко значительно уступает овечьему (в частности, по калорийности вдвое, а по жирности втрое). Из овечьего молока изготовлялся сухой сыр типа бислага или арула у монголов или курута у киргизов. Сухой сыр, хранившийся века, найден в одном из курганов скифского времени на Алтае.

Хотя кобылье молоко по ряду качеств и уступает другим видам молока, оно незаменимо при изготовлении кумыса. В кобыльем молоке, богатом сахаром и бедном жирами, за счет специфической микрофлоры с особой легкостью протекают процессы брожения, в результате получается вкусный высококалорийный напиток с повышенным содержанием витаминов. Кроме того, кумыс содержит алкоголь (до 2,5%), что делает его вкус лучше по сравнению с другими молочными продуктами.

28

Широкое употребление коровьего молока стало возможным лишь в условиях оседлой или полuosедлой жизни, когда произошло улучшение пород крупного рогатого скота, и животные смогли давать молоко в количествах, намного превышавших потребности их детенышей. Среди других напитков скифы употребляли вино греческого производства, чему способствовали не только большие возможности винного импорта из Эллады, но и знакомство степняков с алкогольными напитками типа молочной водки араки и кумыса. Молочные водки более крепки, чем виноградное вино, которое скифы, вопреки эллинской традиции, сразу стали пить неразбавленным и быстро пьянели, чем несказанно поразили греков. Последние всегда пили вино, разбавляя его пополам с водой, и практически не пьянели. Теперь же, глядя на скифов, они изобрели понятие «напоить допьяна». Спартанцы, желая выпить покрепче, говорили: «Налей по-скифски» (т. е. без примеси воды). Геродот рассказывает о спившемся спартанце Клеомене следующее: «Сами спартанцы утверждают, что никакое божество не поражало Клеомена безумием, но, что он, часто общаясь со скифами, стал пить неразбавленное вино и от этого сошел с ума». Впрочем, в период архаики обычай употребления греческого вина находился еще в стадии «внедрения». Официально отрицательное отношение к нему массы рядовых скифов и их ортодоксальной верхушки, и в то же время тайное стремление «опрокинуть чашу-другую» наглядно проявились в эпизоде с царем Скилом, который был казнен соплеменниками, когда те увидели его в «вакхическом исступлении» (т. е., попросту, пьяным).

Не обошел этой интересной темы и гений русской поэзии — А.С. Пушкин, написавший в Оде

LVII (Из Анакреонта) такие строки:

Что же сухо в чаше дно? Наливай мне, мальчик резвый, Только пьяное вино Раствори водою трезвой. Мы не скифы, не люблю, Друга, пьянствовать бесчинно: Нет, за чашей я пою, Иль беседую невинно.

Если оценивать систему питания степных скифов в целом, то можно отметить следующие ее особенности. На первое место по потреблению постепенно переходило мясо крупного рогатого скота, в мясной пище появилась свинина, скифы познакомились с хлебом, в питании стала увеличиваться доля зернового компонента.

Это еще раз подтверждает основной тезис, что главной отраслью экономики Степной Скифии было скотоводство, которое осуществлялось в двух

формах: кочевого (VII-V вв. до н.э.) и полукочевого (с конца V по III вв. до н.э.) хозяйства.

Земледелие появилось в степном регионе в конце V — начале IV вв. до н.э. для расширения кормовой базы скотоводства. Лишь в поздне-скифское время под влиянием эллинской культуры земледелие превращается в самостоятельную отрасль экономики Нижнего Приднепровья.

В рассуждениях об экономике Скифии очень важное место занимает вопрос об общей численности кочевого скифского населения на территории Северного Причерноморья в VI-IV вв. до н.э. Точные цифры здесь вряд ли возможны. И все же, исходя из потенциала экологической среды, в которой жили скифы, И.А. Гаврилюк путем сложных математических подсчетов пришла к выводу, что скифская орда насчитывала примерно 678 тыс. человек. Если предположить, что число воинов составляет 1/5 от данной цифры, то их будет тогда 136 тыс. Этому не противоречат и историко-этнографические параллели. Так, чуть более 200 лет назад (в 1736-1766 гг.) в степном Северном Причерноморье кочевало пять орд ногайцев общей численностью от 425 до 515 тыс. человек. Другие исследователи склонны называть несколько большую цифру для численности скифов — до 1 млн. человек, что дает уже армию в 200 тыс. воинов (по тому же соотношению 1: 5).

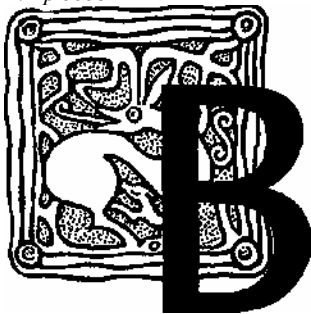
Именно эта сила и обеспечила создание и развитие под главенством степняков мощного государственного объединения — Скифского царства.

ГЛАВА

ВЛАСТЬ И ВОИНА В ЦАРСТВЕ СКИФОВ

Словно с детства я к битвам приучен! Все в раздолье степей мне родное! И мой голос верно созвучен С оглушительным бранным воем...

В. Брюсов

конец XIX в. французские археологи приступили на территории Юго-Западного Ирана к раскопкам древнего г. Сузы — столицы Элама, ставшего в VI в. до н.э. частью гигантской Персидской империи. И вот, среди руин пышного дворцового здания рабочие отчищают от пыли и грязи большую мраморную плиту с пространной надписью. Текст ее гласит:

Велик бог Ахурамазда, создавший вот эту землю, создавший вон то небо, создавший человеческий род, создавший благоденствие для человека, сделавший Дария царем, одним царем для многих, одним господином для многих. Я, Дарий, великий царь, царь царей, царь народов, царь этой земли, сын Гистаспа, Ахеменид...

Ученым не составило особого труда установить, что эта надпись принадлежит царю Дарию I Гистаспу из династии Ахеменидов, занимавшему персидский трон в 521-486 гг. до н.э. Перед нами — горделивый монарх, властитель гигантской империи, раскинувшейся от долины Нила в Египте до гор Афганистана. Он считает себя вполне законным правителем всего мира, поскольку получил власть непосредственно из рук верховного бога Ахурамазды. Остальным царям и вождям следует лишь смиренно склонить свою голову перед его могуществом и выполнять его царскую волю. На гигантском барельефе Бехистунской скалы, на мраморных панелях величественного дворца в столице Ахеменидов Персеполе, в многочисленных надписях на камне и глиняных табличках Дарий восхваляет свои деяния и подвиги, богатство и мощь, а также неизменную благосклонность к его царственной персоне со стороны божественных небесных сил.

Да, персидские монархи умели обставить свое царствование всеми необходимыми атрибутами и реалиями, придать ему потрясающее величие и божественный ореол. Однако читатель, наверное, помнит, что именно Дарий I Гистасп потерпел сокрушительное поражение в причерноморских степях от воинственных скифов, и лишь чудо (а вернее, предательство ионийских греков-наемников) спасло его от неминуемой гибели. Что же представляла собой в государственном плане Великая Скифия — победительница всемогущей Персидской империи? Прежде всего, напомним, что скифы — иранцы (ближайшие родственники персов) по языку и идеологии. К тому же они почти весь VII в. до н.э. были господствующей силой в Передней Азии и под их тяжелой кочевнической дланью находились Мидия и Персия — ядро будущей ахеменидской державы. Естественно, что скифы не могли не воспринять там многие важные черты института местной верховной власти. Ведь и скифы, и мидийцы с персами были в действительности «родственными душами».

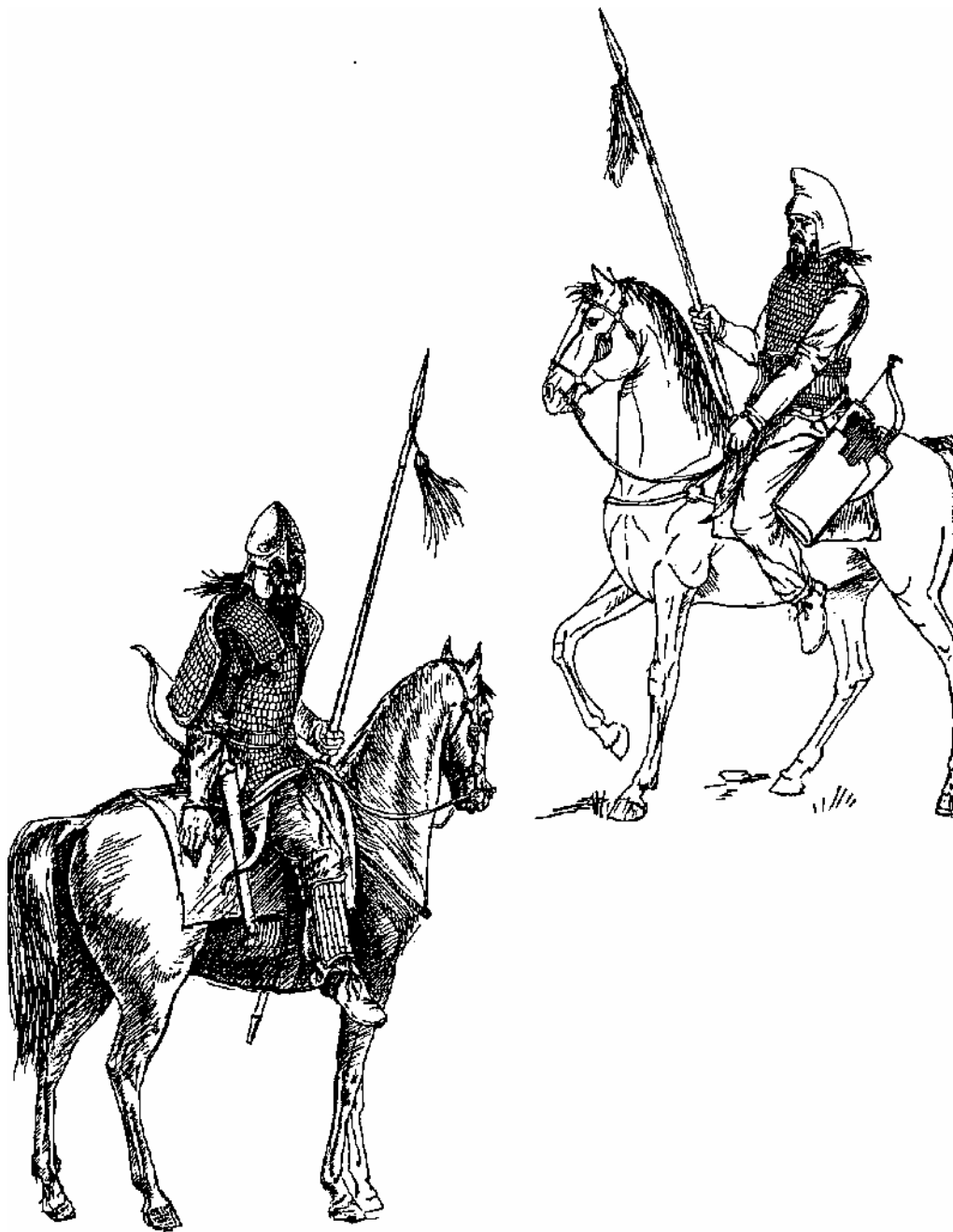
Что же представляло собой скифское государство в VI в. до н.э.? Как оно было организовано? Кто им управлял? Да и существовало ли вообще государство в Скифии на протяжении VI-IV вв. до н.э.? Увы, вопрос о наличии у скифов государства, а если оно было, то о его характере, по-прежнему остается одним из самых дискуссионных в современном скифоведении. Одни исследователи (А.С. Лаппо-Данилевский, С.А. Жебелев, В.И. Равдоникас, С.А. Семенов-Зусер, М.И. Артамонов, Д.П. Каллистов, П.Г. Елагина и др.) полагали, что скифские племена Северного Причерноморья так и не создали подлинного государства, а их территориально-политическое объединение представляло одну из форм военной демократии, другие, например А.И. Треножкин, решительно выступали за то, что могущественная держава появилась у скифов еще с VII в. до н.э., точнее, с момента их первого эффектного выступления на исторической арене Евразии. Наконец, довольно много сторонников есть у той точки зрения, что государственного уровня скифы достигли лишь в конце V — начале IV вв. до н.э., в период правления «царя-объединителя» Атея.

Известно, что новое — это хорошо забытое старое. Попробуем обратиться к истокам изучения столь сложной проблемы, как скифская государственность, а именно к трудам выдающегося русского ученого М.И. Ростовцева.

Еще в первые десятилетия XX в. он впервые четко сформулировал общее представление о характере скифского государства и о времени его

232

Илл. 89. Скифские конные воины в панцире. IV вв. до н.э. Реконструкция Д. Шевчука

возникновения. Сравнивая Скифию и Персидскую империю Ахеменидов, М.И. Ростовцев отмечает: «Скифия, конечно, не могла равняться с Персией ни по своей культурности, ни по своей государственности. Персия унаследовала от своих предшественников — Ассиро-Вавилонии и Египта — старую прочную государственность и культуру <...> Скифы же, поскольку можно судить по единственному достоверному свидетельству об их государственности и культуре — свидетельству Геродота, остались на юге России преимущественно кочевниками, и государство их было типичным государством конных кочевых наездников с сильной конной дружиной под управлением неограниченного державного владыки-царя. Их державу надо представлять себе организованной по типу позднейшего Хазарского царства или татарской Золотой Орды». Позднее ученый вынужден будет признать, что «задача выяснения государственности и уровня культурной жизни скифов <...> очень трудна и неблагоприятна». Тем не менее М.И. Ростовцев был твердо уверен в том, что «мы имеем дело на протяжении, вероятно, части VI в. до н.э., всего V в. и, возможно, IV с частью III, с крупной политической единицей, выступающей по отношению к внешнему миру <...> как одно политическое целое <...> Геродот знал единую скифскую державу, в сведениях об Агее мы встречаемся с таковой же». «Вопрос о границах Скифии, — пишет он далее, — то есть о пределах власти скифских царей, вряд ли может быть разрешен с точностью. Он, конечно, не совпадает с вопросом о величине той области, которую заселяли скифы. Подчинение или зависимость тех или других местностей могли

не сопровождаться поселением на этой местности значительных масс скифов. Мне кажется, однако, что сфера распространения курганных погребений с вещами, где смешиваются элементы иранской восточной культуры с греческими и местными, при том постоянстве, которым в общем отличается, несмотря на разнообразие во времени и месте, скифский тип курганного погребения, может считаться и сферой государства скифов как руководящего государственного элемента. Одним культурным влиянием этого постоянства не объяснишь. Если это так, то в рамки древнейшего скифского царства придется включить не только значительную часть Прикубанья с зависимостью от него Тамани и племен по Азовскому морю, но и всю Киевщину и Полтавщину». Весьма ценные соображения высказал М.И. Ростовцев и относительно структуры, или внутреннего устройства, скифского государства в VI-III вв. До н.э. «Скифское царство, — отмечает он, — разделено было на три части с отдельным царем во главе каждой. Питающим центром для всех этих частей были <...> степи между Днепром и Донцом, населенные так называемыми Царскими скифами; с ними одно целое составлял стеной Крым. Несомненно,

234

Илл. 90. Скифский пеший воин:

а) реконструкция Д. Шевчука;
б) реконструкция М. Горелика

однако, что наряду с этими большими делениями, имелись и более мелкие подразделения на округа (Геродот называет их, как в Египте, номами). Отношения правителей этих номов к царям надо представлять себе, вероятно, как отношения вассалов <...> к сюзерену». И в дальнейшем при работе над скифским материалом ученый придерживался своих прежних взглядов на эту проблему, лишь уточняя и углубляя их.

«Государственная организация скифов, — подчеркивал он, — предполагает существование особого военного класса населения, то есть особой военно-организованной аристократии, тесно связанной со всем административным строем государства. Известно свидетельство Геродота о делении государства на „архэ“, а каждой „архэ“ — на номы* с центральным святилищем Арея в каждом номе <...> Уже это святилище Арея предполагает чисто военную организацию указанных делений <...> Картина, рисуемая нам на основании этих разрозненных и случайных свидетельств, прежде всего, укладывается в представление о государстве, организованном на чисто военный лад. Господствующим классом являются организованные в дружину скифы-завоеватели, группирующиеся около отдельных представителей знати в мелкие дружины, которые в свою очередь соединяются в группы по номам и „архэ“ и руководятся в больших мероприятиях главным царем, по указанию которого действуют монархи и правители трех частей царства. Такой характер организации государства совместим и с земледельческим и со скотоводческим бытом подвластного населения. Роль господ сводится к собиранию дани, подавлению восстаний, борьбе с соседними племенами и организации отпора от нападений извне. Он напоминает также только в общих чертах организацию известных нам <...> кочевых держав, особенно наиболее прочных из них — державы хазар или татарской Золотой Орды». Таким образом, четко определив свою позицию по поводу характера скифского государства и времени его существования, М.И. Ростовцев столь же осознанно предложил установить границы Скифии не столько на основе толкований противоречивых свидетельств Геродота, сколько на анализе вещей из курганов и на их географическом распространении. В итоге в состав скифской державы были включены области степи и лесостепи между Дунаем и Доном (для VI-III вв. до н.э.), а для эпохи архаики — еще и Северный Кавказ с При куба ньем.

Очень показательным, что и другой выдающийся отечественный скифолог А.И. Терсножкин, в прошлом наиболее последовательный критик концепций М.И. Ростовцева, пришел затем практически к тем же самым выводам по важнейшим вопросам, касающимся общества и государства скифов. «В моем

* Архэ — области, номы — округа.

Шл. 91. Скифский конный воин. Реконструкция М. Горел

представлении, — пишет он, — Скифия являлась обширной страной, ограниченной на западе Нижним Дунаем и Карпатами, на востоке — Доном, на юге — побережьем Черного и Азовского морей, а на севере — началом лесной зоны. Ее населяли этнически неоднородные племена и народы, различавшиеся также хозяйственным укладом и самим образом жизни...». Этот исследователь тоже относил время появления государства у скифов к VII в. до н.э. Как и М.И. Ростовцев, А.И. Тереножкин считал наилучшей этно-исторической аналогией для скифского общества и государства данные о татаро-монгольских кочевьях XIII в. н.э. в Северном Причерноморье.

Принципиально ничем не отличается от «ростовцевского» и общий взгляд А.И. Тереножкина на военизированный характер скифского государства. «Скифское государство могло <...> просуществовать в течение нескольких веков лишь при единственном условии, что стоявшие во главе его скифы-царские <...> представляли собой прочно спаянный дисциплиной кочевой военный лагерь, всегда готовый к ведению наступательных и оборонительных действий <...> Община, организованная по военному образцу, позволяла скифам господствовать над многими племенами и народностями и собирать с них более или менее регулярную дань».

Правда, есть во взглядах этих двух ученых и существенное различие: если М.И. Ростовцев считал, что у скифов господствовал феодальный строй, то А.И. Тереножкин отстаивал версию о рабовладельческом характере скифского общества.

Дальнейшее развитие идея о значительном сходстве ряда черт общества и государства скифов с

татаро-монгольской Золотой Ордой получила в книге А.М. Хазанова «Социальная история скифов». Речь идет, прежде всего, о господстве улусного, или удельного, принципа в организации власти внутри кочевнического государства.

Принцип родового наследования верховной власти у кочевников связан с представлением ее принадлежности всему правящему роду. Отсюда следовал удельный или улусный, если пользоваться тюрко-монгольской терминологией, принцип ее распределения. Теоретически он заключался в том, что каждый член правящего рода имел право на управление определенной группой кочевников с соответствующей территорией кочевий, а также на завоеванные земледельческие области. У монголов, например, власть «Золотого рода» — рода Чингисхана, выражалась в том, что один из его членов становился императором, кааном, избираемым на совете родичей, другие же члены рода, главным образом его мужские отпрыски, имели право на то, чтобы получить в наследственное пользование удел.

Можно предположить, что и у скифов улусный принцип получил известное распространение.

Скифская легенда свидетельствует о том, что управление всеми тремя базилями, на которые делилось Скифское царство, находилось в руках представителей одного и того же царского рода. По словам Страбона, во II в. до н.э. «скифы были под властью Скилура и его сыновей с Палаком во главе, которых было от 50 до 80». Указание на совместный характер правления подтверждает права всех членов царского дома на управление царством, очевидно, реализующиеся на практике в виде улусной системы.

Есть и еще аргументы в пользу скифо-татарских аналогий в организации верховной власти. Греческий термин «базилия» лучше отражает сущность этих территориальных делений Скифии, нежели русский термин «царство». По Геродоту, базилии были самыми крупными административно-политическими подразделениями триединой страны скифов. И это вполне соответствовало реальной действительности. Три базилии (три царства) были не только административными, но и военно-организационными единицами Скифии и именно в данном качестве выступали в войне с Дарием I. Границы базилии неизвестны. Очевидно только, что основные центры их находились в степной полосе от Дуная до Дона. Их внутреннее устройство также остается не совсем ясным. Вероятно, если следовать Геродоту, они состояли из областей (архэ) и округов (номов). Во главе базилии стояли члены скифского царского рода. «Думается, — отмечает А.М. Хазанов, — не будет преувеличением сравнить скифские базилии с улусами, которые получали члены царского рода в державе хунну (гунны. — В.Г.) или царевичи-чингизиды в империи Чингисхана и в тех государствах, которые возникли после ее распада».

Итак, Скифское государство имело триединый характер, то есть состояло из трех царств-базилей. Одна из базилий, возглавляемая верховным царем всей Скифии, была больше остальных и, очевидно, именно она включала в себя территорию царских скифов. Остальные две базилии управлялись членами того же царского рода или семьи. Основные черты этой социально-политической организации сложились, по-видимому, у скифов не позднее VII в. до н.э. И здесь я полностью согласен с мнением М.И. Ростовцева и А.И. Терещенко о том, что скифское государство возникло еще в VII в. до н.э.

Социальный строй скифов

Политическое господство в Скифии принадлежало скифам царским, которые считали все подвластные им племена своими рабами, но, по-видимому, они являлись скорее данниками. Власть в стране принадлежала роду скифских царей, разделявших свое управление по трем основным коленам в соответствии с тройственным территориальным делением Скифии, установившимся, согласно скифской генеалогической мифологии, изначально.

23

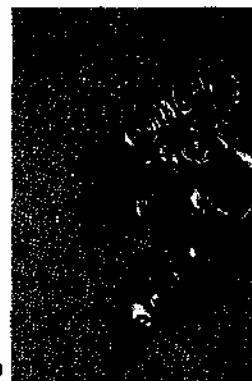
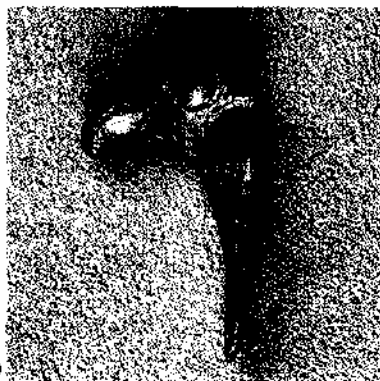
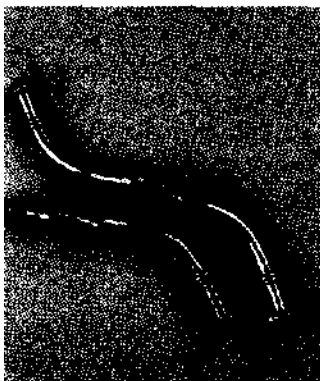
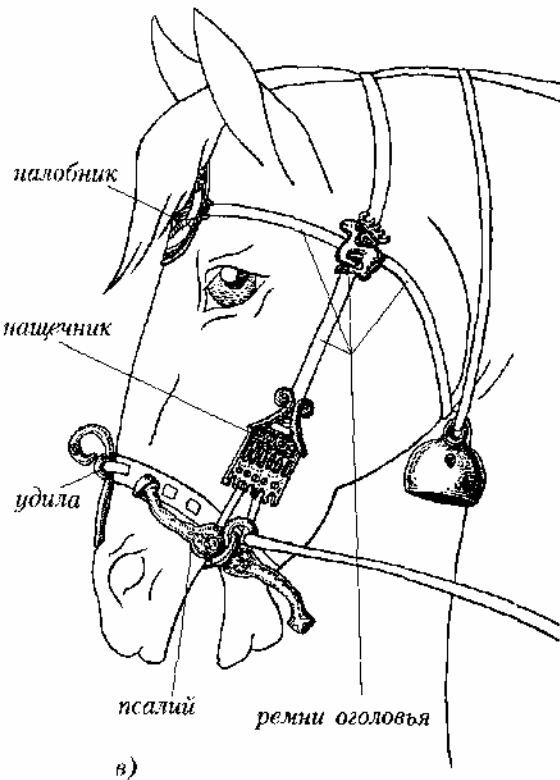
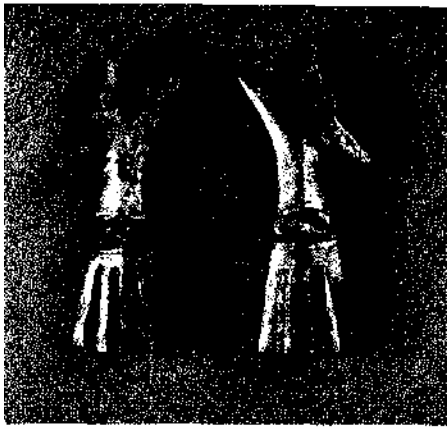
Мнение о сохранении у скифов в раннее время патриархально-родового строя основывается на ошибочном предположении, что в скифском обществе, которое состояло из патриархально-семейных хозяйств, род обеспечивал преобладание общинного над частнособственническим, таким образом, родоплеменная община с ее практикой коллективного производства, потребления и развитой взаимопомощи не допускала возникновения крайних имущественных различий и крайней бедности среди скифов.

В действительности же скифская семья и община были иными. Ученые единодушно отмечают, что матриархат у скифов остался давно позади, что женщина в семье находилась в подчиненном положении и ее роль сводилась к занятиям домашним хозяйством. У скифов, как это видно из генеалогических мифов, родство и наследование велось по мужской линии. Ответ на вопрос, что могла представлять собой скифская семья, отчасти находится в мифе о происхождении

савроматов. Из текста Геродота следует, что в скифской семье допускался сравнительно легкий выдел взрослых членов и, таким образом, речь идет не о патриархальной, а о малой индивидуальной семье. Очевидно, у скифов, как и у многих других кочевых народов, существовало раннее выделение из семьи подрастающего поколения — взрослых сыновей — и наделение их необходимым имуществом и скотом для ведения самостоятельного хозяйства. Для ведения кочевого хозяйства требовалось большое количество рабочих рук. С особыми трудностями был связан выпас скота не только в зимнее время, но и в плохую погоду. Много труда требовала переработка продуктов скотоводства, стрижка овец, изготовление войлока, обработка кож, мехов и пр.

Кочевники, что подтверждается этнографией и свидетельствами письменной истории, широко применяли рабский труд не только в домашнем, но и в скотоводческом хозяйстве, на тяжелых работах. Приведу в качестве примера следующее сообщение Б. Рубрука о золотоордынских татарах XIII в.: «Когда русские не могут дать больше золота или серебра, татары уводят их и их малюток, как стада, чтобы караулить их животных». Или еще одно сообщение И.П. Петрушевского: «Закончив ограбление города и дележ добычи, они (зо-лотоордынцы. — В.Г.) принимались за горожан; военных убивали, семьи их обращали в рабство. Девушек и молодых женщин также обращали в рабынь и делили между знатью и воинами. Ремесленников и искусных мастеров распределяли в качестве рабов...».

Вероятно, скифская знать также захватывала в плен ремесленников, чтобы держать их в качестве рабов в мастерских. Подтверждение этому видят в том, что в ранних могилах имеются изделия торевтов, в которых сочетаются скифские и переднеазиатские, а в более поздних — античные и скифские художественные элементы. Часть таких вещей могла изготавливаться в мастерских при ставках скифских царей.

Илл. 92. Элементы конской узды (из курганов у с. Колбино)

а) бронзовые нащечники в виде головы волка, курган № 1С

б) роговые псалии с резным изображением головы лося, курган М 8

в) реконструкция конской узды по материалам «Частых курганов» (по П.Д. Либерову)

г) серебряные псалии, курган № 2б

д) бронзовый налобник в виде головы хищной птицы, курган № 4 е) серебряный конский налобник в виде головы грифона, курган № _

Вероятно, свободные ремесленники и торговцы составляли важные социальные группы у скифов. Некоторые исследователи считают, что в Скифии существовали касты. Однако весь уклад жизни кочевых скифов мало этому соответствовал.

Основную массу населения составляли свободные общинники, простые кочевники-скотоводы. По-видимому, в V-IV вв. до н.э. происходил процесс их постепенного обеднения. Об этом говорит и тот факт, что в то же время увеличивалась доля пехоты в скифском войске. Так, у Сатира было 20 тыс. скифской пехоты и 10 тыс. всадников. Вероятно, пехота вербовалась именно из разорившихся свободных скотоводов, не имевших верховых лошадей.

Основной массой скота, составлявшего главное средство производства, владели богатые скифы. В таких хозяйствах самую тяжелую работу наряду с рабами выполняли и обедневшие родственники, как это было принято у всех кочевых народов.

Некоторое время в науке бытовало мнение, что у скифов существовал рабовладельческий строй, а сама Скифия являлась рабовладельческим государством. Но затем стало очевидным, что строй скифского общества был близок к сохранявшемуся у большинства кочевых народов и в более

поздние исторические периоды. Его обычно принято называть патриархально-феодальным или ранне-феодальным.

Нет оснований сомневаться в том, что государство у скифов возникло еще во время их среднеазиатских походов, что подтверждается рядом данных. Так, на одной из клинописных табличек ассирийского царя Асархаддона (681-668 гг. до н.э.) среди вопросов к оракулу бога Шамаша спрашивается: будет ли Партагуа, «царь страны Ишкуза», придерживаться договора о дружбе, если Асархаддон выдаст за него свою дочь. В этом документе, как отмечает И.М. Дьяконов, подчеркивается, что ассирийцы в то время считали главу скифов именно царем и притом царем определенной «страны». Ученые предполагают, что Скифское царство могло находиться возле оз. Урмия, южнее которого около селения Зивие (Саккыз) найдены сокровища скифского царя конца VII в. до н.э.

Не укрепившись надолго в Передней Азии, скифское государство возродилось в Северном Причерноморье.

Исторические источники не позволяют видеть в Скифии нестойкий родоплеменной союз, как считают некоторые ученые. Напомню, что грек Фукидид писал в конце V в. до н.э. о царстве одрисов во Фракии и отмечал, что оно не может ни по своей военной силе, ни по количеству войск сравниться со скифами. Со скифами «не только не могут сравниваться европейские царства, но даже в Азии нет народа, который мог бы один на один противостоять скифам, если все они будут единодушны». О прочности государства кочевников свидетельствует длительность его существования (VII-IV вв. до н.э.) и то, что оно выдержало противостояние с таким грозным врагом, как персидский царь Дарий I Гистасп в конце VI в. до н.э.

Вероятно, скифское государство создавалось как военная родоплеменная организация, что вполне соответствовало условиям кочевого хозяйства и быта. Род и племя у скифов, утратив первоначальные экономические и социальные функции, сохранялись только как основы воинских подразделений, необходимых для постоянной защиты пастбищ, охраны скота, походов против соседей.

Особое место занимает вопрос об отношениях между господствующими царскими скифами и подвластными им племенами и народностями. По Геродоту, царские скифы были свободными и считали всех остальных скифов своими рабами, то есть подданными и данниками.

В связи с этим особый интерес представляет свидетельство Страбона о кочевниках и земледельцах в Крыму, которое можно отнести к IV в. до н.э. «Номады, — сообщает он, — занимаются больше войною, чем разбоем, и войны ведут из-за дани: предоставив землю во владение желающим заниматься земледелием, они довольствуются получением условленной умеренной дани, не для наживы, а для удовлетворения ежедневных жизненных потребностей; в случае же неуплаты денег данниками начинают с ними войну <.,> Действительно, они даже не начинали бы войны, если бы дани были правильно им уплачиваемы. А не платят им те, которые уверены в своих силах, так что могут или легко отразить нападающих или воспрепятствовать вторжению». Земледельцы Крыма хотя и платили дань кочевникам, в какой-то мере сохраняли самостоятельность. Аналогичными, вероятно, были отношения между данниками и господствующими скифами и на других территориях страны.

О составе дани нам ничего неизвестно. Оседлые племена, по-видимому, откупались зерном; племена, у которых были развиты ремесла, могли выплачивать дань изделиями из бронзы и железа, то есть всем тем, в чем испытывали нужду кочевники.

Античные города Причерноморья хотя и считались независимыми, но выплачивали скифам постоянную и достаточно тяжелую дань, которую принято было называть «дарами».

Уари Скифии

Вернемся вновь к скифским царям и царской власти. Род властителей Скифии происходил, как уже отмечалось, из племени царских скифов и претендовал на господство над всей обширной территорией страны.

Если судить по немногим имеющимся у нас письменным источникам (Геродот и др.), то можно сделать вывод, что власть скифского царя была деспотичной. Он исполнял функции главного военного начальника и верховного судьи и даже имел право вынесения смертного приговора. Скифские цари имели возможность сосредоточить в своих руках основные ресурсы страны. О той роскоши и богатстве, которые их окружали при жизни, наглядное представление дают сказочные сокровища, находимые время от времени в так называемых «царских» курганах Причерноморья.

Идеологической основой власти скифских царей служило представление о ее божественном

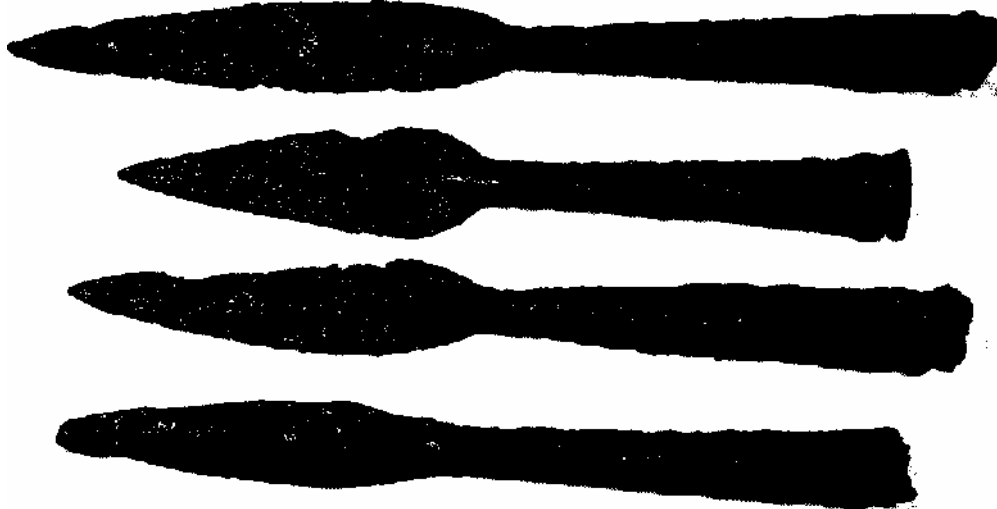
происхождении. Это подтверждается древними мифами, возводившими царский род к Зевсу (скифскому Папаю) или к герою-прародителю Таргитаю.

Согласно древнеиранской традиции (которой следовали и ираноязычные скифы), сами монархи отнюдь не являются богами, как это было в Египте. Тем не менее фигура царя священна, так как власть передана ему богом, чьей волею он призван на трон. Поэтому правят монархи милостью творца неба и земли, неважно как его называли в реальном мире — Лхурамаздой или Пашем.

Более пяти столетий спустя после гибели Великой Скифии в сасанидском Иране на скалах были высечены рельефы с изображением сцены пожалования царю власти верховным богом Ахурамаздой. Так, например, на рельефе в Накш-и-Рустеме помещено справа изображение бога, слева — персидского царя Ардашира, сидящих на лошадях, под копытами которых лежат поверженные враги. В левой руке бог держит скипетр, а правой протягивает царю символическое кольцо с повязками, возможно, диадему. Царь правой рукой принимает эмблему власти, а левую поднимает в церемониальном жесте, означающем поклонение.

Точно такой же сюжет мы встречаем на серебряном ритоне IV в. до н.э., найденном в кургане Карагодеуашх близ ст. Крымской в низовьях Кубани еще в конце XIX в. Там изображены два всадника в скифской одежде, с длинными волосами и окладистыми бородами, под копытами их лошадей лежат поверженные люди. Левый всадник в правой руке держит ритон, от которого сохранился только верх, в левой — длинный скипетр, конец которого упирается в землю. У всадника напротив не сохранилась левая рука, но правую он поднял, обратив ладонь к своему «визави», несомненно, в ритуальном жесте поклонения. Из этого сопоставления с неизбежностью следует, что перед нами наглядно воплощена одна и та же идея, одна и та же сцена, хотя их и разделяет во времени более пяти веков. Данное явление объясняется прочностью иранской традиции в родственной скифской среде.

«Скифы, по всей вероятности, и в национальном отношении, — отмечает М.И. Ростовцев, — близко родственны иранцам, а их религиозные представле-

Илл. 93. Образцы железных наконечников копий из курганов у с. Колбин V-IV вв. до н.э.

ния, как нам их рисует Геродот, чрезвычайно сходны с религиозным учением Ирана. Ясно, поэтому, что бог со скипетром и ритонем есть, вероятно, верховный бог скифов, соответствующий персидскому Ахурамазде, может быть тот бог, которого Геродот называет Папаяем...».

Нет никакого сомнения и в том, что скипетр и ритон неразрывно связаны у скифов с царской властью и служат ее наиболее впечатляющими внешними атрибутами. Изображения ритонов (и в меньшей степени скипетров) часто встречаются на скифских монументальных скульптурах («каменных бабах») и золотых бляшках. Сами ритоны из серебра с позолотой неоднократно находили в могилах высшей скифской знати.

Наличие у скифов представлений о божественном происхождении царской власти подтверждается не только анализом мифа о священном золоте. Об этом же свидетельствует ряд изображений, на которых представлен царь, пьющий вино из ритона или другого священного сосуда перед сидящей на троне богиней или перед богом-всадником. Подобный сюжет указывает на Передний Восток, откуда он, вероятно, и был заимствован скифами. Но едва ли следует

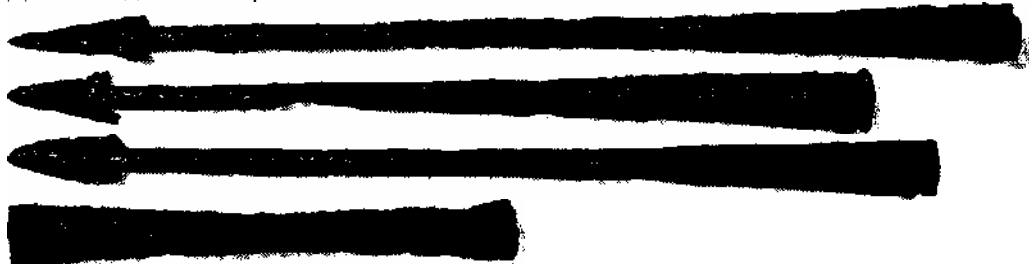
ВА7. ВЛАСТЬ И ВОЙНА В ЦАРСТВЕ СКИФОВ

думать, что само представление о божественном происхождении царской власти появилось у скифов только после их переднеазиатских походов. Правильнее предполагать лишь его дальнейшее развитие. Во всяком случае, царь Идан-фирс во время войны с Дарием в полном соответствии с легендой о царе Колаксае называет Зевса своим предком.

Еще один крупный скифолог — Б.Н. Граков считает, что государство у скифов появилось лишь в годы правления Атея (в конце V — первой половине IV вв. до н.э.); причем этот царь захватил трон незаконно. В качестве косвенных указаний на возникновение государства в Скифии ученый называет следующие факты: «отчетливое выделение конной аристократии, существование которой подтверждается большими курганами Герроса; богоданный характер царской власти, выраженный в ряде изображений; появление знаков царского достоинства в виде скипетров, тиар и т.п.; царская стража на манер персидской». В символике царских регалий и возникновении царской стражи ученый видит «очень много освеженных иранских явлений, известных в Персидском царстве в последнем веке его существования. Ничем иным не засвидетельствованные взаимоотношения с Персией здесь налицо. Иранские царские скифы, в лице царской фамилии, искали в какой-то мере внешних регалий с помощью старых политических связей...».

С общей идеей, высказанной этим признанным авторитетом в области скифской археологии я полностью согласен. Но что касается времени появления государства у скифов, то здесь можно и поспорить. Довод о выделении конной аристократии и возведении больших курганов знати только в IV в. до н.э. легко уязвим: огромные курганы высшей скифской аристократии (в том числе и «царские») известны на Северном Кавказе (Келермес, Ульский аул, Новозаведенное и др.) еще с VII-VI вв. до н.э., а в Приднепровской Лесостепи — с VI в. до н.э. Да и в степной полосе Северного Причерноморья такие памятники встречаются (хотя и не часто) с конца VII — начала VI вв. до н.э. (Мельгуновский или Литой курган).

Из древневосточных и греческих письменных источников мы знаем имена многих скифских владык, начиная с легендарного первого царя Колаксия. Однако мало что известно как о генеалогии царского рода, так и о конкретных деяниях скифских вождей. Некоторые ученые считают, что в Скифии с VII по III вв. до н.э. правила только одна династия, и все ее представители произошли, в конечном счете, от Колаксия. Это имя упомянуто в VII в. до н.э. греческим поэтом Алкманом. Поэтому считается допустимым рассматривать руководителей конных скифских отрядов во время переднеазиатских походов — Ишпаку (Ишпакая), Прототия (Партатуа, Бартатуа) и Мадия — в качестве прямых потомков легендарного основателя скифского царства. Все это, напоминаю, относится к VII в. до н.э. Для VI в. до н.э. мы располагаем шестью

Илл. 94. Образцы железных наконечников дротик из курганов у с. Колбы

царскими именами. Перечисляю их в более или менее установленном хронологическом порядке, от более ранних — к более поздним: Спаргапейт; Лик; Гнур; Савлий (убивший своего брата-мудреца Анахарсиса за измену скифским традициям); Иданфирс (организатор отпора персидскому нашествию); Ариапиф (он жил и в VI и в V вв. до н.э.).

V-IV вв. до н.э. представлены следующими известными по литературным источникам именами: Скил (погиб от руки брата — Октамасада около 450 г. до н.э.), Октамасад (начал править около середины V и умер в начале IV в. до н.э.);

Орик (брат Октамасада, но, вероятно, никогда Скифией не правил, умер в конце V — начале IV вв. до н.э.);

Атей (возможно, узурпатор и основатель новой династии, погиб в 339 г. до н.э. в битве с Филиппом Македонским);

Далее по логике вещей идут три анонимных царя (о которых мы знаем, что они существовали, но имена их не сохранились), правивших с 339 по 309 гг. до н.э.

И, наконец, последний властитель на троне Великой Скифии — Агар (упоминание о нем есть в 309 г. до н.э.).

Таким образом, скифских царских имен довольно много, хотя реальной информации о правлении каждого конкретного монарха у нас почти нет. Но и то немногое, что сохранилось, дошло до наших дней, позволяет говорить о «дворцовых» заговорах, кровавых междоусобицах и мятежах, ожесточенной борьбе за власть между соперничающими аристократическими семействами Скифии. И, видимо, нет никаких оснований считать, что скифский царский трон, передаваемый по древней традиции от отца к сыну, всегда

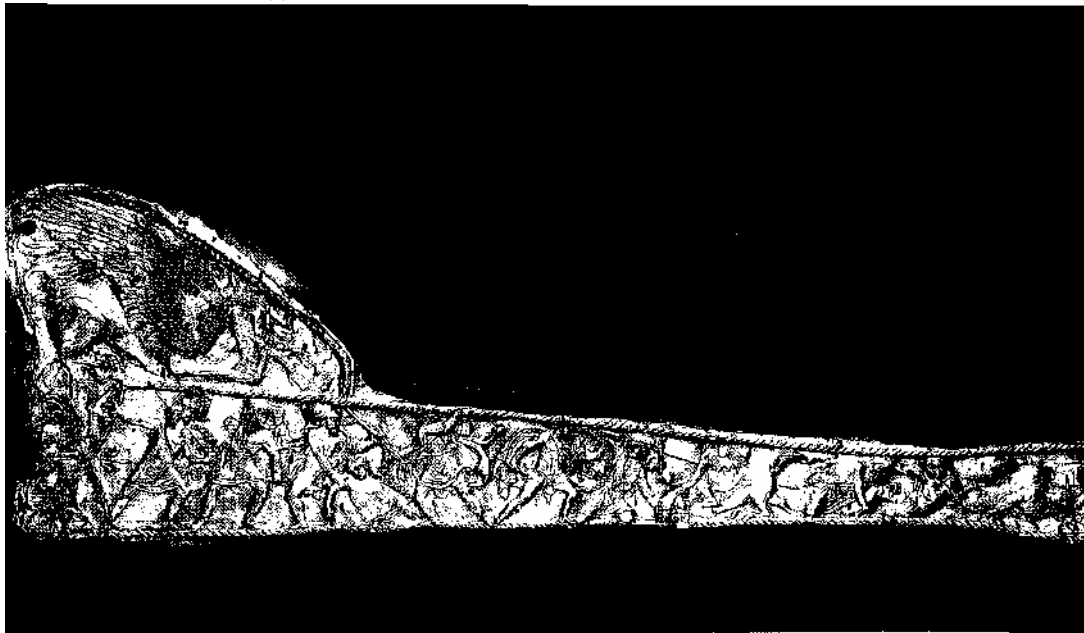
доставался законному наследнику, а прямая линия преемственности никогда не нарушалась со времен Колакся.

Между тем, существует и еще один (кроме письменных) перспективный источник по «царской теме» — археологические материалы больших и богатых курганов Скифии. Его усиленно разрабатывают сейчас сразу в двух крупных центрах скифологии: в Киеве (Е.Е. Фиалко и Ю.В. Болтрик) и Санкт-Петербурге (А.Ю. Алексеев). Их подход к этой сложной проблеме основан на тщательном изучении всех имеющихся письменных источников о скифских царях конца V~IV вв. до н.э.; на уточнении хронологии вещевых комплексов из «царских» курганов того же времени; на отборе для сравнительного анализа в качестве «подлинно царских» только четырех самых крупных и раскопанных курганов — Солохи, Чертомлыка, Огуза и Александрополя. Все эти курганы расположены в причерноморской степи, и все имеют высоту около 20 м.

Рассмотрим сначала гипотезу А.Ю. Алексеева. «Династийная история Скифии V-IV вв. до н.э. настолько скудно освещена источниками, — пишет он, — что, как правило, реконструкции в этой области носят вынужденно предположительный характер. Но именно это обстоятельство, в свою очередь, побуждает, несмотря на пока еще откровенно романтический облик таких попыток, к дальнейшим поискам возможностей конкретизации и детализации скифской истории вплоть до атрибуции некоторых погребальных памятников, традиционно относимых к разряду „царских“, в качестве усыпальниц известных исторических деятелей».

И далее петербургский исследователь предлагает такой вариант соотнесения больших «царских» курганов Скифии и имен известных по Геродоту бази-левсов (царей) Скифии. Прежде всего, из числа достаточно многочисленных богатых курганов скифской знати конца V-IV вв. до н.э. он относит к числу «царских», то есть достойных рассмотрения, только пять и все высотой около 20 м: Александропольский курган (21 м), Чертомлык (19,5-22 м), Огуз (около 21 м), Солоха (18-19 м) и Нечаева Могила (около 18 м). Первые четыре из них раскопаны, а последний еще ждет своего часа. На основе тщательного анализа всех предметов, найденных в каждом из этих четырех курганов, А.Ю. Алексеев определяет их абсолютную хронологию следующим образом:

Солоха: центральная (почти целиком ограбленная) могила — 420-400 гг. До н.э.; боковая (нетронутая) могила — 400-380 гг. до н.э.

*Илл. 95. Золотая обкладка ножен меча со сценой битвы греков с варварами
Курган Чертомлык, IV в. до н.э.*

Чертомлык: центральная (главная) могила со всеми уцелевшими сокровищами - 335/330-320 гг. до н.э.; «впускная» могила - несколько позже.

Огуз и Александрополь; датируются в пределах 330-300 гг. до н.э.

Сопоставление археологии с историей позволило ему высказать предположение, что в центральной гробнице Солохи был погребен царь Октамасад, а в боковой, более скромной, - его младший брат Орик (который, возможно, никогда и не занимал царский трон). Что касается Чертомлыка, то там, вероятно, был захоронен анонимный царь Скифии, правивший после Атея между 339 и 328 гг. до н.э.

Иначе интерпретируют данную ситуацию украинские археологи Е.Е. Фиалко и Ю.В. Болтрик. Они также предлагают считать, что в IV в. до н.э. в Скифии пока можно выделить лишь четыре «подлинно царских» кургана: Солоха, Чертомлык, Огуз и Александрополь. Кстати, именно они докапывали уже в наши дни гигантский курган Огуз и нашли там немало интересного (первые исследования кургана осуществил в самом начале XX в. Н.И. Весе-ловский). Логика их рассуждений такова. Между временем сооружения Солохи (конец V - начало IV вв. до н.э.) и остальными тремя курганами «царей» существует хронологический разрыв в целых полвека или даже больше, что говорит о долголетию похороненного там царя. Отсюда следует, что в Солохе лежит прах предшественника самого престарелого скифского монарха Атея (по греческим сообщениям, он прожил 90 или 100 лет). Сам же Атея похоронен в наиболее раннем из трех оставшихся курганов — Чертомлыке. По амфорному материалу (типам греческих амфор и клеймам) Чертомлык относится к середине третьей четверти IV в. до н.э. (340-330 гг. до н.э.). Все это, по мнению киевских археологов, вполне достаточно для того, чтобы приписать главную могилу Чертомлыка Атею, павшему на поле битвы с македонцами в 339 г. до н.э. «Вероятно, — заключают Ю.В. Болтрик и Е.Е. Фиалко, — длительное пребывание Атея у власти и его весьма почтенный возраст обусловили последующую геронтократизацию скифского престолонаследия, что и отразилось в хронологической близости царских курганов второй половины IV в. до н.э. На это же указывает почтенный возраст царя из Александрополя (свыше 70 лет)». Напомню, что Александрополь — самый поздний из четырех названных выше «царских» курганов степной Скифии (320-300 гг. до н.э.).

Военное дело скифов

И все же основной опорой могущества Скифии и ее царей было многочисленное и прекрасно вооруженное войско, состоявшее, главным образом, из конницы. Начиная с момента выхода скифов на арену мировой истории, они выступают как мощное военное объединение, которое принимает самое активное участие в наиболее важных политических событиях той поры, происходивших на обширной территории Передней Азии, Кавказа и Северного Причерноморья. «У скифского племени, — отмечает Геродот, — одно самое значительное из всех человеческих дел устроено самым мудрым образом сравнительно со всем, что нам известно <...> Самое же значительное их достижение состоит в том, что никто из тех, кто вторгся к ним, не может спастись бегством, а если они пожелают, чтобы их не обнаружили, захватить их невозможно: ведь они не основывают ни городов, ни укреплений, но все они, будучи конными стрелками, возят свои дома с собой, получая пропитание не от плуга, а от разведения скота, жилища у них на повозках. Как же им не быть непобедимыми и недоступными для нападения?».

И в этих словах «отца истории» нет ни малейшего преувеличения. До IV в. до н.э. скифы не знали поражений от любого, даже самого сильного врага.

У скифов существовало много воинских обычаев, которые воспитывали храбрость и беспощадность к врагу. По Геродоту, «скиф пьет кровь первого убитого им врага», «голова всех убитых им в бою относилась к царю», с убитых снимали скальпы, а из черепов делались чаши. Воинская дружба, скрепленная побратимством, способствовала стойкости войск.

50

Не имея укрепленных городов, кочевые скифы имели отлично вооруженное и дисциплинированное войско, включавшее в свой состав всех общинников и дружины правителей округов, провинций и царств (басилей).

Разделение войска царских скифов на три части под командованием Идан-фирса, Таксакиса и Скопасиса во время вторжения в Причерноморье Дария I соответствовало трехчленному разделению Скифии, установленному мифическим Колаксам, — возможно, такова была изначальная ситуация в военном союзе скифских племен. Подобная организация главных войсковых соединений была порождена первоначальной племенной структурой скифского общества.

Про скифских номархов, начальников округов, почти ничего неизвестно. Вероятно, они были военачальниками, а также организаторами ежегодных празднеств, на которых возвеличивались герои и совершались жертвоприношения древнему железному мечу — символу бога войны Ареса. Переднеазиатские походы сыграли важную роль в становлении Скифии как государства. Можно себе представить тот ужас и смятение, которые охватывали население процветающих городов и селений Передней Азии при виде бесчисленных конных орд скифов, сеявших вокруг себя опустошение и смерть. Скифы были необычайно мобильны и вездесущи. Ни одна армия древневосточных держав (включая воинственную Ассирию) не могла устоять в открытом бою

против этой массы хорошо обученных и спаянных жесткой дисциплиной всадников. Достаточно вспомнить свидетельства современников скифского нашествия в страны Ближнего Востока — библейских пророков Исаяи и Иеремии, чтобы представить себе реальную обстановку, сложившуюся на землях, считавшихся «колыбелью человеческой цивилизации»:

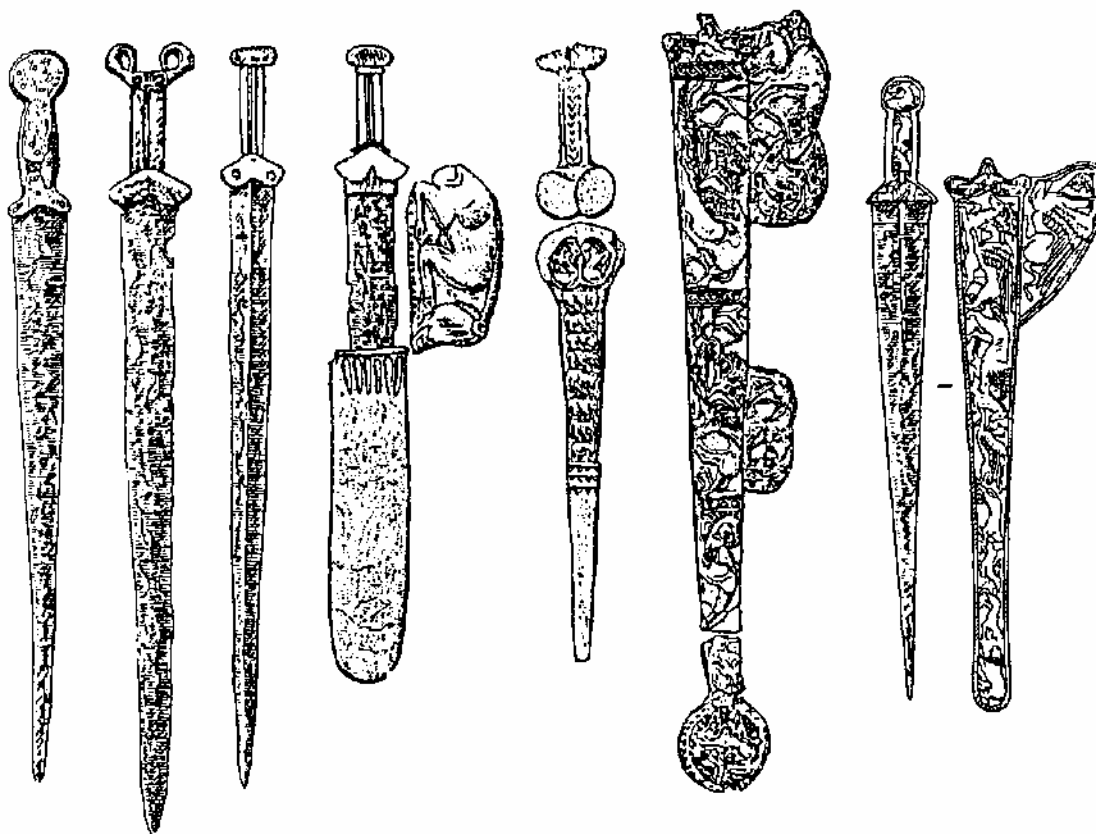
И поднимет знамя народам дальним и даст знак живущему на краю земли, — и вот, он легко и скоро придет. Не будет у него ни усталого, ни изнемогающего; ни один не задремлет и не заснет, и не снимется пояс с чресел его, и не разорвется ремень у обуви его. Стрелы его заострены и все луки его туго натянуты; копыта коней его подобны кремню, и колеса его — как вихрь. Рев его — как рев львицы; он рыкает подобно скимпам, и заревет и схватит добычу, и унесет, и никто не отнимет...

На протяжении многих десятилетий VII в. до н.э. скифы и их цари были господствующей силой в этом наиболее развитом регионе древнего мира. «Принимая участие в бурных событиях и войнах, проходивших на Ближнем Востоке в VII в. до н.э., постоянно меняя союзников, — отмечает известный украинский археолог и главный специалист по вооружению скифов Е.В. Черненко, — скифы обогатились знаниями тактики и стратегии великих переднеазиатских культур, научились воевать с разными противниками, получили бесценный военный опыт, пополнили состав своего вооружения образцами, стоящими на уровне лучших достижений военной техники той эпохи». Прежде всего, скифы заимствовали и стали широко использовать защитный металлический доспех, которого раньше они, как и все другие кочевые народы Евразийских степей, попросту не знали. Речь идет, прежде всего, об «ассирийских» чешуйчатых панцирях. «Их кожаная основа, — пишет Е.В. Черненко, — покрывалась набором из металлических (обычно железных) пластин сравнительно небольших размеров, которые образовывали покрытие наподобие рыбьей чешуи. Крепились пластины на основе и между собой с помощью кожаных шнуров или жил. Продуманная система набора позволяла располагать в любой точке доспеха пластины, лежащие в 2-3 слоя. Такой панцирь был достаточно удобен. Он не очень стеснял движения воина, позволяя ему управлять конем, стрелять из лука, сражаться мечом, копьем, боевым топором».

Заимствовав переднеазиатский металлический панцирь, скифские оружейники и кузнецы очень быстро освоили и массовый выпуск собственной продукции. К IV в. до н.э. железные чешуйчатые панцири на кожаной основе использовались скифскими конными воинами достаточно широко. Правда, в целом виде такие доспехи встречаются в курганах Скифии очень редко из-за повсеместного разрушения погребений древними грабителями. Обычно в руки археологов попадают лишь большие или малые фрагменты таких панцирей, а то и всего несколько спекшихся от коррозии железных пластин-«чешуек». Тем отраднее для скифологов бывает открытие могил с полным набором защитного и наступательного вооружения. Именно такая находка была сделана в 70-е гг. прошлого века в курганном погребении у с. Гладковщина в Черкасской обл. (Украина). Здесь вместе со скифским воином-дружинником соплеменники положили в могилу чешуйчатые, наборные из железных пластин шлем, панцирь, ножные доспехи, щит, а также два копья, меч и лук со стрелами.

При раскопках этого погребения были приняты особые меры по сохранению защитного вооружения находки, а при реставрационных работах ученым впервые удалось воочию представить себе огромный труд, проделанный оружейниками при изготовлении набора защитного вооружения. Всего понадобилось 3233 железных пластины различной формы и различных размеров: на панцирь ушло 775 «чешуек», на шлем — 775, щит — 778, на прочие дополнения к панцирю — еще 905. Общий вес доспехов с учетом металла, кожи (использовавшейся в качестве основы), дерева и бронзы составлял около 25 кг. Естественно, что подобную полную защиту в металле мог позволить себе только конный воин, а не пехотинец.

Еще в 1968 г. Е.В. Черненко собрал и опубликовал в своей монографии «Скифский доспех» все сведения об известных тогда в результате раскопок железных чешуйчатых панцирях скифов. По территории Северного Причерноморья эти находки распределялись следующим образом:

Илл. 90. Скифские мечи. V-IV вв. до н.э.

Степная Украина и Крым — 55 экземпляров;
 Лесостепное Правобережное Приднепровье — 48 экз.;
 Лесостепное Левобережное Приднепровье — 28 экз.;
 Нижний Дон — 12 экз.;
 Средний Дон — 19 экз.;
 Северный Кавказ — 24 экз.

Хотя приведенные выше сведения и несут определенную позитивную нагрузку, они не совсем точно отражают реальное распространение этих защитных доспехов по областям Скифского царства. Во-первых, как уже неоднократно отмечалось, многие (а практически почти все) погребения скифских курганов были ограблены, что, естественно, вело к частичной или полной утрате сопровождавших покойника предметов (в том числе и доспехов). А во-вторых, процент насыщенности панцирями той или иной области на территории Скифии следует вычислять не по абсолютному количеству таких нахо-

док, а по соотношению их с числом раскопанных в данной области курганов. И тогда получится, что на первом месте по защищенности воинов металлическими доспехами будет Средний Дон. Там, на 160 раскопанных к 2004 г. скифских погребений приходится 30 экземпляров железных чешуйчатых панцирей; то есть каждый пятый мужчина (20% мужского населения), похороненный в среднедонских могилах в V-IV вв. до н.э., был облачен в надежный защитный доспех. В то же время, в Лесостепном Приднепровье (и на Левобережье и на Правобережье) «панцирным» воином был примерно лишь каждый десятый человек.

Мне представляется, что такая ситуация — прямое отражение реалий того времени: ведь скифы Среднего Дона, жившие на самой восточной окраине большого государства, испытывали постоянное давление со стороны разного рода враждебных сил — угро-финских племен и воинственных кочевников-савроматов. Для успешной защиты своих земель среднедонское население должно было постоянно «держат под ружьем» довольно многочисленное и хорошо вооруженное войско, ядро которого составляли профессиональные воины-дружинники.

И все же, несмотря на эти различия (которые, возможно, просто отражают общее состояние наших

археологических источников), процент «панцирников» в массе погребений везде слишком высок, чтобы видеть в них лишь представителей скифской знати. Видимо, правы те ученые, которые считают, что помимо всеобщего ополчения (каждый взрослый мужчина-общинник - воин), в стране, по крайней мере с конца V в. до н.э., существовали и постоянные военные дружины, состоявшие из профессиональных, хорошо вооруженных и хорошо обученных воинов. «На вооружении дружинников, — пишет известная отечественная исследовательница в области скифской археологии А.И. Мелюко-ва, — было наиболее совершенное наступательное и оборонительное оружие. Наличие хорошо вооруженных опытных воинов значительно укрепляло общественное положение того, в чьем подчинении находилась дружина — царя или вождя. Особенно возрастает роль дружины в Скифии в IV веке до н.э.».

Однако продолжим рассказ о вооружении скифских воинов. Типично скифским изобретением следует считать так называемый «боевой» пояс, когда на кожаный ремень вертикально нашиваются (или прикрепляются) бронзовые и Железные узкие пластины. Пояс был непременной принадлежностью скифа-мужчины, На поясе помады носили весь набор оружия и снаряжения — меч, кинжал, колчан (горит) с луком и стрелами, точильный камень, нагайку и чашу. Эти пояса удачно дополняли панцири, защищая самое уязвимое место воина — живот.

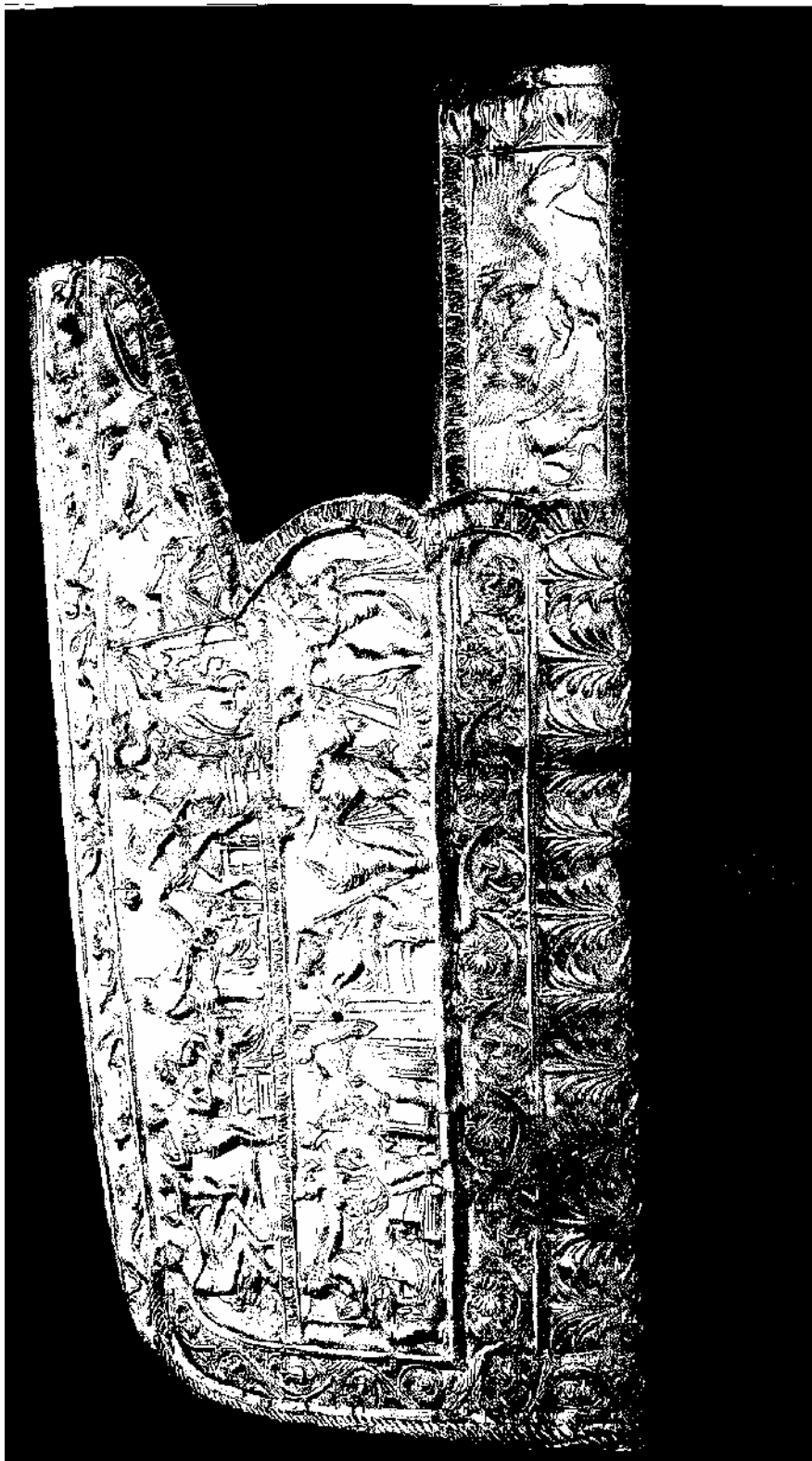
Голову скифского всадника надежно прикрывал металлический шлем. В рашгескифское время это были литые бронзовые массивные шлемы так называемого кубанского типа. Происхождение их связывают с Северным Китаем и Средней Азией. Одним из значительных центров их производства в VII-VI вв. до н.э. являлся Северный Кавказ. Позднее, с V в. до н.э., в Скифию проникают шлемы античных типов — из Греции и с островов Средиземного моря. Они были достаточно легкие (их ковали из золотистой тонкой бронзы) и пользовались у скифской знати большой популярностью. Всего в курганах Скифии было найдено более 50 экземпляров таких шлемов.

В конце V-IV вв. до н.э. обычная скифская шапка-башлык из кожи или плотного войлока также получает металлическое покрытие из пластин-«чешуек».

Ноги конного воина, особенно уязвимые, когда на него нападает пеший противник, были защищены либо греческими бронзовыми поножами (кнеми-дами), либо местным доспехом в виде кожаных штанов с железным «чешуйчатым» покрытием.

Наконец, надежным средством защиты воина был щит. Большинство щитов изготовлялось из дерева, прутьев и кожи и поэтому не сохранилось до наших дней. Мы знаем лишь, что они были не велики по размерам и имели самую разнообразную форму. Образцы скифских щитов можно видеть на предметах из золота и серебра, найденных в курганах высшей скифской знати: гребень и горит из кургана Солоха, изображения на священных сосудах-кубках из Куль-Обы и «Частых курганов», «Гаймановой Могилы» и др. В ходе раскопок удалось найти немало остатков щитов либо с металлическим покрытием в виде блях-умбонов, либо с панцирным, то есть сплошным покрытием, из железных пластин. «Лишь находки последних лет, — пишет Е.В. Черненко, — позволили выделить группу щитов абсолютно тождественных по форме, расположению пластин и способу использования доспеха, столь реалистично воспроизведенному на гребне из Солохи. Эти щиты надежно крепились к панцирю всадника на спине и предплечье, оставляя свободными руки воина для управления конем и действия оружием. Легким поворотом плеча и руки воин мог менять положение щита, прикрывать ту или иную часть корпуса от поражения оружием противника. Хорошей сохранности щиты этого типа найдены в курганах у Ново-Розановки на Николаевщине, Красный Подол под Каховкой <...> и из Гладковщины на Черкашине...». Добавлю, что остатки такого же «панцирного» щита найдены недавно и в кургане IV в. до н.э. у с. Колбино на Среднем Дону.

Защиту имел не только сам воин, но и его боевой конь. Для предохранения от поражения головы копыта еще со времен скифской архаики использовали бронзовые литые или кованые налобники в виде широких пластин овальной и ромбовидной формы. Есть основания полагать, что для защиты корпуса лошади делали нагрудники и попоны из толстой кожи, усиленные либо металлическими пластинами, либо «панцирным» набором. В кургане Скиф-

Илл. 97. Золотая пластина горита. Пятибратский курган № 8, IV в. до н.э.

екая Могила в Черкасской области недавно вместе с набором конской узда была найдена металлическая овальная пластина для защиты корпуса лошади, которую отнесли к V в. до н.э. Теперь перейдем от защиты к наступлению: речь пойдет о наступательном оружии скифов. Главным оружием скифских воинов, как конных, так и пеших, были лук и стрелы. Геродот справедливо писал, что в Скифии «каждый — конный стрелок». Это подтверждают и археологи. Самыми частыми находками из скифских курганов и поселений всегда являются наконечники стрел из бронзы, железа и очень редко из кости. Небольшой скифский сложный лук изготовлялся из различных пород дерева, кости и сухожилий. К сожалению, из почти трех тысяч раскопанных за два с половиной века скифских захоронений остатки луков найдены лишь в трех случаях. Представление о форме луков скифского типа дают изображения на предметах торевтики и на

скифских каменных изваяниях и монетах (например, монета Атея). Форма лука напоминает несколько растянутую греческую букву «сигма» с ассиметричными плечами, перехватом в средней части в том месте, где лук берут в руку. Концы лука слегка отогнуты наружу. «В то время как луки всех народов сгибаются из гнувшихся древков, луки скифские <.>, выгнутые с обеих сторон широкими и глубокими внутрь рогами, имеют вид луны во время ущерба, а середину их разделяет прямой и круглый брусок», — писал Аммиан Марцеллин.

В скифских могилах иногда находят древки стрел длиной 45-84 см. Они делались из мягких пород дерева — березы, тополя, ясеня. Наконечники стрел отливались из бронзы в специальных формах либо (реже) ковались из железа. Количество колчанов со стрелами в одной могиле самое разное. Обычно это один колчан с 60-100 (реже 200) стрелами. Известен случай, когда в одной гробнице нашли 16 наборов стрел общей численностью свыше 1000 экземпляров.

Античные авторы в один голос свидетельствуют о том, что скифы были лучшими стрелками из лука во всем древнем мире. Сохранилась надпись на каменной плите из Ольвии (начало IV в. до н.э.), в которой говорится, что Анаксагор, сын Димагора на соревнованиях пустил из скифского лука стрелу на расстояние 520 м. Известно, что урартский царь Аргишти сумел поразить цель, удаленную на 476 м. Это случилось в начале VII в. до н.э. и лук у него был либо киммерийский, либо скифский.

Заметное место в составе скифского оружия занимали копья и дротики. Археологи нашли уже более тысячи образцов. Обычно длина древкового оружия колеблется в пределах 2 м. Однако есть уже немало находок длинных кавалерийских копий — «пик», чья длина превышает 3 м. Короткие копья использовались для ближнего боя и для метания. Метали и дротики. Длинное копье всаднику надо было держать двумя руками, но при наличии легкого, но прочного седла (из дерева, войлока и кожи) и кожаных стремян обеспечивалась достаточно удобная позиция для атаки противника.

В курганах Скифии к настоящему времени найдено уже несколько сотен мечей и кинжалов. Как правило, они двулезвийные и имеют достаточную длину — от 60 см до 1 м (таких свыше 25%). Это оружие позволяло эффективно сражаться во всех видах пешего и конного боя. Изготовлению мечей скифские оружейники уделяли особое внимание. На их производство шел лучший металл, лучшая сталь, и они в ряде случаев ненамного уступают требованиям, предъявляемым к современному холодному оружию.

Боевые топоры, булавы, клевцы и молоты использовались в боевом деле гораздо реже, чем уже упомянутые виды оружия. «Скифское вооружение, — считает Е.В. Черненко, — считалось по праву одним из наиболее совершенных для своего времени. Скифами был создан комплекс вооружения, не претерпевший сколько-нибудь заметных изменений и дополнений вплоть до изобретения огнестрельного оружия...».

Если учесть, что почти все могилы воинов с тяжелым защитным вооружением сопровождаются, как правило, захоронениями коней в полной сбруе (в степной зоне) или только уздечными наборами, имитирующими захоронение коня (в лесостепи), то можно прийти к следующему выводу: металлические доспехи использовались всадниками, а не пехотинцами, и следовательно, у скифов не позже конца V — начала IV в. до н.э. появилась тяжелая кавалерия. Но чем же она могла сокрушить врага, в частности хорошо обученную пехоту (например, греческих гоплитов, да еще стоящих в сомкнутом строю фаланги)? Е.В. Черненко впервые поставил вопрос о наличии на вооружении у скифских всадников не только коротких (до 2 м), но и длинных копий-пик (от 2,5 до 3,3 м). Подобные длинные копья теперь обнаружены в степи и лесостепи, вплоть до устья Дона, на самом востоке Скифии: у станицы Елизаветовской (копья длиной 2,55 и 2,70 м), в Хоминой Могиле (3,2 м), в Нагорье (более 3 м), в Страшной Могиле (3,1 м). Все эти длинные копья относятся к IV в. до н.э.

Со своей стороны, я могу дополнить этот список новыми данными со Среднего Дона. В кургане № 12 у с. Терновое в погребении воина-дружинника были обнаружены железные наконечники (со втоком) копий и дротиков. Общая длина копья составляла 3,32 м. Наконечник дротика со втоком имел 2,04 м длины. Погребение относится к IV в. до н.э.

Намного больше стало известно и о длинных мечах у скифов. Их количество в общей численности известных нам образцов давно уже перевалило за 25%. Таким образом, пришло время отказаться от старого взгляда на стратегию и тактику скифского войска, взгляда, который во многом сформировался на основе двух факторов: описаний Геродота по поводу скифо-персидской войны (атаки лавы легковооруженных скифских конных лучников и ее быстрый отход в случае неудачи) и недостаточности наших сведений о вооружении скифских воинов.

Хорошо известно, что характер вооружения той или иной армии во многом определяет стратегию и тактику ее действий. Поэтому сам факт наличия у скифов всадников в тяжелых защитных доспехах, с длинными мечами и с длинными копьями-пиками меняет коренным образом и наше общее представление о реальных действиях конного скифского войска. В сочетании все эти элементы дают нам образ типичного «катафрактария» — воина-рыцаря в железном чешуйчатом панцире, металлическом шлеме, поножах и с длинным мечом и копьем в руках, воевавшим на защищенном доспехами коне. Безусловно, тяжелая конница скифов широко применяла и другие виды оружия: для дальнего боя — лук и стрелы, для средней дистанции — дротики и метательные копья, а для ближнего, рукопашного, боя — длинные и короткие копья, длинные мечи и боевые топоры. Но только «панцирная» и хорошо обученная кавалерия могла побеждать в открытом бою фалангу греческих гоплитов или тяжеловооруженную конницу. Именно это и произошло в битве при Фате в 309 г. до н.э., когда отряд отборных тяжеловооруженных скифских всадников, находясь в центре боевого порядка своих войск, успешной атакой разбил противостоящую ему неприятельскую кавалерию, и после недолгого преследования деморализованного врага совершил фланговый маневр, довершив разгром вражеской армии. В те времена провести столь сложную атаку с перестроениями могли лишь очень немногие конные войска.

Не менее очевидна решающая роль тяжелой скифской конницы и в разгроме известного полководца Александра Македонского — Зопириона. После неудачной осады Ольвии при отступлении на запад он был уничтожен скифами вместе со своей 30-тысячной армией, где были в изобилии представлены и грозная македонская фаланга с ужасными копьями-сариссами, и хваленая македонская тяжелая кавалерия. Эта армия состояла из профессиональных, хорошо обученных солдат и сокрушить ее боевые порядки скифы могли только с помощью разящего удара собранной в кулак (точнее, в «клин») «панцирной» конницы.

Таким образом, наши общие представления о вооружении и военном деле у скифов претерпели за последнее время значительные изменения: скифы вели успешные войны не только с соседними кочевыми народами, но и с вымуштрованными войсками античных полководцев.

ГЛАВА 8 СКИФСКОЕ ИСКУССТВО

Конь — мгновенная зарница, Всадник — беглый луч...

А. Блок

рисунок к рассказу об искусстве давно исчезнувшего народа, да к тому же не имевшего своей письменности, — задача не из легких. Фольклор, песни, музыка, даже религиозные обряды скифов исчезли вместе с ними и, по-видимому, навсегда. Однако благодаря поистине титаническим усилиям многих поколений ученых кое-что удается воссоздать.

«Существование у скифов развитой мифологии и эпоса не вызывает сомнений, — считает Д.С. Раевский. — Но отсутствие собственно скифской письменности чрезвычайно сузило круг дошедших до нас образцов скифского фольклора. Фрагменты, известные нам в передаче античных авторов, бесспорно, ничтожная часть того богатства, какое некогда представлял этот фольклор». Даже среди материальных воплощений скифского искусства сохранилось далеко не все. В первую очередь беспощадное время не пощадило предметы, сделанные из органических материалов — дерева, кожи, войлока, тканей, меха. И если бы не удивительный феномен «ледяных гробниц» Алтая, где из-за счастливого стечения обстоятельств такие «хрупкие» изделия сохранились на удивление хорошо, мы так никогда и не узнали бы о многих сторонах быта и культуры кочевников Евразии I тыс. до н.э.

В истории культуры любого народа есть вершины, заслуживающие того, чтобы быть предметом особой гордости, явления, не только привлекающие пристальное внимание специалистов, но и способные вызвать активный душевный отклик у самых широких кругов зрителей, читателей, слушателей. В богатом культурном наследии России

подобной вершиной стал самобытный художественный феномен — искусство кочевых и полукочевых племен Северного Причерноморья, так называемый звериный стиль. Предметы, найденные при раскопках древних погребений на территории современных России, Украины и сопредельных с ними областей, привлекают лаконизмом и совершенством художественных решений, смысловым богатством, способностью безымянных стародавних мастеров с максимальным эффектом использовать природу материала — золота, бронзы, кости, дерева, и форму украшаемых зооморфными мотивами предметов. Посетители Государственного Эрмитажа в Санкт-Петербурге, Государственного Исторического музея в Москве, Музея драгоценных изделий в Киеве наверняка обращали внимание на выставленные в витринах золотые и бронзовые фигурки оленей с длинными закинутыми за спину рогами и с подогнутыми ногами, как бы «летающие в галопе», изображения хищных зверей с когтистыми лапами и огромными зубастыми пастьями, птиц с длинными, загнутыми в спираль клювами и массивных лосей и кабанов. Такие изображения животных археологи находят в курганах на всем пространстве степей (и частично лесостепи) Евразии. Это произведения древних кочевников, в основном ираноязычных, чье искусство получило в науке название «скифский звериный стиль», потому что изображались главным образом дикие животные. Эффект, который производят эти звериные изображения, чрезвычайно силен. Разнообразие видов животных впечатляет не менее, чем их позы, движение. Реальные и придуманные, возможно, существовавшие и в то же время невероятные звери соперничают и противостоят друг другу, переплетаются и смешиваются с такой неистовой непринужденностью и яростью, что перед нами раскрывается новый, неожиданный и неизведанный мир. Когда мы рассматриваем эти изображения — напряженные мускулы здесь, испуганный взгляд там, великолепные олени рога впереди, — все детали вступают в тайный сговор, чтобы передать нам зашифрованное послание о духовном мире и религиозных верованиях давно ушедшего в небытие народа. Но почему этот стиль надо называть именно скифским? Ведь животных любили изображать почти все люди, жившие в эпохи древности и средневековья. Чем же отличались произведения скифского звериного стиля от иных изображений животных? Еще в начале прошлого века выдающийся российский ученый М.И. Ростовцев выделил основные признаки скифского звериного стиля и, надо сказать, что его выводы полностью сохранили свое значение и до сих пор. Прежде всего, скифские звери отличаются от прочих *способом моделировки поверхности тела*. «Тело животного в целом и отдельные его детали — ноги

260

с копытами или когтями, рога оленей, клюв хищной птицы, глаза, уши, пасть зверя, — отмечает Е.В. Переводчикова, — составлены из сходящихся под углом плоскостей. Эти плоскости образуют крупные грани с острыми ребрами, на которых создается неповторимая, свойственная только скифскому звериному стилю игра света и тени. Считается, что выработался этот прием сначала в вышивке, аппликации и резьбе по дереву. По-видимому, именно работа по дереву и натолкнула мастера на мысль о перенесении подобного приема и на другие материалы. Изображения зверей у скифов исполнялись из кости, рога, бронзы, золота, реже — из железа и серебра. Использовалась при этом самая разнообразная техника — литье, штамповка, чеканка, резьба и гравировка». Наиболее популярными у кочевников были звери, обладавшие силой и выносливостью, стремительностью и быстротой реакции, зоркостью и тонким обонянием, мощью первого удара. Подобное стремление подчеркнуть самые важные достоинства того или иного животного привело скифских мастеров к выработке еще одного оригинального изобразительного приема — *акцептированию признаков*. Некоторые части тела животного в скифском зверином стиле, как правило, преувеличены. Рога оленя по длине обычно не уступают спине животного. Огромный глаз может целиком занимать голову зверя или птицы, а часто выходит и за ее пределы. Ноздри и пасть хищника тоже преувеличиваются и также могут выступать за пределы головы, в результате чего сама ее форма бывает продиктована контуром этих деталей. То же самое можно сказать и о голове хищной птицы, состоящей из большого глаза и огромного клюва в виде крючка или даже спирали — до такого утрирования доходит изображение клюва, по природе загнутого. Когти на концах лап хищных зверей и птиц также неестественно велики.

Этой же цели служил и еще один прием, получивший название «*прием зооморфных превращений*». Суть его заключается в том, что для усиления или подчеркивания каких-либо деталей их оформляли дополнительными изображениями животных или наиболее важных частей их тел. Так, отростки рогов оленей и лосей, концы лап хищных зверей, копыта травоядных зачастую изображались в виде птичьих головок с загнутыми клювами. Иногда концы лап зверей

украшены фигурками свернувшихся в кольцо хищников. Нередко различные фигурки помещаются на бедре или лопатке животного. Для скифского звериного стиля характерен строго ограниченный набор канонических поз. Кажущееся на первый взгляд многообразие их на самом деле сводится всего к четырем; свернувшийся в кольцо хищник, животное с опущенными ногами, животное с ногами, согнутыми под углом и с поджатыми под туловищем ногами, лежащими одна на другой. Птицы обычно изображаются с раскрытыми крыльями. «Животные, выполненные в кано́нах скифского звериного стиля, — отмечает Е.В. Переводчикова, — как правило, изолированы от окружения. Они

Илл. 98. Золотая бляха в виде пантер\ Курган у ст. Келермесской, VII в. до н.

существуют сами по себе, не имея никакого фона и крайне редко образуя сюжетные сцены. Более того, эти животные не только оторваны от окружения, но и не связаны никаким действием».

Еще в 20-х гг. прошлого века известный российский археолог Г.И. Боровка, один из крупнейших специалистов по скифскому звериному стилю, обратил внимание на особенность позы тех оленей (а олень — самый популярный мотив в скифском искусстве), которые показаны, на первый взгляд, стоящими. В действительности же их ноги не стоят на земле - они скорее «свешиваются» вниз, так что фигурка производит странное впечатление «парящей» в воздухе. Еще одна поза оленя в скифском зверином стиле — с подогнутыми ногами — и сейчас вызывает много споров; чаще всего таких оленей называют «летащими», имея в виду, разумеется, не полет как таковой, а определенную стадию прыжка. Однако, когда зоологи с помощью киносъёмки проследили последовательность поз оленя, движущегося в галопе, выяснилось, что запечатленная в скифских изображениях поза ему вообще не свойственна. Не более понятны в этом смысле и свернувшиеся в кольцо хищники — ведь в природе данная поза характерна для спящих животных, а в скифском искусстве они

представлены фигурами с широко открытым огромным глазом. Эти наблюдения позволяют полагать, что скифские мастера изображали зверей не в каком-либо конкретном действии (например, прыжке), а, скорее, пытались передать некие канонические формы. Едва ли поэтому следует говорить о стоящих, лежащих, скребущихся зверях — перед нами совершенно определенный способ изображения животных, отличающий произведения скифского звериного стиля от любых иных зооморфных изображений.

Сюжетные сцены — речь идет о так называемых сценах борьбы зверей и сценах терзания — появляются в скифском искусстве относительно поздно, илл. 24, лишь в конце V в. до н.э. И в них уже вполне осязаемо чувствуются греческие

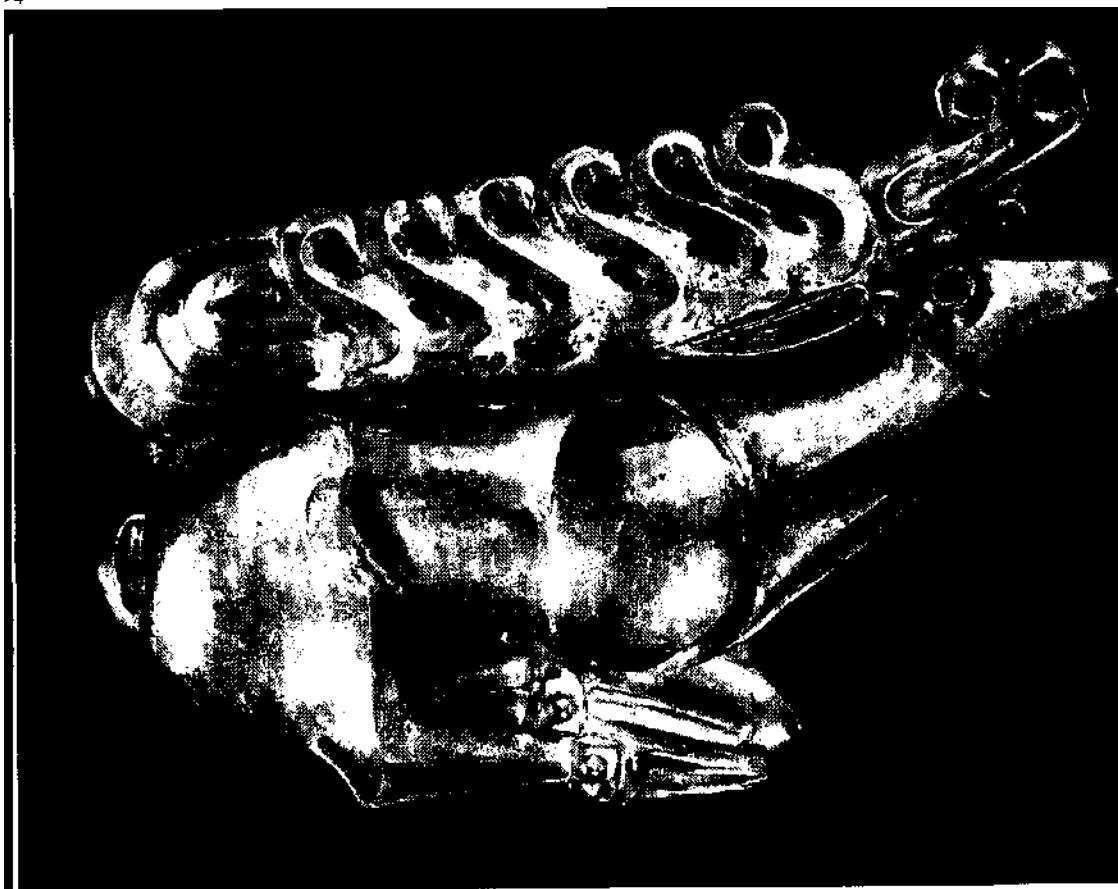
На протяжении своего многовекового существования (VII-III вв. до н.э.) скифский звериный стиль подчинялся единым законам и руководствовался общими изобразительными приемами. И, тем не менее, в его развитии ученые прослеживают два больших этапа — ранний (VII-VI вв. до н.э.) и поздний (V~IV вв. до н.э.). Для изображений раннего этапа характерны, прежде всего, определенный реализм, целостность образа, стремление мастера приспособить мотив к форме вещи, свободное размещение фигур в пространстве, лаконичность и редкость сюжетных сцен.

Излюбленные образы этого времени — баран, грифо-баран, хищники семейства кошачьих, лось, орел, лошадь, горный козел.

Более поздний этап отличается усилением схематизма, перенесением акцента на форму украшаемой вещи, меньшим лаконизмом, появлением сюжетных сцен и растительных мотивов, увеличением пышности в орнаментации («скифское барокко»). Преобладают изображения львов, горных козлов, кабанов, появляются волки и медведи, а место грифо-барана прочно занимает заимствованный из эллинского искусства крылатый орлиноголовый грифон. К концу этого этапа влияние греков настолько усиливается, что скифский звериный стиль иногда называют даже греко-скифским. Правда, это характерно не для всех областей Скифии.

Создается впечатление, что звериный стиль имел чисто декоративный характер — ведь все изображения животных, независимо от материала, в котором они созданы, украшали вещи, использовавшиеся как в быту, так и в ритуальных целях. В основном, изображения в зверином стиле встречаются на предметах, жизненно важных для скифов-воинов: оружии, конской сбруи, вещей культового назначения, одежде и личных украшениях (они же — предметы, отражающие социальный статус, престиж данного человека: гривны, серьги, пекторали, браслеты, перстни и др.). Особенно много звериных образов и сюжетов использовалось для оформления узды боевого коня: здесь были задействованы практически все мотивы и персонажи, включая рыб и змей, а также сцены терзания копытных хищниками.

>4

Илл. 99. Золотая бляха в виде оле) Курган у ст. Костромской, VII-VI вв. до т

Чем же руководствовались кочевники, помещая изображения зверей и птиц на свои вещи? Прежде всего, важно отметить, что звериный стиль, как и вся скифская культура, был новообразованием, появившимся на обширных пространствах степей Евразии не позднее VII в. до н.э., и нет никаких сомнений в том, что он отражал идеологические воззрения именно ранних кочевников.

Скифы, как и их соседи, украшали свои вещи (костюм, оружие и конскую сбрую, предметы туалета и культа) стилизованными изображениями животных. Зооморфные образы, без сомнения, были навеяны пережитками тотемических верований, но главный смысл скифского звериного стиля - сакрально-магический.

Скифские мастера особо выделяют те органы животных и птиц, которые символизируют зоркость и остроту слуха, силу, ловкость и смелость в борьбе, - глаз, ухо, рога, зубастую пасть, клюв, когтистые лапы. Тело зверя иногда

заполняется фигурами других животных или их частями, подчеркиваются мускулы шеи и плеча. Все перечисленные особенности стиля типичны для искусства раннекочевых обществ на обширных степных пространствах Евразии от Дуная до Северного Китая. Это лишний раз подтверждает общие корни происхождения звериного стиля в VII-III вв. до н.э., возникшего и развивавшегося у многих племен степи и лесостепи с близкими идеологическими представлениями и образом жизни.

Итак, главное функциональное назначение звериного стиля — сакрально-магическое. Ведь изображаемые животные воплощали черты, так необходимые и высоко ценимые кочевниками вообще и скифами в частности. В представлениях многих народов древности образы некоторых зверей или наиболее характерных частей их фигур символизируют перенесение присущих им черт на владельца изображения. Конь воина должен был, таким образом, «лететь быстрее лани», меч и копье разить врага, словно смертоносный удар лапы льва или клюва орла. Кроме того, скифы верили в охранительные свойства предметов с изображениями зверей и птиц, призванных устрашать и отпугивать как врагов, так и злых духов и, тем самым, оберегать хозяина данной вещи. Это были своего рода обереги-талисманы.

Однако с недавних пор некоторые ученые, не отрицая магического значения скифского искусства, отдают предпочтение мифологическому его истолкованию, хотя это мифологическое содержание понимается по-разному. Тем не менее они считают звериные образы инкарнациями (воплощениями) различных богов, героев и мифологических персонажей. Классический пример архаического представления о божестве у древних иранцев (а скифы, по всеобщему признанию, относились по языку и культуре к северной ветви обширного иранского мира) — многократные зоо- и антропоморфные превращения бога Веретрагны в «Авесте». Точно так же сцены терзания хищниками травоядных и сцены борьбы зверей находят свое объяснение среди дуалистических воззрений индоиранских народов древности. Наиболее распространенное толкование этих сюжетов — непрерывность жизненного цикла и возрождение через уничтожение и смерть. Требуется своего объяснения и ограниченность репертуара звериных образов, воплощаемых скифскими мастерами в своем самобытном искусстве. Почему из всего богатства окружающего их мира живой природы они упорно отбирали лишь строго ограниченный ряд животных и птиц? Здесь, видимо, важную роль играло то, что в зооморфное оформление различных предметов скифы часто вкладывали и свои представления о строении мира. «Многие древние народы, в том числе и ранние кочевники евразийских степей, — отмечает Е.В. Переводчикова, — мыслили Вселенную разделенной по вертикали на три мира: верхний (небесный), средний (принадлежащий людям) и нижний (подземный). Такое представление о мироздании условно называется „концепцией мирового древа“, потому что каждое дерево растет вертикально и при этом имеет крону, ствол и корни, т. е. три части, по размещению в пространстве соответствующие тем самым трем зонам, о которых только что шла речь». В древности существовали разные способы символического обозначения трех зон мироздания. И один из них, пожалуй, самый распространенный, был основан на зооморфном «языке», или коде, согласно которому верхний мир связан с птицами, средний — с копытными животными, а нижний — с рыбами и пресмыкающимися. Взглянув на скифский звериный стиль сквозь призму этой концепции, мы получим объяснение репертуара его образов. В самом деле, здесь представлены три группы изображений: птицы, копытные и хищники. При этом скифский зооморфный код отличается от универсального лишь тем, что нижний мир обозначен наряду со змеями и рыбами, также и хищными зверями».

Среди персонажей скифского звериного стиля встречаются животные, как бы объединяющие собой разные миры, — это так называемые медиаторы. В скифской мифологии роль посредника-медиатора выполнял, в частности, кабан. Он подходил для такой роли из-за своей двойной природы: с одной стороны, это копытное животное, питающееся желудями, а с другой — плотоядный и опасный для человека зверь, родственник хищникам. Поэтому неудивительно, что древнее сознание отдало ему роль посредника между нижней (загробной) и средней (живой, обитаемой людьми) зонами мироздания.

Итак, в скифском зверином стиле посредством образов зверей выражались определенные

идеологические представления, т. е. образ животного или птицы выступал как элемент кода, обладающий определенным значением. При подобном подходе к скифскому искусству его можно представить как своего рода язык, а его произведения изучать как тексты, составленные на таком языке.

Чтобы не утомлять читателя дальнейшим изложением многочисленных и трудноразрешимых научных проблем, связанных со скифским звериным стилем, перейду к рассказу о наиболее значимых реальных образцах этого стиля, начиная с самых ранних.

К периоду скифской архаики относится ряд курганов VII — начала VI вв. до н.э. на Северном Кавказе. Это погребения представителей военно-аристократических кругов Скифии у станиц Келермесской и Костромской, и Ульс-кого аула. Все они были раскопаны в начале XX в. и далеко не всегда с соблюдением самых элементарных правил научной полевой методики.

В 1903 г. некто Д.Г. Шульц, именовавший себя «горным техником», совершенно варварским способом раскопал, фактически разграбил, четыре кургана с богатейшими погребениями близ ст. Келермесской (современный Ги-

гинский р-он Краснодарского края). Часть вещей он отослал в Петербург, в Археологическую Комиссию (они хранятся сейчас в золотой кладовой Государственного Эрмитажа), а часть переплавил в слитки и продал. Из первого кургана происходит скифский железный меч в ножнах, покрытых золотом, и парадная секира с золотой обкладкой рукояти.

Рассмотрим сначала ножны меча. В верхней части золотой пластины и на перекрестье рукояти имеется стилизованное изображение священного дерева, по обеим сторонам которого стоят крылатые человеческие фигуры (гении), держащие в руках плоды. Между ними и «древом жизни» помещены два хвойных дерева. На боковой лопасти, служившей для подвешивания ножен к поясу, представлен олень с подогнутыми ногами и запрокинутыми на спину большими стилизованными рогами — в чисто скифском стиле. По всей длине пластины изображено шествие фантастических существ с туловищами быков и львов, с головами грифонов, львов и баранов и с крыльями в виде рыб. У первого зверя с туловищем льва и головой грифона есть еще и большие козлиные рога; у пятерых прочих монстров чуть ниже головы изображены человеческие руки, в которых сжат натянутый лук со стрелой. На окончании ножен помещены в геральдической позе два льва с оскаленными пастьями. Изображения на ножнах исполнены в целом в чисто переднеазиатском (ассирийском) стиле, хотя орнамент рукояти отражает и влияние искусства Урарту.

На золотой обкладке рукояти секиры и самого железного топорика мы снова встречаем изображения в древневосточном стиле, сочетающиеся со скифскими зооморфными мотивами. Здесь опять представлено «древо жизни», но по сторонам его показаны не гении, а стоящие вертикально, на задних ногах, козлы. На обкладке самого топорика даны отдельные человеческие фигуры в молитвенной позе с поднятой правой рукой. Рукоятка украшена разнообразными, главным образом, лежащими животными — львами, пантерами, оленями, антилопами, козлами и др. Среди них имеются фигуры кабана и фантастического зверя. Предметы эти, в которых так причудливо сочетаются элементы переднеазиатского и скифского искусства, — прямой результат успешных походов скифов в Переднюю Азию. По мнению нескольких маститых ученых, при ставке верховного предводителя конных скифских орд, находившейся, видимо, в районе оз. Урмия, в Закавказье, работали по заказам победителей плененные мастера из Ассирии, Вавилонии, Урарту и других ближневосточных областей. Вполне естественно, что они учитывали вкусы своих новых хозяев, но, тем не менее, работали в тех рамках художественного ремесла, которые были им знакомы. К украшениям предметов вооружения относится знаменитая золотая бляха в виде пантеры и большая прямоугольная золотая пластина, служившая обивкой футляра для лука и стрел (горита). Поверхность пластины разделена на 24 квадрата (по три в каждом из восьми рядов),

Илл. 100. Фигг пантеры. Золо, Курган у с. Келермесси VII в. до

Илл.

в которых помещено по изображению оленя в характерной для скифского искусства позе — с подогнутыми ногами и огромными стилизованными рогами, лежащими вдоль спины. Фигуры всех оленей выбиты одним и тем же штампом. Вертикальные края пластины обрамлены маленькими фигурками пантер (по 16 на каждой стороне) (илл. 63).

Похожее изображение пантеры мы видим и на большой золотой бляхе, служившей, видимо, украшением щита какого-то военачальника или вождя. Фигура идущего зверя выполнена в высоком рельефе чеканом с оборотной стороны. Шея у хищника вытянута, он будто принохивается. Миндалевидное ухо разделено треугольными вставками; глаз инкрустирован белой и серой эмалью, а зрачок — коричневой; ноздри заполнены белой пастой. На концах лап и по хвосту идут дополнительные изображения свернувшегося хищника кошачьей породы. Эта пантера по своему художественному исполнению, экспрессии и реализму по праву занимает ведущее место среди лучших образцов раннего скифского звериного стиля.

В другом Келермесском кургане был найден бронзовый литой шлем кубанского типа, на который, по словам Шульца, была надета золотая диадема. Она представляет собой ленту, украшенную фигурками сидящих птиц, чередующихся с розетками. Кроме этой диадемы, были найдены еще две в виде золотых лент, украшенных розетками. Одна из них имеет в центре скульптурную золотую фигуру грифона, изображавшегося очень часто с головой хищной птицы. К нижнему краю диадемы подвешены каплевидные привески, а к концам ленты — длинные цепочки, оканчивающиеся головами баранов.

Одним из самых замечательных предметов из Келермеса является, бесспорно, металлическое зеркало. Оно представляет собой массивный литой серо-Илл ребристый диск диаметром 17 см. Лицевая сторона предмета была отполирована до зеркального блеска. На оборотной стороне, в центре, сохранились остатки ручки в виде двух вертикальных столбиков. Вся тыльную поверхность зеркала покрывал золотой лист, украшенный целой системой орнаментов и фигур. На сравнительно небольшой площади диска сконцентрированы 24 фигуры, одиночные или соединенные в группы. По сюжету сцены делятся на мифологические и изображения реальных зверей, причем те и другие чередуются между собой. Главная фигура всей композиции — восточная богиня «Великая мать», «Владычица зверей» Кибела, которая олицетворяла жизненные силы природы. Богиня изображена крылатой, стоящей во весь рост, в длинной одежде. В каждой руке она держит по пантере. На втором (справа) соседнем поле представлено изображение льва терзающего быка; под ними видна фигура

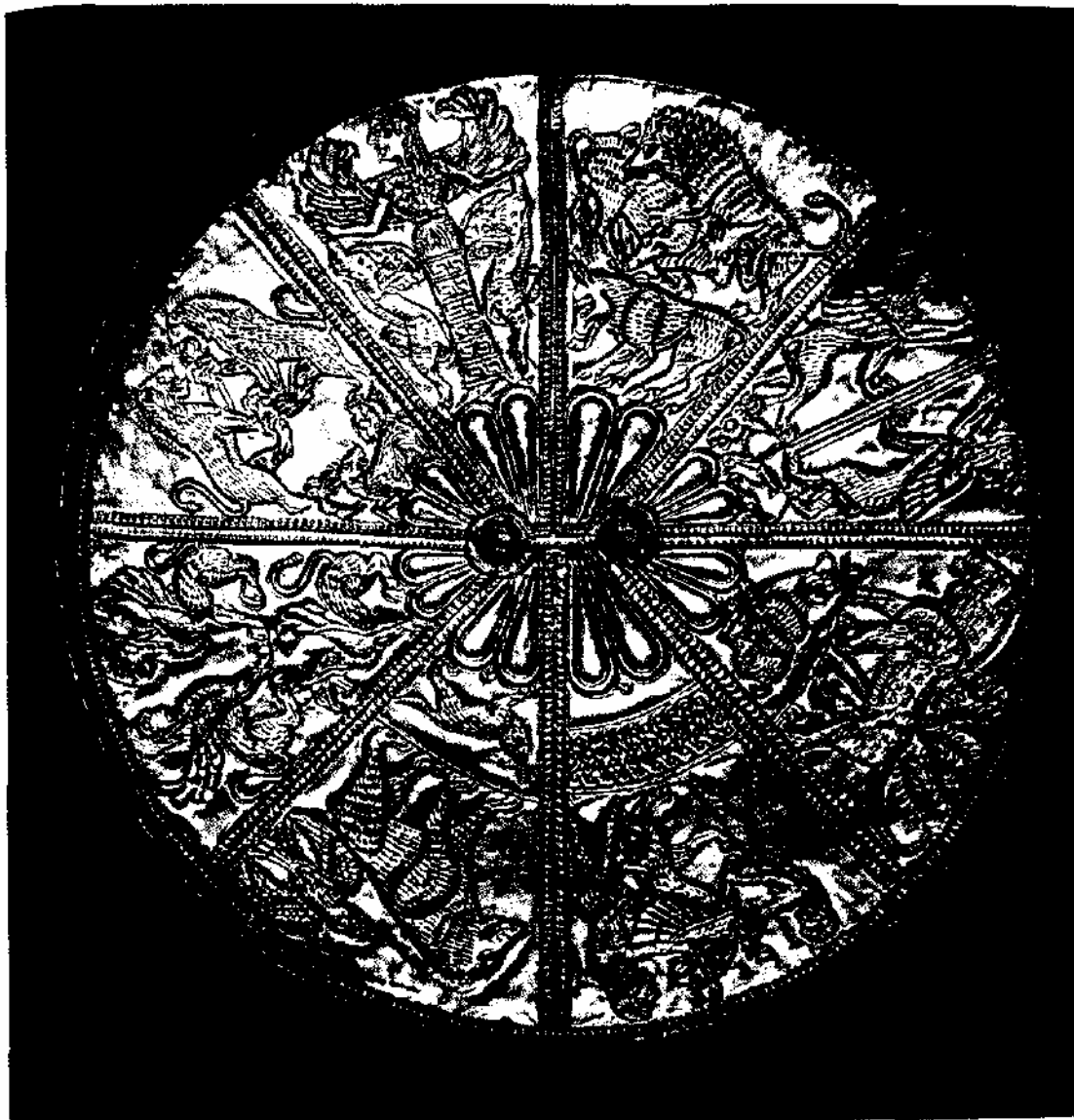
за 8. СКИФСКОЕ ИСКУССТВО
ра кабана. В третьем секторе находятся две геральдические крылатые фигуры сфинксов — мифических существ с туловищем льва и женской головой, стоящие по сторонам колонны, а под ними помещен хищник кошачьей породы. Далее мы видим превосходное изображение идущей львицы и лежащего горного барана. На пятом поле двое мужчин борются с крылатым орлиноголовым грифоном. На шестом поле изображен медведь, над ним летящая птица, а внизу — бегущая лиса. На седьмом мы видим двух, сидящих друг против друга, сфинксов и под ними грифона. Наконец, на восьмом поле показаны два стоящих друг против друга в геральдической позе льва, а под ними фигура припавшего к земле горного козла.

Таким образом, общий религиозно-магический смысл изображений на этом зеркале ясен: центральное место занимает здесь «Великая богиня-мать» среди подчиненных ей зверей и мифических существ. По своей форме зеркало типично скифское, а стиль украшавших его мотивов — восточно-греческий, ионийский.

Из находок Келермесских курганов отдельного внимания заслуживают золотые и серебряные ритуальные металлические сосуды, прежде всего, великолепный серебряный с позолотой ритон с гравированными изображениями, которые по стилю, а отчасти и по сюжету очень близки оформлению упомянутого выше серебряного зеркала. Келермесский ритон дошел до нас не полностью: сохранились средняя изогнутая часть и раструб верхней. На раструбе представлен фриз с фигурами дрофы и двух козлов. На изгибе сосуда изображена богиня Кибела с грифонами: она показана бегущей, с широко распростертыми крыльями за плечами и маленькими крылышками на ногах; в каждой руке она держит по крылатому грифону. На прямой части ритона идет третья полоса изображений. Здесь почти полностью сохранилась фигура кентавра — получеловека-полуконя. Можно также различить скачущего всадника, льва и Геракла, борющегося со львом.

В Келермесском кургане найдена также уникальная золотая чаша с фигурами птиц и животных. Чаша сделана из тонкого листового золота с чеканным изображением, выполненным таким

образом, что на внутренней стороне чаши оно образует рельеф. Поверхность покрывают изображения животных и птиц, расположенные в трех уровнях. В верхнем ряду представлены 14 бегущих друг за другом дроф с распушенными крыльями. Средний ряд занят сценой отдыха оленей и коз, прерванного нападением льва. В нижнем ряду мы видим 5 лежащих оленей, козлов и кабана. На дне сосуда сделана многолепестковая розетка. В целом, стиль изображений животных на чаше заметно отличается от скифского, он ближе скорее ассиро-вавилонскому искусству. Это лишь самые выдающиеся находки из Келермесских курганов, добытые кладоискательскими раскопками «техника» Шульца. Но список обнаруженных там вещей далеко не исчерпывается. Очень бегло упомяну лишь

Илл. 101. Серебряное зеркало. Курган у ст. Келермесской, VII в. до н.э.

несколько из них, имеющих прямое отношение к раннескифскому искусству: золотая круглая пластина с изображением лежащей лошади; золотая палочка-застежка от горита с головами баранов на концах; золотая пластина с фигурами четырех оленей, служившая, видимо, дном горита; золотой наконечник в виде оленя; бронзовый котел с ручками, украшенными фигурками козлов; бронзовые с позолотой пряжки-пронизи в виде орлиных головок от уздечного набора; бронзовые прорезные навершия с головами грифонов наверху.

Келермесские курганы относятся к VII в. до н.э. (вторая половина и конец столетия). Этой эпохой датируется и великолепная золотая массивная бляха в виде оленя, украшавшая центр круглого

железного щита, найденная 1 лл. 99 петербургским археологом Н.И. Веселовским в 1897 г. в кургане у ст. Костромской. Олень изображен лежащим, с подогнутыми ногами и вытянутой вперед головой на длинной шее. Преувеличенно удлиненные и стилизованные рога запрокинуты назад и покрывают всю спину. Шея животного напряженно вытянута, голова приподнята. Кажется, будто его чуткие, вздрагивающие ноздри чувствуют надвигающуюся опасность. Круглый глаз широко раскрыт, а мускулы шеи и туловища так напряжены, что создается впечатление стремительного и легкого движения.

Костромской олень — самый ранний экземпляр подобного рода из известных в Северном Причерноморье — стал прообразом для всех последующих бесчисленных воплощений этого самого популярного мотива скифского искусства в золоте, серебре и бронзе.

Рядом с Келермесским и Костромским курганами находится и курганный группа аула Уляп (бывший Ульский аул Адыгейской автономной обл.), получившая в археологической литературе название «Ульских курганов». Всего их десять — вытянутых в цепь земляных насыпей. Девять из них в три приема, в 1898, 1908 и 1909 гг., раскопал профессор Н.И. Веселовский. Ульские курганы, кстати, все основательно ограбленные еще в древности, относятся в основном к VI в. до н.э. В самом большом из них (высота его достигала 15 м) под насыпью, на уровне древнего горизонта было обнаружено сложное деревянное сооружение с шатровым перекрытием из бревен. Основное погребение оказалось полностью опустошенным грабителями, но в грабительском ходе удалось найти золотую пластину от обивки горита со штампованным изображением двух грифонов, нападающих на горного козла. Но самое впечатляющее открытие в этом кургане — находка за пределами центральной гробницы захоронений 400 лошадей! Такое количество погребенных со знатным покойником скакунов представляет собой для Прикубанья эпохи скифской архаики, явление совершенно исключительное и уникальное. Больше оно не повторилось ни-

СКИФСКОЕ ИСКУССТВО

когда и нигде, кроме деревянной гробницы кургана Аржан в далекой Туве. И это VIII в. до н.э. Как объясняет известный российский археолог М.П. Грязнов, копавший Аржан, эти сотни лошадей вряд ли принадлежали лично погребенному. Скорее, можно предполагать, что принесенные в жертву табуны служили своего рода подношением умершему вождю или царю от зависимых родов и племен.

Обильные (хотя и не столь массовые, как выше описанное) конские захоронения были открыты и в остальных восьми курганах. Вместе со скелетами лошадей найдены железные псалии и удила, налобники, бронзовые бляхи и колокольчики для украшения узды. Особенно интересны серебряные псалии, оканчивающиеся большими птичьими головами и покрытые резными фигурами других животных — пантеры, оленя, барана, зайца. В двух случаях археологи обнаружили возле лошадей бронзовые прорезные навершия: одно конусовидной формы, с головой грифона наверху; три грушевидных, увенчанных головой быка с огромными рогами; и два совершенно оригинального типа — в виде массивной пластины, представляющей стилизованную птичью голову с сильно изогнутым клювом. Довольно много было найдено и золотых нашивных бляшек с изображениями льва, орла, лежащего оленя в характерной позе с подогнутыми ногами и длинными стилизованными рогами, барана и пантеры. Необходимо отметить также очень интересный золотой полый колокольчик в виде головы лошади с фигурками зайчиков на месте ноздрей и обрамленный полосой золота, инкрустированной янтарем.

Таковы находки из самых ранних скифских курганов Северного Кавказа. В них были похоронены представители кочевой знати, вожди-военачальники, цари. Большинство исследователей считает эти пышные захоронения, безусловно, скифскими, хотя существует и мнение о том, что Келермесские, Костромские и Ульские курганы принадлежат меотам или их предкам. Но сторонников подобного мнения пока немного. Известно, что в VII в. до н.э. скифы, совершая походы через Закавказье в Переднюю Азию, неминуемо должны были пройти через степи Предкавказья. И они не только здесь прошли, но и прочно и надолго обосновались, превратив северокавказскую территорию в опорную базу и главный свой центр для завоеваний в странах Ближнего Востока. Отсюда вполне объясним и общий характер находок из этих курганов. Здесь и трофеи — вещи «древневосточного» (ассирийско-вавилонского и урартского) типа, и предметы смешанного скифо-переднеазиатского стиля (продукция пленных ремесленников по заказам их скифских хозяев), и, наконец, чисто скифские произведения.

Но Скифия не ограничивалась только регионом Северного Кавказа. Курганные погребения победоносных скифских воинов и вождей (с явными признаками их пребывания в Передней Азии) есть и в степном Приднепровье.

Это — знаменитый Мельгуиовский (Литой) курган, расположенный в верховьях реки Ингулец. К сожалению, описание процесса раскопок этого интереснейшего погребального памятника очень невразумительно. В насыпи, вблизи вершины, была обнаружена каменная антропоморфная стела, скорее всего, скифская, но ее изображения не сохранилось. Близ основания насыпи залегала масса обожженной и отшлакованной земли и угли — очевидно от сожженной наземной деревянной гробницы. Курган ограбили еще в древности, так как вещей в самой гробнице не обнаружено. Но к западу от центра насыпи, на глубине около 2 м от поверхности, был найден каменный ящик, в котором лежали меч в ножнах с золотой обивкой, выполненной в зверином стиле с перднеазиатскими и скифскими мотивами, золотая диадема (аналог келер-месским диадемам), 17 золотых блях в виде орла, вероятно, украшавших парадный пояс, серебряные части от ассирийского дворцового табурета, а также бронзовые скифские наконечники стрел архаического типа. Особенно иппере-лл. 4 сен здесь меч. Он — почти точная копия меча из Келермесских курганов, па что обратил внимание еще М.И. Ростовцев. Рукоять оружия сохранилась плохо, но, тем не менее, поддается реконструкции. По золотому листу обкладки изображены священное дерево и цветы лотоса. Перекрестье аналогично клср-месскому и в его крыльях с каждой стороны представлены фигуры горных козлов, лежащих с поджатыми ногами и повернутой назад головой, увенчанной рогами. Над их крупами помещено по розетке. Между козлами, видимо, находилось когда-то «дерево жизни» (есть слабые его следы, кроме того, священное дерево присутствует на обкладке похожего меча из Келермеса). Орнамент ножен м ел ъгу невского меча также тождественен келермесским ножнам. Их устье украшено -«древом жизни» и стоящими возле него божествами, которые держат в руках либо скипетр, либо ветку с плодом. На боковой лопасти размещен орнамент в виде 12 стилизованных головок хищных птиц. В нижней части лопасти изображен олень. В средней части ножен — процессия фантастических чудовищ с луками и стрелами, вместо крыльев у них рыбы. На окончании — фигуры двух львов в геральдической позе. Фигуры монстров, по мнению многих ученых (Б.Б. Пиотровского, К.В. Тревера, Е.В. Черненко), выполнены в традициях художественного стиля Урарту. По, тем не менее, академик-востоковед Б.Б. Пиотровской от мечал, что «было бы ошибкой считать эти золотые ножны (мельгуновские и келермесские. — В.Г.) из скифских курганов урартскими изделиями, случайно попавшими в Скифию. На них наряду с изображениями явно древневосточного характера имеются элементы несомненно скифского стиля: фигура оленя и орнамент в виде сильно стилизованных птичьих голов на боковом выступе акинака, обтянутые тем же листом (золотым. — В.Г.), что и сами ножны...». И, в конечном счете, ученый приходит к важному выводу о том, что оба меча «или делались скифами под влиянием

Илл. 102. Сцены терзав с серебряной вазы. Курган Чертомл

образцов урартского (или вообще древневосточного) искусства, или же изготовлялись для скифов в кавказских районах, где урартская культура была еще жива». На мой взгляд, более вероятен второй вариант.

К числу самых ранних скифских памятников с предметами звериного стиля относится и курган на Темир-Горе к востоку от города Керчи (раскопки 1870 г.). Под высокой, свыше 8 м, насыпью кургана была вскрыта большая могильная яма с закругленными углами, вырубленная в скалистом грунте (размеры 3х4 м и 1,4 м глубины). В нарушенной грабителями гробнице найдены следующие предметы: великолепная расписная греческая ойнохоя* так называемого родосско-ионийского стиля второй половины VII в. до н.э., костяной Им. по наконечник в виде головы хищной птицы (скорее всего орла), костяное украшение в виде свернувшегося в кольцо хищника кошачьей породы, восемь костяных гвоздиков для крепления обшивки горита и бронзовая с золотой плакировкой застежка от него. Курган на Темир-Горе относится, судя по греческой керамике, к началу второй половины VII в. до н.э. Комплекс скифских вещей, в том числе и изделия во вполне развитом скифском зверином стиле, подтверждают идею о том, что скифская культура полностью сложилась уже во время переднеазиатских походов номадов.

Очень интересен курган около города Константиновска-на-Дону. В нем открыта квадратная яма 3х3 м и глубиной 2,25 м, окруженная рвом. В яме обнаружены остатки деревянного столбового

склепа с деревянным же перекрытием, сожженным при похоронах. Погребенный лежал на правом боку, головой на запад. У южной стены, в небольшом подбое находились большая сероглиняная корчага и кости быка от напутственной пищи. Могила ограблена, но в засыпке ее удалось найти части ножен кинжала или меча — бронзовый наконечник и крупная костяная накладка с резными изображениями оленей. Во рву обнаружены два конских черепа, каменное блюдо и разбитый глиняный лепной горшок. О раннем возрасте погребения свидетельствует костяная бляха с оленями, композиционно похожая на ярусные изображения на «олен-ных камнях» из Центральной Азии (VIII-VII вв. до н.э.).

В кургане около с. Константиновка (раскопки П.Д. Либерова, 1949), во «впускной» могиле со скелетом, лежащим головой на запад, находились бронзовые удила с концами в виде стремян, костяные псалии с тремя отверстиями и две бронзовые бляшки в виде свернувшихся в кольцо хищников. Возраст захоронения - конец VII-VI вв. до н.э.

Итак, мы установили на конкретных примерах факт появления уже сложившегося скифского звериного стиля в Северном Причерноморье и Предкавказье в VII — начале VI вв. до н.э. Тем уместнее поставить вопрос о происхожде-

* **Ойнохоя** — греческий **сосуд** для смешивания вина с водой.

дении этого стиля, о его прародине. Откуда взялся скифский звериный стиль? Это вопрос, над которым ломали головы многие поколения ученых, но так и не решили его до конца. Между тем, звериный стиль — наиболее яркое явление в скифской культуре, к тому же, он составляет одну из наиболее важных черт скифской триады (предметы вооружения, конской сбруи и изделия с изображениями животных и птиц). Сейчас все больше появляется доводов в пользу того, что звериный стиль — это новообразование, возникшее на бескрайних просторах степей Евразии в VII-VI вв. до н.э. Попытки найти его корни в местных культурах предшествующего времени в Северном Причерноморье успеха не имели. Действительно, это искусство появляется неожиданно, в готовом виде и четко организованным в единую систему. Искусство степи эпохи поздней бронзы и раннего железного века до скифов не знает ни самих зооморфных образов, ни тем более стиля, в котором они воплощены. Здесь тогда господствовали разного рода геометрические орнаменты, в изобилии представленные и на керамике, и на снаряжении коня. При взгляде на образцы этого доскифского искусства даже не искушенный человек поймет: не здесь следует искать истоки скифского звериного стиля.

В течение нескольких столетий Скифия существовала бок о бок с целым созвездием северопричерноморских греческих городов-колоний, оказавших на культуру варваров огромное влияние. Именно на этой основе родилась гипотеза о происхождении скифского звериного стиля под прямым воздействием эллинского искусства Ионии, впитавшего в себя и ряд ближневосточных традиций. Автором этой концепции стал выдающийся русский ученый, крупнейший специалист по археологии эпохи античности, главный исследователь Ольвии — Борис Владимирович Фармаковский. Ученый нашел в произведениях ионийских греков (а они же и главные основатели греческих колоний в Северном Причерноморье) целую группу изображений животных, которые вполне могли служить прототипами звериного стиля у скифов. Однако, поскольку мотивов, полностью совпадающих со скифскими, в искусстве Ионии не нашлось, гипотеза Б.В. Фармаковского не получила всеобщего признания.

М.И. Ростовцев, в свою очередь, решительно высказывался за то, что скифское искусство сформировалось в Передней Азии, во время переднеазиатских походов кочевников, и что оно — побочная ветвь урартского и древнеиранско-го художественных стилей.

Появлялись и другие предположения о происхождении скифского звериного стиля. Так, характерная для скифского искусства моделировка поверхности тела животного сходящимися плоскостями наводила на мысль о том, что этот прием изображения происходит от техники резьбы по дереву. И тогда в 30-е гг. XX в. отечественный археолог Д.П. Эдинг объявил, что и прототипы скифского искусства следует искать в лесах и болотах Урала, где стоянки эпохи неолита на торфяниках благодаря прекрасной сохранности органики донесли до нас целую серию фигур зверей и птиц, изготовленных из дерева. Но неолит отделен от раннего железного века целыми тысячелетиями, да к тому же «торфяниковые» модели животных не имеют абсолютно ничего общего по стилю со скифским бестиарием.

Английский исследователь Э. Миннз, работавший в начале прошлого века в тесном контакте с учеными России, предложил совершенно иной путь для поисков прародины скифского звериного стиля. В качестве «нити Ариадны» он взял зоологию, совместив на одной карте область обитания северного оленя и зону распространения фигур оленя, выполненных по канонам скифского искусства (в том числе в Южной Сибири, в Хакасии). Обе области пересеклись на сибирской территории, и

именно ее англичанин объявил прародиной искусства Скифии. Но зоологи вскоре пояснили, что северный олень не имеет никакого отношения к оленю скифскому, поскольку в искусстве кочевников Евразии изображался только благородный олень.

Следующий шаг в освещении проблем, связанных с происхождением скифского звериного стиля, сделал российский археолог Г.И. Боровка. Он утверждал, что искусство скифов не связано сколько-нибудь ощутимо ни с греческим (ионийским, VII-VI вв. до н.э.), ни с иранским искусством, а имеет сугубо местные корни. Сопоставляя скифские изделия с зооморфными вещами из Сибири и Приуралья, он пришел к выводу, что их общие истоки лежат в культурах эпохи неолита и бронзы севера Евразии, прежде всего — племен охотников и рыболовов. Словом, опять мы видим здесь «сибирский след».

Михаил Иванович Ростовцев в последней своей крупной работе о скифском зверином стиле (монография «Звериный стиль» на английском языке, вышедшая в Принстонс в 1929 г.) также высказался за местное происхождение скифского искусства, но исходную его основу предлагал искать не в Сибири, а в Центральной Азии. И, как мы увидим позже, оказался, как и во многих других случаях, абсолютно прав,

Находки в иранском Курдистане в 1947 г. около села Зивие («клад из Зивие», о котором уже шла речь) вновь всколыхнул ученый мир. Первоначальная дата для золотых изделий «клада» — IX-VIII вв. до н.э. — вдохнула новую жизнь в гипотезу о переднеазиатском происхождении скифского искусства.

Особенно активным ее защитником в нашей стране был М.И. Арта-

Илл. 103. Золотая оковка деревянного сосуда со сценой терзания (лев терзает горного козла). Курган №8 группы курганов «Семь братьев», V в. до н.э.

27 &

монов. По его мнению, скифы заимствовали звериный стиль на Ближнем Востоке и принесли его с собой в Северное Причерноморье в VI в. до н.э. Одновременно этот стиль из Ирана передали в Среднюю Азию и Южную Сибирь родственные скифам племена саков, благодаря чему скифское

искусство распространилось по всей степной Евразии. Однако более тщательные хронологические подсчеты показали, что золото из Зивие следует отнести ко времени не ранее середины — конца VII в. до н.э. и, следовательно, вопрос о наиболее древнем очаге искусства скифов опять «повис в воздухе». Кроме того, академик Б.Б. Пиотровский привел ряд доказательств, из которых вытекало, что скифы, появившиеся впервые в Передней Азии в 60-е гг. VII в. до н.э., пришли туда со своим, уже полностью сформировавшимся художественным стилем.

Сейчас известно, что «клад» из Зивие представляет собой комплекс вещей, происходящих из гробницы скифского царя конца VII в. до н.э. Среди золотых и серебряных предметов ассирийского, урартского и манейского происхождения значительное место занимают изделия, выполненные в духе скифского искусства. Последние, как отмечает известный французский исследователь Р. Гиршман, по своему стилю и образам совершенно чужды переднеази-атским культурным традициям.

Выдающимся событием в скифоведении стали раскопки «царского» кургана Аржан в Туве (в той самой Центральной Азии, о которой как о прародине искусства скифов говорил М.И. Ростовцев) в 1971-1974 гг., где были найдены древнейшие предметы скифо-сибирского звериного стиля VIII в. до н.э. Этот памятник имеет принципиальное значение. По сути дела, он ставит точку в затянувшемся споре об истоках скифской культуры и скифского искусства. Они зародились и сформировались в среде ранних кочевников Центральной Азии, в период, непосредственно предшествующий появлению скифов в степях Северного Причерноморья. «С открытием „царского“ кургана Аржан в Туве, — пишет А.И. Тереножкин (главный сторонник „центральноазиатской“ гипотезы происхождения скифов), — проблема происхождения скифской культуры, искусства и самих скифов может считаться в общих чертах решенной. Установлено, что их родину следует искать в глубинах Азии, а не в Северном Причерноморье и не в Передней Азии».

Два этапа развития

Ученые выделяют обычно в развитии скифского искусства два больших этапа или периода: ранний (или архаический) — вторая половина VII-VI вв. до н.э.; и поздний (или классический) — V-IV вв. до н.э. Иногда конец VI — первую половину V вв. до н.э. относят еще к переходному этапу. Об архаических

280

образцах скифского звериного стиля речь уже шла выше. Поэтому обратимся к классике искусства Скифии.

Изменения в скифской материальной культуре, произошедшие на рубеже VI — V вв. до н.э., проявились и в зверином стиле. Скифское искусство, попав под сильное влияние античного мира, изменяется настолько, что его уже можно назвать эллино-скифским.

Мастерские греческих городов, в первую очередь Ольвии и Пантикапея, умело приспосабливались к вкусам и запросам окружающих варваров, широко используя при этом художественное своеобразие скифского звериного стиля и его традиционные символы. Если для раннескифского искусства характерны целостность образа, стремление мастера приспособить зооморфный мотив к форме вещи, то теперь же основное внимание сосредоточивается на том, чтобы придать предмету более красивую форму. Из эллинского искусства в скифское широким потоком проникают образы льва, грифона, горного козла, кабана. Голова лошади и мотив барана встречаются в переработанном греческими художниками виде. Грифо-барана заменяет ионийский грифон, преобразованный в духе скифского звериного стиля.

Примером использования скифских образов в античных изделиях могут служить так называемые ольвийские зеркала, концы ручек которых украшались головками кабана и орла, фигурками оленей, пантер, баранов вместе с античными волютами, капителями и пальметтами. В скифском искусстве получает распространение схема, основными элементами которой были глаз и спиральный закрученный клюв. Такие орлиные головки используются самостоятельно, а также для изображения рогов оленя или лося, лап с когтями. Излюбленным сюжетом искусства V в. до н.э. становится голова лося. Ранние изображения лаконичны и выразительны, поздние — более пышные. Появляются мотивы завитков, пальметт и орлиных голов. Распространяются изображения голов кабана со щетиной в виде пальметт на затылке, голов льва с пышной гривой или львицы с оскаленной пастью и клыками. Самостоятельной переработке был подвергнут образ греческого грифона. Встречаются изображения грифона с большим глазом, раскрытым клювом, гребешком на лбу и круглыми ушами. Своеобразно применялось изображение грифона в оформлении конских налобников: его головка выполнялась с сильно загнутым клювом, большими глазами,

гребнем надо лбом и высокими острыми ушами.

Особый колорит звериному стилю V в. до н.э. придает мотив отдельно взятой ноги или бедра копытного животного, хищника или птицы. Чаще всего такая форма придавалась псалям и бляхам от уздечного набора. В разработке подобных мотивов намечается тенденция к превращению зооморфного образа в пышный орнамент. Среди других мотивов, распространившихся в это время, следует упомянуть крыло птицы и изображения рыб, в виде которых изготов-

лялись конские наносники и нашечники. Волкотообразным* навершиям мечей нередко придавали вид птичьих когтей.

В V в. до н.э. происходит заметное слияние скифского и античного искусства, так что при рассмотрении изделий не всегда можно с уверенностью сказать, изготовлены ли они греком, использовавшим мотивы скифского звериного стиля, или скифом, следовавшим греческим образцам. Соединение скифского и античного мотивов определяет неповторимый по своему колориту звериный стиль V в. до н.э.

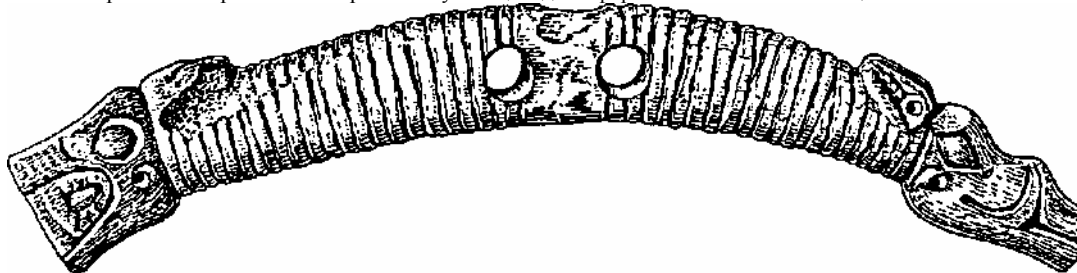
В это же время (V в. до н.э.) в скифском искусстве появляется мотив волка, который заменяет свернувшуюся в кольцо пантеру (например, как на бронзовой бляхе из кургана Кулаковского в Крыму и др.). Специфически оформлялись скифские конские подвески-амулеты к узде, исполнявшиеся в кости и бронзе в виде кабаньих клыков, широкий конец которого, в свою очередь, декорировался в виде волчьей головы с открытой зубастой пастью. Также делались бляхи с изображением головы медведя, а в бронзе — и отдельные медвежьи лапы, по мотив медведя, и по происхождению и по распространению, больше связан с лесостепью, чем со степью.

Массовый прилив разнообразных изделий эллинского ремесла в Скифию, в том числе и изделий выдающихся торевтов, привел к концу IV в. до н.э. к упадку самобытного скифского искусства.

Постепенно утрачивается ясность воплощения зооморфных образов. Дольше всего сохраняют звериный стиль украшения уздечек копей — нашечники в виде крыльев и налобники со скульптурной головкой фантастического хищника или птицы. Среди украшений конского убора появляются гравированные бляхи, ранее почти у скифов неизвестные. Для них характерны изображения птиц с фантастическим оперением. Эти бляхи имеют аналогии во фракийской культуре Подунавья, откуда они, вероятно, проникли в Скифию и получили некоторое местное развитие и подражание.

Далее речь пойдет о конкретных проявлениях скифского звериного стиля в классический период его развития на примере искусства IV в. до н.э. с окраин территории Великой Скифии — с территории Среднего Дона. На средне-донской почве звериный стиль в IV в. хотя и приобрел некоторые своеобразные черты, но все же оставался всецело в рамках общескифских традиций искусства. Для мастеров Среднего Дона было свойственно широкое использование образов местной фауны - медведя, волка, кабана - для оформления различных предметов вооружения, конской сбруи, украшений и культовых вещей. В целом преобладают образы хищных животных. Все они изображают-

Волкотообразное напершие — напершие полукольцевидной формы с завитками на концах.

Илл. 104. Роговой псалий с изображением голов кабана и волк
Курган № 4 у с. Терновое, IV в. до н.

ся с большой экспрессией: свирепые оскаленные морды у хищников с когтистыми тяжелыми лапами и грозные массивные клювы у орлов и грифонов, свернувшиеся в кольцо или припавшие к земле хищники из семейства кошачьих, как бы что-то вынюхивающие и готовые к прыжку. В ряде случаев и травоядным животным придаются черты хищника: так, у оленей иногда вместо копыт на ногах мы видим когтистые лапы.

В начале 70-х гг. один из крупнейших исследователей скифских древностей Среднего Дона П.Д. Либеров писал, что ему известно в регионе около 300 предметов с отдельными зооморфными изображениями, найденных в 43 пунктах. Среди них медведи, волки, кабаны, олени, лоси, лошади, собаки, зайцы, львы, фантастические животные и хищные птицы (орлы). Эти образы воплощены на изделиях из металла (золота, серебра, бронзы, железа) и кости (рога). В настоящее время, после раскопок еще около сотни скифских курганов, общее число предметов в зверином стиле значительно возросло, что позволяет уточнить (а кое-где и пересмотреть) прежние взгляды на искусство населения

Среднего Дона в скифскую эпоху. Удобнее всего познакомиться с местным искусством, рассматривая его по отдельным зооморфным мотивам.

Мотив медведя

В восточных районах Евразии, от Среднего Дона до северных границ Монголии, изображение медведя было одним из наиболее популярных мотивов звериного стиля I тыс. до н.э. Мы видим медведей на многочисленных предметах из металла и кости, обнаруженных на раскопках поселений и могильников Аианьинской культуры Поволжья и Прикамья, савроматов Приуралья и, особенно, находках на средпедонской территории. В причерноморской степи данный образ практически отсутствует, а в приднепровской лесостепи он достаточно редок. Из 17 металлических зооморфных крючков-застежек, найденных в средпедонских курганах почти за сто лет раскопок, пять предметов - с изображением медведя. Хищник, украшающий широкую часть бронзовой застежки

из кургана № 11 группы «Частых курганов» под Воронежем, наделен всеми характерными для данного мотива чертами: медведь стоит в профиль, сгорбившись, с опущенной вниз мордой, повернутой в правую сторону. Поверхность тела животного — гладкая, с широкими округлыми выпуклостями, столь типичными для звериного стиля скифской архаики (костромской олень и др.).

Стилизованные большие когтистые лапы, открытая пасть с едва намеченным рядом зубов и круглый глаз в виде двойного кружка еще ярче подчеркивают условность всего изображения. Время сооружения кургана № 11 в урочище «Частые курганы» определяется достаточно точно — это вторая половина IV в. до н.э. В датировке помогают как чернолаковая античная чаша, так и золотые бляшки, относящиеся к типу и времени «царских» курганов в Куль-Обе и Александрополе.

Изображение медведя на бронзовой застежке из кургана № 1 у с. Русская Тростянка отличается от предыдущего лишь тем, что фигура стоящего в профиль зверя обращена в левую сторону. Здесь мы вновь наблюдаем огромные когтистые лапы и спиральные завитки на плечах. Погребение воина из этого кургана можно также отнести к IV в. до н.э.

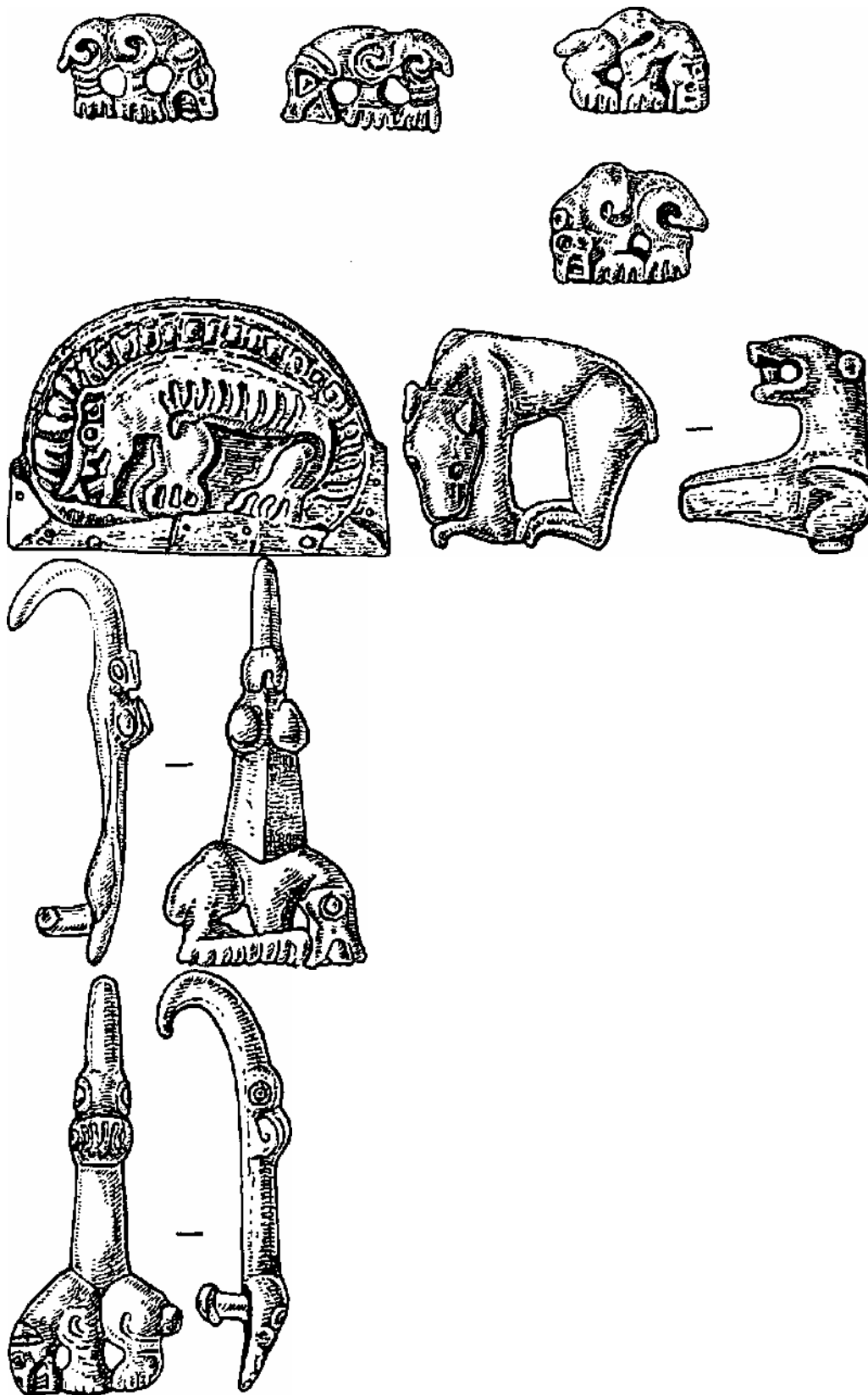
Почти аналогичные бронзовые застежки с фигурой медведя в характерной стоячей позе, в профиль, но повернутой вправо, были найдены недавно при раскопках кургана № 4 у с. Терновое и № 6 у с. Колбино.

Серебряный крючок-застежку с изображением медведя на широкой части удалось обнаружить в 1971 г. П.Д. Либерову в ходе раскопок кургана у с. Колбино. Все три экземпляра «медвежьих» поясных застежек находились в могилах IV в. до н.э.

На колбинские находки очень похожи великолепные украшения конской узды, выполненные в виде серебряных фигурок медведей, из богатого кургана № 29/21 у с. Мастюгино. Они имеют те же самые характерные черты: стоящие сгорбленные фигуры в профиль, опущенные вниз морды с открытой зубастой пастью, маленькие круглые уши, огромные когтистые лапы и спиральные завитки на плечах. Время сооружения этого кургана довольно точно определяется бронзовой греческой гидрией конца V в. до н.э. Пара серебряных блях от конской узды с фигурами медведей найдены при раскопках А.И. Пузиковой (курган № 9 у д. Дуровка, IV в. до н.э.). Аналогичное изображение медведя представлено на золотой оковке (или ручке) деревянного сосуда из «Частых курганов» (курган № 1, IV-III вв. до н.э.).

Наконец, целая серия «мишек» в совершенно аналогичной трактовке — это бронзовые бляхи конской узды — была найдена в 2003 г. в кургане № 10 у с. Горки на Белгородчине.

За пределами Среднего Дона самые близкие аналогии скифскому медведю можно найти в Поволжье, Прикамье и Приуралье (Ананьинская и Кара-

Илл. 105. Изображение медведя на предметах из курганов скифского времени со Среднего Дона. Конец V-IV вв. до н. э. (абхазская культура). Речь идет о бронзовом крючке-застежке с медведем из кургана у с. Чурачки, на реке Цивиль в Чувашии и о двух бронзовых же пряжках с изображением медведя из Охлебининского могильника (погребение № 85). Все они датируются IV-III вв. до н. э. и полностью повторяют характерные особенности воронежских изображений (стоящая в профиль фигура зверя, выделенные спиралями мышцы, опущенная вниз голова с приоткрытой зубастой пастью и т. д.). Один бронзовый крючок с фигурой медведя, близкий по стилю среднедонским, был случайно найден близ с. Бажиган на севере Ставропольского края. Два крючка-застежки из

бронзы с фигурами медведей найдены в кургане у с. Кащевка на Нижнем Дону (Ростовская обл.).

Мотив кабана

Изображение кабана с характерной трактовкой клыков и ушей встречается и воронежских древностях скифского периода довольно часто. Кабана мы можем найти на поясном крючке из кургана у с. Мастюгино, золотой обкладке гребня из кургана № 11 группы «Частые курганы», роговом зооморфном пса-лии из кургана № 4 у с. Терновое, золотых пластинах из Колбинских (№ 1 и № 18) и «Частых» курганов (курган № 11).

Выше уже говорилось о том, что древпеирапский бог Веретрагна в образе кабана был своеобразным медиатором — связующим звеном - между средним (обитаемым людьми) и нижним (загробным) мирами. Известный французский востоковед Р. Гиршман также увязывал образ вепря, или кабана, с Верет-рагна — богом войны и победы, дарующим воинам мужскую силу, крепость мышц и остроту зрения.

Мотив волка

Этот мотив широко представлен в курганах скифского времени на Среднем Дону на поясных металлических крючках, золотой обкладке гребня, бронзовых нащечниках конской узды, золотых бляшках и на роговых псалиях. Есть уникальная вещь из кургана № 2 у с. Колбино, где костяная рукоять ножа закапчивается головой волка. Несмотря на присутствие реалистических деталей, образ хищника во всех этих случаях подвергся значительной стилизации. Тем не менее остроконечное вытянутое ухо, общие очертания удлиненной морды, строение зубов и клыков позволяют достаточно уверенно говорить о реальном прообразе данного зверя. Поиски аналогий по стилю за пределами Воронежщины и Белгородчины вновь приводят нас на восток и северо-восток, в круг древностей Апаньинской и Савроматской культур. Вме-

Н.чл. 106. Золотая фигурка кабана. Курган Хомина Могила, IV-III вв. до н.э.

286

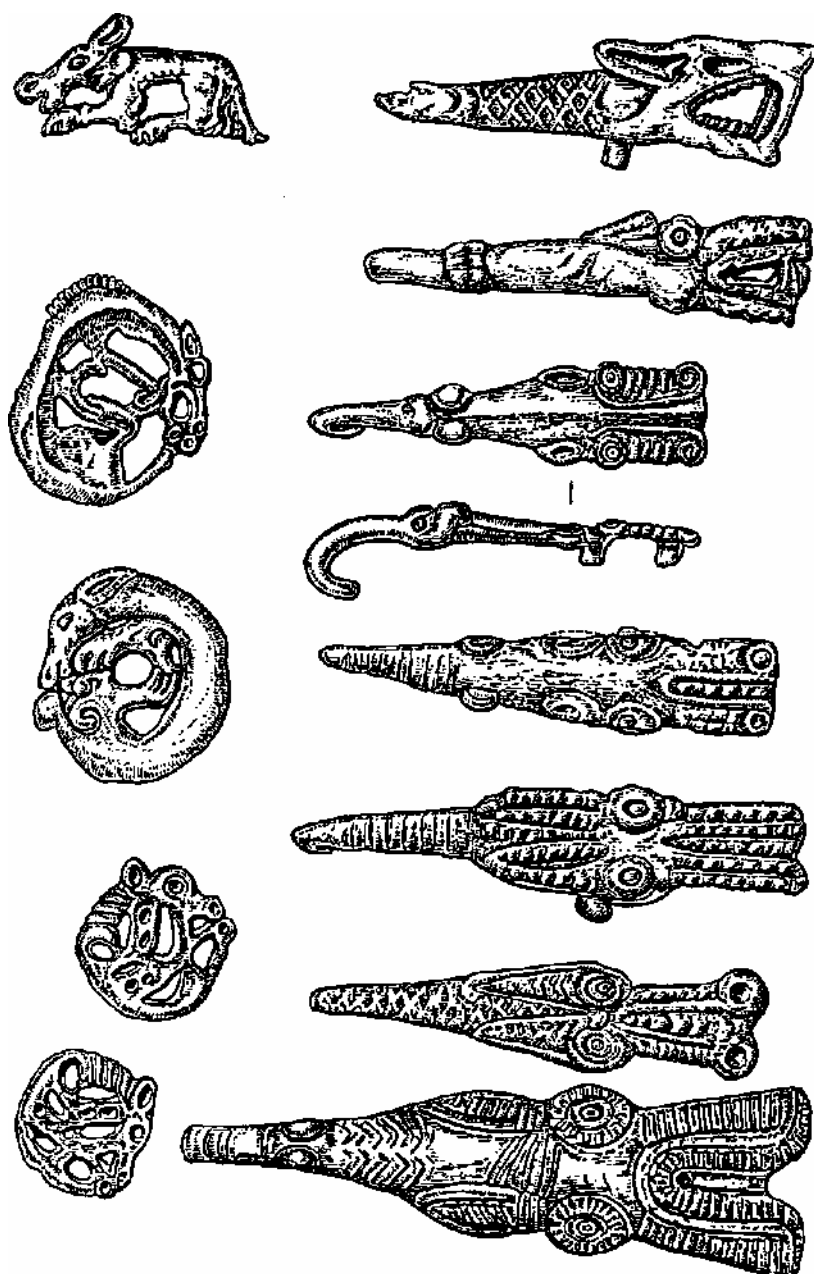

Илл. 107. Бронзовые конские нащечники с изображением волка. Курган № 10 у с. Колбино

сте с тем, хочу отметить, что серый хищник в скифскую эпоху, как и в наши дни, обитал в лесах и лесостепи Евразии, а также и в ее горах и степях. Как уже отмечалось, в искусстве причерноморской степной Скифии волк, например, с V в. до н.э. прочно заменяет на бронзовых бляшках конской узды свернувшегося зверя из семейства кошачьих.

Мотив фантастического хищника

Очень близок мотиву волка по многим деталям и скорее всего происходит именно от него. На территории Среднего Дона найдены три экземпляра металлических застежек с подобными изображениями. Железный поясной крючок с золотой обкладкой был найден в кургане № 3 группы «Частых курганов» (IV-III вв. до н.э.). Узкий конец застежки украшен головкой ушастого орла-грифона с большим изогнутым клювом. На широком конце предмета изображена голова «фантастического» зверя с открытой пастью. Губы выделены в виде узкой ленты, окаймляющей контуры пасти. Ряд насечек, нанесенных по внутреннему ее краю и оставляющих середину пустой, должен, очевидно, изображать зубы и клыки хищника. Верхняя часть морды зверя (симметрично удвоенной, когда половина морды зверя повторена дважды: сверху и снизу) покрыта вертикальными насечками, назначение которых остается неясным. Глаза изображены в виде овальных, довольно больших розеток. Уши имеют вытянутую остроконечную форму и плотно прижаты к задней части головы зверя, представляющей странное, на первый взгляд, соединение двух совершенно одинаковых половинок верхней части головы, прикрепленных друг к другу своими основаниями. В итоге все изображение головы животного получается как бы анфас. Почти аналогичная бронзовая застежка была обнаружена в кургане № 10 группы «Частых курганов». Здесь мы вновь видим симметрично удвоенную голову анфас со стилизованными глазами-розетками и остроконечными длинными ушами. Пасть зверя широко открыта, но зубы не показаны совсем. Губы изображены в виде двух узких лент, выходящих из одной точки по направле-

Илл. 108. Изображение фантастического хищника (правый ряд) на предметах из курганов скифского времени со Среднего Дона, IV в. до н.э.

нию к краям пасти и оканчивающихся двумя спиральными завитками (возможно, это ноздри животного). По времени этот курган относится к концу V — началу IV вв. до н.э.

Железные застёжки с головой фантастического хищника найдены также в курганах № 11/16 и № 32/32 у с. Мастюгино в комплексе вещей IV в. до н.э.

Что можно сказать о происхождении данного мотива? Изображение фантастического зверя довольно часто использовалось для украшения предметов вооружения (рукоятей мечей и кинжалов, бронзовых секир), конской сбруи (блях узды) и костюма (поясных застёжек) в областях, входивших в восточную провинцию так называемого скифо-сибирского звериного стиля, а это Прикамье, Поволжье и Приуралье.

Процесс образования странных образов зверей с удвоенными головами довольно отчетливо прослеживается на резных кабаньих клыках (из курганов близ с. Блюменфельд в степном Поволжье), представляющих собой великолепный пример звериного стиля савроматской культуры. Изображения голов зубастых хищников на этих клыках поразительно близки образам фантастических зверей на крючках-застёжках из воронежских курганов. Местный (савроматский) художник вырезал на одном из клыков две почти одинаковые головы, расположенные одна над другой. Но этого ему показалось мало, и он придал нижней части головы очертания, близкие ее верхней части. Имеем ли мы здесь дело с процессом поисков художником какой-то формы для выражения новых идей, или же это просто декоративное оформление предмета, пока сказать труд-

но. Тем не менее блюменфельдские изображения зубастых фантастических хищников — первые, наиболее ранние образчики данного мотива (нач. V в. до н.э.). Кстати, характерные детали мотива зверя на большом блюменфельдском клыке (глаз-розетка, лентообразные губы, трактовка зубов ушей и т. д.) повторяются позднее почти на всех изображениях этого рода на Среднем Дону и в Прикамые.

Грифоны

Этот мотив может быть в общем смысле отнесен к категории фантастического хищника, поскольку грифон — существо, сочетающее в себе черты птиц и млекопитающих. В античной (греко-римской) литературной традиции грифоны Евразии описываются как грозные хищники с туловищем льва и мощным длинным клювом и крыльями, как у орлов. Со времен полулегендарного греческого поэта Аристея (VII в. до н.э.) известен рассказ о том, что в далекой стране на востоке, где-то в Алтайских горах, живут одноглазые конные воины аримаспы, которые крадут золото у стерегущих его чудовищ — грифонов. Во всяком случае, изображение этих крылатых монстров широко бытует в искусстве Греции и Переднего Востока именно в скифскую эпоху, т. е. в VII-III вв. до н.э. Не исключено, что либо от эллинов (ионийских греков), либо от пред-

ставителей древневосточных цивилизаций (Ассирии, Вавилона, Мидии, Урарту) скифы довольно рано заимствовали образ грифона и дали ему новую жизнь в своем искусстве.

На Среднем Дону мотив грифона в самых разных его вариантах довольно широко представлен в курганных комплексах V-IV вв. до н.э. Известны многочисленные (79 экземпляров) золотые штампованные бляшки (размерами 2х1,5 см) с изображением этих крылатых чудовищ, идущих влево («Частые курганы», курган № 3, IV в. до н.э., раскопки ВУАК). Аналогии данному образцу в такой стилистической трактовке встречаются в «царском» кургане №8 группы «Пять братьев» в низовьях Дона и в знаменитой гробнице Куль-Обы близ Керчи, в Крыму.

Золотые бляшки с грифонами, идущими вправо, найдены в курганах у с. Мастюгино (работы А.А. Спицина и П.Д. Либерова), а также в ходе наших раскопок у с. Терновое (курган № 10).

Для всех этих среднедонских экземпляров характерно наличие вокруг фигуры хищника окантовки в виде бордюра, расчлененного насечками.

Еще одну интересную группу составляют грифоны, стоящие попарно, в геральдической позе (т. е. напротив друг друга): она немногочисленна и представлена только в погребениях у с. Мастюгино — до 9 экземпляров (раскопки А.А. Спицина, Н.Е. Макаренко и П.Д. Либерова).

Близкие по стилю изображения встречаются на золотых бляшках «царских» скифских курганов степной полосы: Чмыревой Могилы, Верхнего Рога-чика, Куль-Обы. Таким образом, эта группа может быть датирована не позже IV в. до н.э.

Хищники из семейства кошачьих (лев, гепард)

Эти виды животных абсолютно не характерны для местной фауны. Их образы явно заимствованы из общескифского искусства, которое, в свою очередь, получило, вероятно, изображение льва, в разных его вариантах из художественных традиций Переднего Востока и Малой Азии.

В настоящее время известно свыше сотни золотых штампованных бляшек с образом льва. Реже встречаются бляхи из серебра и бронзы, украшенные «львиными» сюжетами: лев лежащий, лев идущий, лев, готовящийся к прыжку. Есть золотой перстень с изображением двух львов. Более всего найдено подобных изделий в захоронениях «Частых курганов» под Воронежем и у сел Мастюгино и Дуровка. Аналогичные бляшки из золота с изображением льва неоднократно встречались в пышных гробницах скифской аристократии в степной и лесостепной зонах Северного Причерноморья (Солоха, Мелитополь, Александрополь, Куль-Оба).

Илл. 109. Бронзовая бляха с изображением свернувшегося в кольцо хищника. Курган Кулаковского, Крым, V в. до н.э.

Что касается гепарда, то пока этот мотив (представленный на резном гребне из рога лося в кургане № 8 у с. Терновое и описанный выше) не находит себе аналогий ни в Европейской Скифии, ни за ее пределами (илл. 38). Ближайший регион, где водились в I тысячелетии до н.э. гепарды, — это пустыни и полупустыни Средней Азии.

Мотив хищной птицы

Представлен в скифских древностях Среднего Дона довольно широко (известно до 35 различных предметов с этим мотивом из 20 погребальных комплексов), в том числе на железных (6 экземпляров) и бронзовых (2 экземпляра) поясных крючках, на бронзовых прорезных бляхах от конской узды (5 экземпляров), золотых оковках деревянных сосудов и штампованных бляшках (20 экземпляров), на костяных (1 экземпляр) и роговых (1 экземпляр) изделиях.

Все эти изображения можно разделить на две большие группы: первая включает в себя целые или почти целые фигуры птиц вторая — только схематически выполненные птичьи головы.

К первой группе относится, прежде всего, бронзовый поясной крючок в виде летящей хищной птицы, найденный в кургане № 47/30 у с. Мастюгино. Он состоит из длинного стержня, образующего сильно изогнутый клюв птицы. Хорошо видны восковица и глаза, оперенье.

Основная часть туловища представляет собой пластину в виде полусвернутых мощных крыльев. Хвост — конический, с длинными перьями. Курган относится к IV в. до н.э.

Прекрасный образец хищной птицы (скорее всего орла) представлен на четырех круглых бронзовых прорезных бляхах от уздечного набора из кургана № 1 урочища «Частые курганы». Бляхи имеют 6,5 см в диаметре. В центре каждой из них находится стилизованное изображение птицы, уткнувшейся мощным клювом в свою когтистую лапу. Известный скифолог Б.Н. Граков сопоставил данный сюжет с фигурами орлов, клюющих рыбу на монетах античной Ольвии и на синопских амфорах т. е. предполагал его южное, причерноморское происхождение. Погребальный комплекс кургана № 1 хорошо датирован но чернолаковой греческой чаше IV в. до н.э.

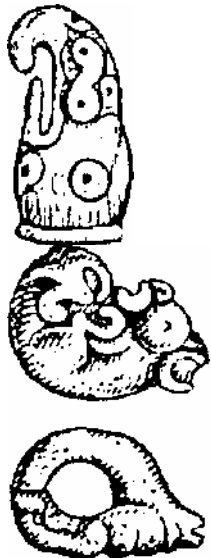
Совершенно уникальным можно считать полное изображение хищной птицы (по П.Д. Либерову — это ворон, на наш взгляд — сокол) на обтянутой

292

золотым листом ручке деревянной чаши из кургана № 11/2 группы «Частых», также относящегося к IV в. до н.э.

Вторая группа более многочисленна и представлена золотыми оковками деревянных сосудов со стилизованным изображением головы хищной птицы, имеющей длинный изогнутый клюв, и единичными вещами из кости и рога (находки из курганов у с. Мастюгино, у с. Терновое, д. Дуровка и группы «Частых курганов»). Многочисленные аналогии мотиву птицы дают богатые курганные погребения конца V-IV вв. до н.э. из степной Скифии.

Мотив оленя

Илл. 110. Костяные фигуры хищной птицы и кошачьего хищника. Курган у Темир-Горы,

Крым, VII в. до н.э.

Один из самых многочисленных и популярных мотивов искусства скифского периода на Среднем Дону: он представлен здесь на двух бронзовых, золотом и костяном поясных крючках, на бляхах уздечного набора из серебра и бронзы, на золотых оковках деревянных сосудов и, особенно, на штампованных золотых бляшках из курганных могильников у Мастогино, Дуровки и группы «Частые курганов». Большинство этих изделий, на которых олень показан в «галопирующей» или лежащей позе, относится к концу V-IV вв. до н.э. Ближайшие аналогии сред не донским образцам мотива оленя можно найти в древностях степной и лесостепной Скифии, в том числе и в «царских» курганах (Солоха, Александропольский курган).

В заключение следует отметить, что общая оценка характера среднедонского звериного стиля вызывает известные трудности. Если исходить из анализа наиболее распространенных зооморфных мотивов, то получается некоторое преобладание мотивов местной фауны и образов, типичных для савроматского искусства Поволжья и Приуралья. Здесь представлены, в основном, медведь, волк, кабан, олень, до сих пор обитающие в сильно поредевших со скифских времен лесах Среднего Дона. Далее — близкий савроматам фантастический (волкообразный) хищник. Всего — пять мотивов, тогда как южные (эллино-скифские и прочие) влияния отражены лишь в образах хищной птицы, льва, гепарда и грифона.

Однако кабан-Веретрагна, олень и волк (хищник, живущий и по сей день не только в лесах, но и в степи) представляют собой общескифское явление и характерны для искусства ираноязычных кочевых и оседлых племен Евразии

VII-III вв. до н.э., будь то Левобережное Поднепровье (лесостепь), Нижний Дон и степное Северное Причерноморье. Кроме того, наличие волкоподобного фантастического хищника у савроматов и среднедонских племен отнюдь не означает решения вопроса о происхождении данного мотива. Он вполне мог прийти в Поволжье, и Приуралье и с запада.

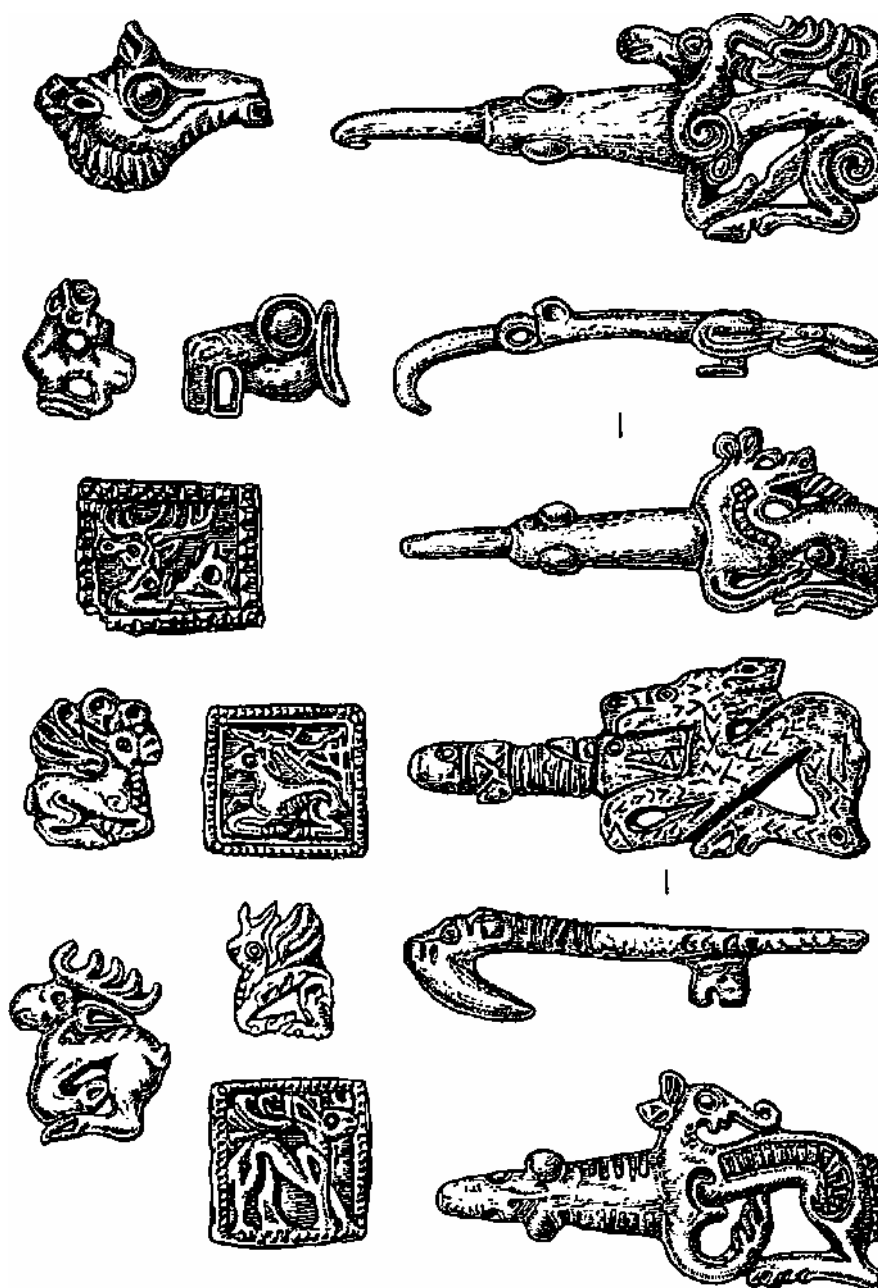
Таким образом, несмотря на известную локальную специфику, искусство племен воронежской лесостепи V-III вв. до н.э. полностью подчинялось общескифским канонам и было тесно связано с Северным Причерноморьем — как степным, так и лесостепным.

Остается добавить к этому краткому обзору зооморфного искусства Среднего Дона в скифскую эпоху еще одну небольшую, но важную деталь: в местных курганных погребениях трижды найдены предметы с изображением головы лося. Это бронзовая бляха из северного пригорода Воронежа (случайная находка), курган № 4 в группе «Частых» (тоже бронзовая бляха) и роговые псалии, украшенные безрогими головами лосей из кургана № 8 у с. Колбино. Как известно, мотив лося (и в металле, и в кости) — характернейшая черта звериного стиля Скифии в V-IV вв. до н.э. (как в степной, так и в лесостепной ее зонах).

Завершая рассказ о скифском зверином стиле, необходимо отметить несколько очень важных общих моментов.

Во-первых, связь архаического стиля с воинской средой и воинским бытом отчетливо проявляется в том наборе предметов, на которых помещались изображения животных: оружие, предметы сбруи боевого коня и вещи сакрального и социально-культурного назначения.

Во-вторых, скорее всего, именно воинская среда стала определяющей силой в формировании эстетических принципов скифского искусства. Даже в простом перечне животных, более или менее постоянно фигурирующих в оформлении предметов, хищники и сильные травоядные решительно преобладают над домашними особями, и здесь отчетливо проявляется общий скифский идеал. Красота — не самоцель и не абсолют. Красиво то, что в наибольшей степени способствовало выживанию и победе. Красивое — это, прежде всего, сильное, быстрое, стремительное. На формирование таких идеалов не могли не сказаться условия самой жизни скифов с ее постоянной военной напряженностью. В-третьих, есть все основания предполагать, что ведущая роль в создании оригинальных образов и сюжетов звериного стиля должна была принадлежать скифской военной аристократии. Ведь звериный стиль возник именно тогда, когда выделившаяся скифская знать, как всюду и всегда в эпоху классовообразования, стремилась подчеркнуть свою обособленность от остального общества всеми средствами, в том числе и идеологическими.

Илл. 111. Изображение оленя и лося в искусстве скифского времени на Среднем

Антропоморфная каменная скульптура Скифии

Скифские «каменные бабы», или скифские антропоморфные изваяния, — это изготовленные из камня объемные, вытянутых пропорций изображения людей, которые устанавливали вертикально. Они передают обобщенный (стилизованнный) либо реалистический образ человека. Каково же их функциональное назначение?

«По нашему мнению, — пишет археолог В.С. Ольховский, — изваяния представляют собой обобщенный символ единства мироздания, изображая центральный элемент упорядоченной Вселенной — вертикальную ось (ось мира, мировой столб, древо и т. д.). С течением времени антропоморфность данного символа усиливалась путем его персонификации — отождествления с образом первопредка-родоначальника, солярного героя-творца, земным „заместителем" которого выступала социально значимая личность — царь, военный предводитель, иной выдающийся член общества. Функционально скифские изваяния были и надгробными памятниками, и культовыми символами; они устанавливались на вершине кургана либо в центре святилища». При установке нижняя часть изваяния или вкапывалась в грунт, или вставлялась в округлое (прямоугольное) отверстие плиты — базы.

В месте первоначальной установки скульптуры сохраняются в редчайших случаях. Обычно их находят перемещенными во время ограбления захоронения и разрушения надмогильной конструкции: у основания насыпи кургана, в кольцевом ровике, в грабительской воронке в насыпи, реже в самом погребальном сооружении, разрушенной действиями грабителей. Изваяния, как правило, разбиты, поверхность их частично выветрена. Находки совершенно целых экземпляров немногочисленны. Всего

на сегодняшний день на территории от Дуная до Северного Кавказа найдено около 140 каменных антропоморфных скульптур VI-III вв. до н.э., которые поддаются реконструкции и идентификации. Скифские изваяния представляют собой изображения мужчин-воинов с оружием. Они выполнены из монолитных каменных глыб или плит, которые отесывали, придавая им грубую форму человеческой фигуры. Последующей обработкой резцом в низком рельефе обозначались детали.

Изваяния делятся на шесть типов:

1) столб овального сечения со скругленной верхней частью, голова визуально выделена гривной, проходящей по нижнему краю лица;

Илл. 112. Каменное скифское изваяние. Одесская обл., V в. до н.э.

296

2) столб с выделенной головой, подчеркнутой изображением гривны, шея отсутствует, плечи прямые или покатые, подтянуты до уровня рта, подбородок опущен на грудь;

3) столб на четырехугольном или овальном основании, голова отделена от туловища шей, но

подбородок при этом всегда выше уровня плеч;

4) на плоской плите случайной формы высечено изображение частей человеческого тела;

5) круглая скульптура с выделенными формами фигуры;

6) на стеле сделано барельефное изображение человека с выделенными частями тела.

Три первых типа были основными в ранней скифской скульптуре. Они появляются в VII и существуют до IV в. до н.э. Четвертый тип редок. Пятый и шестой относятся только к V-IV вв. до н.э.; они возникли в районах, близких к греческим колониям и отражают влияние греческого искусства. Определяющим признаком при датировке изваяний служит представленное там оружие. Однако изменяются во времени и формы изобразительных приемов, передающих лицо, руки, набор и расположение аксессуаров.

Большинство изваяний VII-VI вв. до н.э. имеет лица с крупными миндалевидными глазами, прямым носом, доходящим до усов подковообразной формы, с опущенными вниз, ровно подрезанными концами. Руки, контуры которых переданы прямыми линиями, согнуты под прямым углом и сложены над поясом одна над другой. В большинстве случаев воин изображен в шлеме, с нагайкой в руке, одетый в «кожаный» доспех с оплечьями и нагрудными бляхами, подпоясанный широким поясом, вооруженный мечом, боевым топором и луком в чехле (горите). Конечно, не на всех статуях представлен полный набор вооружения, однако сочетание трех-четырёх перечисленных деталей обычно. Обязательными аксессуарами для ранних изваяний были защитный (боевой) пояс и массивная нашейная гривна, иногда витая. Ритон изображался редко. Меч часто находился с правого бока. Гориты раннего периода, по-видимому, отличались рядом деталей от поздних, так как на архаических скульптурах лук никогда не выступает наружу, а всегда закрыт фигурным клапаном, чаще всего имеющем окончание в виде крупной головы орла. Приемы изображений V-IV вв. до н.э. по сравнению с эпохой архаики становятся совершенно другими. На лице высекаются круглые глаза, нос в виде петельки, прямой рот. Усы редки, зато в ряде случаев показаны персонажи с бородой. Изменяются формы и положение рук. Они делаются более тонкими, пальцы растопырены. Правая рука согнута под острым углом и держит ритон, который становится обязательным аксессуаром. Левая рука опущена вниз к мечу, который теперь располагается не на боку, а спереди и подвешен справа палево. Обязательным делается изображение на левом боку горита с выступающим из него луком. Иногда поверх горита подвешена чаша. Гривна и пояс также обязательны, но формы их иные.

Интересен факт совпадения находок раннескифских изваяний с районами распространения наиболее выдающихся курганных захоронений на Киро-воградчине, в Крыму, на Нижнем Днепре, на Донце, в Прикубанье и на Ставрополье. Не исключено, что такое расположение скифской скульптуры отражает топографию скифских племенных объединений с местами ставок, где сосредоточивалась общественная жизнь, совершались захоронения умерших, отправлялись религиозные культы, устанавливались статуи вождей-родоначальников. Количественное преобладание ранних «каменных баб» в районе Предкавказья, а поздних на Нижнем Днепре и в Крыму, вероятно, отражает общую обстановку в Скифии: перемещение политического центра из Предкавказья в Причерноморье после возвращения скифов из переднеазиатских походов. Вопрос о том, кого изображали скифские скульпторы, неоднократно обсуждался в научных кругах. Высказывалось мнение, что на них представлены: божество войны, аналогичное греческому Арею-Аресу (А.И. Мелюкова); умерший царь с регалиями, пожалованными ему божеством в знак царской власти (Н.Г. Елагина); обожествленный герой, мифический первопредок скифов Тар-гитай (М.И. Артамонов); героизированный умерший (Б.Н. Граков); племенной старейшина или вождь (Е.А. Попова). П.Н. Шульц (российский археолог 40-х - 60-х гг. XX в.) считал, что со временем менялось и смысловое содержание монументов — от образа героя-родоначальника до вождя, царя.

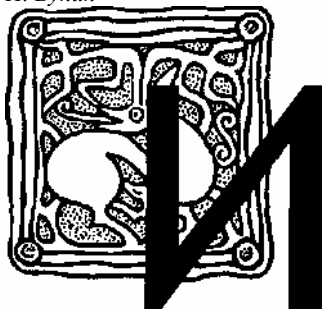
Наиболее полное исследование по интерпретации скифских изваяний с обстоятельным разбором всех трех аспектов их смысловой природы — семантического (кто изображен), синтаксического (какими средствами) и прагматического (с какой целью) — было проведено археологом Д.С. Раевским. Он пришел к выводу, что «каменные бабы» изображали Тар гитая-Геракла а, выступающего в скифской мифологии в качестве прародителя скифов и первого их царя. Возводились они по случаю смерти царя, являвшегося земным воплощением Таргитая, и были призваны устранить причиненное ею нарушение космической и социальной стабильности.

Итак, от скифского искусства в силу объективно сложившихся обстоятельств уцелело и много, и мало (беспощадное воздействие времени на предметы из органики, повальное ограбление и разрушение скифских курганов). Но, как сказал один современный исследователь, «если бы от скифского искусства остался бы даже только один золотой костромской олень, оно было бы бессмертно».

ГЛАВА 9 РЕЛИГИОЗНЫЕ ВЕРОВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ СКИФИИ

Прошли века, но слава древней были Жила в веках... Ист смерти для того, Кто любит жизнь, и песни сохранили
Далекое наследие его...

И. Бунин

зучение религии давно исчезнувшего народа, да к тому же еще и народа бесписьменного, — дело очень сложное и длительное. И кочевники Скифии здесь отнюдь не исключение. Источниками для реконструкции скифской религии служат краткие свидетельства античных авторов, в том числе касающиеся скифской мифологии, данные погребального обряда, предметы культа, произведения эллино-скифского искусства и остатки культовых сооружений. Лучше всего эти религиозные верования отражены в источниках V-IV вв. до н.э.

Скифская религия относится к числу индоиранских. По уровню своего развития она принадлежала, как и большинство религий доклассовых обществ и обществ эпохи ранней государственности, к *политеистическим* религиям: почиталось множество божеств, из которых одно признавалось главным. Но в целом о скифской религии известно не так уж много. Кроме уже упоминавшихся греко-римских писателей немало ценных сведений дают нам материалы археологии, однако любая общая информация, извлекаемая из них, требует особой «дешифровки». Важным источником для понимания идеологических представлений скифов служат древние тексты (сборники гимнов, заклинаний и т. д.) родственных древнеиранской и древнеарийской религий — «Авеста» и «Ригведа», а также эпические сказания и обряды современных ираноязычных народов — осетин и таджиков.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ВЕРОВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ СКИ

«По обрядности и способам общения с божеством, — пишет известный украинский археолог и специалист по религии скифов С.С. Бессонова, — скифская религия относилась к числу *шаманистских* (курсив мой. — ВТ.}. Для этих религий, сложившихся в основном на территории Сибири и Центральной Азии, характерны представления о делении Вселенной на верхний, средний и нижний миры, посредником между которыми является шаман. Во время камлания шаман с помощью наркотических средств впадает в транс и в таком состоянии, обычно с помощью духов-помощников, посещает иные миры, где и получает необходимые пророчества или помощь от их обитателей. Многочисленные свидетельства шаманизма — утварь, одежда, изображения — найдены в алтайских и тувинских курганах скифского времени. У скифов Причерноморья черты шаманизма не так очевидны, но все же достаточно выразительны. Религия скифов, удалившихся достаточно далеко от центральноазиатской прародины, хотя и не порывавших с ней связей, испытала воздействие со стороны развитых религий Передней Азии и Греции, а также восприняла ряд верований и культов местного причерноморского населения».

Особенно большую ценность для изучения религиозных верований кочевников Северного Причерноморья в скифскую эпоху представляют сведения Геродота, который в середине V в. до н.э. посетил Ольвию и здесь записал целый ряд интереснейших преданий о скифских божествах и ритуалах, а также легенды о происхождении скифов. Эти легенды в мифической форме передают их историю от «изначальных времен», от появления первого человека.

Как уже рассказывалось, по одной из легенд все скифы произошли от трех сыновей первого человека Таргитая, рожденного от Зевса и дочери реки Борисфен (Днепр). При них с неба упали пылающие огнем золотые дары — чаша, плуг с ярмом, секира, — овладеть которыми смог лишь младший брат, Колаксай, ставший первым царем. От Колаксайа и произошел род скифских царей. Два других брата, вероятно, стали родоначальниками иных сословий: жрецов, земледельцев и скотоводов.

По другой версии, сочиненной, видимо, греками, первыми людьми в скифской земле были Агафирс, Гелон и Скиф, родившиеся от греческого героя Геракла и местной полудевы-полузмеи, обитавшей в священной местности Ги-лея. Старшие братья были изгнаны матерью, так как не смогли выдержать испытание, завещанное им отцом — натянуть его лук и опоясаться его поясом. Это удалось лишь младшему Скифу, от которого и произошли скифские цари. Таким образом, в первой легенде обосновывается божественное происхождение сословий и главенство рода скифских царей, а во второй

— главенство скифов над другими местными племенами, оттесненными с мест их прежнего
300

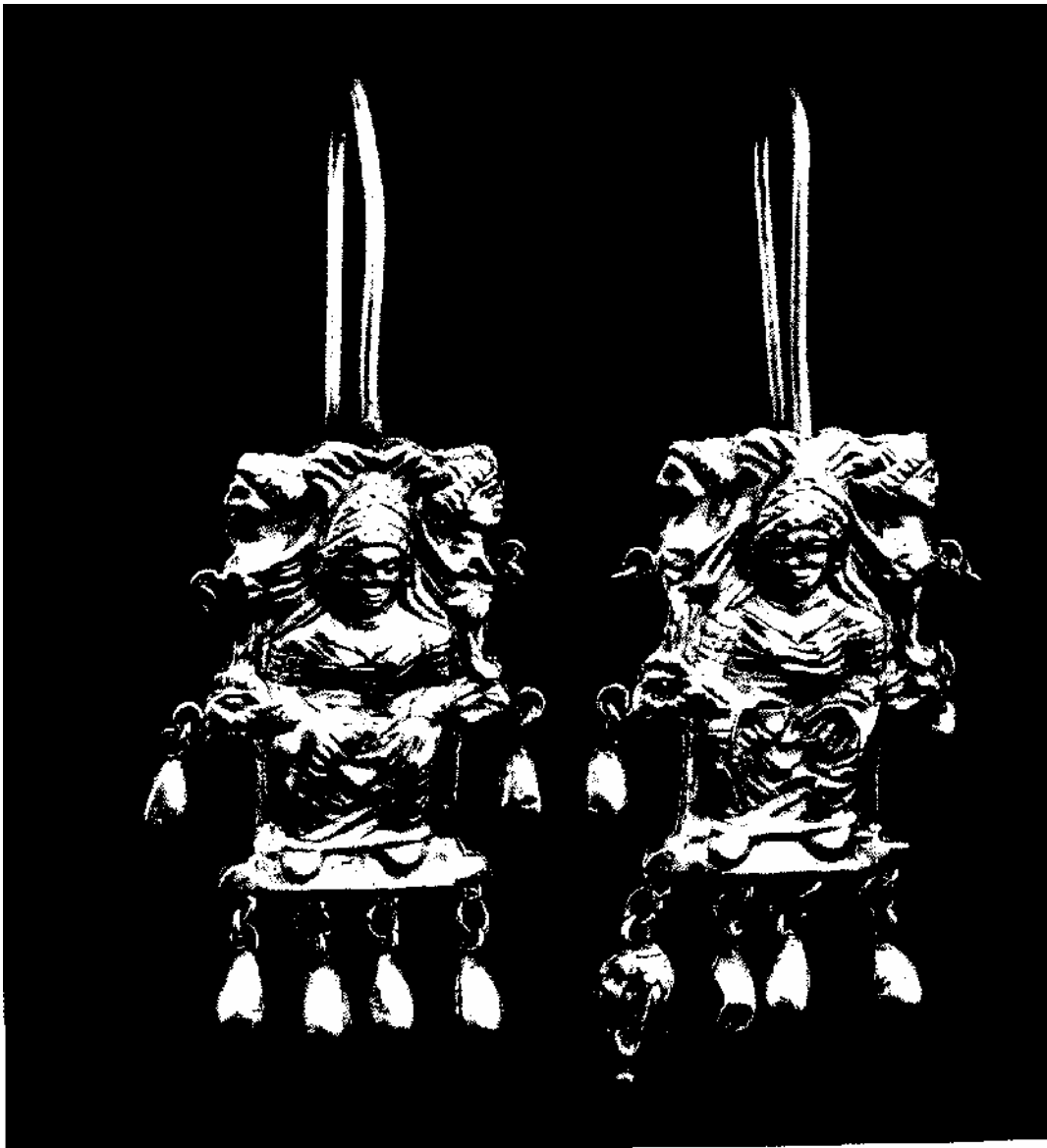
обитания. Уже в этих преданиях переплелись персонажи скифской, греческой и местной мифологии.

В иных преданиях трудно отделить реальные события от легендарных, так как греческие авторы вплетали фрагменты скифского эпоса в свои повествования. Это предания о царевиче Лнахарсисе, о котле царя Арианта, о походе персидского царя Дария на скифов и т. д.

Сведения о скифских богах, которые приводит Геродот, особенно ценны тем, что он дает «перевод» части этих имен на греческий язык, вероятно, со слов греков, живших в Ольвии. По словам Геродота, все скифы почитали только семь богов: «прежде всего Гестию (Табити), затем Зевса и Гею (Гея у них считается супругой Зевса); после них Аполлона и Афродиту Небесную, Геракла и Арея. Этим богов признают все скифы, а так называемые царские скифы приносят жертвы еще и Посейдону». Далее Геродот приводит скифские имена шестерых божеств, кроме Геракла и Арея.

Уже этот краткий перечень богов позволяет сделать некоторые выводы. Раз «все скифы» почитали одних и тех же богов, значит, они в это время, в середине V в. до н.э., уже осознавали себя единым народом — ведь в древности почитание одних богов и означало принадлежность к одному этносу. Не случайно и количество общих богов: пантеоны других индоевропейских народов также состояли из семи божеств. Небольшое количество высших богов, вероятно, отражает концентрацию власти в руках узкого круга земных владык. Как и последние, божества поделены на несколько разрядов. Во главе стоит троица верховных божеств (из них, в свою очередь, одно пользовалось наивысшим авторитетом), а ниже — четверка более «молодых» божеств, разделенных на пары опять же по принципу старшинства.

По происхождению скифская религия относилась к кругу верований древнеиранских народов, которые, в свою очередь, примерно до конца II тыс. до н.э. входили в индоиранскую языковую и культурную общность. А та составляла часть еще более обширной индоевропейской общности, разделившейся в III-II тыс. до н.э. в результате расселения. Для реконструкции скифской религии и мифологии ученые привлекают сейчас образы, сюжеты и представления самых разных эпох. В типологическом плане скифская религия относится, как уже говорилось выше, к политеистическим, «природным» религиям, суть которых — обожествление сил природы и стихий. Необходимо также отметить, что идеология местных кочевников в VII-III вв. до н.э. испытала мощное воздействие со стороны более развитых религий Передней Азии и Эллады. В настоящее время исследователи особое внимание обращают на уровень развития скифской религии. Верно выделена главная особенность скифской религии времен Геродота — перерастание родоплеменных культов в союзопле-

Илл. 113- Золотые серый в виде богини Кибе. Курган № 10, погребение №3 у с. Б. Знаменка, Запорожье, IV в. до

менной и выделение пантеона верховных богов. Неверным, однако, представляется мнение о преобладании в религии скифов родовых форм культов и об узкоплеменной природе скифских богов. По своему происхождению они вполне могли быть покровителями отдельных племен, но их имена не обнаруживают связи с племенными названиями даже при крайнем расширении понятия «скифский».

Таким образом, по существующей в науке классификации скифскую религию можно отнести к типичной «племенной религии», но с четко выраженной тенденцией превращения ее в религию национально-государственную. Об этом, в частности, свидетельствует наличие пантеона из семи верховных богов, главными из которых была триада Табити-Гсстия, Папай-Зевс и Апи-Гея. За ними по значимости шли боги Гойтосир-Аполлон, Арей (бог войны), Аргимпаса-Афродита-Урания и Таргитай-Геракл. Этим богов признавали все скифы. Но царские скифы особо поклонялись и Тагимасаду-Посейдону. В таком виде скифский пантеон существовал во времена Геродота, в середине V в. до н.э.

Что касается *космологии*, т. е. системы представлений о Вселенной, то она сводилась к следующему. Упорядоченная Вселенная в отличие от окружающего ее хаоса имеет форму квадрата, южной границей которого служит океан, а северной — Рипейские (Уральские?) горы, достигающие небес. За этими горами, у северного моря, находилась «обитель блаженных» (гипербореев). Видимо, такой наглядной моделью Вселенной является бронзовое на-вершие из урочища Лысая Гора (Украина) в виде «мирового дерева» с четырьмя ветвями.

Скифские божества

Во главе скифского пантеона стояла троица верховных божеств: Табити, Папай и Апи. «Прежде всего, — пишет Геродот, — скифы почитают Гестию (т. е. Табити. — *В.Г.*)». В греческой религии Гестия — одно из древнейших божеств, сестра Зевса, Геры и других олимпийских богов, но она старше их. По другой версии она — один из первородных космических элементов (огонь), источник всего живого. Во времена Геродота Гестия почиталась эллинами, главным образом, как божество очага (и семейного, и храмового), служившего символом социального и политического единства общества. Огонь Гестии в афинском

Или. 114. Золотая пластинка с изображением скифского божества. Соболева Могила, Днепропетровская обл., IV в. до н.э.

304

храме и очаг Весты (аналогичного Гестии божества) в Древнем Риме считались преемниками огня царского очага. И все же главными божествами эти богини в античной религии не были. Во всех индоевропейских пантеонах в этот период безраздельно господствуют мужские боги. А что же скифы?

Табити

Табити (Гестия) — согласно утверждению Геродота, была наиболее почитаемым скифским божеством, что не совсем обычно для религии той эпохи. По-видимому, столь высокий статус этой богини, непосредственно связанной с огненной стихией, кроется в факте особого почитания огня среди ираноязычных племен и народов в древности. Имя «Табити» (когда-то она была, вероятно, общим божеством для предков иранцев и индоарийцев) сохранилось в древнеиндийском эпосе «Махабхарата»: это — *Тонати*, дочь Солнца. Табити была и олицетворением священного огня царского очага, в котором воплощалось единство скифского народа. Наверное, именно поэтому ее называли царицей скифов. Клятва «царскими гестиями», т. е. божествами царского очага, считалась у скифов самой священной. Ее нарушение влекло за собой болезнь царя, а клятвopреступника ждала смертная казнь. Изображений Табити, скорее всего, не было — огонь, как и земля, не нуждается в образном воплощении. У древних персов, ближайших родственников скифов, имелись специальные святилища огня, где огонь горел постоянно, и существовали сложные ритуалы его тушения в случае смерти царя и возжигания при каждом новом воцарении. Скифы были гораздо меньшими огнепоклонниками: они почитали, в основном, огонь небесный и, как его частицу, огонь домашнего очага. Культ домашнего очага хорошо прослеживается у ближайших соседей скифов — оседлых племен лесостепи. На их поселениях много зольных холмов, куда сносили золу из домашних очагов. Возле очагов обычно совершались ритуалы в честь предков. Здесь нередко находят различные культовые приношения — глиняные хлебцы, статуэтки в виде животных и людей, миниатюрные сосудики, глиняные имитации хлебных зерен. Обратимся вновь к анализу сведений Геродота о культе Табити и к археологическим свидетельствам о почитании огня скифами.

Скифам и другим индоиранцам были свойственны представления об огне как возрождающей и очищающей стихии. Об этом свидетельствует использование огня в погребальном ритуале VII-V вв. до н.э., например, частичное сожжение погребального сооружения. Более отчетливо культ огня прослеживается в погребальном ритуале ранних сакских и савроматских племен, а также у племен лесостепной Скифии. У степных скифов VII-V вв. до н.э. частичное сожжение погребальных сооружений встречается довольно редко, что, очевидно, служит признаком погребения лиц высокого социального ранга. Происходит как бы «забывание» этого древнего индоиранского обычая в направлении с востока на запад. Более отчетливо прослеживаются такие следы солярного культа, как кольцевые ровики, каменные круги, находки колес.

Скифские святилища огня неизвестны. Следы почитания огня очага или алтаря обнаружены в Каменском городище, а также в поселениях скифского времени в Лесостепи.

В рассказе Геродота о казни эпареев огонь выступает как орудие «божьего суда», что имеет аналогии и в иранском мире.

Из сведений Геродота о культе Табити можно сделать вывод лишь о некоторых общественных его проявлениях. Прежде всего, необходимо остановиться на связи Табити с культом очага. Насколько было значительным его социальное содержание? Иными словами, можно ли главенствующую роль Табити выводить из ее связи с царским очагом, как это делает большинство исследователей? Если обратиться к античным аналогиям, то выясняется, что социальный аспект был довольно отчетливо выражен в культе Гестии, как в архаический период, так и в классическое и эллинистическое время.

Связь Табити-Гестии с царским очагом и личностью царя ясно проявляется в рассказе Геродота о клятвах «царскими гестиями». Поскольку «отец истории» не оговаривает специально значение термина «гестии», то его следует понимать в его исконном, привычном для современников Геродота значении: клятвы очагом (жертвенником, алтарем) или его божествами.

Представление о царском очаге как сакральном центре должно быть тем более сильным, что скифское общество, как и всякое кочевое общество, рассматривало себя в качестве потомков одной первоначальной семьи. Усиление культа царского очага вполне закономерно в период политического объединения Скифии и усиления государственности в V в. до н.э., связанного с личностью царя — военного и сакрального главы всего объединения.

Остается рассмотреть титул Табити — «царица». Обычно именно в нем видят указание на главенство Табити в скифском пантеоне, при этом понимая слово «царица» в его традиционном значении — владычица, повелительница. Именно в таком значении этот термин неоднократно применяет Геродот.

Табити названа «царицей скифов» потому, что она искони принадлежала к числу богинь — «цариц», «владычиц» или «матерей». Эти эпитеты по существу были синонимами, что явствует из

изучения института «священных цариц». Эпитеты «царица» и «владычица», несомненно, указывают на космогонические функции божества. Эти функции имели, пожалуй, все Великие боги-пи, олицетворявшие природу и всепорождающее женское начало.

Одной из основ скифской концепции царской власти как богоданного института признается священный брак в качестве необходимого условия получения власти царем.

Священный брак — сложное понятие. В космогониях — это первый брак богов, давший начало всему сущему, в мифологии — брак божества и смертного, часто первого царя или родоначальника. Основным смыслом ритуалов священного брака во многих обществах древности было ниспослание божеством через земного царя или царицу различных благ обществу, которое те представляли, — от военного могущества и обильного урожая до многочисленного потомства, процветания торговли и т. д. Во многих обществах, в особенности в государствах Передней Азии, священный брак имел самое прямое отношение к культам плодородия. Он входил в качестве одного из элементов в коронационные ритуалы и календарные празднества.

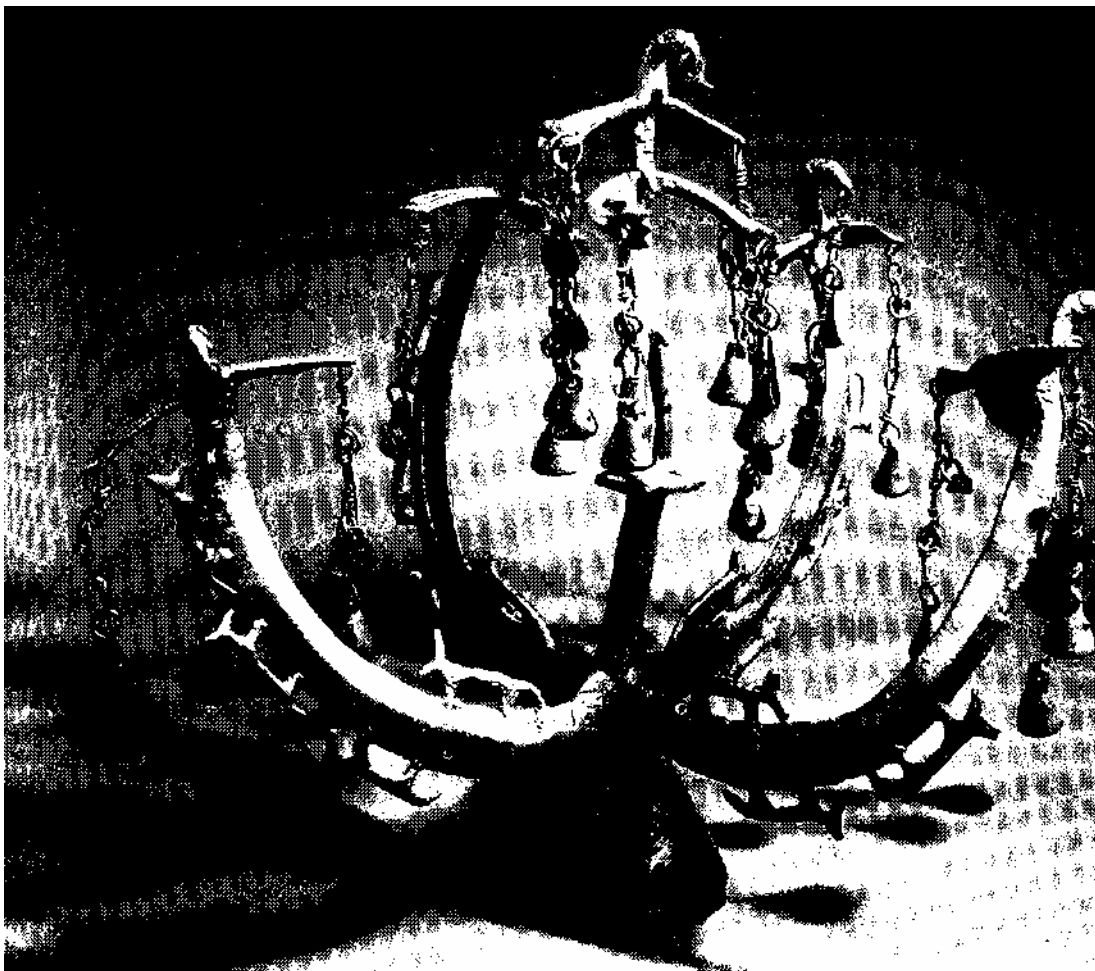
Существование каких-то элементов священного брака в скифском ритуале и царской идеологии особых сомнений не вызывает. Об этом есть достаточно выразительные свидетельства: рассказ Геродота о происхождении скифов, где Геракл вступает в брак со змеедевой, владеющей страной, рассказ Флакка о рождении Колаксия от брака Юпитера и нимфы с двумя змеями, а также сцены «приобщения божеству» в изобразительном искусстве, хотя последние имели, в основном, потустороннее (загробное) значение.

Как отмечает Д.С. Раевский, «главенство Табити среди прочих божеств пантеона, о котором говорит Геродот, представляет несомненный архаизм, обусловленный двумя основными причинами. Первая причина — уровень развития скифского общества V в. до н.э. Это был период усиления государства, сопровождавшийся изменениями в идеологической области — переходом от племенных культов (сохранявших, однако, свое главенствующее значение) к созданию общенациональной религии. Объединительные тенденции неминуемо должны были усилить значение общих религиозных символов и, в первую очередь, общего огня, который был представлен царским очагом и его божествами. Вторая причина кроется в самом характере источника, из которого нам известен состав скифского пантеона. В основе сведений Геродота лежал, очевидно, текст, где упоминалось наиболее архаическое божество, обладавшее максимумом сакральности при богослужении. Но если исходить из комплекса божества огня, главой пантеона оно вряд ли было. С другой стороны, Табити не была и божеством земли или богиней плодородия: в скифском пантеоне были еще две богини, олицетворяющие именно эти функции, — Апи и Аргимпаса».

Панай

Панай (Зевс) — олицетворение неба, супруг богини «влажной земли» (Апи) и прародитель скифов. В скифских мифах он выступает как творец Вселенной и людей. К нему обращаются в минуту наивысшей опасности.

«Владыками своими, — говорит скифский царь Иданфирс персидским послам, требовавшим от него покорности, — я признаю лишь Зевса, моего

Илл. 115. Бронзовое навершие предположительно с фигурой бога Папая-Зевса. Лыса Гора (случайная находка), Днепропетровская об. IV в. до н

предка, и Гестию царицу скифов». В индоевропейской мифологии небесный бог-творец обычно ассоциируется с шаманским деревом, с которым связан обширный комплекс представлений и ритуалов. Изображением Папая (Зевса) или близкого ему божества можно считать навершие из урочища Лыса Гора близ Днепропетровска. Мы видим божество плоносящих сил природы и громовержца, обитающего на мировом дереве. Над головой божества изображена его священная птица - орел, на четырех ветвях дерева - звери и птицы (духи-помощники), держащие цепочки с колокольчиками, полумесяцами и кружками - символами грозы и небесных светил. Подобные навершия использовались в шаманских ритуалах.

Имя «Папай» — иранского происхождения и означает «отец», «защитник». В скифских мифах и преданиях он, как уже отмечалось, выступает в качестве владыки и прародителя всех людей, и в этом схож с Зевсом Олимпийским («Зевс» — имя индоевропейское и означает «светлое небо»).

Лпи

Апи (Гея) — наиболее понятное божество скифского пантеона, ее имя в индоевропейских языках означает «вода» или «река». Апи олицетворяет влажную землю, оплодотворенную небом. В древнеиндийской мифологии, например, существовало понятие «небо-земля» как источник всего живого. А небо в скифской религии — это Папай, супруг Апи. Союз неба и земли особенно характерен для шаманских религий.

Апи была, скорее всего, местным божеством, культ которого восприняли скифы — все пришельцы почитали божество земли, на которой им предстояло жить. Обычно для «примирения» местных и пришлых богов создавались легенды о брачном союзе героя-богатыря, прародителя пришельцев, и местной девы — богини земли или воды, или о его чудесном рождении от этой богини. Как уже упоминалось, скифы вели свое происхождение от союза неба и воды, а в одной из легенд прародительница имела облик полу девы-полузмеи. Возможно, именно легендарная прародительница скифов или сама богиня Апи изображена на конском налобнике из кургана Цымбалова Могила. Из туловища богини вырастают на длинных шеях головы рогатых грифонов,

змей, а также растительные побеги. Над ее головой — стилизованное изображение головы быка, т. е. символ божества, которое почиталось вместе с ней. Змеевидные божества с древних времен почитались как покровители скота.

В скифское время были широко распространены, в особенности в Крыму и на Таманском полуострове, изображения женских духов земли, туловище которых вырастает из растительных побегов или заканчивается несколькими парами голов змей или грифонов, иногда крылатых. В этих образах переплелись древние иранские и греческие представления.

Аргимпаса

Аргимпаса (Афродита Небесная) — одно из самых почитаемых божеств, известное и по сообщениям эллинских авторов, и по многочисленным изображениям. Есть предположения, что этот культ скифы заимствовали во время своего пребывания в Передней Азии — в древности было в обычае, находясь на чужбине, поклоняться местным, наиболее могущественным богам. Позднее этот

Им.. 116. Папай-Зевс с бронзового навершия. IV в. до н.э. Деталь.

культ, видимо, слился с каким-то близким по функциям божеством. Но сами скифы, чтобы подчеркнуть древность и значимость культа Аргимпасы, говорили о ее ближневосточном происхождении. До наших дней сохранилось предание о разграблении скифами древнейшего храма Афродиты Небесной в г. Ас-калонс (Сирия), за что богиня покарала грабителей, настав на них «женскую болезнь». Вот что пишет по этому поводу Геродот: «Возвращаясь (из Египта. — *В.Г.*) назад, скифы прибыли в сирийский город Аскалон. Большая часть скифского войска прошла мимо, не причинив городу вреда, и только несколько отсталых воинов разграбили святилище Афродиты Урании. Как я узнал из рассказов, это святилище — самое древнее из всех храмов этой богини <...> Грабителей святилища в Аскалоне и всех их потомков богиня наказала, поразив их навеки „женским“ недугом. И не только сами скифы утверждают такое происхождение их

болезни, но и все посещающие Скифию могут видеть страдания так называемых энарсев». Аргимпаса-Афродита — это божество плодородия, главным образом животного и человеческого. В странах Ближнего Востока и Средиземноморья оно издавна почиталось под самыми разными именами, начиная с первых веков существования цивилизации: Инанна, Иштар, Астарта, Кибела, Мать Богов, Восточная Артемида. Было подобное божество и у древних иранцев: персы почитали Анахиту — богиню плодородия, животворных вод, покровительницу воинов-богатырей, которая с IV в. до н.э. стала божеством-покровителем царской династии. Важной ее чертой было заступничество за род человеческий.

Изображения этого иранско-ближневосточного божества неоднократно находили археологи при раскопках скифских курганов, даже наиболее ранних — VII в. до н.э. Богиня изображалась (в золоте, серебре и бронзе) крылатой, с двумя усмирёнными грифонами или кошачьими хищниками (львами, пантерами) по бокам. Этот культовый образ в Элладе и на Ближнем Востоке назывался «Владычицей зверей». Функция Владычицы зверей для скифской Афродиты была одной из самых главных, так как почитание дикой природы играло в жизни кочевников огромную роль. Обычно мы видим ее в длинной одежде, высоком головном уборе, в окружении копытных животных — оленей или ланей.

Существует предположение, что жрицами Аргимпасы-Афродиты были женщины из царского рода. Их хоронили вместе с царем в уборах, украшенных изображениями богини, где она предстает одновременно и божеством подземного (загробного) мира. На многочисленных золотых бляшках из курганов высшей скифской знати она изображена сидящей на троне (кресле) с зеркалом в руке, а перед ней, с ритонном, стоит умерший царь, вкушающий священный напиток — напиток бессмертия («живую воду»).

312

Кульст Владычицы существовал в Северном Причерноморье еще много столетий спустя после исчезновения скифов с исторической арены; и из всех ее образов наиболее живучим оказался один — богиня с двумя конями или оленями по сторонам. Он дошел до наших дней в виде народных вышивок и орнаментов на Украине, в России и Белоруссии.

Арей (Лрес)

Арея (Ареса) Геродот называет последним в числе младших божеств, но в общественной жизни Скифии этому культу принадлежало наиболее значимое место. Это следует из описания культового сооружения и обряда.

В каждой области по округам воздвигнуты такие святилища Аресу: горы хвороста нагромождены одна на другую на пространстве длиной и шириной почти в 3 стады, в высоту же меньше. Наверху устроена четырехугольная площадка: три стороны ее отвесны, а с четвертой есть доступ. От непогоды сооружение постоянно оседает, и поэтому приходится ежегодно наваливать сюда полтораста возов хвороста. На каждом таком холме водружен древний железный меч. Это и есть кумир Арсса. Этому-то мечу ежегодно приносят в жертву коней и рогатый скот, и даже больше, чем прочим богам. Из каждой сотни пленников обрекают в жертву одного человека <-.-> Головы пленников сначала окропляют вином, и жертвы закалываются над сосудом. Затем несут кровь на верх кучи хвороста и окропляют ею меч <-...> А внизу у святилища совершается такой обряд: у заколотых жертв отрубают правые плечи с руками и бросают их в воздух; затем после заклания других животных, оканчивают обряд и удаляются...

Таким образом, это типичный племенной культ. Проводился он ежегодно по округам — номам. По мнению большинства специалистов, номы, возможно, соответствовали территориям племен, и, таким образом, племенной центр был основным центром религиозной жизни.

Сооружавшиеся из хвороста гигантские алтари Арея очень напоминают культовые сооружения современных пародов Сибири, предназначавшиеся для почитания духов — охранителей местности, и для шаманских камланий. Четырехугольная форма характерна для древнейших культовых сооружений многих индоевропейских народов, в том числе индоиранских. Страбон сообщает, например, что персы сооружали гигантские жертвенники из дерева, которые сжигали во время жертвоприношений. Археологи не без основания сравнивают деревянные шатрообразные сооружения, нередко сожженные, иод насыпями скифских курганов с алтарями Арея.

Что касается происхождения культа скифского Арея, то сейчас наибольшее число сторонников имеет точка зрения АЛЮ. Алексеева. Согласно ей, Арей принадлежал первоначально к божествам средней, т. е. воздушной сферы и был разновидностью древнего индоарийского божества северного ветра и смерти Вайю, воспоминания о котором сохранились в осетинской мифологии (вели-

кан Вайгог) и славянской (Вий). У ряда индоевропейских народов божества-воины нередко были и подателями изобилия — ведь война и военная добыча являлись источниками благополучия. У

монголов, например, бог войны был и покровителем скота — основного богатства кочевников. Вероятно, скифы принесли этот культ в северопричерноморские степи со своей восточной прародине. У скифов, подобно иным воинственным народам древности, существовали кроме упомянутого культа Арея различные военные обычаи и обряды. Это, прежде всего, скальпирование убитых врагов. Скальпы прикрепляли к уздечке коня; кожей, снятой с правой руки трупа, украшали колчаны и т. д. Скиф также пил кровь первого убитого им врага; головы убитых в бою он приносил царю, чтобы получить свою долю добычи. Один раз в год каждый «номарх» наполнял вином большой сосуд, из которого пили лишь воины, убившие врагов. Кто не смог этого сделать, сидел отдельно, что считалось величайшим бесчестьем. А те, кто убил много мужей, пили сразу из двух кубков. Следует также упомянуть использование оружия в магических целях. Подтверждением этому являются воткнутые в дно могилы наконечники копий, дротиков, мечи. Оружью умерших, в особенности «героев», приписывали особую силу.

Таргитай

35 *Таргитай (Геракл)*, Начнем описание это божества с более понятного для нас сейчас образа Геракла — одного из самых популярных персонажей античной мифологии. Греческий Геракл был полубогом, получеловеком, так как его родителями считались громовержец Зевс и смертная женщина Алкмена. С ним было связано множество преданий о различных героических деяниях (12 подвигов Геракла), которые он совершил в разных странах, в том числе во Фракии, на Кавказе, в северной стране гипербореев. После того как Геракл победил трехголовое чудовище Гериона и отнял у него стадо коров, герой попал якобы в Скифию. Здесь Геракл встретил полудеву-полузмею, и от их брака родились три сына — родоначальники племен агафирсов, гелонов и скифов. Неясно лишь, почитался ли Геракл в Скифии под его собственным именем, или греки «перевели» на свой язык имя скифского божества, близкого ему по функциям.

Подобные божества издревле были у всех индоевропейских народов: у ведических ариев это Индра, у хеттов Тешуб, у скандинавов Тор и т. д. Главная их функция — физическая мощь, военная доблесть, защита народа, а основное деяние — победа над чудовищем, трехглавым драконом, олицетворением зла, и освобождение воды. Почти все эти персонажи были божествами грозы. Не исключено, что Геракл мог ассоциироваться у греков с персонажем скифской мифологии Таргитаем — полубогом-полугероем, родоначальником скифов.

а)

Вместе с греческими воинами и торговцами культ Геракла широко распространился во многих странах Европы и Азии. Его почитали все сословия, начиная от аристократов, которые нередко чтили в нем защитника и богоборца. Как человек, ставший богом за свои заслуги, Геракл воплощал надежду на личное бессмертие для каждого человека. Поэтому изображения его подвигов были одним из самых популярных сюжетов эллинистического искусства. Есть основания полагать, что скифские цари конца V-IV вв. до н.э. также почитали Геракла как своего покровителя или предка. Его изображения помещались на монетах царей Эми-нака и Атея, которые чеканились в греческих городах; известны изображения и так называемого скифского Геракла — героя в скифском одеянии, сражающегося с грифоном либо драконом. Погребальные одежды знати иногда украшались золотыми бляшками с изображением головы Геракла в львиной шкуре, скопированным с античных монет.

Что касается Таргитая, то о нем достоверно известно лишь то, что он — первый человек, сын божественных родителей, и отец трех сыновей — родоначальников скифов. отождествление его с Гераклом по «эллинской» версии легенды о происхождении скифов поддерживается большинством исследователей и поэтому образ Таргитая трактуется, как правило, на основе образа его аналога — Геракла. Функциональная близость этих двух мифологических персонажей очевидна, хотя полное их тождество и не обязательно. Геракл не просто подменил собой Таргитая, но и привнес в легенду мотивы и сюжеты собственного мифического цикла. Здесь также важны

такие детали, как борьба с хтоническим чудовищем (широко распространенный фольклорный мотив), угон чужого скота (деталь, характерная для преданий кочевников вообще и для нартского эпоса осетин, в частности).

Скифская иранская основа «эллинской» версии легенды очевидна. Она сводится к следующей сюжетной схеме: рождение у героя и змееногой матери трех сыновей, их испытание и победа младшего, ставшего первым царем Скифии.

Имя *Таргитай* трактуется из иранского как «долгомошный». Некоторые ученые относят Таргитая к персонажам доскифской мифологии. Это древний мифологический образ героя-первопредка.

Три его сына, имена которых лингвисты трактуют как «Глубь-царь», «Гора-царь», «Солнце-царь», олицетворя-

б)

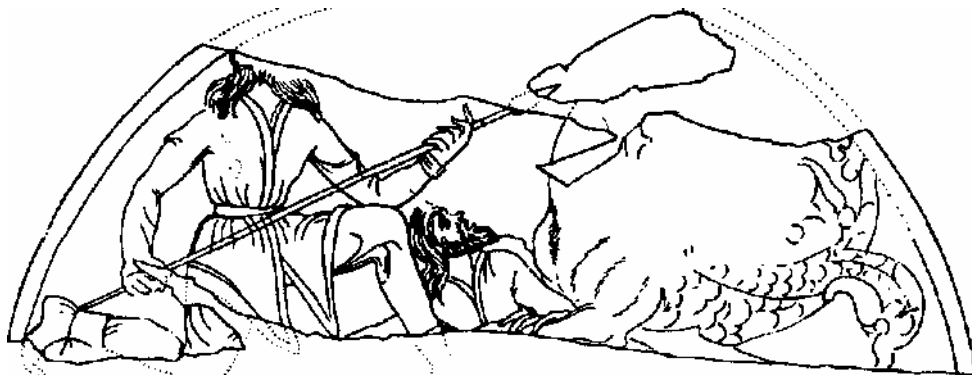
Илл. 117. Золотые бляшки с изображением Геракла, а) Курган Чертомлык, б) Курган Куль-Оби
ли три зоны Космоса. К ним же, по мнению некоторых исследователей, возводилась трехмастная социальная структура скифского общества.

Во всех версиях легенды подчеркивается роль именно мужского прародителя как активного порождающего начала. Роль женских персонажей в скифских генеалогических легендах пассивна (за исключением древнего образа змее-девы в эллинской версии). Второстепенность их видна хотя бы из того, что женские персонажи, в отличие от божественных или полубожественных пра-отцов (Зевса, Геракла), относились к существам более низкого иерархического уровня, например, нимфа, ехидна.

Важное место в воссоздании идеологии скифов занимает эпизод с «упавшими с неба» золотыми дарами (генеалогические скифские легенды в изложении Геродота) — плуг, ярмо, секира и чаша. Видимо, в этом предании отражены общеиранские представления о «фарнс» — некоей безличной силе, небесной благодати (имеющей огненную природу, а иногда и вполне конкретное материальное воплощение), нисходящей на царя и несущей благополучие всему обществу. Падение с неба самовозгорающихся золотых предметов в скифской легенде и овладение ими младшим братом напоминает отраженную в «Авесте» борьбу царей за «фарн». Та же идея «фарна» отражена в сообщении Аммиана Марцеллина о том, что маги хранили на непотухающих никогда очагах упавший с неба огонь, малая частица которого, как приносящая благополучие, была преподнесена азиатским царям.

Вариацией на тему судьбы первого царя является и ритуал скифского праздника связанный со священным золотом. Ритуал, судя по всему, был окружен тайной. Геродот скупо сообщает о нем: «Упомянутые священные золотые предметы скифские цари тщательно охраняли и с благоговением почитали их, принося ежегодно богатые жертвы. Если кто-нибудь на празднике заснет под открытым небом с этим священным золотом, то, по мнению скифов, не проживет и года. Поэтому скифы дают ему земли столько, сколько он может за день объехать на коне». Суть этого ритуала (подробнее он будет описан ниже) заключалась в имитации судьбы первого царя, получившего дар богов и поплатившегося за это жизнью. В мифах и фольклоре подобные ситуации объясняются оскорблением божества, нарушением табу и т. д. Фактически же это — жертвоприношение божеству, связанное по происхождению с древними культами плодородия и вошедшее органически в ритуалы утверждения и обновления царской власти.

Иной момент ритуала — единоборство претендентов на звание царя — отражен в «эллинском» варианте предания. Важность ритуала, его соотнесенность с категорией власти подтверждается изображениями на скифских монетах: на монетах Эминака — это Геракл, сгибающий лук, на монетах Атея — всадник, стреляющий из лука. Аналогичный обычай ритуального состязания

Илл. 118. Костяная пластина с изображением битвы героя с чудовищем.
Курган «Гайманова Могила»

лучников существовал, например, в Самарканде у потомков среднеазиатских саков.

В легенде испытание сыновей Геракла — опоясывание и сгибание лука — предстает как посвящение юношей в новую социальную группу — в разряд взрослых воинов. Вместе с состязанием происходит и наречение имен. В эпосе индоевропейских народов, в том числе тех, с которыми предки скифов имели контакты: хеттов, древних греков, а также индийцев, лук связан с мотивами власти и брака. С помощью лука происходит добывание невесты и царства. Например, на луках состязались женихи Пенелопы и Драупади, а также проходил поединок хеттского царевича Гурпанзаха.

Лук являлся символом военного сословия в эпоху, когда колесницы и всадники были основной боевой силой. И как таковой, в индоиранском мире он был одним из символов царской власти, символом царя-победителя и военного могущества вообще, о чем свидетельствуют изображения Дария I с луком в сцене триумфа над поверженным врагом.

Важное значение придавалось ритуальной стрельбе из лука как акту отпугивания злых сил. Этот обряд, возможно, представлен на золотых бляшках из Куль-Обы, где два лучника стреляют в противоположные стороны. В «Авесте» упоминается о том, как границы иранских владений были определены полетом стрелы, которую выпустил чудесный лучник Араш.

В скифских памятниках изобразительного искусства отражены различные действия с луком: сгибание (сосуд из Куль-Обы, монеты Эминака); стрельба (бляшки из Куль-Обы, монеты Атея), в том числе в сценах охоты (сосуд из Солохи, пластина из Гюновки); проверка Гераклом прямизны стрелы («Казенная Могила»). Сакральность этого действия подтверждается иранскими поверьями Сасанидского времени: «год, в начале которого они (т. е. цари. — В.Г.) занимались выделкой луков и стрел, бывал годом охоты, добычи, одоления хищных зверей и победы над врагом».

Таким образом, семантика лука многогранна, и различные действия с ним могли иметь сакральное значение. Со временем главным оружием скифской военной аристократии, более распространенным, чем лук, стал меч, он же символ бога войны.

Исследователи обычно сходятся во мнении, что «эллинский» вариант легенды о происхождении скифов, связанный непосредственно с кочевыми «царскими скифами», играл большую роль в царской идеологии и более соответствовал политическим целям скифских царей. Обе версии скифской легенды отражали идеологию господствующего слоя общества, т. е. военной аристократии («царей»). Следы двух традиций — местной и пришлой — настолько тесно переплетены, что расчленив их практически невозможно. И все же «скифский» вариант легенды представляется более связанным с официальной идеологией скифского общества.

Тагимасад

Тагимасад (Посейдон) не входил в семерку верховных божеств. Его почитали лишь царские скифы, божеством-покровителем которых он, вероятно, и был. Сущность и роль этого божества остаются совершенно неясными, точно так же, как неясным является и его имя. Иногда Тагимасада считают солнечным божеством по аналогии с верховным богом массагетов (среднеазиатских ираноязычных кочевников, родственных скифам). Но Геродот, сопоставляя его с греческим «морским владыкой» Посейдоном, имел в виду, скорее всего, «водный» и «конский» аспекты этого божества. Посейдон относился к числу древнейших индоевропейских богов и олицетворял не только морские и пресные воды, но и необузданную мощь природных стихий. Греческого Посейдона называли «колебателем земли». Его аналогами в иранской мифологии был Маз-да, а в индийской — Варуна, связанный с космическими водами, луной, магией и т.д.

Древним культовым животным всех этих божеств являлся бык — олицетворение животворных вод. В дальнейшем, по мере усиления роли всадничества, божества водных потоков и просторов морей принимают конский облик. В фольклоре ираноязычных народов до сих пор сохранился образ водяного копя, иногда крылатого, обитающего в источниках.

Изображение Тагимасада в образе крылатого коня представлено на серебряной амфоре из царского кургана Чертомлык. Этот великолепный сосуд внушительных размеров сплошь покрыт мифологическими изображениями, среди которых есть сцены приручения или жертвоприношения коня. Не исключено, что имя «Тагимасада» имело фракийские корни.

Очевидно, Тагимасада также был родоначальником царских скифов. Какие же черты скифского божества обусловили отождествление его с греческим Посейдоном? Посейдон — божество плодоносящей воды не только морей, но и рек, и вообще всех пресных потоков. Посейдон теснейшим образом связан с такими богинями, как Гея, Деметра, Гера, Медуза (его возлюбленная), Афина (по некоторым версиям мифа, она его дочь), из них Медуза, Афина, Черная Деметра имеют змеиные черты или определяющие символы. Если же учесть роль водного начала как порождающей стихии в скифских генеалогических легендах и в пантеоне, то, как прародитель, Тагимасада вполне мог быть божеством, связанным с водной стихией.

И, наконец, наиболее важный для нас аспект культа Посейдона — отношение его к коням (Посейдон Гиппиос). Этот культ происходит из Северной Греции и Фессалии и связан с легендой о сотворении первого коня Посейдона из скалы или о рождении коня Землей-Геей, которая была оплодотворена влагой уснувшего Посейдона. Сюда же относится легенда о преследовании Посейдоном Черной Деметры, принявшей облик кобылицы.

На этот аспект культа Посейдона, как одну из возможных причин отождествления со скифским Тагимасадом, указывали многие ученые, и в частности, С.А. Жебелев.

«Водный» и «конский» аспекты культа греческого Посейдона связаны с обычаем принесения коней в жертву водным источникам. Персидские маги во время похода Ксеркса принесли в жертву белых коней реке Стримон в Фессалии, очевидно, согласно местному обычаю. Однако и в индоиранских религиях образ коня также имеет самое непосредственное отношение к воде, хотя олицетворением водной стихии чаще выступает бык. В «Авесте» упоминается «быстроконный» дух воды Апам Напат, также и герой Тиштрия, побеждающий демона засухи, предстает в образе белого коня. Б.А. Литвинский сравнивал Посейдона с иранским Маздой и индийским Варуной — создателем вод. В фольклоре иранских народов стойко сохраняется образ водяного коня, иногда крылатого, выходящего из источника и оплодотворяющего земных кобылиц, т. е. почитание «водяного коня» могло быть искони присуще и кочевым «царским скифам», равно как любым индоиранцами. Подтверждением именно такого толкования этого образа служит изображение скульптуры крылатого коня на уже упоминавшейся серебряной вазе из Чертомлыка, в котором многие ученые видят воплощение самого Тагимасада.

Культы и ритуалы Скифии

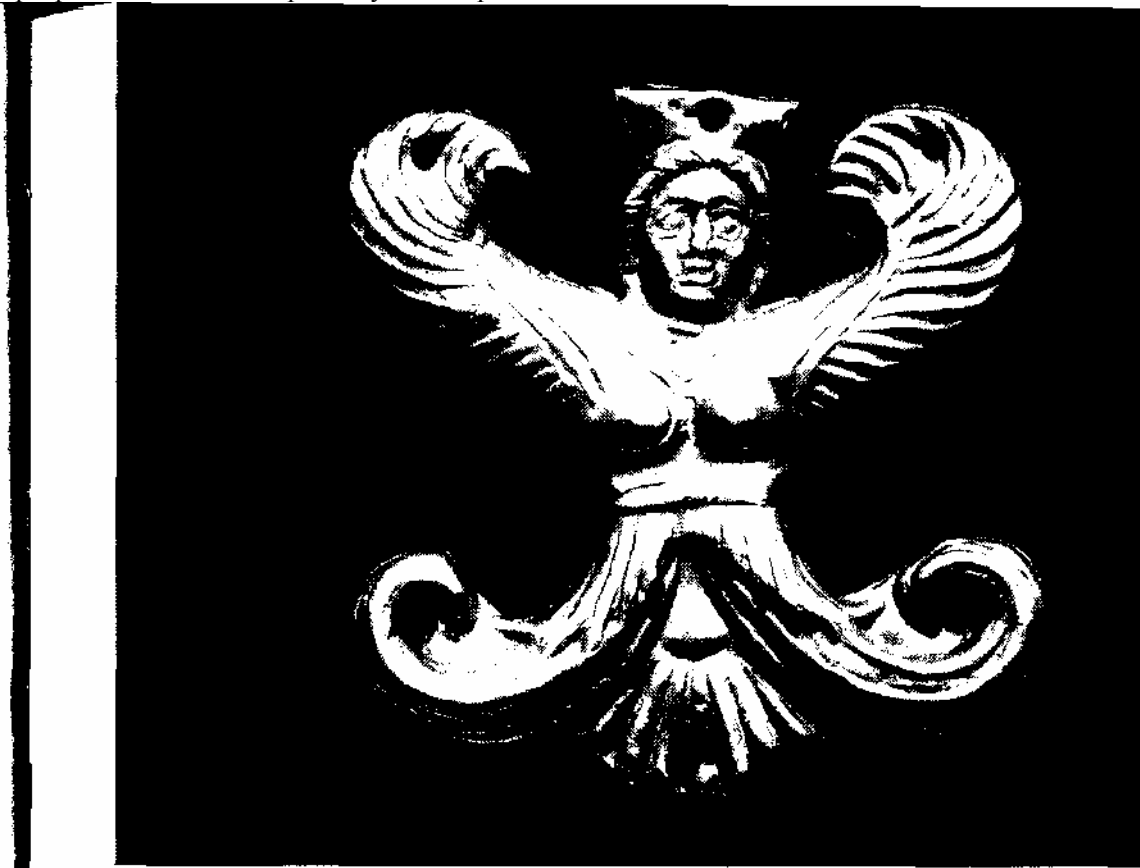
Как и многие другие кочевые народы древности и средневековья, скифы не имели специально сооруженных храмов, а культовые обряды были просты и не требовали сложной утвари для совершения. Картина меняется с переходом к полукочевому образу жизни и усилением влияния греческой культуры. Ритуалы становятся все более сложными и дорогостоящими; в мастерских античных городов Северного Причерноморья лучшие художники-торевты изготавливают для этих ритуалов многочисленные сосуды из золота и серебра — ритоны, кубки, а также украшения для роскошных одежд скифских владык и парадных конских уборов.

В жертву богам скифы приносили главное свое богатство — скот и особенно лошадей. Жертвенное животное полагалось убить, не пролив ни капли крови: жертву душили, закручивая петлю на шее вставленной в нее палкой. Этим скифы отличались от прочих иранцев, закалывавших жертвенных животных. Бескровное жертвоприношение у скифов, как считают ученые, является индоарийской традицией, сохранившейся со времен индоиранской общности. Таким же бескровным способом приносили в жертву и людей на царских похоронах. Кровавые человеческие жертвы приносили лишь божеству войны Арею. Мясо жертвенных животных варили в котлах, а потом куски, предназначенные богам, просто кидали на землю. Для коллективных (в том числе и ритуальных) трапез служили большие бронзовые котлы с двумя ручками по краю венчика. Самые большие котлы встречаются в курганах высшей скифской знати.

Коллективные трапезы вообще характерны для воинского быта. Герои эпических сказаний кочевников в перерывах между битвами обычно пируют или устраивают охоты. В скифских погребениях найдено большое количество сосудов из драгоценных металлов или деревянных, с золотыми обкладками,

нередко украшенных высокохудожественными изображениями культово-мифологического характера. Такое подчеркнутое внимание к сосудам связано с их использованием в ритуалах. Чаша, по преданию, была среди священных даров, упавших с неба в «изначальные времена». Поэтому каждый скиф, по Геродоту, носил на поясе чашу.

«Скифы гордятся своими могилами», — писал римский историк Плутарх. И действительно, величественные курганы царей высотой до 20 м и даже более, стоящие среди ровной степи, производили сильное впечатление на современников. Высокие курганы окружались десятками и сотнями более мелких насыпей, высота которых соответствовала рангу погребенных в них лиц. На вершинах курганов и возле них устраивались площадки для поклонения умершим, которые превратились после смерти в духов-покровителей местно-

Илл. 119. Золотая бляшка с изображением крылатой боги IV в. до н.э. (место находки неизвестно). На многих курганах стояли каменные изваяния воинов с ритоном в руках. Из оружия здесь чаще всего представлены меч и лук, иногда топор, нагайка, гривна, пояс и шлем.

В жизни скифов-кочевников большое место занимал культ дикой природы и тесно связанные с ним скотоводческие обряды и поверья. Большинство таких обрядов было приурочено к сезонным праздникам, в основном весенним и осенним.

С новогодним весенним праздником связаны, очевидно, изображения на золотой пекторали — нагрудном украшении, найденном в Толстой Могиле — в ограбленном погребении царского кургана IV в. до н.э. в г. Орджоникидзе Днепропетровской обл. В верхнем ярусе пекторали изображены домашние животные с приплодом, сцены доения овец, а в центре — два пожилых скифа, запряженные, видимо, пошивом ритуального одеяния из шкур. Вероятно, это покровители животноводства (обычно это именно парные божества), воплощавшие два аспекта царской власти — сакральный и военный. Главная роль всего изображения — магическая формула благополучия, прежде всего умножения скота. В нижнем ярусе пекторали изображены терзания копытных животных хищниками. Мир дикой природы, где господствуют смерть и разрушения, противопоставлялся внутреннему кругу упорядоченного человеческого мира, мира жизни и созидания. Пектораль была, несомненно, деталью царского ритуального убранства. Подобно тому, как в скифском пантеоне преобладали мужские божества, так и в сфере отправления культов мужчинам принадлежала ведущая роль.

Сами цари также выполняли определенные жреческие функции, например, совершали жертвоприношения в честь священных золотых реликвий, якобы дарованных небесным

божеством первым царям. В этих обрядах принимал участие и ритуальный заместитель царя. Как уже упоминалось, он должен был охранять золотые реликвии, и если он засыпал возле них, то его предавали смерти до истечения года. Вероятно, эти обряды с участием царя и его двойника входили в ритуал новогоднего праздника, на котором повторялись сакральные действия, совершенные божеством при сотворении мира. Интересно, что в числе главных реликвий скифов были, наряду с секирой воинов и чашей жрецов, золотые плуг и ярмо — символы оседлого земледельческого хозяйства, возможно, они появились в скифской мифологии и культах после покорения оседлого лесостепного населения. В число новогодних ритуалов, судя по всему, входил и священный брак царя и богини плодородия, которую представляла ее жрица. Это событие, сопровождаемое пиршеством-жертвоприношением, изображено на золотой пластине головного убора, найденной в кургане у с. Сахновка на Черкасщине. В центре — сидящая на троне богиня с зеркалом в руке, перед ней коленопреклоненный бородатый скиф с посохом или скипетром. Здесь же сказитель, аккомпанирующий себе на струнном инструменте, прислужники, разливающие напитки и ведущие жертвенного барана. Сюжет и отчасти композиция заимствованы из передневносточного искусства, но все персонажи одеты в скифские костюмы. Главное место в новогодних ритуалах занимал поединок героя-первопродка с чудовищем. Победа героя означала торжество света, справедливости и порядка.

Погребальный культ

Погребальный культ, по определению С.Л. Токарева, — это совокупность религиозно-мистических обрядов и представлений, связанных с погребением умерших и самим умершим. Этот культ относился у скифов к числу семейно-родовых. С VI в. до н.э., когда формируются курганные могильники, преобладал семейный характер захоронений — в одной могиле или, чаще, под одной

насыпью. В пределах больших могильников выделяются мелкие курганные группы, соответствующие семейным или семейно-родовым группам.

Судя по данным погребального обряда и сведениям Геродота, загробная жизнь представлялась продолжением земной. Специальные божества загробного мира неизвестны. Геродот оставил чрезвычайно интересное описание погребально-поминальной обрядности на примере похорон скифских царей. Скифов, как простых, так и «царей», после смерти 40 дней возили по всей округе и друзья покойного устраивали угощение для всего погребального кортежа и для него самого. Тела царей бальзамировали и возили на повозке по территориям всех подвластных племен, население которых с выраженными знаками глубокой скорби (обстриженные в кружок волосы, расцарапанные лица, надрезы на руках и т. д.) присоединялось к траурной процессии с погребальными дарами.

Таким образом, похороны царя превращались в событие общескифского значения (человеческие жертвы, конские могилы). Коням придавалось большое значение при перенесении умершего в загробный мир. Эти представления существовали у всех индоиранцев, их пережитки сохранились до наших дней. Вместо коня могли также положить уздечку. Умершие цари присоединялись к сонму богов, их могилы становились объектом почитания.

Культ плодородия

Скотоводческие обряды и поверья были тесно связаны с культом дикой природы. Большинство из них было приурочено к сезонным праздникам, в основном весенним и осенним.

Значительный интерес представляет рассказ Геродота о скифском новогоднем празднике, учрежденном якобы Колаксам, первым скифским царем, в честь священного золота, которое упало с неба и было предназначено именно ему. Главные компоненты праздника: ночное бдение у священного золота ритуального заместителя царя, его убийство через некоторое время, объезд царем-всадником земельного надела. В ритуале праздника была, вероятно, и пахота — имитация священного брака и божества земли. Эти два элемента праздника реконструированы на основе мифологических сюжетов и обрядов иных индоевропейских народов. В целом в этом празднике и связанных с ним культовых легендах слились, видимо, элементы средневропейской аграрной мифологии (мотив священного плуга) и индоиранской концепции царской власти. Это произошло, вероятно, в результате тесных контактов скифов-кочевников и местных земледельческо-скотоводческих племен, на земле которых, возможно, проводился этот праздник.

Обряды, совершавшиеся во время новогоднего праздника, повторяли сакральные действия при сотворении мира. И в то же время это было новое

творение мира, обновление всего природного жизненного цикла. Главное место в новогодних ритуалах занимал поединок героя-первопредка с чудовищем. Победа героя означала торжество света, добра над силами зла, с нее начинался новый годовой цикл.

Культы предков, героев и вождей

Культ предков тесно связан с погребальным культом и культом плодородия. Умершие становились духами — покровителями местности, управляющими природными стихиями, к которым обращались за помощью в повседневной жизни (к помощи высших богов прибегали лишь в исключительных случаях). Разрушение могил предков было поводом к войне, как следует из ответа Идан-фирса Дарию. Причем это не столько личные предки, сколько умершие мужчины племени (рода) вообще — бывшие защитники и богатыри. Именно культ богатырей (героев) имел, видимо, в скифском обществе гораздо большее общественное значение, чем культ предков, более характерный для земледельческих народов. В числе почитаемых героев могли быть и иноземцы, и полумифические исторические личности. Парными или близнечными божествами-героями считают изображения так называемых побратимов — двух скифов, пьющих из одного ритона. Эти персонажи можно, видимо, сравнивать с божественными близнецами — индийскими Ашвинами и греческими Диоскурами. Могилы героев были объектами особого поклонения. Им ставили каменные изваяния. Судя по атрибутике изваяний, их почитали как защитников и подателей плодородия, в том числе и человеческого.

Культ вождей имел формальное сходство с культом героев, но уже являлся идеологическим обоснованием новой, деспотической власти вождя-царя. В скифском обществе был развит культ вождей. Это ясно из мифологии, обосновывающей божественное происхождение царской власти, а также роли царя в религиозном культе, погребального обряда, изобразительного искусства.

Жречество, отправление культов, культовый инвентарь

У древних иранцев существовало специальное сословие жрецов. Видимо, так было и у скифов. Споры ведутся лишь о том, была ли это обособленная сословно-кастовая группа наподобие «атраванов» — жрецов огня, либо скифские «предсказатели» были подобны вещунам и ворожеям языческих племен Севера и Востока Европы. Согласно Геродоту, среди скифов было много «предсказателей», которые гадали с помощью большого числа ивовых прутьев, раскладывая и складывая их на земле. Этот способ гадания археологически засвидетельствован у родственных скифам племен Сибири и Средней Азии (находки прутьев в погребениях). Более известны были энареи-андрогины, т. е. «не мужчины», или «евнухи». Они носили женскую одежду, занимались жен-

скими работами и даже разговаривали «по-женски». Способ гадания у них также был женский: они переплетали и расплетали полоски липовой коры, разрезанные на три части. Судя по всему, они являлись жрецами культа Ар-гимпасы-Афродиты.

Функции скифских «предсказателей» были, вероятно, подобны функциям служителей культа такого уровня у иных народов. Это, прежде всего, врачевание болезней, а также «управление» атмосферными явлениями и военная магия. Скифские «предсказатели», возможно, сопровождали войска в походе, подобно персидским магам и монгольским шаманам. В их ведении были и судебнопкарательные функции, т. е. отыскивание разного рода злоумышленников. Высшим авторитетом в судебных делах, в том числе касающихся веры, был царь. Перед лицом царя происходили судебные разбирательства, он судил «предсказателей» в случаях конфликтов между ними и даже казнил их. Во времена Геродота были обычны столкновения между царем и предсказателями. Их нередко казнили за «ложные пророчества». Возможно, в основе лежал конфликт новой волны кочевников — царских скифов и старой могущественной аристократии, в том числе жреческой.

Сами цари также выполняли определенные жреческие функции, например, приносили жертвы в честь священных золотых реликвий, якобы дарованных небесным божеством первому царю.

Скифам, как и иранцам вообще, было присуще преобладание мужчин в культовой сфере.

Античные авторы, в том числе Геродот, упоминают лишь мужчин-жрецов. В особенности это касалось более официальных форм культа. За женщинами оставались, главным образом, домашние культы, а также обряды, связанные с погребениями и некоторые тайные обряды. К ним относились различные хтонические культы, связанные с почитанием демонов плодородия.

Основным видом ритуальной деятельности были жертвоприношения. Они проводились без участия специальных жрецов. Обряд жертвоприношения был крайне прост. Жертвенное животное душили петлей, накинутаю на шею (бескровное жертвоприношение), вызывая при этом к божеству. Потом мясо варили в котлах, причем часть мяса и внутренностей (доля бога) бросали перед собой на землю. Приносили в жертву быков и других животных, за исключением свиней, но более всего

коней. Исключительная роль конской жертвы, а также бескровный обряд жертвоприношений сближают скифскую обрядность с древнеиндийской. Наиболее ценными считались человеческие жертвоприношения, например, в культе Арея; кумир божества орошали кровью.

Каменные идолы скифов

Выше мы уже выяснили, что изображения человека, заимствованные скифами из древневосточной и ионийской традиций, к середине VI в. до н.э. совершенно исчезают из искусства Скифии. Образ человека здесь появляется вновь

не ранее конца V в. до н.э., а широкое распространение получает в IV в. до н.э. Таким образом, на протяжении свыше полутора веков скифское искусство совершенно не знает антропоморфных мотивов в торевтике, мелкой пластике и других подобных сферах материальной культуры. Но история каменных изваяний этой закономерности явно не подчиняется.

По мнению Д.С. Раевского, на каменных изваяниях Скифии изображен первопредок и герой скифской мифологии — Таргитай, которого Геродот считает полностью тождественным греческому Гераклу. Таргитай — первый человек, прародитель всех скифов. Этот факт хорошо согласуется с наличием на изваяниях символика фаллоса.

Здесь следует обратиться к прагматическому аспекту анализа скифских изваяний, поскольку выяснение того, *как* и *кого* они изображали, должно вестись в тесной связи с поисками ответа на вопрос, *для чего* изображали. Как отмечалось, общепринятым является мнение, что изваяния служили в Скифии надгробными памятниками лиц достаточно высокого социального ранга. В этой связи вспомним, что с точки зрения архаической культуры смерть члена социума есть нарушение порядка (космического, социального и т. п.), нарушение стабильной структуры, требующее скорейшего устранения. Чем выше социальный ранг умершего, тем существеннее это нарушение; максимума же оно достигает в случае смерти царя (в рамках племени — вождя), являющегося личностным воплощением всего социального организма. Смерть царя, — отмечает Д.С. Раевский, — есть временное торжество хаоса над космосом, уничтожение порядка. Конкретные проявления этого могут быть весьма разнообразны. С одной стороны, науке известны примеры прямой манифестации в подобных случаях социального хаоса; так, в некоторых африканских обществах после смерти царя громили рынок — воплощение упорядоченного существования социума, нарочито безнаказанными оставались различные преступления и т. д. С другой стороны, та же идея увязывалась с символическими системами. Так, у североамериканских индейцев смерть вождя приравнивалась к тому, что «сломался мировой столб», что он «упал па землю» и т. п. Если же смерть человека, воплощающего космический порядок, осмысливается как *падение* мирового столба, то восстановить этот порядок следует прежде всего путем его *воздвижения*. Но ведь именно одним из предметных воплощений космического столпа как олицетворения миропорядка и являются скифские антропоморфные изваяния. Тогда воздвижение подобного изваяния на могиле человека, смерть которого нарушила установленный миропорядок, является одним из самых естественных действий, ведущих к устранению нанесенного этой смертью урона. Такое толкование позволяет увязать воедино представления о семантике, синтактике и прагматике изваяний. Более того, именно оно объясняет упоминавшиеся выше случаи вторичного использования изваяний: предложенное толкование предполагает одномоментальное, кратковременное их употребление, после же выполнения сугубо прагматической задачи изваяния могли уничтожаться или подвергаться вторичному использованию, скорее всего, впрочем, также связанному с их семантикой. Изложенное толкование значения и назначения изваяний позволяет объяснить и суть их стилистической эволюции. Если, как было сказано, эти памятники воздвигались по случаю смерти царя (вождя) и были призваны устранить причиненное ею нарушение космической и социальной стабильности, то само изваяние, особенно если учесть присущий ему антропоморфизм, свободно могло толковаться как заместитель умершего, а в конечном счете — как его изображение. Такое понимание тем естественнее, что Таргитай есть, по скифской мифологии, предок скифских царей, а иногда именуется просто первым царем. Следовательно, любой царь в соответствии с нормами мифологического мышления есть земное воплощение этого божества, а изображение Таргитая есть в то же время изображение конкретного царя и наоборот.

Но пауза в нарастании антропоморфных тенденций в скифском искусстве (и религии) длилась совсем недолго. И здесь немалую роль сыграло влияние греческой культуры, переживавшей в V-IV вв. до н.э. небывалый расцвет как в материковой Греции, так и в ее колониях.

Приспособление эллинского искусства с его искусственностью в воплощении действия, сюжетного начала для выражения скифской картины мира предопределило возвращение в репертуар искусства Скифии антропоморфных образов, но уже на качественно ином по сравнению с ранней стадией уровне. Если в начале его истории предпринимались лишь попытки приспособить чуждые по происхождению образы и иконографические схемы для воплощения персонажей и сюжетов скифской мифологии, то теперь греческие мастера оказались способны решить принципиально иную задачу — создания ориги-

нальных композиций и иконографии, изначально призванных воплотить эти сюжеты. Успеху на этом пути способствовали, во-первых, хорошее знание при-поптийскими эллинами скифского быта и культуры, во-вторых, особенно отчетливо проявившееся в эпоху эллинизма освобождение греческого искусства от сковывающих рамок жесткого канона, практически безграничное расширение доступных ему тем и способов их изобразительного решения.

На куль-обской, воронежской и гаймановской чашах, на чертомлыцкой серебряной амфоре, на гребне из кургана Солоха, на целом ряде золотых и серебряных бляшек из скифских погребений мы находим композиции, доказывающие, насколько успешно была решена эта задача античными мастерами. Ранее Д.С. Раевским была предпринята попытка обосновать принципиальную необходимость толкования всех этих сцен как связанных не с бытовыми сюжетами, а со скифской мифологией и ритуалом.

Исследования последних лет

С.С. Бессоновой, Е.Е. Кузьминой, Д.А. Мачинского и др. подкрепили мнение, свыше 30 лет назад высказанное Б.Н. Граковым, полагавшим, что в IV в. до н.э. «Скифия, сохраняя древние сказания и культы, в значительной степени ввела в них изображения человека. В этом ей помогало соседнее эллинство, принеся свое разработанное антропоморфное искусство на скифские алтари». Не антропоморфизация «звериного пантеона», но воплощение сюжетов и персонажей антропоморфной мифологии в ранее неизвестных здесь изобразительных памятниках — вот истинная сфера воздействия греческой культуры на скифскую в данный период.

IV в. до н.э. — апогей антропоморфизации скифской религии и скифского искусства, причем мы видим уже не только греческие воплощения скифских идей в конкретных произведениях, но и многочисленные творения местных мастеров. Например, бронзовые фигурные навершия из кургана Слоновская Близница, где герой, видимо, Таргитай, убивает грифона, терзающего какое-то травоядное животное; или навершие из Александропольского кургана, увенчанное фигурой полуобнаженной богини — «Владычицы зверей»; навершие с Лысой Горы на Днепропетровщине с изображением мирового дерева с птицами на ветвях и обнаженной мужской фигуры — возможно, бога Папая. Скифские навершия были венчающим элементом вертикальных столбов или шестов, которые рассматривались кочевниками как воплощение образа мирового дерева и играли важную роль в похоронных ритуалах.

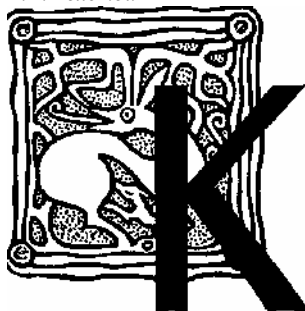
Как магический предмет использовались у скифов и металлические зеркала (бронза, серебро). Их форма и орнаментика связаны с символикой солнца, плодородия, женского начала.

ГЛАВА 10

ТАМ — ЗА ТАНАИС-РЕКОЙ

Безмолвен курган одинокий, Наездник державный забыт...

А.К. Толстой

Аристеи из Проконеса: легенды и быль

конецу VII в. до н.э., опираясь на разветвленную сеть постоянных и временных торговых пунктов-факторий, греки прочно утвердились в Северном Причерноморье и завязали регулярные связи с местными племенами. В погоне за наживой предприимчивые эллинские купцы плавали по большим и малым рекам далеко в глубь Скифии, но иногда они оставляли корабли и передвигались торными караванными дорогами. Их легкие ладьи поднимались на 300 км вверх по Южному Бугу, бороздили воды Днепра (по крайней мере, до порогов), не раз проплывали мимо меловых круч на берегах Дона-Танаиса, считавшегося у древних границей между Европой и Азией. И все же трудно отделаться от ощущения, что эллины довольно смутно представляли себе истинное положение вещей не только за пределами самой Скифии, но даже и в ее центральных и северных областях. Варвары в массе своей относились к чужеземцам враждебно, ревниво следили за чистотой и незыблемостью древних обычаев и верований, оберегая их от какого-либо влияния извне.

При подобной ситуации любая попытка греков проникнуть в глубь варварских земель была сопряжена с большим риском и могла кончиться для них печально. Однако действительность очень часто превосходит самые безудержные фантазии и догадки. По иронии судьбы, именно в это беспокойное время, когда греческие колонисты только закладывали первые камни в фундамен-

ты стен своих будущих городов на северном побережье Понта, один из них сумел побывать в далекой стране исседонов или, иными словами, где-то в районе Южного Урала и Казахстана. Это самая дальняя точка в глубинах Евразии, до которой добирались представители античного мира.

Имя этого отважного путешественника — Аристей, сын Каистробия, уроженец Проконеса*.

Полулегендарные сведения о нем приводит Геродот:

Рассказывают, что Аристей, один из знатнейших граждан в Проконесе, вошел однажды в валяльную мельницу и там умер: тогда валяльщик запер мастерскую и пошел уведомить родственников. В то время как по городу распространилась молва о смерти Лристея, какой-то кшикинец**, прибывший из г. Артаки, возражал на это, уверяя, что он сам повстречался и беседовал с Аристеем на пути его в Кизик. Кшикинец возражал решительно; тем временем родственники покойного явились к мельнице с необходимыми принадлежностями для похорон. Но когда валяльную открыли, то не нашли в пей Аристея — ни мертвого, ни живого. Впоследствии, на седьмом году после этого, явился он, как рассказывают дальше, в Прокоиес, составил здесь ту поэму, которая у эллинов называется Аримас-повой, и по составлении ее исчез вторично. Так рассказывают в городах Проконесе и Кизике.

Затем начинаются еще более невероятные чудеса. Ровно через 240 лет после своего вторичного исчезновения Аристей неожиданно объявился в Ме-тапонтии, па юге Италии и повелел местным жителям устроить жертвенник в честь бога Аполлона, а «после него поставить изображение с наименованием его Аристея Проконесского».

На первый взгляд эта история напоминает скорее какой-то фантастический роман с превращениями духов, нежели реальный рассказ о человеке, совершившем удивительное путешествие в далекие восточные страны. Сильные сомнения вызывает и явно вымышленная дата создания «Аримасповой поэмы»: по Геродоту, она появилась за 240 лет до его дней, т. е. в конце VIII — начале VII вв. до н.э. Но нас не должно смущать ни первое, ни второе. В нашем распоряжении есть одна падежная отправная точка — сама поэма. К сожалению, полный текст ее не сохранился. Несколько небольших отрывков из «Аримаспеи» можно найти в трудах более поздних авторов. Например, важнейший из уцелевших отрывков взят из работы византийского писателя Цеца, жившего в XII в.:

Исседоны, чванящиеся длинными волосами, — эти люди живут вверх, в соседстве с Бореем, многочисленные и очень доблестные воины, богатые копиями и

* Проконес — совр. о. Мармара в Мраморном море, где в древности находилась одна из ионийских колоний.

Кизикинец — уроженец Кизика, крупнейшего древнегреческого города на берегу Мраморного моря.

стадами овец и быков. Каждый из них имеет один глаз на прелестном челе; они носят косматые волосы и являются самыми могучими из всех мужей.

Более связный и полный пересказ содержания поэмы Аристея мы находим в геродотовой «Истории»: Сын Каистробия Аристей, уроженец Проконеса, говорил в своей поэме, что по вдохновению Аполлона он прибыл к исседонам, что над исседонами живут одноглазые люди, аримаспы, над аримаспами — стерегущие золото грифы а еще выше — гипербореи, простирающиеся до моря. За исключением гипербореев все эти народы, начиная с аримаспов, постоянно воюют с соседями, так что исседоны вытеснены из своей земли аримаспами, исседонами вытеснены скифы, а киммери-ане, жившие у Южного моря*, покинули свою страну под натиском скифов <...> Даже он (Аристей. — В.Г.) сообщал в своей поэме, что не проникал дальше исседонов, о землях выше лежащих, он говорил по слухам, утверждая, что так передавали ему исседопы.

Для дальнейших рассуждений нам крайне необходимо решить один важный вопрос — когда именно была создана поэма Аристея. Приводимая Геродотом дата (конец VIII - начало VII вв. до н.э.) носит явно фантастический характер. В настоящее время большинство ученых, ссылаясь на то, что упоминаемое в поэме нашествие киммерийцев на страны Малой Азии имело место в 40-30-х гг. VII в. до н.э., относят создание «Аримаспеи» к рубежу VII и VI вв. до н.э. Это означает, что исторический Аристей, живший за 240 лет до Геродота и так красочно описанный в его «Истории», не мог быть автором поэмы. Тем не менее в специальной литературе и этого неизвестного автора по традиции продолжают называть Аристеем или Псевдо-Аристеем. Не будем нарушать данной традиции и мы.

Несмотря на свой полулегендарный характер и проблематичность имени автора, «Аримаспея», безусловно, дает нам ряд неоспоримых и весьма ценных фактов. Из ее содержания, во-первых, следует, что какой-то грек (будь то Аристей или кто-либо другой) сумел преодолеть немалый путь от берегов Понта до племени исседонов, которые, в свою очередь, рассказали ему о еще более далеких странах. Сообщения исседонов содержат множество страшных басен и вымыслов, видимо, именно для того, чтобы отпугнуть чужеземцев от проникновения в богатые золотом области, лежавшие дальше к востоку. Во-вторых, теперь уже очевидно, что путешествие это имело место где-то в конце VII или в начале VI вв. до н.э., и, несмотря на стихотворную форму и обилие легендарных сведений, эпос основан на надежных географических и исторических фактах.

* Южное море — в данном случае Черное море (Нонт Эвксипский).

Остается решить, зачем отправился Аристей в далекую страну исседонов, и где именно находилась эта страна. О действительной цели его путешествия мы можем только гадать. Не исключено, что он сам или по поручению эллинских купцов, обосновавшихся на торжищах Березаии и Ольвии, предпринял попытку разведать новые земли за пределами Скифии, по слухам, весьма прибыльные для торговли.

Искаженные рассказы о богатых золотом царствах в глубинах Азии должны были, безусловно,

доходить через скифов и до греческих колонистов. И нет ничего удивительного в том, что один из них решил, наконец, отправиться прямо к источнику происхождения этих слухов. Гораздо труднее определить местонахождение тех отдаленных земель, где удалось побывать Аристею.

Исходная точка всей дискуссии — вопрос о том, где жили исседоны, давшие временный приют чужеземцу. Мнения ученых на этот счет разделились. Одни ищут исседонов в Центральной Азии и Тибете. Другие ссылаются на тот факт, что слово «исседоны» лежит якобы, в основе названия древнего государства Иссетии и сохраняется поныне в названии уральской реки Исеть (бассейн р. Обь). Наконец, третьи исходят из того, что богатые золотом земли аримаспов и «стерегущих сокровища грифов» расположены в районе современных богатейших золотых месторождений либо на Урале, либо на западных склонах Алтая. Есть свои сторонники и у гипотезы, согласно которой исседоны жили в центральных и восточных областях Казахстана.

Всем этим умозрительным теориям и построениям явно не хватает доказательности. Да иначе и быть не может, поскольку их авторы часто не имели возможности привлечь в ходе своих изысканий дополнительные источники в виде археологических находок и сведений о добыче золота в древности в районе Урала, Алтая и Казахстана.

Ниже мы еще вернемся к проблеме местонахождения страны исседонов и их соседей — аримаспов и «грифов», когда речь пойдет о знаменитом торговом пути из Ольвии на Урал, столь красочно описанном Геродотом.

Для нас же пока вполне достаточно сделать один, самый главный вывод из тех сведений, которыми мы располагаем сейчас об Аристее и его путешествии на восток. На мой взгляд, лучше всего этот вывод сформулирован в работе немецкого ученого Рихарда Хеннига «Неведомые земли». Он пишет: «Неизвестный автор, которому приписывается имя Аристея, видимо, сумел перебраться через Урал и проникнуть в Западную Сибирь. Стимулом для такого путешествия послужило, вероятно, стремление найти местонахождение

Илл. 120. Серебряный ртпои с головой быка из Ирана (Ахеменидский период). Курган № 1 у с. Филипповна, Оренбургская обл., V-IV вв. до н.э.

332

золота, которое, как предполагалось, было расположено на крайнем северо-востоке. В рассказе Аристея золото играет настолько большую роль, что такой вывод можно считать оправданным. Страну золота Аристею найти не удалось, и он вынужден был довольствоваться тем, что пожелали ему сообщить исседоны, игравшие роль торговых посредников».

Проникновение Аристея в земли, лежащие на северо-восток от Скифии, было своеобразной разведкой глубинных областей Евразии, слухи о сказочных богатствах этих земель доносили до черноморских греческих факторий заезжие скифы-купцы. Разведка эта, видимо, оказалась удачной. Плотная завеса неведомого, скрывавшая до того далекие северо-восточные земли от взора просвещенного эллина, была, наконец, прорвана. И туда немедленно устремились вездесущие греческие купцы. Непосредственным результатом всех описанных событий явилось установление торговых сношений эллинских городов-колоний Северного Причерноморья (особенно Ольвии) с варварскими племенами Урала и Алтая.

Геродот-геликарнаец в Ольвии

(или немного фантазии на исторические темы)

Нудные и по-осеннему холодные дожди прекратились. Вновь лучезарный Ге-лиос согревает теплом напоенную влагой землю. И бездонную небесную синь не отличить уже от морской лазури. Веселый гомон матросов и грузчиков на пристанях, оглушающий стук молотов в кузнечном квартале, крики погонщиков на узких улочках верхнего города — все говорило о том, что Ольвия стряхнула с себя сонное оцепенение вынужденного безделья и вновь готова к деятельной жизни в этом беспокойном степном краю.

Воины городской стражи в высоких медных шлемах с гребнями и до блеска начищенных

панцирях не спеша отодвинули огромный железный засов и с трудом развели в стороны створки тяжелых дубовых ворот. В город входил большой караван. По всему было видно, что прибыл он издалека. Измученные низкорослые лошаденки с косматыми гривами сгибались под тяжестью вьюков. Лица путников, запыленные, до черна обожженные степным солнцем, были бесстрастны. Но жители Ольвии с нетерпением ждали их рассказов. Там, где побывали путники, не ступала еще нога эллина. Сурова и негостеприимна там природа, жестоки и беспощадны варвары, но сокровища — бесчис-

Илл. 121. Деревянное украшение конской узды. Курган № 1, Туэкта, Алтай, VI в. до н.э.

334

ленны. Заботливо упакованы в тяжелые вьюки диковинные товары: драгоценные меха лисиц, соболей и бобров, разноцветные камни божественной красоты, слитки желтого металла, в обмен на который можно купить все богатства мира.

На постоянных дворах, у причалов гавани, в пестрой рыночной толпе Ольвии часто можно было видеть человека с высоким лбом мыслителя, внимательным и дружелюбным взглядом. Жадно

расспрашивал он бывалых людей о жизни и нравах воинственных скифов, их ближайших соседях, о дальних землях, откуда доставляли на берега Понта драгоценную пушнину и золото. Сам на свой страх и риск поднимался он на пузатом торговом судне вверх по Гипанису (Бугу) в глубины Скифии, с любопытством рассматривал в Эксампае огромный бронзовый котел, отлитый, согласно преданию, по приказу скифского царя из наконечников стрел его бесчисленных воинов. Геродот, уроженец малоазийско-го города Галикарнаса, живший с 482 по 425 гг. до н.э., объездил, как говорят, половину света, а о другой его половине сумел немало узнать из чужих рассказов, тщательно отделяя при этом сказку от бытия, фантазию от действительности. И уже на закате своих дней Геродот подарил человечеству бесценную «Историю» в девяти книгах, где запечатлены во всем их многообразии и красочности культура и люди того времени. «Нашей Скифии, — писал историк Н. Надеж-дин, — предпочтительно перед прочими, несравненно больше интересными странами земного шара, выпала счастливая доля найти именно в Геродоте, «отце истории», и отличного наблюдателя, и отличного живописца. Геродот, сам бывший в Скифии, сам проникавший в глубину беспредельных ее степей, посвятил описанию ее почти целую Музу своего красноречивого Парнаса, почти целую книгу своих бессмертных сказаний. И он описал ее с какой-то особенной любовью, с какой-то пристрастной нежностью, не пренебрегая ни малейшими подробностями, какие мог схватить или личным наблюдением, или прилежными расспросами у туземцев. Можно сказать, что представленная им картина Скифии есть редкий образец географической полноты и отделки, каких только могла удостоиться варварская страна от спесивой классической древности».

По следам торговых караванов

Свой рассказ о торговом пути па северо-восток Геродот начинает с «торжища Борисфенитов», т. е. с Ольвии — греческой колонии, расположенной в устье Днепро-Бугского лимана. Следовательно, именно этот город был исходным пунктом караванного маршрута. Шаг за шагом греческий историк перечисляет племена и народы, которые встретились на этом пути. Сначала купцы пересекали низовья Буга и Днепра и шли степью, через земли кочевых и царских скифов. По левую руку от них, далеко в сторону, оставались колдуны-невры,

33 ff

людоеды-андрофаги и меланхлены — «черные плащи». За Доном караваны вступали во владения воинственных савроматов, которые, согласно легенде вели свое происхождение от смешанных браков царских скифов с амазонками. Эта земля была голой и безлесной. Но дальше на север, на расстоянии всего 15 дней пути, путешественников ждала веселая зелень перелесков и сумрак вековых дубрав страны рыжеволосых и голубоглазых будинов. Еще семь дней путники ехали по безлюдной пустыне. За ней, «более в направлении к востоку», жили лесные охотники фиссагеты и иирки, в которых многие современные исследователи видят предков угро-финских народностей (мордвы, марийцев и т. д.). Далее обосновались «другие скифы», отделившиеся когда-то от царских. Наконец, у подножия высоких гор (скорее всего, Урала) обитали аргиппей — «люди, плешивые от рождения».

«О стране до этих плешивых и о племенах, обитающих по сю сторону их, — пишет Геродот, — имеются весьма достоверные сведения: к ним ходят некоторые скифы, от которых нетрудно добыть сведения, равно как и от эллинов из торжища Борисфена и других припонтийских торжищ. Те из скифов, которые приходят к ним, ведут свои дела при помощи семи переводчиков на семи языках. Что находится дальше, к северу от аргиппеев, неизвестно, поскольку те дальние страны скрыты за высокими горами. По словам самих аргиппеев, в горах живут люди с козьими ногами и люди, спящие по шесть месяцев в году. Область же к востоку от плешивых, населенная исседонами, хорошо известна <...> А выше их, по рассказам исседонов, живут одноглазые люди и стерегущие золото грифы. Со слов исседонов передают этот рассказ скифы, а от скифов знаем и мы, прочие, и называем их по-скифски аримаспами: „арима" скифы называют единицу, а „спу" — глаз.»

Присущая Геродоту ясность мысли не покинула его и на этот раз. Он решительно опроверг слухи о фантастических существах с козлиными ногами и о людях, спящих по шесть месяцев в году. Не менее определенно высказался Геродот и по поводу одноглазых аримаспов. «Мне и то кажется невероятным, — рассуждает он, — чтобы существовали одноглазые люди, в остальном сложении тела сходные со всеми...»

Но легенда, раз возникнув, путешествует по векам и народам. Даже на арабской карте 1154 г. в районе Западной Сибири можно видеть изображения грифов, пожирающих пленных аримаспов. Как ни велик был сказочный элемент в этих рассказах, ученые всегда пытались обнаружить его

реальную основу, то зерно истины, которое содержится в любой легенде или предании. Диковинные полуфантастические народы далеких северных окраин — аргиппеев, исседонов и аримаспов — отождествляли с древним населением Урала и Сибири. Одни видели в аргиппеях китайцев, а другие калмыков. Исседонов размещали то восточнее Тянь-Шаня, в бассейне р. Тарым, то в степях между Волгой и Уралом, то на р. Исеть в Сибири. Даже упомянутый Эсхилом «золотоносный поток Плутона» готовы были принять за верховья Енисея. Соответственно менялась картина расселения и других племен, названных Геродотом. В пылу полемики появлялись исключаящие друг друга точки зрения. Один вообще отрицали существование ольвийского торгового пути в страну аргиппеев. Другие, напротив, умудрялись доводить его вплоть до Джунгарии, Тибета и даже границ Китая. «При всем моем уважении к знаниям древних и к учености новых земледельцев, — писал Н. Надеждин, — я сомневаюсь, и сомневаюсь крепко, чтобы во времена Геродота между странами столь отдаленными, как Черноморье и Подуралье, могли существовать сношения столь привычные и столь свободные, как те, в которых Геродот поставляет не только скифов, но и понтийских эллинов с аргиппеями и исседонами. Ныне от Херсо-неса до Оренбурга, крайней южной точки Уральского Пояса, считается почтовым трактом более двух тысяч верст, следовательно, по меньшей мере, около шестидесяти сухопутных дней. Расстояние ужасное, если даже не принимать в расчет дикой пустынности промежуточного пространства, которая, особенно в те отдаленные времена, тем более должна была затруднять и замедлять путешествие!»

Н. Надеждину возражал англичанин Э. Миннз, помещавший племя аргиппеев в верховьях Иртыша, в районе Бухтарминска. «Торговый путь, — утверждал он, — от Урала шел почти прямо на юго-восток, в Джунгарию и район Кульджи».

Как видим, решить эту сложнейшую историческую загадку было не так-то просто.

«Свет мой, зеркальце, скажи...»

Сейчас положение заметно изменилось. Археология расширила во много раз возможности исторического поиска. Раскопаны целиком или частично тысячи самых разнообразных памятников прошлого — от еле уловимых стоянок первобытного человека до известных по летописям древнерусских городов. И скифские древности не были исключением. Народы и племена, которые, согласно Геродоту, жили когда-то вдоль торгового пути, получили благодаря раскопкам археологов вполне материальные черты в виде предметов утвари, оружия, украшений. Будины занимали территорию Верхнего Дона, современные Липецкую

Илл. 122. Бронзовое греческое зеркало из Ольвии с фигурой пантеры на рукоятке. Случайная находка. Роменский район Сумской обл., VI в. до н.э.

и Пензенскую области. Савроматы заняли всю обширную полосу степей от Южного Урала до устья Дона. Фиссагеты обосновались в дремучих лесах Среднего Поволжья, иирки — в Прикамье. Аргиппеи-«плешивцы» были жителями Западного Приуралья, хотя с ними так и не удалось связать пока ни одну из известных сейчас археологических культур.

Итак, географические рамки нашего пути намечены, исторический фон определен. Но, прежде чем говорить о главном звене всех доказательств — о расселении исседонов и аримаспов, следует упомянуть об одном научном открытии.

В 1926 г. молодой археолог Борис Граков изучал коллекцию ольвийских вещей в хранилищах Эрмитажа. Одна за другой проходили перед его взглядом бесценные античные находки — живое дыхание навсегда ушедших веков: изящные расписные сосуды, терракотовые статуэтки, золотые украшения тончайшей работы. Здесь была и большая группа круглых бронзовых зеркал с характерной плоской ручкой, которую украшала фигура барса или головка барана. Зеркал было много, гораздо больше, чем в каком-либо другом греческом городе Северного Причерноморья. Тогда ученый не придавал особого значения этому факту. Ему было известно, что подобные же зеркала изредка встречаются в древностях Венгрии, в скифских могилах Приднепровья, на Северном

Кавказе и в Поволжье. Определить время их изготовления не составляло особого труда: вторая треть VI — первая четверть V в. до н.э.

Обо всем этом Борис Николаевич Граков вспомнил только через двадцать лет, когда ему пришлось заняться проблемой ольвийского торгового пути. Бронзовые зеркала стали поистине путеводной нитью в лабиринте скороспелых гипотез его предшественников. Ведь для того, чтобы показать направление и общую протяженность торгового ольвийского пути, нужны совершенно особые материалы и находки. Прежде всего, они должны быть греческими по происхождению, так как скифские вещи из Северного Причерноморья зачастую ничем не отличаются от изделий савроматов, саков, массагетов и других родственных скифам племен, обитавших к востоку от Дона. Далее, желательно, чтобы они были ольвийскими, поскольку именно из Ольвии начинался знаменитый торговый путь в богатые золотом восточные страны. Литые бронзовые зеркала с изящными ручками вполне отвечали обоим этим условиям. Большая их часть была найдена в Ольвии. Следовательно, там находился главный центр их производства. Оставалось лишь нанести на карту места находок зеркал к востоку от Скифии. Кропотливые поиски в горах старых отчетов и публикаций принесли свои плоды. За восточными пределами скифских земель ольвийские зеркала встречались трижды: в урочище Улан-Эрге (близ Астрахани), в древнем кургане Нлга (Бузулукский р-он) и в богатом погребении савроматской жрицы из урочища Бис-Оба (близ Орска). Так, еще один полумифический рассказ встал на вполне реальную почву.

Окончательный вывод профессора Гракова строг и лаконичен: «Находки ольвийских зеркал на Волге и Урале — наилучшее доказательство реальности торгового пути, описанного Геродотом. Он шел из Ольвии, пересекал Дон, поворачивал по Волге на север и доходил до южных отрогов Урала в районе Орска, где и заканчивался. Этот путь не был единым. От него имелись ответвления на север и на юг».

Два лица египетского бога

Он смотрел на меня сквозь толстое стекло музейной витрины и улыбался. Улыбался затаенно, уголками губ, пряча усмешку в густую короткую бороду. В зале царил тишина. Пожилая женщина-смотритель задремала на своем стуле. А редкие в этот полуденный час посетители музея сюда почти не заглядывали. Я мог созерцать своего кумира без всяких помех. Маленький пузатый божок из светлого камня всем своим видом напоминал проказника Силена, которого древние эллины представляли себе веселым и добродушным стариком. Но это было только внешнее сходство. Никакого отношения к искусству классической Греции божок не имел. Увидев его впервые, я поразился, что он помещен рядом с находками VII-III вв. до н.э. из курганов Алтая. Предмет явно выделялся среди окружающих его алтайских древностей. Картонный квадратик этикетки сразу же все поставил на свои места. Лаконичная надпись гласила: «Изображение египетского бога Беса».

Здесь было над чем поломать голову. Египетская вещь на Алтае? Возможно ли? История знает немало случаев ловких подделок и фальсификаций, выдаваемых за последнее слово науки. Но на этот раз все оказалось в полном порядке. Статуэтка Беса попала в Государственный Исторический музей из коллекции графа А.С. Уварова. А тот приобрел ее вместе с другими уникальными предметами старины у инженера Г.И. Спасского, много лет прослужившего на алтайских горных заводах. Вещь была найдена в одном из древних курганов Алтая, который разрыли в поисках золота печально знаменитые сибирские «бугровщики» — грабители могил. Из их рук в прошлом веке многие древности попадали в собрания частных коллекционеров и музеев.

В 1929 г. статуэткой Беса заинтересовался археолог А.А. Захаров. Ему удалось различить на боках и спине идола точечный орнамент, «имитирующий львиную шкуру, голова которой была надета на голову статуэтки, передние лапы переброшены через плечи, а задние находились на бедрах». По словам ученого, перед нами не что иное, как причудливая смесь двух различных изображений — египетского Беса и греческого Геракла.

В разное время египетские изделия находили и в других районах нашей страны. Бронзовая фигурка Осириса была обнаружена под Томском. Статуэтка египетского бога Амона, отлитая из того же металла, — в д. Конецгор (сейчас это место находится в черте г. Пермь).

Недавно в богатом савроматском кургане близ Орска археологи нашли египетский алебастровый сосуд VI-V вв. до н.э. с надписью «Лр-таксеркс, царь великий» на четырех языках: древнеегипетском, древнеперсидском, эламском и аккадском.

Но какое, спрашивается, отношение имеют находки египетских вещей к торговому пути Геродота? В VII в. до н.э. дряхлеющий гигант — Египет испытывает энергичный натиск предприимчивых

эллинов. Вскоре в дельте Нила возникает вольный греческий город Навкратис, постепенно захвативший всю внешнюю торговлю страны в свои руки. В его многочисленных мастерских появляются тысячи всевозможных украшений и амулетов, сделанных в египетском стиле или по египетским образцам. Эта продукция находила широкий спрос во всем Средиземноморье и далеко за его пределами. Роль торговых агентов по распространению «египетских» изделий взяли па себя греческие города Милет и Родос. И когда милетские колонисты обосновались на северных берегах Понта Эвксинского, туда попали и многие «египетские» товары. При раскопках на острове Березань и в Ольвии найдены сотни египетских скарабеев, амулетов, фаянсовых туалетных сосудов. Это проливает свет и на историю появления египетского божка на территории Алтая. Сочетание эллинских и восточных черт (Бес и Геракл) — явное доказательство того, что он вышел из рук нав к рати и с ко го мастера. А если это так, то нет ничего невероятного и в том, что он попал на Алтай по ольвийскому торговому пути. В VI-VBB. до н.э. Ольвия была основным торговым и ремесленным центром Северного Причерноморья. Именно оттуда распространялись по глубинным районам Евразии местные и привозные товары, в том числе и «египетские». Значит, ниточку торгового пути, доведенного по распространению ольвийских зеркал до Орска, можно продолжить и еще восточнее — до Алтая. В пользу такого заключения говорят и другие факты. Среди скифских древностей Прикубанья часто встречаются бронзовые литые шлемы, совер-

Длл. 123. Фигурка египетского бога Беса. Известняк. Случайная находка. Горный Алтай, /-IV вв. до н.э.

142

ЛЕГЕНДАРНЫЕ НАРОДЫ: ИССЕДОНЫ И АРИМАС

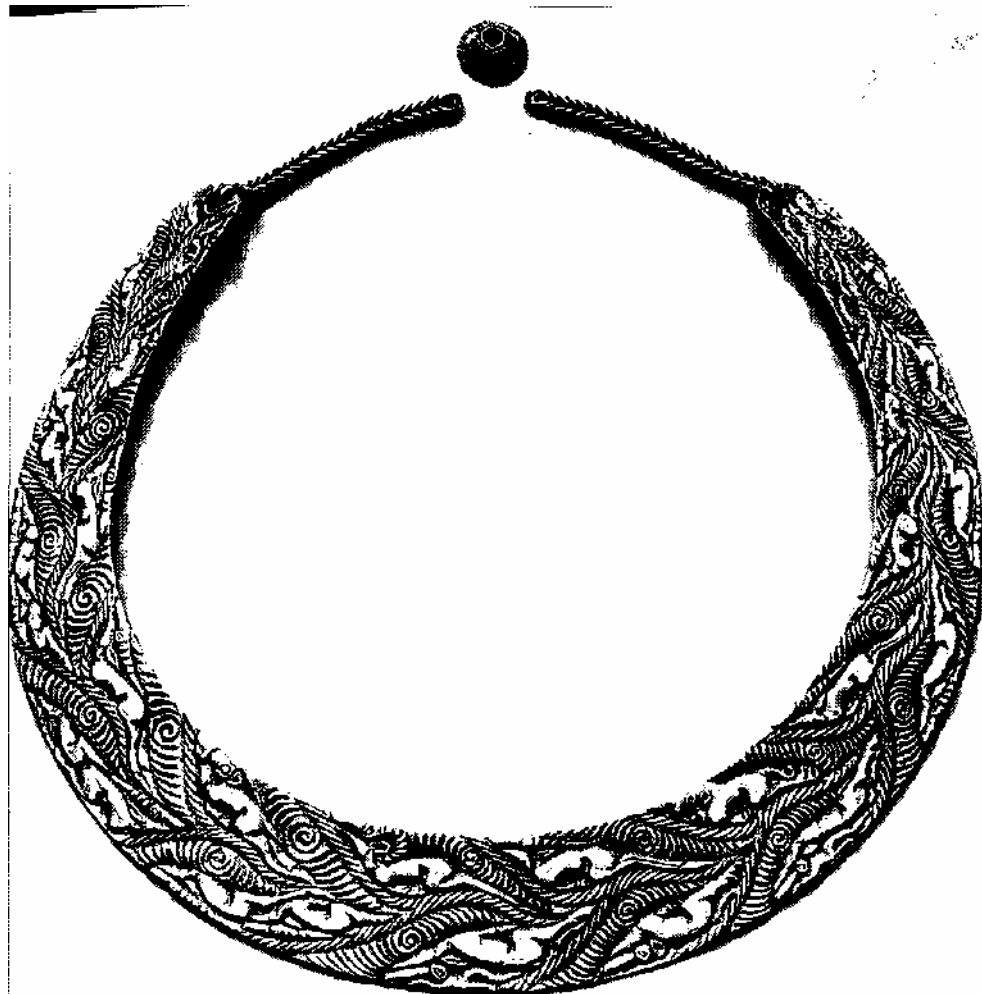
шенно не похожие ни на греческие, ни на восточные. Видимо, их изготовляли где-то здесь, на месте. Такие же шлемы находили и в других областях: у с. Старые Печсуры Саратовской области, в савроматском кургане Черная Гора у с. Абра-мовка Оренбургской обл., в верховьях Енисея и, наконец, в Горном Алтае. Из рассказа Геродота следует, что в страну аргинпеев чаще ходили не эллинские, а скифские купцы. Они и могли завезти столь ценный в то беспокойное время товар в самые отдаленные места, пользуясь караванным путем. Взглянув на карту, нетрудно убедиться, что в распространении перечисленных выше предметов чувствуется какая-то закономерность. Ольвийские зеркала и прикубан-ские шлемы встречаются по левому, степному, берегу Волги от Астрахани до Саратова и далее, до большой излучины реки в районе Самары, затем цепь находок идет почти прямо на восток по линии Бузулук — Оренбург — Орск. Если считать находки привозных вещей в Прикамье и у Астрахани доказательством южного и северного ответвлений торгового пути Геродота, то основным его направлением можно считать трассу Самара — Бузулук — Оренбург — Орск — Алтай.

Легендарные народы: исседоны и аримасты

Граница известного эллинам мира на востоке пролегла у земель исседонов — многочисленного и воинственного кочевого народа. У Геродота мы находим о нем несколько скудных фраз. «Этот

народ считается справедливым, женщины равноправны с мужчинами». Из другого отрывка мы узнаем, что исседоны имели довольно странный обычай съедать своих умерших отцов и делать из их черепов священные чаши, оправляя их в золото. У передовых застав исседонов должен был кончаться, вероятно, и торговый ольвийский путь. Дальше дороги не было. И если полумифический Аристей мог еще похвастаться тем, что лично побывал в стране исседонов, то его преемники на поприще торговли не преуспели и в этом. И дело здесь, конечно, не в природных барьерах и не в сказочных чудищах. Путь ольвийским караванам на восток закрывали сами исседоны. Они взяли на себя роль посредников в торговых операциях между причерноморскими купцами и населением богатых золотом земель, лежавших к востоку, извлекая из этого немалую прибыль. Истинные сведения о своих восточных соседях исседоны сообщали чужеземцам крупными, но зато не жалели красок, описывая всевозможные напасти, которые ждут всякого, кто рискнет проникнуть туда,

Где же искать страну исседонов? Геродот дважды упоминает об этом. Первый раз, когда речь идет о направлении торгового пути. Из этого рассказа следует, что они жили за высокими горами, к востоку от «плешивых», т. е. где-то в Южном Зауралье. Второй раз — при описании массагетов, населявших

124. Золотая пектораль с фигурами зверей. Курган Аржан-2, VII в. до н.э.

обширную равнину к востоку от Каспийского моря. Исседоны занимали земли «по ту сторону реки Аракса, напротив (т. е. севернее. — ВТ.) массагетов». И в том и в другом случае мы неизбежно попадаем в степи Центрального Казахстана. Если это действительно так, то страна аримаспов и «стерегущих золото грифов» находилась, скорее всего, на Алтае. Эта мысль отнюдь не нова. Еще великий Гумбольдт, опираясь только на свою интуицию, пришел к такому выводу. Сейчас, помимо его догадок, в нашем распоряжении есть и более весомые аргументы.

Российские археологи открыли на Алтае одну из самых блестящих культур скифского времени — пазырыкскую, названную по имени хорошо извест-

ШЕДРЫЕ РУДНИКИ АЛТА:

ных ныне Пазырыкских курганов. Мы не знаем, как именно называли людей, создавших эти величественные мавзолеи. Их могилы спрятаны под многотонной шапкой из каменных глыб. Там, в

просторных деревянных срубх-гробницах, навечно вмурованные в толстый слой льда, сохранились в полной неприкосновенности безмолвные представители навсегда ушедшего народа. Его имя потеряно в веках, язык забыт, культура исчезла. Степной ветер давно разогнал горький запах костров над былыми становищами пазырыкцев. Казалось, прошлое этого народа навсегда затерялось в запутанных лабиринтах истории.

Ученые вернули этой стране имя. Здесь жили аримаспы, постоянно воевавшие из-за золота с жадными грифами. И пусть никого не смущает их мнимая одноглазость. Греки порой сочиняли о своих соседях и не столь невинные басни.

Археологи изучили культуру этого народа, его традиции, пережившее века искусство. И здесь выявился поразительный факт: почти во всех могилах па-зырыкских вождей в изобилии представлены изображения ушастых грифонов. С удивительным постоянством их вырезали из войлока и кожи, вытачивали из дерева, отливали из бронзы, чеканили на золоте. Фантастическим чудовищам-грифам, в образе которых соединялись горный орел, лев и тигр, на Алтае поклонялись когда-то, как богам. Их воспевали в легендах и мифах, им приносили жертвы, их остроклювыми головами украшали оружие, конскую упряжь, парадную одежду. И, в конце концов, не так уж важно для нас, правы или нет были исседоны в своих фантастических рассказах. Рожденная народной фантазией легенда об аримаспах и грифах оказалась в основе своей верной. Грифы действительно занимали немалое место в верованиях древнеалтайских племен, что и нашло отражение в их богатом и ярком искусстве.

Щедрые рудники Алтая

«Ближайшие к Рипейским горам (Урал. — *В.Г.*) места, — писал в I в. н.э. римский историк Помпоний Мела, — непроходимы из-за беспрестанно падающего снега, сквозь который путешественник не может ничего увидеть. Затем идет область никем не населенная, несмотря на благоприятный климат. Дело в том, что здесь водятся грифы, злые и жадные дикие животные. Они очень любят золото, которое извлекают из недр земли и с поразительным усердием оберегают, угрожая тем, кто находится поблизости». Если отбросить сказочные элементы, то из рассказа Помпония Мелы можно сделать два интересных вывода. Во-первых, в горах к востоку от Урала есть золото. Во-вторых, добывали его из земных недр с помощью специальных разработок.

Российский археолог С.С. Черников нашел и изучил десятки древних алтайских рудников, где добывали когда-то золото, серебро, олово и медь. Наибольший размах эти работы приобрели именно в скифское время, в VII-III вв.

34

до н.э. В узких и неглубоких шахтах, карьерах и разрезах алтайцы-аримаспы упорно отвоевывали у гор их богатства. Огонь и вода крошили и расщепляли монолитную твердь горной породы. В щели между камнями загоняли тяжелыми каменными молотами деревянные клинья, поливали их водой, и те, разбухшая, отрывали от скалы глыбу за глыбой, кусок за куском. Упорно долбили тело золотоносной жилы каменными и бронзовыми кирками. Долго, до кровавых мозолей, растирали на плоских плитах куски руды с помощью терочни-ков. Промывали щебень в студеной речной воде, и только тогда в задубевших ладонях могли засверкать холодным блеском тяжелые крупинки заветного металла. Не в этой ли опасной борьбе с природой, с постоянным риском быть навеки погребенным под рухнувшими сводами низкой темной шахты родились народные легенды о злых волшебных силах, охраняющих доступ к горным сокровищам, — о «стерегущих золото грифах»?

В 1771 г. академик Паллас обнаружил на берегу р. Змеевки у Змеиногорского рудника на Западном Алтае остатки древних разработок. Вдоль пустынного берега реки более чем на 200 м тянулись высокие отвалы пустой породы. Когда-то здесь кипела жизнь. Сотни, тысячи рудокопов добывали в недрах земли драгоценный металл. И его было много, очень много. Лабораторные анализы показали, что все золотые вещи из Пазырыкских курганов имеют большую примесь серебра. Точно такое же содержание руды — электрум — было характерно и для древнего Змеиногорского месторождения золота. Значит, грозные вожди, покоящиеся в ледяных гробницах Восточного Алтая, получали золото издалека — из западных районов страны. Видимо, какая-то часть этого драгоценного потока доходила и до далеких приионтийских торжищ, превращаясь затем в изящные ювелирные украшения эллинов и грубые, но выразительные изделия скифов.

В конце V в. до н.э. на горизонте Северного Причерноморья появилась новая восходящая звезда, быстро набирающая силу, — Боспорская держава. Ее правители диктовали свою волю всем окрестным греческим городам. Ее купцы прочно обосновались на Тамани и в Прикубанье. Ее колонисты заложили в устье Дона стены нового города — Танаиса, который стал вскоре основным перевалочным пунктом в торговле с восточными варварскими племенами. Но часы истории уже пробили. Боспорцы довольствовались лишь связями с ближайшими соседями. Старые караванные тропы в страну аргиппеев были забыты. Персия берет в свои руки все торговые операции с пародами Средней Азии, Урала и Сибири. Караваны идут теперь не с запада на восток, а с юга на север, через пески великих пустынь. Глухие леса Прикамья и приуральские степи буквально наводняют изделия иранских

мастеров. Правда, и эллины отнюдь не потеряли еще вкуса ко всякого рода рискованным предприятиям, сулящим хорошую прибыль.

Отдельные дерзкие попытки боспорских торговцев вновь прорваться на Урал и в Центральную Азию подтверждаются археологическими находками. На золотых статерах Пантикапея гордо красуется чеканный силуэт крылатого грифона с пшеничным колосом или осетром в когтистых лапах. В далекой Джунгарии найден сосуд с медными боспорскими монетами III в. до н.э. Это были последние отчаянные усилия античного мира. Но грозные валы великого переселения народов уже закипали в гигантском котле далеких азиатских степей. Не пройдет и нескольких столетий, как орды кочевников сметут с лица земли и Ольвию, и Пантикапею, и многие другие эллинские города на берегах Поиота Эвксинского. И лишь в XIII в. европейские купцы, путешественники и монахи, хотя и робко, с оглядкой, вновь начнут нащупывать забытые караванные пути в золотоносные земли Урала и Сибири. А теперь обратимся от легендарных и полумифических народов, живших к востоку от Скифии, к реальным народам и культурам, которые с успехом изучает современная наука.

Савроматы — потомки амазонок

«За рекою Танаисом, — пишет Геродот, — уже не скифские края, но первые земельные владения там принадлежат савроматам. Савроматы занимают полосу земли к северу, начиная от впадины Меотийского озера, на пятнадцать дней пути, где нет ни диких, ни сажных деревьев...».

Именно с племенами савроматов связан знаменитый цикл легенд об амазонках — женщинах-воительницах, вступивших в брак со скифскими юношами и создавших на этой основе новый многочисленный и воинственный народ — савроматов. Савроматы были родственны скифам Северного Причерноморья по языку (один из диалектов древнеиранского языка), культуре и образу жизни (они были кочевниками-скотоводами). Многие античные авторы говорят об особой роли женщин в савроматском обществе. В частности, Геродот указывает на их «амазонские» корни и на особую воинственность. «Отсюда савроматские женщины исстари ведут свой образ жизни: они ездят верхом на охоту с мужьями и без них, выходят на войну и носят одинаковую с мужчинами одежду <...> Относительно браков соблюдается у них следующее правило: ни одна девушка не выходит замуж, пока не убьет врага...». Это вооруженное женское войско не было чем-то экстраординарным, необычным в среде кочевников евразийских степей в VII-III вв. до н.э. Подобного рода «дружины» имелись у европейских скифов, у саков и массагетов. Саврома-ты-мужчипы уходили в дальние походы, совершали сезонные перекочевки со стадами скота, оставляя дома своих жен и детей со всем хозяйством и имуществом. В этих условиях тем, кто оставался требовалась защита, которую обеспечивали, наряду с оставшимися дома немногочисленными мужчинами, вооруженные женщины-всадницы.

Археологи за последние десятилетия исследовали множество савроматских памятников — прежде всего, курганов. В районе Оренбурга открыты богатые погребения представителей племенной аристократии. Они отличаются от рядовых захоронений большими размерами могил и насыпей, а также тем, что могильные ямы были перекрыты бревнами, чаще всего в два ряда. Помимо такого перекрытия устраивались и срубы различных типов. Сооружения часто имели крышу, на которой разводился костер, а по окончании ритуала все засыпалось землей. Погребения знати содержали множество дорогих вещей из золота и серебра и сопровождалась либо реальными конскими захоронениями, либо их имитацией в виде уздечного набора. Покойников клали обычно на спину в вытянутом положении, головой на запад. В одном кургане близ с. Калиновка Волгоградской области было обнаружено парное погребение мужчины и женщины, причем мужчина держал в своей руке руку женщины. В качестве напутственной пищи в могилы клали обезглавленные туши овец. Как правило, в мужских могилах встречается оружие, а в женских — украшения, пряслица, зеркала. Многие предметы обильно украшены зооморфными изображениями в зверином стиле. В некоторых женских захоронениях ученые обнаружили жертвенники — небольшие каменные столики прямоугольной или круглой формы, часто с орнаментами или фигурами зверей. Это, видимо, были могилы жриц. Помимо жертвенников вместе со жрицами находят раковины с красками, терочники, гадательные камни со следами огня. Однажды в савроматском погребении па р. Илек был обнаружен пучок ивовых прутьев вместе с лепным сосудом, которые, вероятно, принадлежали савроматской жрице-гадалке. Гадание с помощью ивовых прутьев, согласно Геродоту, было известно и среди скифов.

Термин «савроматы» объединил многоплеменное и многочисленное кочевое население. Будучи родственными по происхождению, савроматские племена несколько различались по погребальному обряду. Такие различия особенно четко проявляются в Поволжье и на Южном Урале.

Илл. 125. Женский кинжал с золотой рукоятью. Курган Аржаси-2
ЗОЛОТЫЕ ОЛЕНИ ИЗ ФИЛИППОВКИ

Для того чтобы читатель более живо представил себе все богатство савроматской культуры, я сошлюсь на одно из самых блестящих археологических открытий последних лет — раскопки погребения вождя в кургане у с. Филип-повка в Приуралье.

Золотые олени из Филипповки

В 1987-1988 гг. уфимский археолог А.Х. Пшеничнюк сделал одно из самых замечательных открытий в истории российской археологии — раскопав огромный (7 м высотой и 120 м в диаметре) курган № 1 у с. Филипповка, он обнаружил в нем необыкновенно большие, высотой до полуметра, деревянные фигуры оленей, обложенные золотыми и серебряными листьями. Надо сказать, что Филипповская курганная группа, расположенная на левом берегу р. Урал близ впадения в него р. Илек, в 100 км к западу от Оренбурга, была известна археологам давно — еще с дореволюционных времен. 25 курганных насыпей располагались длинной цепью в несколько километров на высоком водоразделе.

Курган № 1 — центральный в группе и самый впечатляющий по размерам (ученые предполагают, что первоначальная его высота составляла не менее 15 м) — одновременно манил к себе исследователей и отпугивал их. На его склонах и вершине отчетливо видны были западины грабительских ям и ходов, поэтому первоначально раскопкам подверглись более скромные насыпи высотой от 0,5 до 1 м. Хотя они тоже были ограблены еще в древности, археологи нашли там разнообразные интересные предметы савроматской культуры V-IV вв. до н.э. — вооружение и конскую сбрую, украшения, керамику.

Наконец, дошла очередь и до главного объекта. Когда была снята насыпь и вскрыта огромная могила, казалось, что оправдаются самые худшие опасения ученых — гробница была ограблена многократно. Но удача не совсем отвернулась от археологов. В двух ямках-тайниках в пределах могилы и во входном коридоре-дромосе уцелело столько потрясающих вещей, что они прославили Филипповку на весь мир. Это были изделия из золота, серебра и бронзы, железные мечи и кинжалы, конская сбруя; но самое главное — деревянные скульптуры и чаши, обложенные золотом и серебром. Скифо-сибирский звериный стиль был представлен здесь во всем своем блеске и разнообразии. Сохранились изображения целого сонма животных. Это хищники (медведи, волки, тигры), копытные, птицы, рыбы и змеи. Однако главное место среди этих уникальных находок занимают олени. Их - 180! Наибольший интерес, безусловно, представляют 26 скульптур оленей из тайников и дромоса. Они изготовлены из дерева и обиты золотыми и серебряными листьями. Впечатляют размеры скульптур: их высота 40-50 см, а размах рогов у оленей достигает 20-25 см. Для всех изображений оленей из Филипповки характерно акценти-

рование рогов животного — зачастую они занимают даже большую площадь, чем сама фигура животного.

Судя по тем многочисленным находкам, которые были встречены только в одном этом кургане, олень, безусловно, был одним из самых священных и почитаемых животных ранних кочевников Южного Урала. По мнению некоторых исследователей, савроматы считали оленя своим тотемом, прародителем или далеким предком. Курган № 1 был сооружен в начале IV в. до н.э. Дата хорошо определяется по целому ряду вещей — оружию, ритуальным сосудам (в том числе импортным — из ахеменидского Ирана) и конской сбруе.

Несколько интересных деталей, выявившихся в ходе этих раскопок, заслуживают особого внимания читателей. Как было сказано выше, курган № 1 был ограблен несколько раз: два грабительских лаза вели в гробницу сбоку от насыпи, минуя ее, и две большие ямы были заложены по центру кургана сверху. В итоге могила оказалась почти начисто опустошенной. Но некоторые предметы из погребального инвентаря «искателям сокровищ» вынести за пределы кургана так и не удалось. Речь идет о четырех огромных бронзовых котлах, находившихся в гробнице: один из таких котлов, при попытке его вытащить, застрял в грабительском лазе и намертво закрыл его.

Вторая деталь: в одном из тайников было спрятано несколько золотых и серебряных сосудов ритуального назначения, изготовленных в конце V в. до н.э. в мастерских Персидской империи эпохи Ахеменидов (ритоны, амфора, кувшин). Как они попали на Южный Урал из далекого Ирана, остается только гадать: что это — дипломатические дары персидских монархов вождям кочевников с целью их подкупа и нейтрализации? А может, это часть добычи лихих савроматских всадников, достигавших во время своих кочевий в Поволжье северных границ Персидской империи?

Загадки племен массагетов

Главный наш источник по описанию кочевых племен массагетов — «отец истории», Геродот. Он довольно четко отводит им территорию от восточного побережья Каспийского моря до Сыр-Дарьи. «Итак к западу это море, называемое Каспийским, — пишет этот греческий автор, — ограничивает Кавказ, а с востока к нему примыкает равнина, занимающая необозримое пространство. Значительную часть этой огромной равнины занимают массагеты...».

Кто же они — эти таинственные массагеты? У Геродота о них говорится следующее:

Или. 126. Деревянная фигура оленя, обложенная золотым листом. Курган № 1 у с. Филипповка, Оренбургская обл., IV в. до н.э.

Массагеты носят одежду, подобную скифской и ведут похожий образ жизни. Сражаются они на конях и в пешем строю. Есть у них обычно также луки, копья и боевые секиры. Из золота и меди у них все вещи. Но все металлические части копий, стрел и боевых секир они изготавливают из меди, а головные уборы, пояса и перевязи украшают золотом. Так же и коням они надевают медные панцири, как нагрудники. Уздечки же, удила и нащечники инкрустируют золотом. Железа и серебра у них вовсе нет в обиходе, так как этих металлов совсем не встретишь в этой стране. Зато золота и меди там в изобилии...

Далее любознательный грек говорит, что массагеты ничего не сеют, а питаются продуктами скотоводства и рыбой. В общественных отношениях у этих степных кочевников сохранились некоторые архаические черты, свойственные народам, стоящим на более низкой ступени развития. К ним относится групповой брак и ритуальное убийство стариков. Женщины у массагетов занимали очень высокое положение. Достаточно упомянуть один только факт: в VI в. до н.э. страной массагетов правила царица Томирис, сумевшая разгромить огромную армию персов во главе с царем Киром. Впрочем, обратимся к первоисточнику — к Геродоту:

Об обычаях массагетов нужно сказать вот что. Каждый из них берет в жены одну женщину, но живут они с этими женщинами сообща. Ведь рассказы эллинов о [подобном] обычае у скифов относятся скорее к массагетам. Так, когда массагет почувствует влечение к какой-нибудь женщине, то вешает свой колчан на ее кибитке и затем спокойно сообщается с этой женщиной. [Никакого] предела для жизни человека они не устанавливают. Но если кто у них доживет до глубокой старости, то все родственники собираются и закалывают старика в жертву, а мясо его варят вместе с мясом других жертвенных животных и поедают. Так умереть — для них величайшее блаженство. Скончавшегося же от какого-нибудь недуга они не поедают, а предают земле <...> Хлеба массагеты не сеют, но живут скотоводством и рыбной ловлей (в реке Лракс чрезвычайное обилие рыбы), а также пьют молоко. Единственный бог, которого они почитают, это — Солнце. Солнцу они приносят в жертву коней, полагая смысл этого жертвоприношения в том, что самому быстрому богу нужно приносить в жертву самое быстрое существо на свете.

Месть царицы Томирис

Этот рассказ похож скорее на старинное предание или легенду, чем на реальный исторический факт. И, тем не менее, все это имело место в действительности. Подобно европейским скифам, разгромившим в 512 г. до н.э. огромное персидское войско во главе с царем Дарием I Гистаспом в степях Северного Причерноморья, массагеты уничтожили в среднеазиатской пустыне армию царя Кира, включая и его самого. Суть конфликта и его развитие довольно подробно изложены в «Истории» Геродота:

После покорения этого народа (вавилонян, — *В.Г.*), Кир задумал подчинить массагетов. Эти массагеты, как говорят, многочисленное и храброе племя. Живут они на востоке по направлению к восходу солнца за рекой Араксом напротив исседонов. Иные считают их также скифским племенем <...>

Много было у Кира весьма важных побудительных причин для этого похода. Прежде всего — способ его рождения, так как он мнил себя сверхчеловеком, а затем — счастье, которое сопутствовало ему во всех войнах. Ведь ни один народ, на который ополчился Кир, не мог избежать этой участи.

Царицей массагетов была супруга покойного царя. Звали ее Томирис. К ней-то Кир отправил послов под предлогом сватовства, желая будто бы сделать ее своей женой. Однако Томирис поняла, что Кир сватается не к ней, а домогается царства массагетов, и отказала ему. Тогда Кир, так как ему не удалось хитростью добиться цели, открыто пошел войной на массагетов. Для переправы войска царь приказал построить через реку [Араке] pontонные мосты...

Далее персидский монарх прибегнул к военной хитрости. Перейдя реку, он разбил на массагетской территории свой походный лагерь, а ночью, тайно, отступил с лучшей и боеспособной частью своей армии назад. В укрепленном лагере персы оставили только слабосильных и больных воинов. Естественно, что массагеты, узнав об этом, решили немедленно напасть на захватчиков, для чего выделили третью часть своего войска во главе с сыном Томирис — царевичем Спаргаписом. Лагерь был взят. Оставшиеся там персидские воины перебиты все до единого.

[После победы], увидев выставленные в стане персов яства, массагеты уселись пировать. Затем они наелись досыта, напились вина и улеглись спать. Тогда пришли персы, перебили часть врагов, а еще больше захватили в плен. В числе пленников был и сын царицы Томирис, предводитель массагетов, по имени Спаргапис.

А царица Томирис, узнав об участи своего войска и сына, велела отправить вестника к Киру с такими словами:

Кровожадный Кир! Не кичись этим своим подвигом. Плодом виноградной лозы, которая и вас также лишает рассудка, когда вино бросается в голову и когда вы, персы, [напившись], начинаете извергать потоки недостойных речей, — вот этим-то зельем ты коварно и одолел сына, а не силой оружия в честном бою. Так вот, послушайся теперь моего доброго совета: выдай моего сына и уходи подобру-поздорову из моей земли, после того как тебе нагло удалось погубить третью часть войска массагетов. Если же ты этого не сделаешь, то клянусь тебе богом солнца, владыкой массагетов, я действительно напою тебя кровью...

Кир, однако, не обратил никакого внимания на слова глашатая. А сын царицы Томирис — Спаргапис, когда хмель вышел у него из головы и он понял свое бедственное положение, попросил Кира освободить его от оков. Лишь только царевич был освобожден и смог владеть своими руками, он умертвил себя.

352

23 - 528

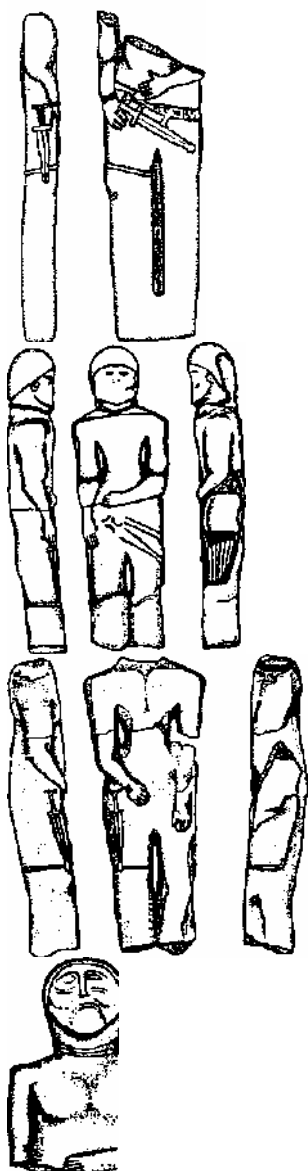
Томирис же, узнав, что Кир не внял ее совету, со всем своим войском напала на персов.

Эта битва, как я считаю, была самой жестокой из всех битв между варварами. О ходе ее я узнал, между прочим, вот что. Сначала, как передают, противники, стоя друг против друга, издали стреляли из луков. Затем исчерпав запас стрел, они бросились врукопашную с кинжалами и копьями. Долго бились противники, и никто не желал отступить. Наконец, массагеты одолели. Почти все персидское войско пало на поле битвы, погиб и сам Кир.

Царствовал же он полных 29 лет. Л Томирис наполнила винный мех человеческой кровью и затем велела отыскать среди павших персов тело Кира. Когда труп нашли, царица велела всунуть его голову в мех. Затем, издеваясь над покойником, она стала приговаривать так: «Ты все же погубил меня, хотя я и осталась в живых и одолела тебя в битве, так как ты хитростью захватил моего сына. Поэтому-то вот теперь я, как и грозила тебе, напою тебя кровью*».

Священные могилы массагетов, или тайны плато Усть-Урт

Всем памятен ответ, который дал верховный правитель Скифии Идапфис персидскому царю Дарию I, когда тот упрекнул скифов в том, что они не принимают открытого боя и бегут перед ним. Идапфис ответил: если персы хотят испытать силу скифского оружия, то пусть они попробуют найти и осквернить священные могилы предков скифов. Массагеты, как часть большого мира скифо-сибирских культур и ближайшие родственники скифов, имели очень близкие представления об огромной роли духов предков в жизни живых и поэтому истово почитали священные для них могилы отцов, дедов и прадедов. В самых потаенных и труднодоступных уголках своей обширной территории они устраивали специальные святилища для поклонения предкам. Однако, как этот культ выглядел в реальной действительности, оставалось тайной «за семью печатями» вплоть до самых последних дней. Лишь в 1984 г. российские археологи совершенно случайно открыли на пустынном и мало посещаемом людьми плато Усть-Урт на самом западе Казахстана два замечательных массагетских святилища — Байте I и Байте III, где наряду с курганами, каменными сооружениями и жертвенниками стояли или валялись на земле десятки антропоморфных скульптур, изображавших предков массагетов. Место было действительно глухое. Ближайший населенный пункт находился в 50 км западнее (пос. Сай-Утеc в Казахстане). Глубокие (до 40-50 м) колодцы с полу-солсной водой были пригодны лишь для проходивших здесь изредка отар овец, но не для людей. Кругом раскинулась самая настоящая, выжженная солнцем пустыня. И вот, в этих, почти экстремальных, условиях к изучению уни-

Илл. 127. Каменные изваяния воинов-пре Урочище Байте III, Казах

кального комплекса массагетских святилищ приступила в 1988 г. экспедиция Института археологии Академии наук СССР. Возглавлял ее молодой, но уже известный археолог — специалист по каменным изваяниям скифской эпохи Валерий Сергеевич Ольховский. Работы на плато Усть-Урт велись и после

распада СССР, вплоть до начала XXI в. В 2002 г. В.С. Ольховский блестяще защитил докторскую диссертацию по каменной скульптуре скифского периода, и значительную часть материалов по данной теме составили открытия в святилищах Байте. А в 2003 г. он трагически погиб, находясь в экспедиции в Краснодарском крае.

Комплекс Байте неординарен не только наличием изваяний, но и их необычайно большим количеством — их там не менее шести десятков. Большинство изваяний относится к числу плоских скульптур, подтеской и гравировкой, достаточно реалистично передающих человеческую натуру. Иконографически все каменные «идолы» Байте воспроизводят стоящую *мужскую* фигуру. Положение рук строго фиксировано: правая рука опущена вниз и раскрытой ладонью прижата к животу. Какие-либо предметы (ритон, плеть и др.) в руках не изображались. Весьма выразительны лица: рельефом показаны брови, нос, глаза, тонкие усы, углублением — рот; примечательно отсутствие изображений бороды. Набор воспроизводимых на скульптурах предметов невелик, но выразителен — это, прежде всего, оружие: мечи, кинжалы, луки в футлярах (горитах). На головах — шлемы или кожаные головные уборы. Часто представлены пояса, многовитковые гривны (шейные украшения) и браслеты. Каждый из комплексов Байте состоял из нескольких курганов («священных могил предков»), культовых сооружений (каменных выкладок, жертвенников, памятных каменных столбов и др.) и большого числа антропоморфных изваяний, что дает все основания рассматривать их как святилища, связанные с культом предков, родовых и племенных божеств, а также сил природы. Размещение скульптур в пределах каждого комплекса отдельными группами, по три-шесть скульптур, возможно, отразило принадлежность данных скоплений отдельным подразделениям кочевого населения, скорее всего — родам.

Время функционирования уникальных святилищ Байте археологи относят к V-IV вв. до н.э. Ничего похожего на святилища массагетов, укрытых на плато Усть-Урт, на территории обитания скифо-сибирских племен больше не обнаружено.

Саки («золотой человек» из Иссыка)

Племена ираноязычных кочевников саков обитали в I тыс. до н.э. на территории Казахстана и Средней Азии (от Аральского моря до Аму-Дарьи). Согласно сообщению греческого историка Диодора Сицилийского, они были ближайшими родственниками скифов. «...Это племя (скифов. — В.Г.), — пишет он, — широко разрослось и имело замечательных царей, по имени которых одни были названы *саками* (курсив мой. — ВТ.), другие — массагетами, некоторые аримаспами». Как показали археологические раскопки, материальная культура саков имеет много общего с культурой скифов Северного Причерноморья. В антропологическом отношении, саки, как и скифы, — безусловные европеоиды. И те и другие говорили на каких-то диалектах древнеиранского языка. Сакские племена пользовались типично скифскими вооружением и конским убором, украшенными, как правило, изображениями в скифском зверином стиле («триада»). Саки, подобно скифам и массагетам, вели упорную борьбу за свою свободу с могучей Персидской империей, и, тем не менее, часть из них (на юге) попала в зависимость от самой северной провинции («сатрапии») государства Ахеменидов, которая называлась Бактрией. Для того чтобы лучше представить себе самобытность и яркость сакской культуры, я расскажу о двух открытиях археологов на территории этого степного края: о «золотом человеке» из Иссыка и о «золотом кургане» из Чиликты.

Курган Иссык

Курган входит в состав большой курганной группы из 45 насыпей, расположенной на левом берегу р. Иссык в 50 км восточнее г. Алма-Аты. Могильник явно принадлежит высшей сакской аристократии: курганы имеют от 4 до 15 м в высоту и от 30 до 90 м в диаметре. Почти все они ограблены, так как их вершины и склоны испещрены большими воронками от грабительских ям и раскопов. Курган Иссык находился на южной окраине западной части могильника, разделенного на две части автомобильной дорогой и крупным оросительным каналом. Диаметр кургана 60 м, высота 6 м. На вершине насыпи зияла воронка глубиной до 2,5 м и диаметром не менее 12 м. Структура насыпи многослойна: слои речной гальки чередовались со щебенкой и глиной. Под ней, на глубине 1,2 м от уровня древнего горизонта, были обнаружены два погребения: центральное и боковое (южное).

Центральная могила полностью разрушена в результате неоднократных ограблений. Зато боковое захоронение, находившееся на 15 м южнее центральной, оказалось абсолютно целым.

Погребальная камера 3,3x1,9 м сооружена из обработанных бревен тянь-шаньской ели длиной до 3 м и толщиной около 30 см. В южной и западной частях гробницы была обнаружена посуда, а в

северной половине — останки погребенного, лежавшие прямо на дощатом полу. Это был мужчина средних лет, ростом 165 см.

Почти все многочисленные золотые украшения, бляшки, статуэтка барана и другие вещи находились на тех местах, куда их положили во время похорон умершего вождя. На скелете и под ним лежали разнообразные украшения для одежды, головного убора и обуви, изготовленные из листового золота, а рядом разложены предметы вооружения, туалета и посуда из глины, дерева и металла (серебра и бронзы). Всего в погребальной камере кургана Иссык было найдено свыше 4 тыс. золотых предметов, железные меч и кинжал, бронзовое зеркало, 31 глиняный, металлический и деревянный сосуд, а также серебряная ложка, деревянный черпак и 26 бусин из сердолика и пасты.

Автор раскопок — казахский археолог К.А. Акишев, подводя общие итоги своих почти двухлетних исследований кургана Иссык, пишет следующее: «Современному человеку трудно представить все подробности погребального обряда той далекой эпохи. Как одну из версий завершающего этапа ритуала можно предположить такой вариант. Многолюдная траурная процессия медленно движется к месту погребения. Впереди мужчины, возможно жрецы, несут погребальные носилки с телом усопшего, на котором, ниспадая, колышется в такт движению расшитая золотом накидка, за ней вереница людей из тридцати одного человека (по числу сосудов, поставленных в могилу), несут ритуальные сосуды и сосуды с пищей. А далее нескончаемым потоком следуют родственники, воины, соплеменники, съехавшиеся со всех концов подвластной территории. Погребальное сооружение давно готово, и находящиеся здесь служители культа ждут часа, когда тело будет передано им, и они завершат процесс таинственно-торжественного отправления в загадочный мир, называемый небытием. Вот, наконец, похоронная процессия достигает конечной цели. Вся огромная толпа, в том числе и родственники, остаются наверху, в яму спускаются лишь жрецы с телом, чтобы уложить его в отведенном месте в камере, предварительно подстелив под него снятую с носилок накидку. Они размещают на полу камеры многочисленные сосуды в том порядке, в котором мы застали их во время наших раскопок более двух тысяч трехсот лет спустя. Они же закроют камеру бревнами, и только тогда тысячи соплеменников примут участие в возведении огромной насыпи погребального кургана. Так могло быть».

О ритуалах азиатских саков в источниках сведений очень мало. Только благодаря сообщению греческого историка Ктесия (около 400 г. до н.э.) стало известно, что саки над прахом своей царицы Зарины возвели грандиозный курган и па нем поставили ее золотую статую. Эти сведения очень важны, но их слишком мало для реконструкции сакского погребального обряда. Поэтому большое значение приобретают археологические данные. Именно они дают возможность объективно воспроизвести картину одного из возможных вариантов бытовавшего в древности обряда погребения.

Полная сохранность Иссыкского захоронения дает исследователю редкую возможность детально восстановить не только погребальный обряд, но и реконструировать (по расположению нашивных золотых блях и пластин) форму головного убора, одежду и обувь сакского вождя V в. до н.э. Полная экипировка захороненного в кургане Иссык представляется так: на голове была высокая стреловидная шапка с низом в виде треуха, застегнутая под подбородком, богато украшенная золотыми бляхами и пластинами; в мочке левого уха находилась золотая серьга с зернью и подвесками из голубой бирюзы; на шее золотая кольчатая гривна; на теле — нижняя рубаха, украшенная по груди и рукавам причудливыми узорами из сочетания золотых бляшек разных форм, поверх нее кожаный красноватого цвета короткий кафтан, сплошь обшитый золотыми бляхами и бляшками; на пальцах рук — два золотых перстня; кафтан подпоясан тяжелым наборным поясом, сверкающим 16 массивными бляхами-накладками, выполненными в зооморфном стиле; справа к нему подвешен длинный железный меч в красных ножнах, а слева — железный кинжал-акинак в ножнах, обложенных золотыми пластинами; па ногах узкие шерстяные или кожаные штаны, по швам обшитые золотыми бляшками; штаны заправлены в войлочные или кожаные сапоги с высокими голенищами, украшенными золотыми фигурными бляшками. В таком сказочно богатом одеянии был захоронен знатный иссыкский сак.

«Золотой курган» из Чуликты

Чуликтинская долина в Казахстане расположена в 100 км южнее оз. Зайсан, между хребтами Монрак и Тарбагатай, на высоте 1300-1500 м над уровнем моря. Эти места чрезвычайно благоприятны для ведения скотоводства и поэтому издревле служили превосходными пастбищами для кочевников. Мягкие зимы, слабый снежный покров, обильные и разнообразные травы,

достаточная увлажненность были по достоинству оценены кочевыми племенами уже с давних времен, о чем свидетельствуют огромные величественные курганы — паи-

Илл. 128. Золотая бляха в виде оленя. Курган VI в. до н.э. (раскопки С.С. Черт)

более характерная черта здешнего пейзажа. Очень часто поверхность курганов облицовывалась крупной светло-серой галькой диаметром 15-20 см. Цепочка огромных белых курганов на ровной поверхности зеленой Чиликтинской долины, окруженной высокими горными хребтами, да еще на фоне ярко-голубого южного неба, несомненно, представляла в скифскую эпоху очень эффектное зрелище. К сожалению, почти все эти курганы были ограблены.

Летом 1960 г. ленинградский археолог С.С. Черников раскопал один из этих белых колоссов - курган № 5 высотой в 6 м и диаметром в 66 м. Он также оказался ограбленным. Однако археологам удалось обнаружить то, что не заметили грабители.

«Самые сильные переживания, - вспоминает Сергей Сергеевич, - были на кургане, когда пошли золотые находки. Да и не мудрено: ведь курган № 5, о котором идет речь, был третьим, раскопанным в этот полевой сезон. В нем сразу четко обозначился грабительский ход; первые же два кургана были ограблены дочиста и почти ничего кроме разрозненных костей не дали. Для начальника экспедиции ощущения довольно сильные! Вообще надо сказать, что при раскопках больших курганов требуются терпение и изрядная доля оптимизма:

уж очень часто надежды археологов не оправдываются. От всей души проклинаешь безвестных древних грабителей, но от этого не легче...»

В результате раскопок удалось воссоздать картину сооружения кургана и его последующего ограбления. На совершенно ровной поверхности почвы, почти совпадающей с современной, его создателями была выкопана квадратная яма 7х8 м и глубиной в 1 м, точно ориентированная по странам света. В этой яме было сложено квадратное сооружение площадью 4,8х4,6 м и высотой 1,2 м из двух рядов толстых (до 70 см) бревен лиственницы с потолком из одного ряда таких же бревен. Покойников, скорее всего, пронесли через коридор-дромос, а затем, после совершения последних погребальных обрядов, плотно уложили бревна, образующие крышу. После похорон все сооружение было засыпано крупным битым камнем, поверх камней — круглая насыпь из очень плотной желтоватой глины, а выше слой земли. Поверхность законченной насыпи получила облицовку из светло-серой гальки.

«Погребение в кургане, — отмечает автор раскопок С.С. Черников, — было разграблено, вероятно, лет через 50 после захоронения. Грабители заложили в центре насыпи вертикальный шурф <...> Шурф вышел почти в центр могильного сооружения, ближе к юго-восточному углу. Грабители проникли в склеп уже после того, как трупы почти совсем разложились. Дрожа от

страха перед возможным обвалом и стаскивая со скелетов крупные ценные предметы и полуистлевшие одежды со множеством золотых украшений, они разбросали кости, отдельные бляшки и предметы по всему пространству прорытого ими хода...»

На дощатом полу деревянной гробницы лежали два человеческих скелета (мужчины 40-50 лет, европеоида по облику, и женщины 50-60 лет смешанного европеоидно-монголоидного типа) и уцелевшие вещи. Видимо, когда грабители проникли в склеп, одно из бревен перекрытия у северной стенки рухнуло и частично накрыло колчан, лежавший на полу. Таким образом, под упавшей частью крыши оказались 8 бронзовых ромбических наконечников стрел и 4 золотых фигуры оленей - украшения колчана. Сам колчан был сделан из шкуры ноги оленя, сшитой сухожильными нитками, но очень редким и небрежным стежком. Судя по этому грубому шву и оленям с весьма непрочными вставными инкрустированными ушами, колчан, несомненно, был сделан специально для погребения.

Потом пошли и другие ценные находки, к счастью, не замеченные грабителями. Археологи нашли множество золотых нашивных бляшек в виде фигур животных и птиц. Здесь были олени и орлы, пантеры, кабаны и даже рыбы. Многие бляшки имели ромбовидную и полусферическую форму (с петелькой на обороте).

Типы найденных наконечников стрел доказывают, что курган № 5 был возведен где-то во второй четверти VI в. до н.э.

Тщательный анализ золота из Чиликты позволил С.С. Черникову прийти к следующему заключению: «...Все золотые украшения поражают высоким художественным мастерством исполнения, однако при ближайшем рассмотрении бросается в глаза не очень тщательная работа. На всех фигурках оленей, орлов и пантер не зачищены заусенцы, образовавшиеся при штамповке, кое-где видна неровная обрезка. Создается впечатление, что эти вещи делались не для употребления в быту, а специально для погребения. Украшения сделаны явно с расчетом, что смотреть их будут на некотором расстоянии, что не требовало особо тщательной отделки...»

Нетрудно заметить, что этот вывод полностью совпадает и с мнением М.И. Ростовцева о нашивных золотых бляшках, используемых только для похорон (1917 г.) и с моими рассуждениями о «странном золоте» скифов из курганов у с. Колбино на Среднем Дону.

Гробницы и мумии плато Укок

Речь пойдет об археологической сенсации в самом прямом и сугубо научном смысле этого слова. После раскопок римских городов (Стабий, Геркуланум и Помпеи), уничтоженных извержением Везувия в 79 г. н.э., и открытия нетронутой гробницы Тутанхамона в Египте в истории археологической науки не было события более яркого и важного, чем феномен алтайских «ледяных» гробниц I тыс. до н.э. По полноте информации о давно ушедшей жизни людей, живших более 25 веков назад, и по сохранности всех предметов (в том числе из органических материалов) курганы Пазырыкской культуры VI-III вв. до н.э. не знают себе равных. Это подлинные «скифские Помпеи».

В 30-е - 50-е гг. XX в. С.И. Руденко и М.П. Грязнов провели раскопки на Улаганском нагорье пяти Пазырыкских курганов, давших название археологической культуре скифского времени Горного Алтая. Находки вызвали огромный резонанс в научном мире. В «замерзших» могилах кочевой знати сохранились вещи, никогда не попадавшие в руки археологов: ворсовые ковры, красочные войлоки с аппликациями, деревянные резные украшения, седла, одежда, мумифицированные тела людей, трупы лошадей и многое другое.

Уникальное стечение обстоятельств: климатические условия Восточного Алтая и особенности устройства погребального сооружения с каменной насыпью и глубокой могилой способствовали образованию мерзлоты, сохранившей почти в первозданном виде всю органику. Настолько «живой» археологическая культура не представляла еще никогда. С тех пор «замерзшие» могилы Горного Алтая стали «золотой мечтой» для археологов.

Новое время требовало и новой методики раскопок, а ее надо было выработать. Исследование «замерзших» могил — это, по сути, новое направление в археологии, которое только предстоит создать. Слово «раскапывать» здесь неуместно, с памятников такого рода только снимают насыпь, а затем «размораживают». Причем особенно сложно проделать это без всякого ущерба для вещей, сохранившихся во льду. Вторая такая же важная часть работ — это консервация и реставрация полученного материала.

Теоретически можно было предположить, что в горах Алтая есть и другие курганы с «замерзшими» могилами. Но как их найти?

Об эпоху современных археологических исследований «ледяных» гробниц Алтая рассказывает

новосибирский археолог Наталья Викторовна По-лосьяк.

«Поиски курганов с „замерзшими" могилами привели нас в 1990 г. на Южный Алтай — 2,5 тысяч метров над уровнем моря, на плато Укок. Это необычный район — здесь проходит граница Монголии, Китая, Алтая и Казахстана. А когда-то не было никаких границ, только летние пастбища, зимники и тропы кочевников — скрещение судеб людей и народов. Природа сама потихоньку втягивала нас в жизнь естественную, как дыхание, которое сначала перехватывало на этой высоте. Ландшафт с множеством разноцветных озер и разбросанными кое-где огромными валунами — следами ледника — тоже часть древней культуры, декорация к давно происходившим событиям. Здесь, под „бездонным куполом Азии" мы как нигде близки к тем, кто в V веке до Рождества Христова пас в этих местах стада и хоронил сородичей. Отсутствие комфорта, который почти невозможно создать в этом безлесном и труднодоступном краю, приносит нечто общее в духовное состояние наше и древних: жизнь в продуваемых ветрами палатках подчиняется разумным законам природы. Мы зависим от погоды и знаем, когда пойдет дождь и какая туча принесет снег, разбиваем утром тонкий лед в ведрах и умываемся в озере, по которому плавают хлопья белой пены и непуганые утки.

Название кургану, который мы выбрали для раскопок, дала река Ак-Алаха — быстрая и мутная, текущая с ледников. Раскопанный курган далеко не самый большой (всего около 18 метров в диаметре), он принадлежал знати „среднего" ранга, элите кочевого общества. Курган был необыкновенно красив в окружении снежных гор и дикой природы, такой же, как 2,5 тыс. лет назад. Он выделялся системой поминальных колец, выложенных из камней с западной стороны и „балбалами" — черными плитами, вертикально врытыми в землю по направлению к востоку. Тысячи мелких камней и больших валунов образовывали законченной формы гладкую невысокую насыпь.

Конечно, мы волновались, будет ли в кургане мерзлота. Если бы не она, мы нашли бы только несколько железных предметов и бронзовое зеркало. Пограничники, единственные обитатели этого края, обнадеживали нас, рассказывая, что даже в разгар лета мерзлый грунт начинается на глубине примерно 70 сантиметров, а кое-где и выше. Это подтвердили и раскопки кургана. После снятия насыпи, которую мы разобрали руками, в центре кургана обнаружилось четырехугольное „пятно" могильной ямы. Погребальная камера сооружалась уже в промерзшей почве, и раскапывать ее — исключительно тяжелое дело. Усложняло ситуацию и то, что почвы здесь аллювиальные и стенки могилы держались только до тех пор, пока были замерзшими. Под действием теплого воздуха и солнца они оттаивали и осыпались, их крепили почти с самого верха ямы листовыми плитами. Этим отчасти объясняется не слишком большая для пазырыкской культуры глубина могильной ямы — три метра».

На дне могилы из ошкурённых бревен был сооружен двойной сруб (размер внешнего сруба 4,2 x 4,2 м). Верхнее перекрытие сделано из бревен от разобранного многоугольного жилища. Под ним оказалось второе перекрытие из плотно подогнанных бревен, застеленных полотнищами бересты.

Погребальная камера (размеры примерно 2,6 x 3,1 м) стояла нетронутой, промерзшая насквозь.

Северную узкую часть ямы занимали лошади — девять коней, втиснутые в узкое пространство, покрытые войлоком и забросанные камнями. Их сохранность оставляла желать лучшего. Осталась шерсть, заплетенные в косы хвосты и все уникальные деревянные украшения и седла, войлоки с аппликациями, но совершенно исчезла кожа — не осталось ни одного ремня или украшения. Вместе с лошадьми найдены три небольших деревянных четырехугольных щита, очевидно притороченных к седлам. Конская упряжь украшена фигурками грифона — излюбленного образа горноалтайских скифов. На войлочных изделиях чаще всего встречаются изображения рыб, волков, козлов.

Особенность и уникальность кургана № 1 на Ак-Алахе в том, что он не был ограблен в древности, в отличие от всех известных больших курганов Алтая, где даже мумифицированные тела погребенных были расчленены для

Илл. 129. Реконструкции косток мальчика (курган М 2, могильник Алах-1) и мужчины (курган J могильник Верх-Кальджи, реконструкция Е.В. Шумако рисунок — Д.В. Поздня

того, чтобы снять с них драгоценные украшения. Удивительно, но это делали сами соплеменники. В нетронутой погребальной камере есть что-то глубоко интимное: две стоящие рядом, прекрасно сделанные листовенничные колоды, плотно закрытые крышками, рядом — сопровождающая пища в глиняных кувшинах, деревянных сосудах, на столиках-блюдах. В большой колоде лежал скелет мужчины 40-50 лет европеоидного облика. С ним — личные вещи: дареные, выменянные, заслуженные, причитающиеся по положению в обществе и просто любимые. Сохранились остатки одежды: войлочный головной убор, украшенный золотой фольгой и деревянными фигурками зверей; меховая куртка с войлочным покрытием, красные шаровары, крытые мехом сапоги. Шею погребенного украшала гривна, на поясе были деревянные пряжки с фигурками хищников, в одном ухе — деревянная серьга в золотой фольге. Мужчина был вооружен: с ним найден колчан со стрелами, чекан, железный кинжал в ножнах.

Удивительно второе захоронение в стоящей рядом колоде-саркофаге, лишь немного уступающей по размерам первой. В ней находился скелет 17-летней девушки, высокого роста, крепкого телосложения. Она была одета по-мужски, в такой же головной убор, штаны и куртку, более того — прекрасно вооружена — чеканом, стрелами, кинжалом, а деревянная пластина от ее колчана, с изображением кабанов и терзающих их барсов, просто lie имеет себе подобных.

На обоих погребенных были некогда красные широкие шаровары. Изделия распались по швам, но кроеные и подрубленные куски ткани остались на месте, и есть прекрасная возможность восстановить все вещи целиком. Так же восстанавливается один из типов головных уборов: островерхий войлочный башлык, увенчанный деревянным изображением головы птицы, в макушку которой, в специальный паз, вставлена фигурка оленя. С левого бока башлык украшен деревянными, покрытыми золотой фольгой фигурками животных и золотой аппликацией. Скорее всего, это парадный вариант широко распространенного у сакских племен головного убора, о котором писал еще Геродот: «Саки, скифское племя, имели на голове остроконечные шапки из плотного войлока, стоявшие прямо».

«Кем могла приходиться немолодому вождю похороненная рядом с ним девушка? Находящиеся в царских погребениях Алтая женщины были, как полагают, наложницами. С ними найдены музыкальные инструменты, их одежда отличалась роскошью и была чисто женской. Девушка, похороненная в кургане на реке Ак-Ллахе, очевидно, имела особый социальный статус.

Молодость, мужской наряд, вооружение, одинаковый тип погребения, отражающий социальное равенство обоих умерших, позволяют предположить, что в раскопанном кургане похоронена либо дочь вождя, либо его жена. Воз-

можно, они погибли вместе, во время военного столкновения», — пишет Н.В. Полосьмак. Таково было блестящее начало эпопеи современных раскопок «замерзших» могил Горного Алтая. Затем последовали новые потрясающие открытия.

1993 год. При раскопках кургана могильника Ак-Алаха-3 археологам фантастически повезло. В деревянной колоде (а именно так хоронили своих соплеменников знатные пазырыкцы), полностью заполненной льдом, была обнаружена мумия женщины, тело которой украшала татуировка, выполненная по классическим канонам так называемого скифо-сибирско-го звериного стиля. Алтайская принцесса была одета в блузу из китайского шелка, который в то время ценился дороже золота, и уникальный головной убор. Весь мир заговорил об этом открытии как об археологической сенсации века.

Однако вскоре пришлось принимать срочные меры по спасению драгоценной мумии — после вскрытия гробницы она начала чернеть буквально на глазах, ее светлая кожа стала стремительно приобретать «африканскую» окраску. На помощь пришли ученые Центра биологических исследований (бывшей Лаборатории при мавзолее В.И. Ленина) в Москве. Они вернули этой 26-летней пазырыкской «даме» ее первоначальный облик. Антропологи из Лаборатории имени М.М. Герасимова (Институт антропологии и этнологии РАН) создали скульптурный портрет этой пазырыкской женщины, глаза которой закрылись еще 25 веков назад. У нее вполне европейские черты лица. Если бы она чудом воскресла и ее облачили в современный женский наряд, то она ничем не отличалась бы по своему внешнему облику от наших современниц.

Новосибирские генетики сумели извлечь из тканей пазырыкской «дамы» фрагменты молекул ДНК, и поэтому появились шансы добыть неумерший за

Илл. 130. Женский головной убор-парик. Курган № 1, Ак-Алах-3, Укок. Реконструкция Е.В. Шумаковой, рисунок Д.В. Позднякова

2,5 тыс. лет «алтайский ген». Стоит ли говорить, что наличие такого древнего гена дает в руки специалистов бесценную возможность выяснить, какие же именно этносы являются наследниками создателей пазырыкской культуры.

Кстати, после появления в широкой печати сообщений об этой сенсационной находке в Республике Алтай возникло весьма странное «движение общественности». Местные патриоты (в число которых входили и представители алтайской интеллигенции) объявили, что они — представители «алтайского народа» — прямые потомки пазырыкской женщины, скончавшейся 25 столетий назад. К тому же они информировали новосибирских археологов, что всегда знали о наличии захоронения «дамы» на плато Укок, но не смели тревожить ее священный сон. Зовут ее якобы Кадым, и она — прародительница «алтайской нации». «Потомки мумии» приезжали даже в Москву в 1995 г. в Центр биологических исследований (где находилась тогда мумия), чтобы убедиться в том, что их «матери» ничего не грозит, и уехали вполне удовлетворенные увиденным. Для сведения читателей привожу короткую фактическую справку: население Пазырыкской культуры Алтая в VI-III вв. до н.э. было в массе своей европеоидным, очень близким по языку и физическому типу к древнеиранским племенам саков в Казахстане и Средней Азии; предки же современных алтайцев — чистые монголоиды, говорившие на разных диалектах тюркского языка, и пришли они в этот горный край не ранее середины I тыс. н.э.! Таким образом, данное событие произошло почти тысячу лет спустя после исчезновения пазырыкцев с арены истории и, соответственно, современные алтайцы «потомками мумии» быть не могут!

Правда, никакие научные доводы «упертых» националистов убедить не в состоянии. В эпоху разгула «ельцинской демократии» (помните его знаменитое обращение к регионам России: «берите свободы, сколько захотите!») парламент Республики Алтай принял в 1996 г. беспрецедентное постановление: запретить новосибирским археологам вести раскопки «ледяных» могил на плато Укок, так как это подрывает духовные основы культуры «алтайского народа». Кстати, этот запрет действует и по сей день.

Лето 1995-го. Продолжаются исследования могильника Вsrх-Кальджин-2, расположенного в северной части плоскогорья, в среднем течении р. Кальд-жин. И вдруг, раскапывая третий курган, археологи наткнулись на погребальную камеру. На этот раз в ней оказалась мумия молодого мужчины. Вторая сенсация на Укоке!

Курган имел неправильную восьмиугольную форму, возможно, копируя планировку многоугольных срубных построек-жилищ, ведь смерть у древних часто воспринималась как некий *переход* для жизни в ином мире. Умершего снабжали всей необходимой бытовой утварью, лошадьми, ну и, конечно, домом,...

Мял. 131. Вскрытие мумии женщины \ Курган № 1, Ак-Алах-3, У\

Насыпь кургана была как бы трехслойной. Могила оказалась в самом центре сооружения, прямоугольной формы, чуть более 1,5 м глубиной. На дне ямы располагался трехвенцовый сруб из лиственничных бревен крупного диаметра расколотых вдоль по длинной оси. Бревна тщательно обработаны и плотно подогнаны друг к другу, а сруб закрыт крупными плахами. Рядом с северной стенкой сруба обнаружили захоронение лошади. От животного сохранились практически только кости, а также небольшие фрагменты шкуры, шерсти. Вместе с тем, до нас дошли деревянные украшения узды, в том числе псалии, украшенные растительным орнаментом. Но главная сенсация поджидала археологов в срубe. После снятия плах перекрытия выяснилось, что он полностью заполнен льдом, который в неприкосновенности сохранил все предметы и мумию!

Молодой стройный мужчина был похоронен с соблюдением канонov, принятых в обществе пазырыкцев. Он лежал на правом боку, имитируя позу спящего человека, головой на восток, на восход солнца, на специально подготовленном ложе из досок, приподнятых над дном ямы на деревянных чурбачках. Ложе покрыто черным войлоком. Одет мужчина был в роскошную белую меховую шубу — дубленку оригинального кроя, с длинными рукавами, завязывающимися веревочками (видимо, по причине отсутствия варежек), украшенную веревочными кистями из конского волоса, в короткие (чуть ниже колен) тканые штаны бордового цвета и высокие белые войлочные сапоги-ботфорты, расшитые красной материей. Голову его украшал традиционный для пазырык-ской культуры головной убор — войлочный колпак в виде шлема (очень похожего на легендарную «буденовку»), расшитый поразительными по изяществу фигурками лошадей, покрытых золотой фольгой.

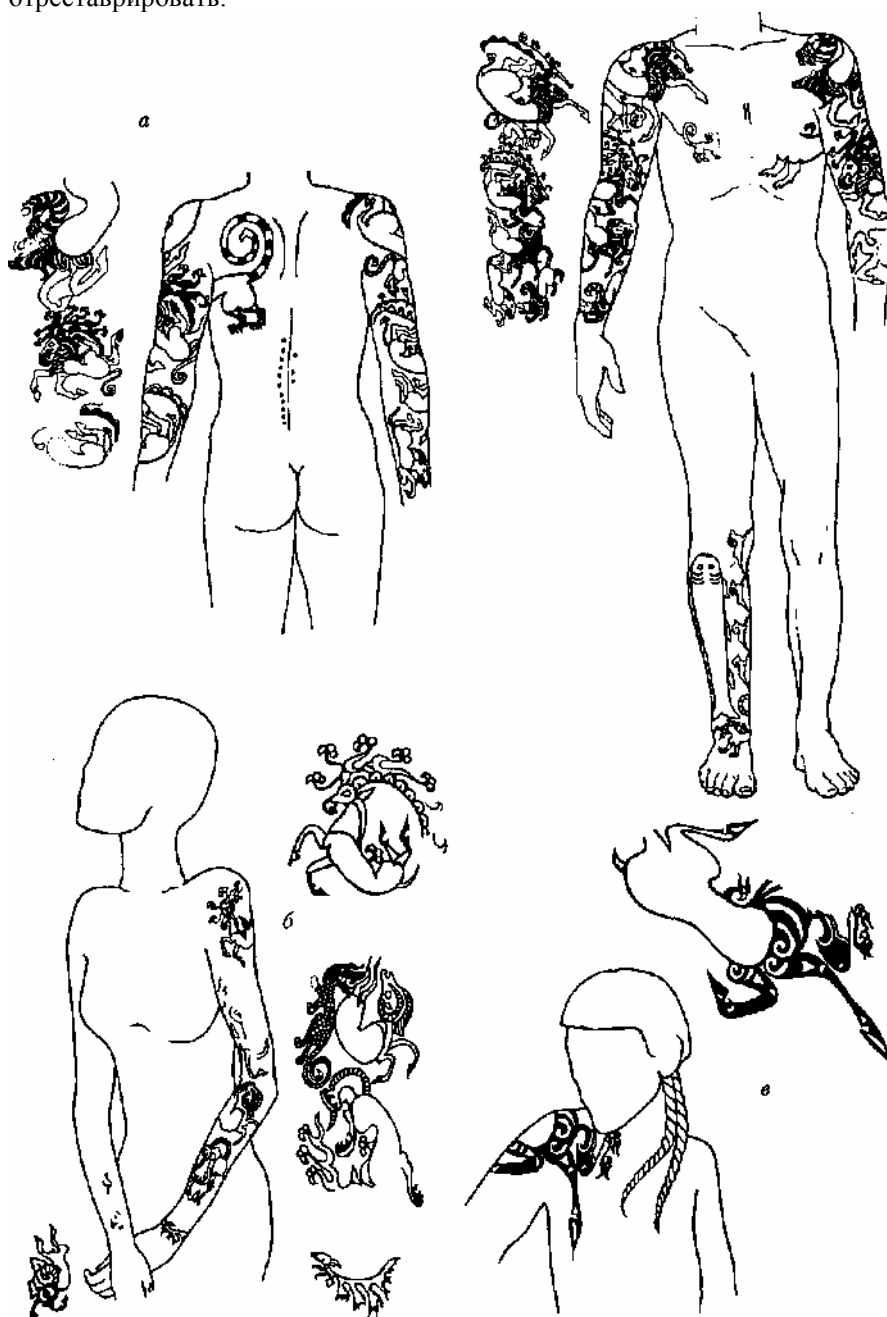
Интересно, что в могилу были помещены еще два головных убора различного фасона: один из цветного войлока, с кистями, а второй — огромных размеров, в высоту более полуметра. Головному убору у пазырыкцев несомненно придавалось особое значение, поэтому умерший, вероятно, был снабжен шапками на все возможные случаи его потусторонней жизни.

На шее погребенного оказалась деревянная, в золотой фольге шейная гривна в виде головок кошачьих хищников — излюбленного персонажа различных народов Евразии, живших в скифское время.

Мужчина имел два кожаных пояса. Оба они сохранились плохо, и все же внешний, которым была подпоясана шуба, хотя и фрагментарно, но все-таки дошел до нас. Он был изготовлен из прекрасно выделанного черного хрома, украшенного деревянными накладками красного цвета. К поясу был подвешен железный боевой чекан на деревянной рукояти — грозное оружие для своего времени.

Под шубой, на поясе мужчина носил бронзовое зеркало в войлочном мешочке, гребешок из рога и деревянный кинжал в деревянных же ножнах. Это несомненно имитация металлического оружия. Настоящее — из бронзы и железа — было достаточно дорогим, вот и обманули пазырыкцы своего умершего соплеменника, отправив его в иной мир с деревянной копией кинжала.

Шубу, как и остальные предметы, обнаруженные в могиле, удалось не только спасти, но и отреставрировать.

Илл. 132. Образцы татуировок на мумиях из Пазырыка и Укок>
368

Главный сюрприз — тело умершего было мумифицировано перед захоронением. Мумия сохранилась прекрасно. От времени пострадали лишь мягкие ткани лица, головы и левой руки. Светлые или рыжие волосы заплетены в две косы, прямая челка спадала на лоб. На правой части

груди и плече прекрасно сохранилась татуировка крупных размеров, изображающая оленя или лося в классической для скифо-сибирского искусства манере.

Ранее считалось, что мумификации и художественной татуировке подвергались только социально значимые члены пазырыкского общества, т. е. знать. Теперь же очевидно, что все было гораздо сложнее. А это значит, что духовный мир носителей пазырыкской культуры был значительно многограннее и богаче, чем представлялся учеными ранее.

Почему еще столь большую ценность для ученых представляют мумии, обнаруженные в археологических комплексах?

Дело в том, что генетики научились сегодня извлекать из мягких тканей тысячелетней давности ископаемое ДНК, что дает возможность более доказательно говорить о проблемах, связанных с этногенезом древних популяций далеких предков современных сибиряков. Этой проблемой сейчас занимаются специалисты из Института цитологии и генетики Сибирского отделения РАН.

Вот такие открытия подарил Укок.

Выше немало говорилось о том, что по степени информативности «ледяные» гробницы Горного Алтая не имеют себе равных в скифо-сибирском мире. Однако речь шла, в основном, о находках мумий (часто с татуировкой) женщин и мужчин Пазырыкской культуры, о трупах лошадей (в желудках которых сохранился даже тот корм, которым они питались перед жертвоприношением) и многочисленных изделиях из дерева, кожи, войлока, тканей, кости и рога. Но феномен Пазырыкской культуры дает нам нечто большее — возможность воссоздать достоверные картины жизни, ушедшей две с половиной тысячи лет назад. Ниже я вновь возвращаюсь к материалам Укока, обработанным ныне и археологами и представителями естественных наук.

Плато Укок, расположенное на высоте около 2500 м над уровнем моря на самом юге горного Алтая, является территорией России, но лежит на стыке границ четырех государств: России, Казахстана, Монголии и Китая. Географическое положение Укока было чрезвычайно выгодным. Оно позволяло, несмотря на труднодоступность, поддерживать необходимые связи с окружающим миром. Люди, чьи могилы найдены археологами на Укоке, вероятно, не проживали там постоянно. Плато служило для пазырыкцев пастбищем, на котором они проводили самую суровую и длинную пору года; зиму и весну. Они приходили сюда не ранее конца октября. Мы можем достаточно уверенно говорить об этом, так как, по многолетним наблюдениям, снежный покров на Алтае образуется обычно в конце октября — начале ноября, а откочевка на зимние пастбища всегда связывалась (у тувинцев, например) с выпадением постоянного снега, заменявшего животным питьевую воду. Переход на зимники откладывался в отдельные годы даже до начала декабря. В настоящее время на зимние пастбища Укока жители алтайского села Джазатор поднимаются в начале ноября, а возвращение на летние пастбища происходит обычно в июне. Но, оставляя здесь погребения своих сородичей, носители пазырыкской культуры как бы закрепляли за собой территорию Укока, которая с появлением могил становилась для них сакральным пространством.

О том, что пазырыкцы полностью освоили Укок, свидетельствуют могилы, оставленные ими на всех пастбищных угодьях этой обширной местности. Укок вполне отвечал основным требованиям, предъявляемым скотоводами к району проживания: большое количество хороших пастбищ, которые можно использовать значительную часть года; расположенные неподалеку источники добычи железа, золота, серебра, олова и других металлов, выгодное стратегическое положение и доступность сообщения с другими районами Центральной Азии. Преодолев несколько перевалов или двигаясь по долине р. Ак-Алаха, можно было выйти в Монголию, Казахстан, Северо-Западный Китай, Центральный Алтай.

Образ жизни пазырыкцев определяется не только их основным занятием — скотоводством, но и местом обитания — Горным Алтаем. Природа, окружающая среда и ландшафт имеют чрезвычайно важное значение для формирования культуры, и не только материальной.

Проживание на Укоке было доступно далеко не каждому неподготовленному человеку, суровые климатические условия высокогорья требуют специальной физиологической адаптации. Об этом красноречиво свидетельствуют и патологические изменения, которые можно наблюдать практически на всех найденных останках скелетов. Возможно, это свидетельство того, что местные жители принадлежали к одной из групп кочевников, мигрировавших на Укок и не успевших адаптироваться к специфическим особенностям микроклимата плато.

С помощью методов дендрохронологии* было установлено, что все исследованные погребения Укока были сделаны в один временной период, который охватывает 39 лет. Разумеется, этого времени недостаточно для физиологической адаптации человека к району с экстремальными

экологическими условиями. Наиболее распространенными у пазырыкцев Укока были патологии зубо-челюстного аппарата (ранняя прижизненная утрата большинства зубов, сопровождающаяся воспалительными процессами в тканях, прилегающих к кариозным зубам), хронический полиартрит, поражение отдельных позвонков

* Дендрохронология — определение точного возраста древнего дерева по его годовым кольцам.

спондилезом*. Эти патологические процессы, как правило, предопределялись целым рядом социально-бытовых и профессиональных факторов и связанных с ними нарушений обмена веществ.

Средняя продолжительность жизни пазырыкцев Укока, определенная по материалам курганных захоронений, невелика: для женщин — 29,6 лет, для мужчин — 38,5 лет. При этом возраст трех из всех погребенных мужчин может быть определен как старческий — 50-60 лет. Останки мужчин очень редко имеют следы военных ранений, столь характерных для их соседей на юго-востоке, например улангомцев Западной Монголии. Можно считать, что пазырыкцы Укока умирали, в основном, из-за болезней, травм и старости, а женщины также из-за родов. Экстремальные условия проживания, образ жизни и занятия, вероятно, способствовали быстрому старению организма, истощению его ресурсов. При этом надо отметить, что почти все пазырыкцы, судя по костям и мумиям, были рослыми (от 160 см и выше) и крепкими людьми.

Одним из важных свидетельств хозяйственных занятий и культурных особенностей пазырыкцев является их рацион, о котором можно составить некоторое представление по находкам в погребениях. В комплексе бытовой культуры пища служит наиболее устойчивым и характерным элементом. Даже у тех народов, чьим основным занятием было скотоводство (как у пазырыкцев), мясо не являлось основой питания. Эти сведения, нашедшие отражение в целом ряде древних источников, в обобщенном виде выражены в «Своде странных обычаев» древнегреческого историка Николая Дамасского: «Млеко-еды, скифский народ <...> питаются только кобыльим молоком, из которого, делая сыры, едят и пьют, и поэтому с ними весьма трудно бороться, так как они повсюду имеют с собой пищу». Эти сведения подкрепляются и более поздними этнографическими наблюдениями. О жителях округа Лхадо в Тибете П.К. Козлов писал: «Мясо у них, вообще говоря, большая редкость; даже богатые кочевники и те специально ради мяса убивают свой скот лишь в исключительных случаях. Лхадосцы едят мясо преимущественно состарившихся животных или задавленных зверем, не брезгают они также и мясом издохшей скотины или, тем более, мясом убитых и изловленных зверей». То же самое можно сказать и о тангутах Тибета.

Возможно, впечатление о преимущественно мясном рационе скотоводов складывалось в связи с тем, что, по словам путешественников братьев Грум-Гржимайло, «будучи очень гостеприимными, к гостю, если он не заурядный посетитель, даже бедные подводят барана, которого тут же на его глазах и закалывают». У археологов такое же впечатление сложилось из-за постоянного присутствия костей животных в погребениях скотоводов, пазырыкцев в том

* Нарушение целостности дуги позвоночника.

числе. Но находки лучших — и всегда одинаковых, крестцовых, — частей туш баранов и реже лошадей в пазырыкских могилах свидетельствует, как мне кажется, именно об исключительности этого явления: ритуальная пища не могла быть повседневной, обыденной. В древних традиционных культурах обильное поедание мяса домашних животных было обычно связано с жертвоприношениями и не могло быть событием, повторяющимся часто.

В рационе всех скотоводов Центральной Азии одно из ведущих мест занимает дзамба — еда, приготовленная из зерен ячменя или диких семян суль-хира, поджаренных и перемолотых на ручных мельницах, зернотерках или жерновах. Дзамба с маслом, дзамба, заваренная кипятком с добавлением масла, дзамба с молоком, судя по свидетельствам путешественников и этнографов XVIII-XX вв., часто являлась их основной пищей. По данным П.К. Козлова, у тибетцев продукты скотоводческого хозяйства осенью сбывались оседлым жителям: «Наиболее существенный предмет сбыта кочевников — шерсть — и самый необходимый в приобретении — зерно — стоят в одинаковой цене: четырехпудовый выюк первого променивается на четырехпудовый выюк второго. Зажиточная семья заготавливает для себя ежегодно от 30 до 40 пудов ячменя».

Делали ли пазырыкцы небольшие посева ячменя, как много позже алтайцы, неизвестно. Образ жизни и природно-климатические условия позволяли им заниматься примитивным земледелием, но достоверных свидетельств этому пока не обнаружено. Нередко встречающиеся в насыпях пазырыкских курганов, в том числе и на Укоке, каменные зернотерки и даже жернова не являются

бесспорным доказательством существования земледелия. Они лишь указывают на то, что пазырыкцы использовали муку дикорастущих или культурных злаков, которая, видимо, в их рационе занимала не последнее место. В одном из рядовых пазырыкских погребений (Уландрык-1, курган № 2) были обнаружены лепешки из перемолотых зерен дикорастущего волоснеца. Большую роль в жизни пазырыкцев играла зимняя охота на снежных барсов, волков, горных козлов, баранов, белок. Охота существенно разнообразила пищевой рацион пазырыкцев, была источником пушнины и рога, который шел на поделки.

В пищевом рационе пазырыкцев Укока присутствовала и рыба. О ее значении можно судить по тому, что образ рыбы часто использовался для украшения одежды и конской сбруи пазырыкцев, присутствует он и в татуировке.

И в заключение этой несколько затянувшейся главки я вновь хочу процитировать слова Н.В. Полосмак об Укоке: «Судя по вещам, которые мы находим в погребениях пазырыкцев, их жизнь не представляется столь же „незатейливой“, какой Н.М. Пржевальскому представлялась жизнь современных ему кочевников, а сами они не кажутся людьми „неразвитыми“ (по выражению того же путешественника). За великолепными украшениями, за мумифицированными и татуированными телами самих пазырыкцев, за пышными уборами их коней стоит целый мир сложных мировоззренческих и мифологических представлений, стоит жизнь, которую можно лишь отчасти сравнить с той, что увидели путешественники в XIX — начале XX в. в Центральной Азии, Казахстане и на Алтае».

Аржан-2 — иарская гробница кочевников Тувы

Все начиналось как в голливудском детективе. Археолог Павел Леус, стоя на глубине почти 4 м от современной дневной поверхности, крикнул людям наверху: «Парни, у нас проблема! Нам нужна милиция!». Место действия — Республика Тува, курган Аржан-2, расположенный у пос. Аржан, в центре Турапо-Угокской котловины, к юго-востоку от регионального центра Кызыл. Время — лето 2001 года. «Здесь скелеты людей и много, много золота!», — продолжал археолог.

Это был кульминационный момент многолетних раскопок большого «царского» кургана совместной российско-германской экспедиции в Туве. Работы велись в течение 2000-2003 гг. Российскую сторону представляли археологи из Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург), а немецкую — Германский археологический институт (Берлин). Когда стало ясно, что произошел редчайший случай и в глубинах Центральной Азии найдено подлинное чудо — ран-нескифское (VII в. до н.э.) абсолютно целое «царское» погребение, — восторгу ученого мира не было предела. Вот слова директора Эрмитажа М.Б. Пиотровского: «Это было чудо, превратившееся в сенсацию. Нетронутое грабителями и не засыпанное землей раннескифское погребение с удивительным по богатству и красоте набором ювелирных изделий. В краях, где жили древние европейские скифы, такого не находили уже много десятилетий. Золотые бляшки лежали так, что можно восстановить покрой одежды. Замечательные украшения позволяют восстановить форму торжественных шапок. Деревянный ковш с золотой ручкой — наконец-то найденный символ кочевника, упоминаемый Геродотом. Большая часть украшений специально была сделана для торжественного ритуала. На одной из изящных бляшек-лошадок сохранилась неотструганная золотая за-

Иля. 133. Каменная плита с изображением человека и лошади.

Курган Аржан-2, VII в. до н.э.

витая стружка. Все, как вчера создано. Все — живой образ, только что завершённый».

Не мог сдержать эмоций и руководитель немецкой части экспедиции, президент Германского археологического института, профессор Герман Пар-цингер. «2001 год, — пишет он, — был удачным не только для российско-германского сотрудничества, но и для археологической науки в целом — было открыто богатое скифское погребение в кургане Аржан-2. Почти 6000 шедевров древнего ювелирного искусства вызвали всемирный интерес. Эта находка ясно показала, что Сибирь, особенно ее южная часть, — это не только царство вечного холода, но и место обитания древних народов, обладавших высокой материальной культурой. Для нас, немцев, историческое развитие в этих частях Центральной Азии представляет особый интерес, так как именно отсюда начинались периодические передвижения народов на запад, вплоть до Центральной Европы. Важнейшими из них в историческое время были гунны, тюрки, монголы. Насколько мы знаем из

источников, первыми, кто шел по этому долгому пути были скифы в первом тысячелетии до н.э.». Теперь от восторженных откликов двух выдающихся людей вернемся к «прозе жизни»: что же именно было найдено в «царском» кургане Аржан-2?

После предварительных обследований ученым стало ясно, что Аржан-2 — это сложный погребально-поминальный комплекс, включающий не только центральное наземное сооружение (т. е. сам курган) диаметром 80 м и высотой 2 м, но и многочисленные кольцевые ограды, дуговидные вымостки и прочие конструкции из камня.

Самой большой неожиданностью явилось открытие в 2001 г. основного, «царского» захоронения. Причина того, что древние грабители не нашли гробницу, проста — могила располагалась не в центре кургана, а была значительно смещена к его краю; могильная яма выкопана до скального грунта и даже углублена в него. В ней и находился прекрасно сохранившийся деревянный склеп с полом из досок.

На полу, в центре гробницы лежали останки двух погребенных — мужчины и женщины. По характеру сопровождающего инвентаря можно предположить, что основным является мужское захоронение. Сохранность костей очень плохая. Не уцелели и многие предметы из ткани, войлока, шерсти, меха и кожи. Однако погребальное убранство покойников было настолько насыщено золотыми украшениями, что тщательное определение их расположения сдела-

Илл. 134. Золотая шпилька с навершием в виде оленя. Курган Аржан-2, VII в. до н.э.

ло возможным воссоздание костюмов и многих других атрибутов погребального обряда. Интересно, что микроклимат могилы не повредил изделиям из дерева. Стены деревянного склепа были завешаны войлочными коврами. Цветные войлоки, найденные в «ледяных» курганах Алтая, позволяют предположить, что это были высокохудожественные изделия. Вдоль северо-восточной стены сруба лежал парадный пояс с портупейными ремнями. К поясу крепились чекан и плеть. Богато украшенный горит с луком и стрелами висел на длинной портупее, носившейся через плечо. Железный чекан (клевец — *В.Г.*), инкрустированный золотым узором, был насажен на деревянное древко 70 см длиной. Плеть имела массивные золотые навершия и рукоять, украшенную кольцевыми полосами золотой фольги (как и у европейских скифов). Стрелы в колчане имеют железные, сильно коррозированные наконечники, но при расчистке на некоторых из них виден золотой узор. Окончания древков стрел расписаны краской. В западном углу на вертикальном столбе висела золотая пектораль и стояли два каменных и один бронзовый сосуды. Тут же находились остатки деревянного ковша в рукоятью, обернутой золотым

листом. Перед лицами погребенных были положены бронзовые зеркала.

На шее мужчины находилась золотая гривна — символ верховной власти. Это самый массивный золотой предмет, найденный в могиле. Его украшают фигуры различных животных, в том числе хищников семейства кошачьих. Здесь же, у левой стороны черепа найдена золотая серьга с припаянным конусовидным колпачком. Под черепом — остатки декора головного убора: четыре крупные золотые бляхи в виде фигур лошадей с подогнутыми ногами и павер-шие в виде оленя, стоящего «на цыпочках». Украшения вырезаны из золотого листа; глаза, рот, ноздри, скулы и уши животных инкрустированы эмалью.

За правым бедром погребенного лежал железный меч в ножнах, от которых сохранились остатки деревянного каркаса. На мече — орнамент в виде золотых узоров, изображающих животных, точнее — тигров.

Женщина имела более скромное убранство: бирюзовые бусы, золотые бляхи и булавки, серьги с зернью, браслет в виде золотой цепочки. На поясе умершей находились ножны с железным кинжалом, украшенным золотом. Рядом — сумка с косметическими веществами и золотая миниатюрная модель котла.

Вместе с «царем» было погребено 14 жеребцов в полном уборе из золота, бронзы и железа.

По всему набору вещей можно предположить, что курган Аржан-2 был возведен во второй половине VII в. до н.э. Это подтверждается и радиоуглеродным анализом.

Итак, Аржан-1 дал ответ на истоки скифской культуры и искусства, а Аржан-2 подтвердил высокий статус центральноазиатской прародины скифов в период их массовой миграции на запад.

Лух Orient — «Свет с Востока». Корни скифской проблемы удалось, наконец, отыскать в глубинах Центральной Азии — в далекой Туве.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

380

авно растаяли в воздухе дымы скифских кочевий. Давно замолкли звуки песен и танцев в честь военных побед и великих богов. Скифская цивилизация и ее носители — скифы — исчезли в бездне времен более 2300 лет назад. Можно считать, что многочисленные курганы скифов - это настоящее царство мертвых, гигантская гробница целого народа, навсегда унесшего с собой в небытие свои думы, чаяния, веру и живой язык.

«Неужели правда, что мы живем на земле?» — вопрошал когда-то в отчаянии древнемексиканский поэт XV в. Несауалькойотль.

На земле мы не навсегда, лишь на время.

Даже нефрит дробится,

Даже золото плавится,

Даже перья птицы кецаль рвутся,

На земле мы не навсегда, лишь на время.

Человек не бессмертен. Умирают люди, исчезают целые народы, гибнут цивилизации. Но верно и то, что человек не уходит с лица земли бесследно, а продолжает жить в нетленных творениях рук своих. Значит, есть и надежда на воссоздание буквально из праха некогда ушедшей жизни.

Сколько древних культур и цивилизаций, считавшихся навсегда исчезнувшими и вычеркнутыми из памяти человечества, открыли нам за последние десятилетия археологи? И среди этих научных достижений открытия в области скифской археологии занимают далеко не последнее место. Но есть еще на этом пути и немало трудностей. Дорогой читатель, вероятно, помнит, что еще в самом начале книги я особо отметил один парадоксальный факт: несмотря на более чем двухвековые широкие исследования нескольких поколений ученых, основные проблемы скифологии до сих пор остаются нерешенными. Увы, мне, к сожалению, придется повторить эту фразу и в конце своего повествования.

Правда, налицо и ряд важных подвижек в изучении прошлого скифов. Я имею в виду, прежде всего, явный прогресс в решении вопроса о происхождении скифской культуры. Здесь в многолетнем споре чаша весов явно склоняется в сторону защитников центральноазиатской

гипотезы, особенно после открытия таких принципиально важных археологических памятников, как курганы Аржан-1 и Аржан-2 в Туве. В этих поистине царских по роскоши и величине гробницах ученые нашли и самые ранние проявления знаменитой скифской «триады» (предметы вооружения, конской сбруи и звериного стиля) IX-VIII вв. до н.э. (Аржан-1), и характерные изделия эпохи массовых передвижений конных скифских орд из своей азиатской прародины на запад в VII в. до н.э. (Аржан-2).

Несмотря на то, что в степях Северного Причерноморья предшествующие племена киммерийцев хронологически тесно смыкаются со скифами и в какое-то время (на рубеже VIII и VII вв. до н.э.) даже вроде бы соприкасаются друг с другом, каждая из этих культур имеет свои четко выраженные индивидуальные черты буквально во всех своих проявлениях. Поэтому культуру скифского типа нельзя генетически выводить из киммерийской. Скифы — явные пришельцы в причерноморских степях, и распространение здесь скифской «триады» (и прочих характерных для скифов черт культуры) связано с новой миграционной волной ираноязычных кочевников из Азии. По другим важнейшим вопросам прошлого скифов согласия до сих пор в ученых кругах не найдено. Речь идет о таких проблемах, как точное понимание термина «скифы», о наличии у скифов государственности, о территории, которую занимали скифские и нескифские племена, упомянутые Геродотом, и, наконец, причины драматической и внезапной гибели могущественной Скифской державы в начале III в. до н.э.

Загадки, проблемы, нерешенные вопросы — они встречаются в истории скифов буквально на каждом шагу. Таким образом, окончательное решение «скифской головоломки» — дело будущего. Нужны совместные усилия ученых многих специальностей — археологов, историков, этнографов, антропологов, лингвистов. Но, прежде всего, следует продолжать раскопки скифских древностей — курганов, поселений и городищ. Только заметное расширение фактической базы о прошлом скифов поможет решить, в конечном счете, многие загадки их истории. И сейчас есть все основания с оптимизмом смотреть в будущее.

Вопреки финансовым трудностям работы археологических экспедиций продолжаются как в России, так и на Украине. Новые изощренные методы антропологического анализа позволяют оспорить хорошо известные строки великого русского писателя и поэта Ивана Бунина — «молчат гробницы, мумии и кости...», поскольку сейчас уже смело можно утверждать: эти «молчавшие» до сих пор источники информации заговорили вдруг во весь голос. Кости, обыкновенные человеческие кости (правда, весьма почтенного возраста — более 2400 лет) дают нам теперь такие ценные сведения о скифах, как пол и возраст умерших, перенесенные ими болезни и физические нагрузки, рацион питания и т. д. Я не говорю уже о мумиях — подлинном «кладезе» сведений о наших далеких предшественниках. Правда, мумии скифского времени известны пока всего лишь в двух местах: на Горном Алтае («ледяные» гробницы Пазырыка и Укока) и в Синьцзяне (сухие и глубокие могилы на краю пустыни Такламакан в Северо-Западном Китае). Особенно хочу отметить здесь «феномен» алтайских мумий, которые были раскопаны на высокогорном плато Укок в 90-е гг. прошлого века новосибирскими археологами, а затем блестяще изучены, интерпретированы и введены в скифологию в содружестве с учеными самых разных специальностей, как российскими, так и зарубежными.

Итак, новые успехи науки и техники и продолжающиеся во все возрастающих масштабах работы археологов вселяют уверенность, что в самом недалеком будущем основные проблемы скифской культуры удастся успешно решить и «скифская головоломка» станет тогда разгаданным кроссвордом.

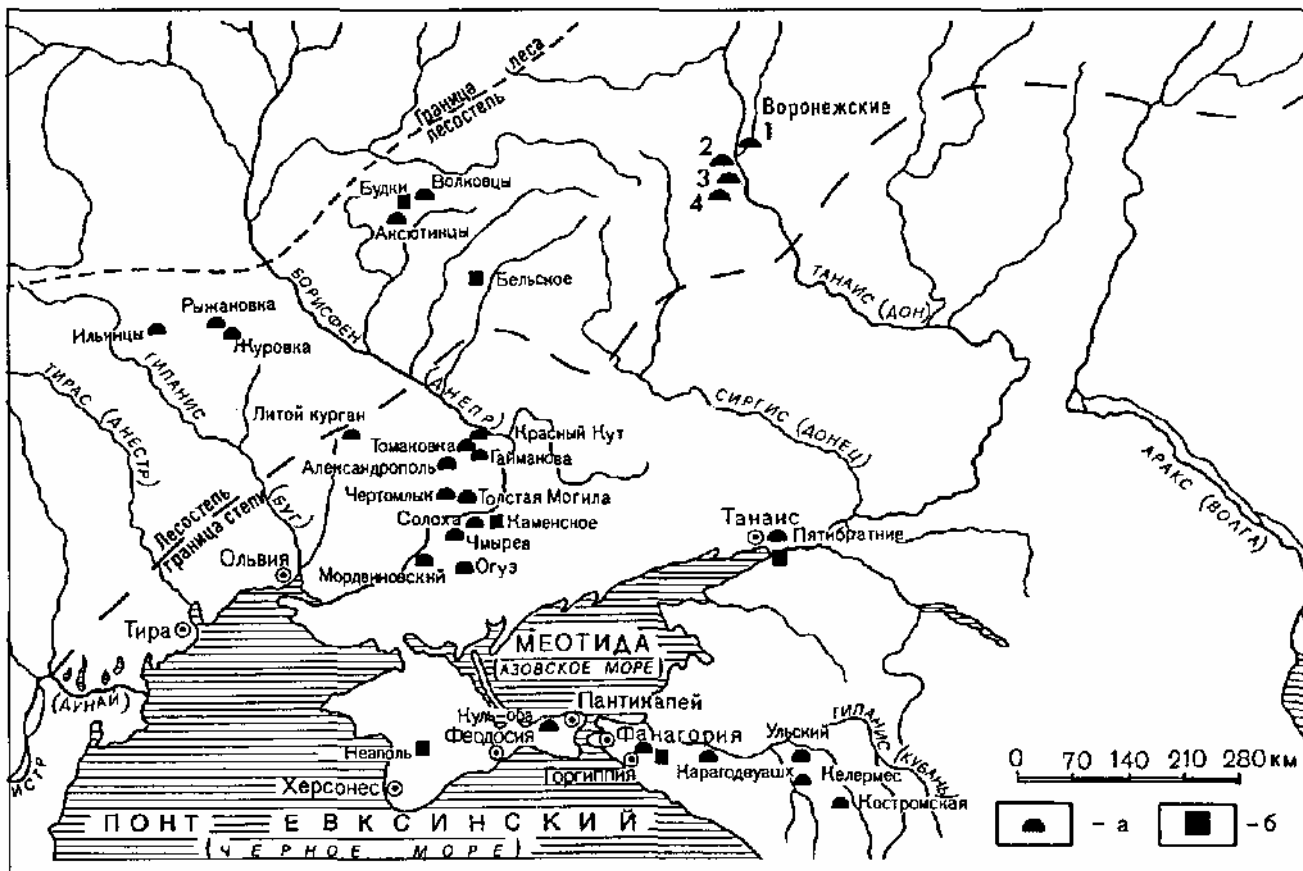
КАРТА

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

УКАЗАТЕЛИ

Среднедонские могильники и основные памятники скифской культуры

а — курганы, б — городища; 1 — «Частые курганы», 2 — Мастюгино, 3 — Русская Тростянка, 4 — Дуровка (по А.И. Пузиковой, 2001 г.)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии. — СПб., 2003.
 Античные государства Северного Причерноморья // Археология СССР, в 20 тт. — М., 1984.
 Артамонов М.И. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. — Прага; Л., 1966.
 Археология Среднего Дона в скифскую эпоху // Труды Потуданской археологической экспедиции, 1993-2000 гг. - М., 2001.
 Археология Среднего Дона в скифскую эпоху // Труды Донской (Потуданской) археологической экспедиции, 2001-2003 гг. — М., 2004.
 Бессонова С.С. Религиозные представления скифов. — Киев, 1983.
 Ботард-Левин Г.М., Грантовский Э.А. От Скифии до Индии. — СПб., 2001.
 Брашицкий И.Б. В поисках скифских сокровищ. — Л., 1979.
 Великая Скифия (учебное пособие). — Киев; Запорожье, 2002.
 Геродот. История / Пер. Стратановского Г.А. — Кн. IV. — Л., 1972.
 Граков Б.Н. Скифы. — М., 1971.
 Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифия VII-IV вв. до н.э. — Киев, 1983.

- Лесков А.М. Курганы, находки, проблемы. — Л., 1981.
 Либеров П.Д. Памятники скифского времени на Среднем Дону. — М., 1965.
 Максименко В.Е. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. — Ростов-на-Дону, 1983.
 Молев Е. Эллыны и варвары. На северной окраине античного мира. — М., 2003.
 Мурзии В.Ю. Происхождение скифов. — Киев, 1990.
 Пузикова А.И. Курганские могильники скифского времени Среднего Подонья. — М., 2001.
 Раевский Д.С. Очерки идеологии скифо-сакских племен (опыт реконструкции скифской мифологии). — М., 1977.
 Ростовцев М.И. Эллинизм и иранство на юге России. — Пг., 1918.
 Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. — Л., 1925.
 Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. — М; Л., 1960.
 Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. — М., 1984.
 Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время // Археология СССР, в 20 тт. — М., 1992.
 Степи азиатской части СССР в скифо-сарматское время // Археология СССР, в 20 тт. — М., 1992.
 Филалка Е.Е. Искусство скифов. — Николаев, 1997.
 Хазанов А.М. Социальная история скифов. — М., 1975.
 Черненко Е.В. Скифские лучники. — Киев, 1981.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

- Илл. 1. Электровый сосуд со скифами. Курган Куль-Оба, IV в. до н.э.
 Илл. 2. Золотая поясная бляха из Южной Сибири. Случайная находка, V-IV вв. до н.э.
 Илл. 3. Золотая обкладка горита. Курган Чертомлык, IV в. до н.э.
 Илл. 4. Меч из Мельгуновского кургана в золотых ножнах.
 Илл. 5. Концы золотой гривны с фигурами скифских всадников. Курган Куль-Оба.
 Илл. 6. Золотой браслет с фигурами сфинксов на концах. Курган Куль-Оба.
 Илл. 7. Деталь изображения (сцены терзания) на золотых ножнах меча. Курган Куль-Оба.
 Илл. 8. Золотая височная подвеска с головой Афины. Курган Куль-Оба.
 Илл. 9. Электровый сосуд со скифами. Курган Куль-Оба, IV в. до н.э.
 Илл. 10. Серебряный ритон. Курган Куль-Оба, IV в. до н.э.
 Илл. 11. Золотая бляха с богиней, сидящей на троне с зеркалом в руке и пьющим из ритона скифом. Курган Чертомлык, IV в. до н.э.
 Илл. 12. Деталь изображения на золотой пластине горита. Курган Чертомлык.
 Илл. 13. Серебряная ваза. Курган Чертомлык.
 Илл. 14. Золотой гребень с батальной сценой. Курган Солоха, конец V — IV вв. до н.э.
 Илл. 15. Золотой налобник в виде рыбы и два нащечника в виде крыльев. Конское захоронение. Курган Солоха.
 Илл. 16. Деталь изображения на золотой обкладке горита. Курган Мелитопольский, IV в. до н.э.
 Илл. 17. Курган Чертомлык. План и разрез.
 Илл. 18. Золотой перстень с грифоном. Пятибратный курган № 8, IV в. до н.э.
 Илл. 19. Реконструкция костюма «царя». Пятибратный курган № 8.
 Илл. 20. Меч в золотых ножнах с золотой рукоятью. Пятибратный курган № 8, IV в. до н.э.
 Илл. 21. Детали изображения на серебряной чаше. Курган «Гайманова Могила», IV в. до н.э.
 Илл. 22. Серебряная чаша со скифами из «Гаймановой Могилы».
 Илл. 23. Золотая пектораль. Курган Толстая Могила, IV в. до н.э.
 Илл. 24. Детали с изображениями животных на золотой пекторали. Курган Толстая Могила.
- 386**
СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ
- Илл. 25. Деталь золотой пекторали: скифы, изготавливающие одежду из овечьей шкуры. Курган Толстая Могила.
 Илл. 26. Золотые серьги с фигурой богини Кибелы. Курган № 1 у с. Мастюгино, V в. до н.э. (раскопки Н.Е. Макаренко, 1908-1911).
 Илл. 27. Бронзовая пластина от панциря с ликом Медузы Горгоны. Курган № 2 у с. Мастюгино (раскопки Н.Е. Макаренко, 1908-1911).
 Илл. 28. Серебряный греческий сосуд с человеческой личиной. Разграбленный курган у с. Мастюгино (сборы А.А. Спицына, 1905-1906).
 Илл. 29. Воронежский серебряный сосуд с изображением скифов и его прорисовка. «Частые курганы», курган №3, IV в. до н.э. (раскопки ВУАК, 1910).
 Илл. 30. Деревянная чаша с золотыми обкладками и золотой ручкой в виде хищной птицы, IV в. до н.э. (реконструкция). Общий вид. «Частые курганы», курган №11 (раскопки П.Д. Либерова, 1954).
 Илл. 31. Детали деревянной чаши из кургана № 11: а) золотая ручка в виде хищной птицы и ее основа; б) золотая пластина с фигурой оленя с обкладки чаши.
 Илл. 32. Золотая обкладка деревянного гребня с фигурами хищников и общая реконструкция гребня. Курган № 32/32 у с. Мастюгино, IV в. до н.э. (раскопки П.Д. Либерова).
 Илл. 33. Серебряный с позолотой ритон. Курган № 29/21 у с. Мастюгино, V в. до н.э. (раскопки П.Д. Либерова).
 Илл. 34. Деталь бронзовой гидрии. Курган № 29/21 у с. Мастюгино, V в. до н.э.
 Илл. 35. Золотая круглая бляха с изображением Таргитая. Прорисовка. Курган № 1, с. Дуровка, IV в. до н.э. (раскопки А.И. Пузиковой).
 Илл. 36. Изображение амазонок с греческих расписных сосудов. VI-V вв. до н.э.
 Илл. 37. Битва греков с амазонками. Роспись кратера, V в. до н.э.
 Илл. 38. Роговой гребень с фигурой гепарда. Погребение амазонки. Курган № 8 у с. Терновое, IV в. до н.э.
 Илл. 39. «Первая борозда*». Начало раскопок кургана бульдозером.
 Илл. 40. Зачистка бровки и могильного пятна. Курган № 18 у с. Колбино.

- Илл. 41. Расчистка впускного погребения. Курган № 18 у с. Колбино, погребение № 2 («золотой дамы?»).
- Илл. 42. Скелет женщины (справа) и мужчины (слева), рядом — раздавленная греческая амфора. Курган № 18 у с. Колбино, погребение № 2.
- Илл. 43. Золотые серьги с фигурами пантер. Курган № 18 у с. Колбино, погребение № 2, IV в. до н.э.
- Илл. 44. Серебряный греческий сосуд. Курган № 18 у с. Колбино, погребение № 2, IV в. до н.э.
- Илл. 45. Серебряное зеркало. Курган № 18 у с. Колбино, погребение № 2, IV в. до н.э.
- Илл. 46. Меч с золотой рукояткой. Общий вид. Курган № 7 у с. Колбино, IV в. до н.э.
- Илл. 47. Меч с золотой рукояткой. Рукоять, деталь. Курган № 7 у с. Колбино, IV в. до н.э.
- Илл. 48. Роговая ритуальная чашечка. Курган № 8 у с. Колбино.
- Илл. 49. Золотая бляха с изображением конного скифа. Курган Куль-Оба.
- Илл. 50. Серебряный с позолотой сосуд с изображением скифов, охотящихся на львов. Курган Солоха, V-IV в. до н.э.
- Илл. 51. Лицо скифа с серебряной чаши. Курган «Гайманова Могила».
- Илл. 52. Образы скифов в греческом искусстве. Рисунки Герлинде Томма, Гё'тинген.
- Илл. 53. Образы скифов в греческом искусстве. Рисунки Герлинде Томма, Гё'тинген.
- Илл. 54. Бронзовые прорезные навершия скифов.
- Илл. 55. Изображение киммерийцев на ассирийском каменном рельефе. VII в. до н.э.
- Илл. 56. Изображение киммерийских всадников на этрусской вазе. VI в. до н.э.
- Илл. 57. Типичные вещи киммерийской культуры.
- Илл. 58. Изображение киммерийца на греческой вазе. VI в. до н.э.
- Илл. 59. Реконструкция портрета скифского воина IV в. до н.э. Курган № 12 у с. Терновое.
- Илл. 60. Изображение в ассирийском стиле на перекрестье меча. Мельгуновский курган.
- Илл. 61. Чудовища с луками. Деталь изображения на золотых обкладках ножен. Мельгуновский курган.
- Илл. 62. Литейная форма для отливки наконечников стрел. Мосул, Ирак.
- Илл. 63. Золотая обкладка горита с фигурами оленей. Келермес, VII в. до н.э.
- Илл. 64. Бронзовый шлем «кубанского типа*». Келермес, курган № 2, V-VI вв. до н.э.
- Илл. 65. Бронзовое навершие с колокольцами в виде головы хищной птицы. Ульяновский аул, курган № 2, VI в. до н.э.
- Илл. 66. Глиняные фигурки с изображением скифов: а) курган из станицы Червленной; б) окрестности Кировабада; в) Мемфис; г) Каменная фигурка из погребения могильника Ялхой Мокх.
- Илл. 67. Золотая бляха с изображением скифов, стреляющих из луков. Курган Куль-Оба.
- Илл. 68. Золотая бляха с маской Медузы Горгоны. Феодосия, Крым, IV в. до н.э.
- Илл. 69. Обломок расписного греческого кратера. О. Березань, 575-550 гг. до н.э.
- Илл. 70. Золотая греческая подвеска в форме женской головы. Большая Белозерка, Запорожье, курган № 2, погребение № 3, IV в. до н.э.
- Илл. 71. Золотая греческая височная подвеска в виде фигуры сфинкса. Трехбратис курганы близ Охонки, Крым, курган № I, IV в. до н.э.
- Илл. 72. Золотое ожерелье с подвеской в виде женской головы. Греческая работа. Курган Огуз близ Нижних Серогоз, Херсонская обл., ок. 325 г. до н.э.
- Илл. 73. Часть серебряного конского убора с изображением фигуры Геракла. Греческая работа. Бабина Могила, Днепропетровская обл., 350-300 гг. до н.э.
- Илл. 74. Золотые и электровые монеты из древнегреческих колоний.
- Илл. 75. Плита с изображением Деметры в расписном склепе. Курган Большая Близ-ница, Прикубанье, IV в. до н.э.
- Илл. 76. Деталь бронзовой греческой чаши с антропоморфной скульптурой. «Частые курганы», курган № 1 (раскопки ВУАК).
- Илл. 77. Греческая чаша для вина (килик) с процарапанной греческой надписью. Ольвия, V в. до н.э.
- Илл. 78. Ваза с женским лицом. Ольвия, V в. до н.э.
- Илл. 79. Пантикапейская золотая монета с изображением Митридата VI Евпатора. II в. до н.э.
- Илл. 80. Роспись плафона в склепе Паитикапея. I в. н.э.
- Илл. 81. Роспись склепа в Пантикапее со сценой конного сражения. II в. н.э.
- Илл. 82. Мраморная греческая скульптура в Северном Причерноморье: а) голова бога (предположительно, Зевс Сотер или Асклепий). Ольвия, IV в. до н.э.; б) Афродита Таманская. Кепы, IV в. до н.э.
- Илл. 83. Надгробная стела. Пантикапей, I-II вв. н.э.
- Илл. 84. Скифские детские игрушки. Глина. I тыс. до н.э.
- Илл. 85. Одежда знатной скифской женщины. Реконструкция Л.С. Клочко, художник П.Л. Корниенко. Курган Толстая Могила.

388

СПИСОК ИЛЛЮС-

- Илл. 86. Одежда скифского юноши по материалам кургана № 8 у с. Пески Николаевской обл. Реконструкция Л.С. Клочко, художник П.Л. Корниенко.
- Илл. 87. Жилища степных скифов (юрты на повозках, полужемлянки и наземные дома).
- Илл. 88. Бронзовые литые котлы скифов.
- Илл. 89. Скифские конные воины в панцире. IV вв. до н.э. Реконструкция Д. Шевчука.
- Илл. 90. Скифский пеший воин: а) реконструкция Д. Шевчука; б) реконструкция М. Горелика.
- Илл. 91. Скифский конный воин. Реконструкция М. Горелика.
- Илл. 92. Элементы конской узды (из курганов у с. Колбино): а) бронзовые нащечник^ в виде головы волка, курган № 10; б) роговые псалии с резным изображением головы лося курган № 8; в) реконструкция конской узды по

- материалам «Частых курганов» (по П.Д. Либерову); г) серебряные псалии, курган № 26; д) бронзовый налобник в виде головы хищной птицы, курган № 4; е) серебряный конский налобник в виде головы грифона, курган № 3
- Илл. 93. Образцы железных наконечников копий из курганов у с. Колбино. V-IV вв до н.э.
- Илл. 94. Образцы железных наконечников дротиков из курганов у с. Колбино.
- Илл. 95. Золотая обкладка ножен меча со сценой битвы греков с варварами. Курган Чертомлык, IV в. до н.э.
- Илл. 96. Скифские мечи. V-IV вв. до н.э.
- Илл. 97. Золотая пластина горита. Пятибратный курган № 8, IV в. до н.э.
- Илл. 98. Золотая бляха в виде пантеры. Курган у ст. Келермесской, VII в. до н.э.
- Илл. 99. Золотая бляха в виде оленя. Курган у ст. Костромской, VII-VI вв, до н.э.
- Илл. 100. Фигура пантеры. Золото. Курган у с. Келермесской, VII в. до н.э.
- Илл. 101. Серебряное зеркало. Курган у ст. Келермесской, VII в. до н.э.
- Илл. 102. Сцены терзания с серебряной вазы. Курган Чертомлык.
- Илл. 103. Золотая оковка деревянного сосуда со сценой терзания (лев терзает горнозуб козла). Курган № 8 группы курганов «Семь братьев», V в. до н.э.
- Илл. 104. Роговой псалии с изображением голов кабана и волка. Курган № 4 у с. Терновое, IV в. до н.э.
- Илл. 105. Изображение медведя на предметах из курганов скифского времени со Среднего Дона. Конец V-IV вв. до н.э.
- Илл. 106. Золотая фигурка кабана. Курган Хомина Могила, IV-III вв. до н.э.
- Илл. 107. Бронзовые конские нащечники с изображением волка. Курган № 10 у с. Колбино.
- Илл. 108. Изображение фантастического хищника на предметах из курганов скифского времени со Среднего Дона, IV в. до н.э.
- Илл. 109. Бронзовая бляха с изображением свернувшегося в кольцо хищника. Курган Кулаковского, Крым, V в. до н.э.
- Илл. 110. Костяные фигуры хищной птицы и кошачьего хищника. Курган у Темир Горы, Крым, VII в. до н.э.
- Илл. 111. Изображение оленя и лося в искусстве скифского времени на Среднем Дону.
- Илл. 112. Каменное скифское изваяние. Одесская обл., V в. до н.э.
- Илл. 113. Золотые серьги в виде богини Кибелы. Курган № 10, погребение №3 ; с. Б. Знаменка, Запорожье, IV в. до н.э.
- Илл. 114. Золотая пластина с изображением скифского божества. Соболева Могила Днепропетровская обл., IV в. до н.э.
- Илл. 115. Бронзовое навершие предположительно с фигурой бога Папая-Зевса. Лысая Гора (случайная находка), Днепропетровская обл., IV в. до н.э.
- Илл. 116. Папай-Зевс с бронзового навершия. IV в. до н.э. Деталь.
- Илл. 117. Золотые бляшки с изображением Геракла: а) Курган Чертомлык; б) Курган Куль-Оба.
- Илл. 118. Костяная пластина с изображением битвы героя с чудовищем. Курган «Гайманова Могила».
- Илл. 119. Золотая бляшка с изображением крылатой богини. IV в. до н.э. (место находки неизвестно).
- Илл. 120. Серебряный ритон с головой быка из Ирана (Ахеменидский период). Курган № 1 у с. Филипповка, Оренбургская обл., V-IV вв. до н.э.
- Илл. 121. Деревянное украшение конской узды. Курган № 1, Туэкта, Алтай, VI в. до н.э.
- Илл. 122. Бронзовое греческое зеркало из Ольвии с фигурой пантеры на рукоятке. Случайная находка. Роменский район Сумской обл., VI в. до н.э.
- Илл. 123. Фигурка египетского бога Беса. Известняк. Случайная находка. Горный Алтай, V-IV вв. до н.э.
- Илл. 124. Золотая пектораль с фигурами зверей. Курган Аржан-2, VII в. до н.э.
- Илл. 125. Женский кинжал с золотой рукоятью. Курган Аржан-2.
- Илл. 126. Деревянная фигура оленя, обложенная золотым листом. Курган № 1 у с. Филипповка, Оренбургская обл., IV в. до н.э.
- Илл. 127. Каменные изваяния воинов-предков. Урочище Байте III, Казахстан.
- Илл. 128. Золотая бляха в виде оленя. Курган № 5, Чиликта, VI в. до н.э. (раскопки С.С. Черникова).
- Илл. 129. Реконструкция костюмов мальчика (курган № 2, могильник Ак-Алах-1) и мужчины (курган № 1, могильник Верх-Кальджин-2) реконструкция Е.В. Шумаковой, рисунок — Д.В. Позднякова.
- Илл. 130. Женский головной убор-парик. Курган № 1, Ак-Алах-3, Укок. Реконструкция Е.В. Шумаковой, рисунок Д.В. Позднякова.
- Илл. 131. Вскрытие мумии женщины. Курган № 1, Ак-Алах-3, Укок.
- Илл. 132. Образцы татуировок на мумиях из Пазырыка и Укока.
- Илл. 133. Каменная плита с изображением человека и лошади. Курган Аржан-2, VII в. до н.э.
- Илл. 134. Золотая шпилька с навершием в виде оленя. Курган Аржан-2, VII в. до н.э.
- Абаев В.И., лингвист 122
- Агамемнон, миф. царь 176
- Агар, скифский царь 194, 247
- Агаст, скифский царь 192
- Агафирс, миф. скифский герой 113, 301
- Акишев К.А., археолог 357
- Александр Македонский 148, 149, 150
- Алексеев А.Ю., археолог 10, 34, 99, 116, 248, 313

Алексеева Т.И., антрополог 85 Аминта II, царь Македонии 148 Аммиан Марцеллин, римский историк 84, 257, 316
Амон, др.-египетский бог 342 Анахарсис, скифский царевич 182,184, 247, 302
Анахита, персидская богиня 312 Апам Напат, зороастрийское божество 319 Апи, скифская богиня 304, 308, 310
Аполлон, др.-греческий бог 190, 302, 304, 330, 331
Врач (Спаситель) 193 Дельфиний 186 Аполлоний Родосский 206 Апраксин П.Н., граф 68 Аргимпаса, скифская богиня 304, 308, 310, 312, 325
Ардашир, персидский царь 244 Арей (Арес), скифский бог 236, 251, 299, 302, 304, 313-314, **320, 325**

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Ариант, скифский царь 302 Ариапиф, скифский царь 147, 181, 247 Аристей, др.-греческий поэт и путешественник 290, 329-332, 343 Арпоксай, миф. скифский герой 112 Арриан Флавий, др.-греческий историк 207 Артамонов М.И., археолог 36, 108, ПО, 232, 278, 299
Артемиды, др.-греческая богиня 312 Асархаддон, ассирийский царь 129, 130, 242 Астарта, др.-финикийская богиня 312 Атей, скифский царь 147-148, 150, 153, 207, 232, 234,246, 247, 249, 250, 257,315,316,318 Афина, др.-греческая богиня 20, 319 Афродита Небесная (Урания), др.-греческая богиня 302, 304, 310, 312, 313, 325 Ахилл, др.-греческий герой 19, 26-27, 41, 42, 48, 175, 189, 195
Ахурамазда, зороастрийский бог 244, 245 Ашвины, индийские божества 324 Ашик А., археолог 26
Б
Балуева Т.С., антрополог 126 Бандуровский А.В., археолог 146 Березуцкий В.Д., археолог 80 Бес, др.-египетский бог 341-342 Бессонова С.С., археолог 301, 328 Бидзиля В.И., археолог 49, 50 Бобринский А.А. 66
Болтрик Ю.В., археолог 34, 248, 249, 250
Бонар А., историк 172
Боровка Г.И., археолог 24, 263, 278
Брашинский И.Б., археолог 27, 170, 192
В
Вайю, индийский бог 313
Вайюг, осетинский бог 314
Вакх, др.-греческий бог 51, 182. *См. также*
Дионис
Варуна, индийский бог 318, 319 Веретрагна, иранский бог 286, 293 Веселовский Н.И., археолог 24, 32, 39, 249, 272
Веста, римская богиня 306 Вий, славянский бог 314 Виноградов Ю.Г., историк 184
Гаврилюк Н.А., археолог 209, 218, 226, 230
Гскатей, др.-греческий историк 60
Гелон, миф. герой 113, 301
Гера, др.-греческая богиня 319
Геракл, др.-греческий герой 79, 113,176,270, 299,301,302, 304, 308,314,315,316, 317, 318, 326, 341
Герасимов М.М., антрополог 126, 365 Геродот, др.-греческий историк 26, 38, 60, 70, 71, 81, 82, 84, 102, 108, 112, 113, 117, 124, 129, 132, 139, 140, 142, 144, 154, 158, 165, 176, 181, 182, 184 Гесиод, др.-греческий поэт 206 Гестия, др.-греческая богиня 302, 304, 306-308, 309
Гефест, др.-греческий бог 20 Гея, др.-греческая богиня 182, 302, 304, 310, 319
Гиппократ, др.-греческий врач 60, 203 Гиршман Р., историк 286 Гнур, скифский царь 247 Гойтосир, скифский бог 304 Гомер, др.-греческий поэт 206, 209 Городцов В.А., археолог 71, 78 Траков Б.Н., скифолог 12, 36, 38, 71, 108, 110, Мб, 165, 292, 299, 328, 340, 341 Грин П., историк 148 Грум-Гржимайло, путешественники 372 Грязное М.П., археолог 223, 273, 361 Гумбольдт, путешественник 344

Д

Дарий I Гистасп, персидский царь 112, 138-140, 142-144, 146, 231, 232, 239, 246, 251, 302,317,324, 352, 354 Деметра, др.-греческая богиня 198, 200, 319
Черная Деметра 319 Демосфен, др.-греческий оратор 194 Диодор Сицилийский, др.-греческий историк 117, 154, 158
Дион Хризостом, др.-греческий философ 188 Диоскуры 324 Диофант, полководец 180 Добровольская М.В., антрополог 85, 86 Дьяконов И.М., историк 242 Дюбрюкс П., археолог 18, 23

Евмел, боспорский царь 196 Елагина Н.Г., археолог 232, 299

Ж

Жебелев С.А., историк 232, 319

Забелин И.Е., археолог 202

Забелин И.Е., историк 24, 26, 27, 39

Замятнин С.П., археолог 71

Захаров А.А., археолог 341

Зверев С.Е., археолог 62

Зевс, др.-греческий бог 244, 246, 301, 302,

304, 308-310, 314, 316 Зопирион, полководец 150-151, 152, 186 Зуев В.Ю., археолог 116

И

Иданфирс, скифский царь 142, 143, 246, 247,

251, 308, 324, 354 Иессен А.А., археолог 162 Инанна, шумерская богиня 312 Индра, индийский бог 314

Ифигения, миф. героиня 176 Ишпака (Ишпакай), скифский царь 129, 246 Иштар, ассиро-вавилонская богиня 312

К

Каллистов Д.П., историк 232 Карейша Д., археолог 26 Киаксар, мидийский царь 130, 132

Кибела, фригийская богиня 66, 269, 270,

312

Кир, персидский царь 353-354 Книпович Т.Н., археолог 166 Козлов П.К., путешественник 372 Колаксай, миф. скифский герой 112, 246,

251, 301, 308, 323 Копылов В.П., археолог 170 Крыжицкий С.Д., археолог 193 Ксеркс, персидский царь 319

Ктесий, др.-греческий историк 358 Кузьмина Е.Е., археолог 328 Куликан У., историк 135 Курций Руф, римский историк 152

Л

Лаппо-Данилевский А.С., историк 232

Лебединская Г.В., антрополог 126

Левкой I, боспорский царь 193

Леус П., археолог 374

Либеров П.Д., археолог 70, 71, 72, 75, 283,

276, 284, 291, 292 Лик, скифский царь 247 Липоксай, миф. скифский герой 112 Литвинский Б.А., археолог 319

Лукиан, др.-греческий писатель 21, 146, 194

М

Мавродин В.В., историк 128

Мадий, скифский царь 130, 246

Мазда, иранский бог 318, 319

Макаренко Н.Е., археолог 63, 64, 65, 66, 71, 291

Макробий, античный автор 152, 186

Марченко К.К., археолог 156, 157, 170

Мачинский Д.А., археолог 328

Медведев А.П., археолог 80

Медуза Горгона, др.-греческая богиня 20, 66, 319

Мельгунов А.П., генерал, глава Новороссийской губернии 17

Мелюкова А.И., археолог 12, 36, 254, 299

Миллер В.Ф., лингвист 122

Миннз Э., археолог, историк 278, 338

Митридат VI Евпатор, понтийский царь 180, 187, 196, 198

Мозолевский Б.Н., археолог 51, 54, 55, 56, 60

Молев Е.А., историк 186, 190

Молодин В.И., археолог 223

Мурзин В.Ю., археолог 107, 112, 114, 137

Н

Надеждин Н., историк 336, 338

О

Октамасад, скифский царь 182, 247, 249 Ольховский В.С., археолог 296, 355 Орик, скифский царевич 247, 249

Осирис, др.-египетский бог 342

П

Палак, скифский царь 126, 239

Папай, скифский бог 244, 245, 304, 306-308

Партатуа (Бартатуа, Прототий), скифский

царь 129, 130, 246 Парцингер Г., археолог 376 Переводчикова Е.В., археолог 262, 266 Перикл, др.-греческий

стратег 184 Перисад I, боспорский царь 193, 194, 196 Петренко В.Г., археолог 12, 138 Петрушевский И.П.,

историк 240 Пиотровский Б.Б., археолог 274, 280, 374 Плано де Карпини, путешественник 223 Плутарх, др.-греч. писатель и историк 146,

147, 184, 320 Полосьмак Н.В., археолог 222, 223, 362, 365,

373

- Помпоний Мела, римский историк 345 Попова Е.А., археолог 299 Посейдон, др.-греческий бог 304, 318-319
Пракситель, др.-греческий скульптор 196 Пржевальский Н.М., путешественник 373 Протогсн, др.-греческий богатый горожанин 186-187
Псамметих I, фараон 129, 132 Псевдо-Плутарх, др.-греческий историк 84 Птолемей, узурпатор 148 Пузикова А.И., археолог 79, 80, 284 Пшеничнюк А.Х., археолог 349
Равдоникас В.И., археолог 232
Раевский Д.С., историк, археолог 260, 299, 308, 326, 327 Разуваев Ю.Д., археолог 81
Ростовцев М.И., археолог 24, 34, 36, 68, 70, 71, 94, 202, 232, 234, 236, 238, 239, 244, 261, 274, 277, 278, 280, 361
рубрук В., путешественник 204, 240
Руденко С.И., археолог 223, 361
Руса I, урартский царь 122
Савлий, скифский царь 247 Сайтафарн, скифский царь 179, 186 Сатир I, боспорский царь 193, 194 Семенов-Зусер С.А., археолог 232 Сергеев Г.П., археолог 152 Синюк А.Т., археолог 80 Скил, скифский царь 175, 181, 182, 184, 247 Скилур, скифский царь 126, 180, 187, 239 Скиф, миф. скифский герой 113, 301 Скопас, др.-греческий скульптор 196 Скопасис, скифский царь 142, 251 Смирнов А.П., археолог 36, 128 Смирнов К.Ф., археолог 158 Спаргапейт, скифский царь 247 Спаргапис, массагетский царевич 353 Спарток, боспорский царь 193 Спартокиды, династия боспорский царей 193, 194, 196
Спасский Г.И., нумизмат 341 Спицын А.А., археолог 63, 65, 71, 76, 168, 291
Стемпковский, И.А., археолог 18 Субботин А.В., археолог 156
Табити, скифская богиня 302, 304, 306, 308 Тагимасад, скифский бог 304, 318-319 Таксакис, царь 142, 251
Таргитай, герой-прародитель скифов 79, 80, 112, 244, 299, 301, 304, 314, 315, 326, 327, 328
Тацит Корнелий, римский историк 81 Тевяшов В.Н., археолог 63 Тсреножкин А.И., археолог 12, 36, 39, 40, 42, 49, 54, 108, 110, 112, 114, 204, 232, 236, 238, 239, 280
Терес, фракийский царь 147 Тешуб, хеттский бог 314 Тиштрия, зороастрийский герой 319
Токарев С.А., этнограф 322 Тор, скандинавский бог 314 Томирис, массагетская царица 352-354 Тревер К.В., искусствовед 274
Уваров А.С., археолог 341
Умин-ван, правитель династии Чжоу 224
Ф
Фармаковский Б.В., археолог 277 Фессалоник Евстафий, архиепископ 122 Фетида, др.-греческая богиня 20, 27, 28 Фиалко Е.Е., археолог 248, 249, 250 Фидий, др.-греческий скульптор 196 Филипп II, царь Македонии 146, 147, 148-150, 170, 207
Фронтин, др.-греческий историк 146 Фукидид, др.-греческий историк 242
Хазанов А.М., археолог 238 Хенниг Р., географ 332 Хицунов П.И., археолог 44, 45
Ц
Цец, византийский писатель 330
Черненко Е.В., археолог 136, 144, 146, 251 Черников С.С., археолог 345, 359, 360, 361
Чингисхан 238
Ш
Шелов Д.Б., археолог 146 Шилов В.П., археолог 44, 46 Шоков А.Ф., историк 70 Шульц П.Н., археолог 299
Эдинг Д.Н., археолог 277
Эминак, скифский царь 315, 316, 317
Эсхил, др.-греческий драматург 220, 338
Ю

Юпитер, др.-римский бог 308 Юстин, римский историк 146, 152

УКАЗАТЕЛЬ ТОПОНИМОВ, ЭТНОНИМОВ И АНТРОПОНИМОВ

Азия

- Передняя 124, 127, 128, 138, 242, 250, 277, 280, 301, 302, 308, 310
Средняя 116, 125, 280, 292, 346, 366
Центральная 116, 278, 301, 332 Азовское море 234, 238 Ак-Алах могильник (плато Укок, Алтай) 224, 365-370 Александрополь, курган 153, 226, 248, 249, 250, 291, 293, 328 Алтай 117, 228, 260, 332, 334, 343, 344, 345, 362
Восточный 346, 361
Горный 222, 224, 225
Южный 362 Аму-Дарья, р. Си. Араке Ананьинская культура 283, 284, 286 андрофаги 337

Араке (Сыр-Дарья), р. 114, 117, 242, 353 Аральское море 356 аргиппеи 337, 338, 340 Аржан, могильник (Тува) 112, 117, 273, 280
Аржан-1 379, 381
Аржан-2 344, 348, 374, 376, 378, 379, 381 аримаспы 290, 331, 337, 340, 344, 345, 346 Аскалон, г. 132, 312 Ассирия 10, 120, 127, 128, 129, 130, 131, 132, 138, 291
Астрахань, г. 343 Афины, г. 193-194, 194 Ашшур 133
Байте, святилища (плато Усть-Урт, Казахстан) 354-356
Березань, остров и поселение 162, 163, 164, 166, 168, 186, 332, 342
Бис-Оба, урочище (близ Орска) 340
Большая Близница, курган (Тамань) 194, 198
Борисфен (Днепр) 165, 214, 301, 336, 337
Боспор Киммерийский (Керченский пролив) 146, 159, 171, 176, 178, 180, 189, 190, 192, 193, 194, 196, 198, 200
Боспорское царство. Греко-варварское государство в Северном Причерноморье (Крым, Тамань)
Буг, р. 164, 336. *См. также* Гипанис Южный 162, 163
Будины 337, 338
Бузулук, г. 343
В
Вавилон, г. 133, 291
Вавилония 10, 127, 132
Венгрия 340
Верх-Кальджин-2, могильник (Пазырыкская культура, плато Укок) 224, 366 Верхний Рогачик, курган 291 Волга, р. 158, 338 Ворскла, р. 166 Восток Ближний 251, 273, 280, 312
«Гайманова Могила», курган (Запорожская обл.) 24, 38, 49-54, 104, 195, 220, 226, 255, 317
Гамир, страна 122
Гераклея Понтийская, г. 171, 178, 218
Гинанис (Буг), р. 164, 165
гипербореи 304
готы 158
Греция 290, 301, 319
грифы, миф. народ 332, 337, 345
гунны 158, 239

Д

дандарии 190
Делос, остров и метрополия 171
Джерара 133
Джунгария 338, 347
Диоскурия, г. 162
Днепр, р. 158, 162
Нижний 158 Днестр, р. 84, 158 Добруджа *См. «Малая Скифия»* Дон, р. 82, 153, 154-155, 156, 157, 166, 190, 236, 238, 239, 337, 340, 346. *См. также*
Танаис
Верхний 338
Нижний 60, 96, 154, 253, 294
Средний 60, 81, 84, 85, 94, 156, 253, 254, 282, 283, 284, 288, 293, 294 Донец 234 Дунай, р. 190, 236, 239
Нижний 238 Дуровка, дер. 291, 293
Европа
Восточная 114, 116, 125 Египет 196
Елга, курган (Бузулукский район) 340 Елизаветовское городище 44, 155, 170, 192, 258

Ж

Желтокаменка, курган 226
Закавказье 124, 127, 268
Зивие (Саккыз) 134, 135, 136, 242
Золотая Орда 236
«Золотой курган» из Чиликты (Казахстан) 358-361

И

иирки 337, 340
Ильинцовский курган 48
Ингулец, р. 165
ионийцы 170
Иония 277
Иран 245, 280
Иранский Курдистан 133

иранцы 244
Исеть, р. 332, 338
исседоны 100, 331-334, 337
Иссетия 332
Иссык, курган (близ Алма-Аты) 356-358
Истр, р. 102
Истрия, г. 162
К
Кавказ 133, 138, 190, 250, 314
Северный 128, 133, 236, 253, 255, 267, 340 Казахстан 116, 117, 125, 332, 344, 356, 366, 371 Каменское городище (Запорожская обл.) 38, 170, 215, 216, 217, 218, 219, 307 Кара-абызская культура 284 Карагодеуашх, курган (близ ст. Крымской, Кубань) 244 Карпаты 238 Кархемиш 133 Каспийское море 350 Келермес 246, 269 Келермесский могильник (Прикубанье) 116, 136, 267, 269, 270, 272, 273 Кепы, г. 170 Керченский п-ов 26 киммерийцы 110, 114, 117, 118-124, 192, 331 Китай Северный 116 Колбино, могильник 88-98, 255, 284, 286, 294, 361 Колхида 162, 176 Корсуковский клад (Прибайкалье) 116 Костромская станица 267 Костромские курганы 272 Краснокутский курган 226 Красный Подол, курганы (около Каховки) 255 Крым 234, 243, 253, 299, 310 Северо-Западный 180 Крым (Таврида) 154, 158, 176 Куль-Оба, курган (Керченская обл.) 10, 18, 20, 21, 22, 25, 26, 30, 33, 34, 38, 42, 60, 101, 157, 194, 195, 220, 255, 284, 291, 315, 317, 318 курган близ ел. Криворожье (р. Калитва) 168 курган на р. Цуцкан (близ Хопра) 168 курган у г. Константиновска-на-Дону 276 курган у с. Гладковщина (Черкасская обл.) 252 курган у с. Константиновка 276 курган у станицы Костромской 272 курганные комплексы на правом берегу Нижнего Дона 155 курганы Ак-Алах (плато Укок) 364-365 курганы аула Уляп (Ульский аул, Адыгейская АО) 272 курганы у Джанкоя (с. Филатовка) 166 курганы у Ново-Розановки (Николаевская обл.) 255 курганы у с. Филипповка 349-351 курганы у Темир-горы (близ Керчи) 166, 276 курганы «царские» 49, 244, 248, 249
Л
Левка (Змеиный), о. 28, 175 Лесостепь 156 лидийцы 224 Липецкая обл. 338 Литой курган («Червоная могила») 18 Лысяя Гора, городище (Запорожская обл.) 214, 220
М
Македония 152
Малая Азия 81, 196
«Малая Скифия» (Добруджа) 154, 158
Манна, страна 133, 134
массагеты 98, 117, 118, 343, 350-352, 352, 356
Мастюгино, с. (Воронежская обл.) 70, 168
Мастюгинские курганы 63-66, 70, 72-74
меланхлены 38, 337
Мелитопольский курган 38, 39-44, 48, 226
Мельгуновский («Литой») курган 136, 246
Меотида (Азовское море) 154, 155, 170, 204
меоты 175, 178, 190
мидийцы 232
Мидия 10, 127, 128, 132, 139, 291
Милет, г. 161, 170, 180, 190
Минусинская котловина 116
Могильник у с. Старый Мерчик (Харьковская обл.) 96
Могильник у с. Терновое (Воронежская обл.) 85-86
монголы 238
Монголия 116, 283, 371 Северная 117
Мосул, г. 133
Н
Нагорье 258
Неаполь Скифский, г. 180, 207
невры 336
Немировское городище (Южный Буг) 163, 164, 165, 166 Нимфей, г. 170, 193 Ниневия, г. 130, 132 Повозаведенное, курганы (Кавказ) 246 Ноин-Улинские курганы 223
О
Огуз, курган 24, 38, 153, 171, 194, 248, 249

Одрисское царство 147
Олонештский клад (Молдавия) 151
Ольвия, г. 151, 152, 158, 163, 168, 170, 174, 175, 178, 179, 180, 181, 183, 186, 187, 188, 189, 196, 198, 257, 259, 281, 292, 301, 302, 332, 334, 336, 340, 341, 342, 343, 347
Оренбург, г. 343
Орск, г. 343
П
Пазырыкская культура (Алтай) 222, 346 Пазырыкские курганы (Алтай) 223, 361-362, 363-365
пазырыкцы 117, 368, 371-372, 373-374 Палестина 128, 129, 131, 133 Пантикапей (Керчь), г. 28, 66, 170, 174, 180, 189, 190, 191, 192, 193, 194, 195, 196, 198, 218, 281, 347 Пекшевское городище 80 Пензенская обл. 340 Первомаевка, поселение 214 Перепятиха, курган (Украина) 116 Передериева Могила, курган 220 Пермь, г. 342
Персидское царство 246
Персидская империя Ахеменидов 234
Персия 346
персы 224, 232
Побужье 164
Поволжье 84, 108, 110, 284, 290, 293, 340, 348, 350
Среднее 340 Поднепровье 165
Левобережное 294
Нижнее 154 Подонье 61, 156, 166, 168
Нижнее 154, 156 Иодунавье 150, 282 Полтавщина 234 Понт Эвксинский (Черное море) 161-162, 170
Понтийское царство 180, 188 Предкавказье 273, 276 Приазовье 84, 168
Северное 170 Приднепровье 154, 226, 273
Лесостепное 218, 246, 253, 254 Прикамье 283, 290, 340 Прикубанье 190, 236, 299, 346 Приуралье 84, 284, 290, 294
Западное 340
Южное 158 Причерноморье 128, 189, 196
Западное 147
Северное 34, 36, 84, 99, 108, 110, 112, 113, 118, 119, 124, 125, 133, 136, 138, 144, 154, 157, 159, 160, 162, 164, 166, 170, 174, 175, 176, 178, 180, 189, 192, 198, 203, 206, 207, 215, 217, 224, 230, 246, 252, 261, 280, 301, 320, 334, 340, 346, 347, 352, 356 Проконес, г. 329 псессы 190
Пятибратний курган. См. «Пять братьев» «Пять братьев», курганы (район х. Колузаево, Дон) 26, 44-49, 96
Рипейские (Уральские?) горы 304, 345
С
савроматы 70, 81-84, 100, 154, 155, 156, 157, 340, 342, 347-349
саки 100, 117, 356, 358, 366
Самарканд 317
Самос, о. 168
Саратов 343
сарматы 118-119, 154, 158, 175, 179, 190, 204
Сибирь 278, 301, 332, 337, 338, 347
Западная 332, 337
Южная 115, 277 синды 178, 190 Синопа, г. 161
Синьцзянь (Северный Китай) 116 Сирия 129, 133 Скифия 34, 36, 38, 70, 138, 139, 140, 144, 146, 150, 151, 152-154, 155, 156, 162, 194, 196, 230
Великая 146, 152, 153, 156, 158, 214, 232, 244, 247, 282
Приднепровская 38, 96 скифская культура 114, 114-117 скифская орда 230 скифские курганы Среднего Дона 94 скифское государство 232-239 скифы 99-100, 112, 117, 117-118, 122, 124-127, 174, 178, 188, 225, 232, 356
власть 243-246, 246-248
внешность 126
вооружение 251-252, 254-259
государственное устройство 202-203
жилище 219-220
земледелие 214-215
изображение 21
одежда 220-225
пища 226-230
погребальный ритуал 206
политическое устройство 239-243

прародина 117
происхождение 34, 107-117, 232, 381 автохтонная гипотеза 108, 114, 117 античные легенды 112-114
переднеазиатская гипотеза 108 центральноазиатская гипотеза 108-110, 114, 116
ремесло 215-219
сакральность власти 296
утварь 225-226
царские 26, 239, 243, 246, 302, 304, 319, 337
язык 126 скифы-номады (кочевники) 100, 114, 124, 164, 373
склеп Анфестерия (Керчь) 200
склеп Деметры (Керчь) 200
Солоха, курган (район г. Никополь, Украина) 26, 32-34, 35, 37, 38, 40, 42, 51, 55, 103, 195, 248, 249, 255, 291, 293, 318, 327
Среднедонская культура 70
Ставрополье 299
Стасовский склеп (Пантикапей) 200
Страшная Могила, курган 258
Субаши-3 (Синьцзян) 223
Сузы, г. 231
Сыр-Дарья, р. 350
сюнну 222
тавры 189
Таганрогское поселение 168, 192 Таманский п-ов 310 Тамань, г. 234, 346 Танаис (Дон), р. 82, 154, 155, 157
Танаис, г. 110, 207, 346 Таре, г. 133 Тарсус, г. 133 Тарым, р. 338
татаро-монгольские кочевья 238 Теос, г. 171, 178
Терновое, с. 258, 284, 286, 291, 292, 293 Тибет 332, 338 Тира, г. 170, 180
Толстая Могила, курган (район г. Орджоникидзе, Украина) 24, 38, 54-61, 207 Томск, г. 341 тореты 190
Трапезунт, г. 162
Трахтемировское городище (Днепр) 163 Тува 117, 374, 379
У
угро-финны 337
Укок, плато 362, 371, 372, 374
Украина 36, 60 Степная 253
Улан-Эрге, урочище (близ Астрахани) 340
Ульские курганы 272-273. *См. также* курганы аула Уляп
Ульский аул (Кавказ) 246
Урал 278, 332, 334, 337, 338, 347 Южный 350
Урарту 127, 128, 133, 135, 138, 268, 274, 291
Ф
Фанагория, г. 171 Фасос, г. 218 Феодосия, г. 170, 193 Фессалия 319 Филипповка, с. 349 Финикия 128, 135
фиссагеты 337 фракийцы 178, 190 Фракия 146, 149, 314 фригийцы 224
Хабен, крепость 180
Хазарское царство 234
хазары 236
Хакассия 278
Херсонес Таврический, г. 171, 174, 176, 180, 198
Хомина Могила, курган (Украина) 257
Ц
царские скифы. *См.* скифы царские Цимбалка, курган 226 «Цымбалова могила», курган 310
«Частые курганы», могильник (Воронежская обл.) 66, 67, 68, 69, 70, 78, 179, 195, 284, 286, 288, 291, 292
Черная Гора, курган (Оренбургская обл.) 343
Чернеча, поселение 214
Черное море 238
Чертомлык, курган (район г. Никополь, Украина) 15, 24, 26, 27, 29, 30, 33, 34, 38, 41, 42, 43, 48, 54, 55, 96, 98, 144, 153, 155, 195, 202, 207, 248, 249, 250, 318, 319
Чмырева могила, курган 291
Элам 231
Эллада 172, 176, 181, 189, 192, 196, 229
эллины 188
Ю
Юз-Оба, курган (близ Пантикапея) 194
Серия «Сокровенная история цивилизаций»
Валерий Иванович Гуляев
СКИФЫ:
РАСУВЕТ И ПАЛЕНИЕ ВЕЛИКОГО ЦАРСТВА
Выпускающий редактор *Е.В. Косолюбова*

Художественный редактор *С.Ю. Гордеева*
Компьютерная верстка *Н.С. Макогон*
Корректор *Л.А. Осипова*
Сдано в маор М.05.2005. Подписано и печать 15.08.2001)
Формат 70 x 90 /₁₆. Бумага офсмаи. Гарнитура «РсКТsburgCTT»
Усл. меч. л. 29,25. Тираж 2000 экз
Печать офсетная

Заказ № 528
Издательство «Алетейа». 115569, Москва, а/я 135.
Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

Давно растаяли в воздухе дымы скифских кочевий. Давно замолкли звуки песен и танцев в честь военных побед и великих богов. Скифская цивилизация и ее носители — скифы — исчезли в бездне времен более 2300 лет назад.

Скифы! Кто же они? Что мы знаем о них после двух с половиной веков интенсивных раскопок?

Внезапно появившись на исторической арене Европы в VII в. до н.э., эти воинственные и многочисленные кочевые племена, пришедшие откуда-то из глубин Азии, быстро захватили все Северное Причерноморье... Победоносная скифская конница прошла через горы Кавказа, разгромила ряд древних государств Передней Азии и угрожала даже Египту.

Непобедимый на протяжении почти четырех веков, этот многочисленный и воинственный народ так же внезапно и таинственно исчезает, оставив после себя лишь легенды о своей храбрости и жестокости да бесчисленные курганы с захоронениями рядовых воинов и могущественных царей.

В.И. Гуляев

